

ISSN (print) 2071-2405
ISSN (online) 2658-5235

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС

PHILOLOGICAL CLASS

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС

PHILOLOGICAL CLASS

filclass.ru

Том 28 • 2023 • № 2

Vol. 28 • 2023 • No. 2

Журнал основан в 1996 г. Выходит четыре раза в год
(март, июнь, октябрь, декабрь)

The journal comes out 4 times per year
(March, June, October, December)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ ФС 77-76120 от 24.06.2019

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Communications
(Roskomnadzor)

Certificate of registration of PI FS 77-76 120 dated 06/24/2019

Учредитель – ФГБОУ ВО «Уральский государственный
педагогический университет» (УРГПУ)
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

Founder – FSBEU HE “Ural State Pedagogical
University” (USPU)
620017, Ekaterinburg, 26 Kosmonavtov Ave

«Филологический класс» – рецензируемый научно-методический журнал, сферой интересов которого являются исследования в области литературоведения, лингвистики и методики преподавания данных дисциплин в вузе и школе. Задача журнала – сблизить академическую науку с практической деятельностью педагога и обозначить представление о российском филологическом и педагогическом дискурсах в пространстве мировой науки. Приоритетными являются публикации, в которых исследуются новые литературные и корпусные источники, рассматривается внедрение новых образовательных технологий, выполняется требование академизма, научной объективности и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте издания и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: filclass.ru

Philological Class is a peer reviewed scholarly and methodological journal publishing research findings in the field of literary studies, linguistics and methods of teaching these disciplines at higher and secondary school. The task of the journal is to bring academic research closer to the practical activity of a pedagogue and to outline the image of the Russian philological and pedagogical discourses in the global academic space. Priority is given to publications which focus on new literary and corpus sources, study the issues of implementation of new educational technologies, and comply with the requirements of academic objectivity and polemic nature. Articles in Russian, English, German and French are accepted for publication in the journal. A full-text version of the journal is available open access on the journal site and in the Russian Science Citation Index (RSCI) at the scientific electronic library platform. Complete information about the journal and author guidelines can be found on the web site filclass.ru

Журнал индексируется в Web of Science, ERIH PLUS,
SCOPUS

The journal indexing: Web of Science (ESCI), ERIH PLUS,
SCOPUS

Входит в Перечень ВАК Министерства науки
и высшего образования Российской Федерации

The journal is included in the list of the lof the Higher
Attestation Commission of the Ministry of Science
and Higher Education of the Russian Federation

Подписка на журнал осуществляется по каталогу
«Пресса России». Подписной индекс издания 84587

The journal is included in the united catalog “Russian Press”,
Index 84587

Адрес редакции:
Уральский государственный педагогический университет.
Россия, 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26,
оф. 276

Editorial Board postal address:
Russia, 620017, Ekaterinburg, 26 Kosmonavtov Ave,
Office 276

E-mail: edit@filclass.ru

E-mail: edit@filclass.ru

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: Professor **Nina Petrovna Khriashcheva** (Russia, Ekaterinburg, USPU)

executive editor: Associate Professor **Ol'ga Aleksandrovna Skripova** (Russia, Ekaterinburg, USPU)

executive secretary: Deputy Director **Sumenkova Elena Mikhailovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU)

website administrator: **Anton Aleksandrovich Dolgov** (Russia, Ekaterinburg, USPU)

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

In folklore and the history of ancient Russian literature: Associate Professor **Lozhkova Tatiana Anatolyevna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the history of ancient Russian literature and the 18th century literature: Professor **Zyryanov Oleg Vasil'evich** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in the history of the 19th century Russian literature: Professor **Ermolenko Svetlana Ivanovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the theory of literature: Professor **Barkovskaya Nina Vladimirovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the history of the 20th–early 21st centuries literature: Professor **Snigireva Tat'yana Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in linguistics and methods of its teaching: Professor **Chudinov Anatoly Prokopevich** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the theory of language and speech communication: Professor **Dziuba Elena Vyacheslavovna** (Russia, Saint Petersburg, SPBSTU); in applied linguistics and interdisciplinary methods in philology: Professor **Mukhin Mikhail Yur'evich** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in the theory of foreign literature and English literary classics: Professor **Dotsenko Elena Georgievna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in contemporary British novel and translation issues: Professor **Sidorova Ol'ga Grigor'evna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in Business English: Dr. of Philology **Makarova Elena Nikolaevna** (Russia, Yekaterinburg, USUE); in German-language literature, Russian-German literary ties, imageology and literary translation: Doctor of Philology, Leading Researcher **Kudryavtseva Tamara Viktorovna** (Russia, Moscow, IMLI); in the history of French, typology and comparative linguistics: Professor **Lykova Nadezhda Nikolaevna** (Russia, Tyumen, TyumGU); in Romance linguistics and comparative pragmatics: Associate Professor **Erofeeva Elena Vladimirovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); on issues of a second foreign language: Associate Professor **Sokolova Olga Leonidovna** (Russia, Yekaterinburg, Institute of International Relations); in literary education technologies and teaching classical literature at higher and secondary school: Associate Professor **Alekseeva Mariya Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in methodology and methods of teaching modern literature at higher and secondary school: Associate Professor **Gutrina Liliya Dmitrievna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in modern education technologies and innovative processes in education: Professor **Mosina Margarita Aleksandrovna** (Russia, Perm, PSPU); in the theory and practice of teaching Russian in a polycultural environment of higher and secondary school: Associate Professor **Eremina Svetlana Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU)

EDITORIAL COUNCIL

Prof. **V. V. Abashev** (Russia, Perm, Perm State National Research University); Prof. **O. Y. Antsyferova** (Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg State University); Prof. **L. O. Butakova** (Russia, Omsk, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky); Dr. of Philology **O. M. Valova** (Russia, Kirov, Vyatka State University); Prof. **M. Weiskopf** (Israel, Jerusalem, Hebrew University of Jerusalem); Prof. **T. Victoroff** (France, Strasbourg, University of Strasbourg); Ph. **D. J. Gallo** (Slovakia, Nitra, Constantine the Philosopher University in Nitra); Ph. **D. A. Grominova** (Slovakia, Trnava, University of St. Cyril and Methodius); Prof. Emer. **H. Guenther** (Germany, Bielefeld, Bielefeld University); Prof. **E. Dobrenko** (Great Britain, Sheffield, University of Sheffield); Prof. **B. W. Dhooge** (Belgium, Ghent, Ghent University); Prof. **A. A. Zhitenev** (Russia, Voronezh, Voronezh State University); Prof. **G. M. Ibatullina** (Russia, Sterlitamak, Sterlitamak Branch of Bashkir State University); Cand. Sc. **A. A. Medvedev** (Russia, Tyumen, Tyumen State University); Prof. **O. N. Kondrat'eva** (Russia, Kemerovo, Kemerovo State University); Cand. Sc. **Kukulin I. V.** (Russia, Sankt-Petersburg, Higher School of Economics); Prof. **E. Y. Kulikova** (Russia, Novosibirsk, Institute of Philology of RAS, Sector of Literary Studies); Prof. **G. V. Kuchumova** (Russia, Samara, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev); Prof. **M. N. Lipovetsky** (USA, New York, Columbia University); Prof. **M. A. Litovskaya** (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University named after the First President of Russia Boris Yeltsin); Prof. **N. M. Malygina** (Russia, Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS); Prof. **G. Mikhaylova** (Lithuania, Vilnius, Vilnius University); Dr. of Philological Sciences **O. V. Nikitin** (Russia, Petrozavodsk, Petrozavodsk State University); Prof. **A. Pavlova** (Germany, Mainz, Johannes Gutenberg University); Prof. **G. Petkova** (Bulgaria, Sofia, Sofia University "St. Kliment Ohridski"); Prof. **I. Pospisil** (The Czech Republic, Brno, Masaryk University); Prof. **B. M. Proskurnin** (Russia, Perm, Perm State National Research University); Prof. **M. E. Rut** (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University); Dr. hab. **T. Szabó** (Hungary, Pécs, University of Pécs); Dr. hab. **A. Skotnicka** (Poland, Krakow, Jagiellonian University); Prof. **V. I. Tyupa** (Russia, Moscow, Scientific-Educational Center for Cognitive Programs and Technologies of RGGU); Prof. **T. V. Ustinova** (Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University); Prof. **P. Fast** (Poland, Katowice, University of Silesia in Katowice); Prof. **A. de La Fortelle** (Switzerland, Lausanne, University of Lausanne); Prof. **H. Jens** (Switzerland, Fribourg, University of Fribourg); Prof. **H. Robert** (Germany, Hamburg, University of Hamburg); Dr. of Philology **K. I. Sharafadina** (Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg Humanitarian University of Trade Unions)

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: проф. **Хрящева Нина Петровна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)

выпускающий редактор: доц. **Скрипова Ольга Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)

ответственный секретарь: зам. директора института **Суменкова Елена Михайловна**
(Россия, Екатеринбург, УрГПУ)

администратор сайта: **Долгов Антон Александрович** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

по фольклору и истории древнерусской литературы: доц. **Ложкова Татьяна Анатольевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ) по истории древнерусской литературы, литературы XVIII в.: проф. **Зырянов Олег Васильевич** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по истории литературы XIX вв.: проф. **Ермоленко Светлана Ивановна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по теории литературы: проф. **Барковская Нина Владимировна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по истории литературы XX – начала XXI вв.: проф. **Снигирева Татьяна Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по лингвистике и методике ее преподавания: проф. **Чудинов Анатолий Прокопьевич** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по теории языка и речевой коммуникации: проф. **Дзюба Елена Вячеславовна** (Россия, Санкт-Петербург, СПбПУ); по прикладной лингвистике и междисциплинарным методам в филологии: проф. **Мухин Михаил Юрьевич** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по теории зарубежной литературы, английской литературной классике: проф. **Доценко Елена Георгиевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по проблемам перевода, современному британскому роману: проф. **Сидорова Ольга Григорьевна** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по деловому английскому языку: д-р филол. н. **Макарова Елена Николаевна** (Россия, Екатеринбург, УрГЭУ); по немецкоязычной литературе, русско-немецким литературным связям, имагологии, художественному переводу: д-р филол. наук, вед. науч. сотрудник **Кудрявцева Тамара Викторовна** (Россия, Москва, ИМЛИ); по истории французского языка, типологии и сопоставительному языкознанию: проф. **Лыкова Надежда Николаевна** (Россия, Тюмень, ТюмГУ); по вопросам романского языкознания и сопоставительной прагматике: доц. **Ерофеева Елена Владимировна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по вопросам второго иностранного языка: доц. **Соколова Ольга Леонидовна** (Россия, Екатеринбург, Институт международных связей); по вопросам технологий литературного образования и преподавания классической литературы в вузе и школе: доц. **Алексеева Мария Александровна** (Россия, Екатеринбург, СУНЦ УрФУ); по методологии и методике преподавания современной литературы в вузе и школе: доц. **Гутрина Лилия Дмитриевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по вопросам современных образовательных технологий, инновационным процессам в образовании: проф. **Мосина Маргарита Александровна** (Россия, Пермь, ПГПУ); по теории и практике преподавания русского языка в поликультурной среде вуза и школы: доц. **Еремина Светлана Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет); проф. **О. Ю. Анцыферова** (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет); проф. **Л. О. Бутакова** (Россия, Омск, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского); д-р филол. наук **О. М. Валова** (Россия, Киров, Вятский государственный университет); проф. **М. Я. Вайскопф** (Израиль, Иерусалим, Еврейский университет в Иерусалиме); д-р филол. наук **Т. Викторофф** (Франция, Страсбург, Страсбургский университет); канд. филол. наук **Я. Галло** (Словакия, Нитра, Университета им. Константина Философа в Нитре); канд. филол. наук **А. Громинова** (Словакия, Трнава, Университет им. Св. Кирилла и Мефодия); профессор-эмеритус **Х. Гюнтер** (Германия, Билефельд, Билефельдский университет); проф. **Е. Добренко** (Великобритания, Шеффилд, Университет Шеффилда); проф. **Б. Дооге** (Бельгия, Гент, Гентский университет); д-р филол. наук **А. А. Житенев** (Россия, Воронеж, Воронежский государственный университет); проф. **Г. М. Ибатуллина** (Россия, Стерлитамак, Башкирский государственный университет); проф. **О. Н. Кондратьева** (Россия, Кемерово, Кемеровский государственный университет); канд. филол. наук **И. В. Кукулин** (Россия, Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ); проф. **Е. Ю. Куликова** (Россия, Новосибирск, Институт филологии СО РАН); д-р филол. наук **Г. В. Кучумова** (Россия, Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва); проф. **М. Н. Липовецкий** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **М. А. Литовская** (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина); проф. **Н. М. Малыгина** (Россия, Москва, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН); канд. филол. наук **А. А. Медведев** (Россия, Тюмень, Тюменский государственный университет); проф. **Г. П. Михайлова** (Литва, Вильнюс, Вильнюсский университет); д-р филол. наук **О. В. Никитин** (Россия, Петрозаводск, Петрозаводский государственный университет); проф. **А. Павлова** (Германия, Майнц, Майнцский университет им. Иоганна Гутенберга); д-р филол. наук **Г. Петкова** (Болгария, София, Софийского университета Св. Климента Охридского); проф. **И. Поспишил** (Чешская Республика, Брно, Университета им. Масарика); проф. **Б. М. Проскурнин** (Россия, Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет); проф. **М. Э. Рут** (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет); хабил. д-р **Т. Сабо** (Венгрия, Печ, Печский Университет); хабил. д-р **А. Скотницка** (Польша, Краков, Ягеллонский университет); проф. **В. И. Тюпа** (Россия, Москва, Научно-образовательный центр когнитивных программ и технологий РГГУ); д-р филол. наук **Т. В. Устинова** (Россия, Москва, Московский педагогический государственный университет); проф. **П. Фаст** (Польша, Катовице, Силезский университет); проф. **Фортель, де ля А.** (Швейцария, Лозанна, Лозаннский университет); проф. **Й. Херльт** (Швейцария, Фрибур, Фрибурский университет); проф. **Р. Ходел** (Германия, Гамбург, Гамбургский университет); д-р филол. наук **К. И. Шарафадина** (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENT

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

- 9 *Ильина Е.Н., Драчева Ю.Н.* Медиаобраз регионов в «Сказочной карте России»
- 22 *Колмогорова А.В., Залевская Е.Д.* Компьютерное моделирование как инструмент анализа художественного текста

ФИЛОЛОГИЯ И ЦИФРОВАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА

- 34 *Мухин М.Ю., Полякова И.Г.* Лексико-статистические и социолингвистические аспекты интервью на темы репродуктивного донорства
- 45 *Плотникова А.М.* Нейросеть как ключевое слово текущего момента
- 55 *Гончаренко И.Г.* Корпусные данные в разработке учебных словарей сочетаемости

АКТУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ: ИМЕНА И ТЕНДЕНЦИИ

- 69 *Бокарев А.С.* Психологический параллелизм в лирике С. Петрова и В. Блаженного
- 80 *Житнев А.А.* «Тыква» Е. Хорвата как книга художника
- 95 *Барковская Н.В.* Книга в арт-проекте Леонида Тишкова
- 105 *Темришина О.Р.* Заговорный код в лирике Егора Летова

СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ КЛАССИКИ

- 118 *Попова М.Ю.* Миф о грехопадении в творчестве Е. П. Ростопчиной
- 130 *Геронимус Е.М.* Переписка Л. Н. Толстого и А. И. Герцена как кульминационная точка их взаимоотношений

ПОЭТИКА ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 140 *Журавлева О.А.* Поэтика «средней линии» в романах В. Скотта
- 152 *Соколова Е.Н.* Лексика цвета в «Марсианских хрониках» Р. Брэдли
- 162 *Atlas A.Z.* Reinterpretation of Fairy Tales in Anne Sexton's Poetry
- 173 *Kotelevskaya V.V.* Bernhard und Jelinek: die Poetik „der endlosen Suaden“
- 186 *Kutschumova G.V.* Die Sprache der Entmythologisierung in E. Jelinek's Roman „Die Kinder der Toten“

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

- 194 *Osyanova O.M., Osyanova A.V.* Diagnostics of University Students' Lingua-Communicative Culture

CONCEPTIONS. PROGRAMS. HYPOTHESES.

- 9 *Ilyina E.N., Dracheva I.N.* Media Images of the Regions in the Project "Fairy-Tale Map of Russia"
- 22 *Kolmogorova A.V., Zalevskaya E.D.* Computer-Assisted Modeling as an Instrument for Fiction Text Analysis

PHILOLOGY AND DIGITAL HUMANITIES

- 34 *Mukhin M. Yu., Polyakova I. G.* Lexicostatistical and Sociolinguistic Aspects of Interviews on Reproductive Donation
- 45 *Plotnikova A.M.* 'Neuroset' as a Keyword of the Current Moment
- 55 *Goncharenko I.G.* Using Language Corpora in Building Learner's Combinatorial Dictionaries

MODERN POETRY: NAMES AND TRENDS

- 69 *Bokarev A.S.* Psychological Parallelism in the Lyrics of S. Petrov and V. Blazhenny
- 80 *Zhitnev A.A.* "The Pumpkin" by E. Horvat as an Artist's Book
- 95 *Barkovskaya N.V.* A Book in Leonid Tishkov's Art Project
- 105 *Temirshina O.R.* The Spell Code in Egor Letov's Lyrics

MODERN READING OF THE CLASSICS

- 118 *Popova M.Yu.* Myth of the Lapse from Virtue in the Works of E. P. Rostopchina
- 130 *Geronimus E.M.* The Correspondence between L. N. Tolstoy and A. I. Herzen as the Culmination Point of Their Relationship

POETICS OF FOREIGN LITERATURE

- 140 *Zhuravleva O.A.* The "Middle Ground" Poetics in W. Scott's Novels
- 152 *Sokolova E.N.* Color Vocabulary in "The Martian Chronicles" by R. Bradbury
- 162 *Atlas A.Z.* Reinterpretation of Fairy Tales in Anne Sexton's Poetry
- 173 *Kotelevskaya V.V.* Bernhard and Jelinek: The Poetics of "Endless Tirades"
- 186 *Kuchumova G.V.* The Demythologization Language in E. Jelinek's Novel "The Children of the Dead"

METHODS OF TEACHING PHILOLOGICAL DISCIPLINES

- 194 *Osyanova O.M., Osyanova A.V.* Diagnostics of University Students' Lingua-Communicative Culture

205 Makarova E.N., Goncharova N.A. Algorithm of Language Education at Non-Linguistic University

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

- 220 *Попова Г.Н., Трубицина Н.А.* Творческое наследие М. М. Пришвина в контексте современного гуманитарного знания (Итоги Всероссийской научной конференции «М. М. Пришвин в контексте современного гуманитарного знания» (3–4 февраля 2023 г.)
- 226 *Никитин О.В., Праведников С.П.* «Шевели мозговой извилиной». Рецензия на книгу: Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Крылатые слова диалогии Ильи Ильфа и Евгения Петрова («Двенадцать стульев» и «Золотой теленок»): словарь-справочник. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 312 с.
- 234 *Подлубнова Ю.С.* «Облака пока не побледнели...» (Рецензия на коллективную монографию «Борис Рыжий: исследования и материалы» / под ред. Н. Л. Быстрова и Т. А. Арсеновой. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2022. 448 с.)
- 240 *Сунцова Е.А.* Семиотика зримого: Рецензия на книгу Г. П. Козубовской «Русская литература и поэтика зримого» (Барнаул: АлтГПУ, 2021)

205 Makarova E.N., Goncharova N.A. Algorithm of Language Education at Non-Linguistic University

REVIEWS

- 220 *Popova G.N., Trubitsina N.A.* M. M. Prishvin's Creative Heritage in the Context of Modern Humanitarian Knowledge (Results of the All-Russian Scientific Conference "M. M. Prishvin in the Context of Modern Humanitarian Knowledge"
- 226 *Nikitin O.V., Pravednikov S.P.* "Rack Your Brains": A Review of the Book by Mokienko V. M., Sidorenko K. P. (2021) Popular Expressions in Ilya Ilf and Evgenii Petrov's Dilogy ("The Twelve Chairs" and "The Golden Calf"): An Explanatory Dictionary
- 234 *Podlubnova Yu. S.* "The Clouds Have Not Got White Yet..." (Review of Collective Monograph "Boris Ryzhy: Research and Materials" / edited by N. L. Bystrov and T. A. Arsenova. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyi Uchenyi, 2022. 448 p.)
- 240 *Suntsova E. A.* "Semiotics of the Visual": Review of the Book "Russian Literature and the Poetics of the Visual" by G. P. Kozubovskaya (Barnaul: AltSPU, 2021)

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

УДК 811.161.1'42:811.161.1'38. ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55
ГРНТИ 16.21.27. Код ВАК 5.9.8

МЕДИАОБРАЗ РЕГИОНОВ В «СКАЗОЧНОЙ КАРТЕ РОССИИ»

Ильина Е. Н.

Вологодский государственный университет (Вологда, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1797-8959>

Драчева Ю. Н.

Вологодский государственный университет (Вологда, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8709-3470>

А н н о т а ц и я . Статья посвящена изучению вербальной репрезентации брендированного образа локальной речевой культуры российских регионов. Материалом для анализа послужили регионально маркированные медиатексты, формирующие единый когнитивный образ «Сказочной карты России». Актуальность исследования обусловлена значимостью фольклорных образов для построения региональной идентичности и формирования имиджа территории в медиасреде. В статье представлены результаты сопоставительного анализа как традиционных фольклорных и сказочных образов (*Колобок*, *Дед Мороз*), так и созданных искусственно на основе авторских художественных произведений для поддержания региональных брендов (*Золотая Рыбка*, *Конек-Горбунок*). Научная новизна статьи связана с разработкой концепции медиатекста в формате культурной медиакарты, понятием медиаобраза локальной речевой культуры и лингвокогнитивным подходом к изучаемым явлениям. В результате лингвопрагматического и контент-анализа публикаций, связанных с медиапроектом «Сказочная карта России», авторы пришли к следующим выводам. Медиакarta представляет собой структурный и содержательный тип медиатекста, оформленный в виде гипертекста или, точнее, сверхмедиатекста и обладающий такими признаками, как нелинейность, целостность, сегментированность, иерархичность, открытость, вариативность. В современной медиасреде выделяется особая группа медиакарт – культурные медиакарты, т. е. сверхмедиатексты, тематически ограниченные региональной культурой и чаще всего обладающие лингвопрагматическими характеристиками трэвел-медиатекстов. Экстралингвистические причины привели к широкому распространению «нового мифотворчества» в этой сфере деятельности. В результате деятельности региональных сообществ, стремящихся привлечь внимание к туристическим достопримечательностям региона, изменяется когнитивное пространство региона, преломление которого в медиасреде можно рассмотреть в виде лингвокогнитивной модели – медиаобраза региона. В медиаобразе региона появляются ранее не свойственные ему или слабо актуализированные дополнения – литературные или фольклорные персонажи, отдельные черты региональной культуры (местная речь, одежда, ремесла и т. д.), новые ценности и смыслы. В результате происходит некоторая редакция стереотипных представлений о регионе, отдельных аспектов региональной идентичности, повышается ценность бренда, возможно, в ущерб более значимым образам.

Ключевые слова: лингвофольклористика; массовая коммуникация; локальная речевая культура; по-стфольклор; неомифология; медиаобраз; бренд; гипертекст

Для цитирования: Ильина, Е. Н. Медиаобраз регионов в «Сказочной карте России» / Е. Н. Ильина, Ю. Н. Драчева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 9–21.

MEDIA IMAGES OF THE REGIONS IN THE PROJECT “FAIRY-TALE MAP OF RUSSIA”

Elena N. Ilyina

Vologda State University (Vologda, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1797-895>

Iuliia N. Dracheva

Vologda State University (Vologda, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8709-3470>

Abstract. The article analyzes verbal representation of the branded images of the Russian regions local linguistic tradition. The material under analysis includes marked regional media texts which form a holistic cognitive image of the “Fairy-Tale Map of Russia”. The urgency of the study can be attributed to the significance of folklore images for the formation of the regional identity and the images of local territories in the media space. The article presents the results of the comparative analysis of both traditional folklore and fairy-tale images (*e.g. Kolobok, Ded Moroz*), and those specifically created on the basis of authored works of art to support regional brands (*e.g. Pushkin's Golden Fish, Yershov's Little Humpbacked Horse*). The scientific novelty of the article is associated with the concept of media text in the format of cultural media map, the concept of media image of the local linguistic tradition, and the linguo-cognitive approach to phenomena under consideration in general. As a result of the linguo-pragmatic analysis and content analysis of the publications associated with the media project “Fairy-Tale Map of Russia”, the authors of the study have arrived at the following conclusions. A media map is a structural and content type of media text, designed as a hypertext or, more precisely, a super-media text, and could be described through such features as non-linearity, integrity, segmentation, hierarchy, openness, and variability. A special group of media maps – cultural media maps – forms a special type of hypertext in the modern media – a super-media text thematically limited by regional culture and more often than not possessing linguo-pragmatic characteristics typical of travel media texts. Extra-linguistic factors have led to a wide spread of the “new myth-making” in this sphere of activity. The cognitive space of the region, the reflection of which can be seen as a linguo-cognitive model – a media image of the region – changes as a result of the activity of regional communities seeking to draw attention to the local objects of tourist interest. The media image of a region receives new or previously inactive additional features – literary or folklore characters, separate features of regional culture (local speech, clothing, crafts, etc.), new values and meanings. As a result, one can observe modification of local stereotypes about the region and certain aspects of regional identity; the importance of the brand increases, perhaps at the expense of some more significant images.

Keywords: linguistic folkloristics; mass communication; local linguistic tradition; post-folklore; neo-mythology; media image; brand; hypertext

For citation: Ilyina, E. N., Dracheva, I. N. (2023). Media Images of the Regions in the Project “Fairy-Tale Map of Russia”. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 2, pp. 9–21.

Введение. Медиакарта как структурный и содержательный тип медиатекста

Принимая во внимание известное определение дискурса как речи, «погруженной в жизнь» [Арутюнова 1990: 137], можно сказать, что тексты массовой коммуникации, или «медиатексты», рассматриваемые в дискурсологическом аспекте, отражают наиболее актуальные для общества идеи в определенный момент времени. Смысловое содержание этих медиатекстов часто объективируется в новых формах,

которые изучаются в рамках медиалингвистики. Так, выделяются различные структурные разновидности медиатекстов: гипермедиатекст новостности как общность медиатекстов в гипертекстовом пространстве [Медиалингвистика... 2018: 74–75], макромедиатекст как тексты одного номера или выпуска [Там же: 75], сверхмедиатекст как тексты, объединенные одной темой (например, трэвел-медиатексты) [Там же: 75].

С развитием туристической индустрии России и благодаря структурированности

подачи информации об этой сфере в медиа появляется новый формат медиатекста – медиакарта. Образуются конгломераты информации, аккумулирующие созданные по одному и тому же шаблону описания достопримечательностей – туристических аттракторов разных регионов России. В качестве теоретического осмысления описываемого явления мы предлагаем термин «культурная медиакарта» как структурно-смысловой тип тематически ограниченного медиатекста (*гипертекста* или *сверхмедиатекста*), который организован по принципу географической карты и обладает свойствами гипертекста, обычно выделяемыми исследователями (см. [Рязанцева 2010]): нелинейностью, целостностью, сегментированностью, иерархичностью, открытостью, вариативностью и т. д.

Подход к анализу эмпирического материала, который реализуется в данной статье, базируется на стыке лингвистических и культурологических исследований, прежде всего на методах когнитивной медиалингвистики, позволяющих описать в ходе контент-анализа способы представления в массовом сознании образа объективной реальности в виде *медиаобраза*, *бренда*, *стереотипа* и других лингвокогнитивных моделей (модели реконструируются посредством метода фреймового анализа и метода концептуального моделирования). Формально-структурные и содержательные особенности анализируемого материала позволяют нам использовать понятия *культурного ландшафта* и *региональной идентичности*, традиционно изучаемые в рамках таких направлений, как «культурная география», «гуманитарная география» и под. (ср. анализ культурных карт как когнитивных моделей пространственных представлений в аспекте локальной мифологии в работе [Замятин 2010]). По мнению Д. Н. Замятина, новые локальные мифы служат региональным сообществам и могут «закрепляться» в массовом сознании, становиться частью региональной идентичности [Замятин 2010: 41]. В исследовании мы также обращаемся к понятиям *неоми-*

фологии, *постфольклора* как вариантам осмысления процессов, происходящих в региональной культуре и получающих свое выражение в массовой коммуникации.

Целью статьи является описание трансформации медиаобраза российских регионов под влиянием процесса брендинга территорий, объективно проявляющемся в развитии культурных медиакарт России и продвижении связанных с ними коммерческих и некоммерческих проектов в туристической сфере, в области научно-популярного знания, эдьютейнмента и т. п. В качестве примеров приведем медиакарту новогоднего путешествия Деда Мороза¹, проект «Вкусная карта России»², многочисленные партворки – серийные издания научно-популярного и квазиэнциклопедического характера, объединенные общей темой и раскрывающие ее во фрагментарных выпусках (так, по типу медиакарт построены партворки «Куклы в народных костюмах»³, «Православные храмы. Путешествие по святым местам»⁴ и др.). Такие издания и медиапроекты представляют собой гипертексты открытого («Вкусная карта России», «Сказочная карта России») или закрытого (партворки как издательские проекты) характера в форме медиакарт. Объединяющей идеей проектов являются географическое и/или административно-территориальное деление России и конструирование комплексного культурного ландшафта страны на основе медиаобразов регионов.

Отметим, что в медиаобразе региона, в его культурном пространстве может изначально присутствовать смысловой компонент медиакарты, но быть не актуализированным в массовом сознании. Так, в медиаобразе пос. Чагоды Вологодской области добавляется фрейм «*родина серых щей*» в рамках проекта «Вкусная карта России»⁵. *Серые щи* являлись одним из местных блюд на севере России, но включение в проект сделало именно это блюдо частью медиаобраза Чагоды, продвигаемого в туристическом дискурсе; при этом был использован типовой субфрейм «*Регион – родина + наиме-*

¹ Путешествие Деда Мороза. URL: <https://vk.com/dedmorozntv>.

² На «Вкусной карте России» появился сырок по-кургански // Сетевое издание INFOX.ru. 2 авг. 2019 г. URL: <https://www.infox.ru/news/289/221816-na-vkusnoj-karte-rossii-poavilsa-syrok-po-kurganski>.

³ Куклы в народных костюмах. Вып. 1–100. М.: Де Агостини, 2012–2015.

⁴ Православные храмы. Путешествие по святым местам. Вып. 1–368. М.: Де Агостини, 2012–2019.

⁵ Вкусная карта России. URL: https://vk.com/greyshchi?z=photo-96770339_457240060%2Fwall-96770339_3629.

нование туристического ресурса (потенциального аттрактора)». С другой стороны, включение в проект может потребовать от заинтересованных в нем региональных сообществ найти или придумать необходимый компонент медиаобраза региона.

В данной статье основное внимание уделяется медиапроекту А. Козловского «Сказочная карта России»⁶, осуществляются лингвопрагматический анализ и контент-анализ связанных с проектом публикаций в средствах массовой коммуникации. Показывается развитие обоих направлений в реализации медиакарты открытого типа: актуализация существующих компонентов медиаобраза региона и создание новых.

Теоретические аспекты описания медиаобраза локальной речевой культуры как части когнитивного пространства региона

Лингвокогнитивное направление исследования предполагает анализ структур знания, а также изучение динамики их изменений. Во многом понятие «когнитивное пространство региона» соотносится с понятиями *региональной картины мира, локальной концептосферы, регионального культурного пространства*, которые используются в качестве объектов изучения широкого спектра научных дисциплин.

Когнитивное пространство региона представляет собой информационное и эмоционально-оценочное поле, в котором существует региональное общество и отдельный человек и которое становится очевидным при столкновении и сравнении с другими региональными культурами. Это уникальная система региональных смыслов и представлений, реализующая локальную концептосферу. Изучение вербального выражения когнитивного пространства региона позволило исследованиям выйти на такой уровень осмысления, при котором регион выступает как *текст* [Топоров 2003; Белоусов, Абашев, Цивьян 2004; Люсьи 2013; др.], *сверхтекст* и *метатекст* [Меднис 2003; Северный текст... 2017; др.], *гипертекст* [Юдина 2009].

Преломление регионального текста в медиасреде в настоящее время изучается как *медиаобраз региона*, а искусственные трансформации медиаобраза рассматриваются в рамках исследований, посвященных имиджу территории и процессам брендинга компонентов медиаобраза [Медиаобраз региона... 2022].

Под *медиаобразом* мы понимаем «активную когнитивную (ментальную) структуру, которая поглощает другие когнитивные структуры, образы, знания и представления и использует их для осуществления информационного трансфера в сфере массовой коммуникации» [Драчева 2019: 406]. *Медиаобраз региона* является лингвокогнитивной моделью, которая состоит из фреймов, описывающих внешние (стереотипы) и внутренние представления о регионе, а также фрагменты различных картин мира – мифологической (в виде локального фольклора), научной (фрагменты краеведческих публикаций), художественной (региональная литература), религиозной (например, публикации о местных святых в СМИ) и т. д.

Материал нашего исследования – проект «Сказочная карта России» – представляет собой медиаобразы регионов, объединенные в гипертекстовую структуру медиакарты и сверхмедиатекста, т. е. тематических связанных с проектом материалов средств массовой коммуникации, содержащих регионально маркированную информацию, в том числе за счет трансфера знаний из различных сфер человеческой деятельности.

Предметно-тематическая классификация компонентов медиаобраза региона включает в себя географический, природный, исторический, экономический, событийный, товарный, социальный компоненты. Достаточно полный список возможных фреймов, входящих в медиаобраз региона, представлен в работах М. В. Терских и Е. Д. Маленовой: это фреймы «Природа и география», «История», «Экономика», «Социальная и политическая жизнь», «Культура», «Особенности национального характера» [Терских, Маленова 2015].

⁶ Сказочная карта России. URL: https://ria.ru/fairytales_map_27042011.

Однако в проекте «Сказочная карта России» мы имеем дело с адаптированными, отредактированными, брендированными медиаобразами, в которых нарушается последовательная структура фреймов. На первое место выходит фрейм, которому можно дать условное наименование «Легенда». Это принципиально иной по характеру фрейм, чем «Культура» или «Особенности национального характера», которые имеют под собой реальную почву – устоявшиеся стереотипы, достоверные сведения о культуре края и т. д. Фрейм «Легенда» – это искусственно встраиваемое в структуру медиаобраза региона когнитивное образование, которое имеет туристическую направленность, но влияет на общее когнитивное пространство региона и в целом на весь медиаобраз региона.

Фрейм «Легенда» имеет несколько субфреймов: субфрейм – «Имя бренда», чаще включающее в себя родину или место жительства персонажа, героя сказок и под.: «Регион – родина + наименование туристического ресурса (потенциального аттрактора)», ср. слоты «*Великий Устюг – родина Деда Мороза*», «*Великий Устюг – вотчина Деда Мороза*»; субфрейм «Обоснование легенды», ср. слот: «*Легенда*» (о Водолее и Морозе)⁷; субфрейм «Карта территории обитания персонажа», ср. слот: карта *Вотчины Деда Мороза*⁸; субфрейм «Персонаж как виртуальная языковая личность» (неологизмы, народная речь, фольклор – для создания вербального образа персонажа), ср. слот: «*Все, кто еще не отведал душистого чая с Дедом Морозом, скорее к нам в сказку – на чаепитие. Любит Волшебник посидеть рядком, да поговорить ладком*»⁹; субфрейм «Новые помощники и антагонисты персонажа», ср. слоты: *снеговички* (девушки – помощницы Деда Мороза), *Чудесатий* (личное имя помощника Деда Мороза), *желатели* (авторы писем Деду Морозу)¹⁰; *Снежпришельцы* (похитители зимнего праздника у землян)¹¹.

Локальная речевая культура является неотъемлемой частью региональной культуры,

порождающей регионально маркированные тексты. В случае «Сказочной карты России» именно локальная речевая культура обеспечила вербальные механизмы продвижения новых образов. В медиасреде происходит трансформация образа локальной речевой культуры под влиянием искусственных ментальных представлений – медиаобраза и бренда, с помощью которых в массовом сознании происходит закрепление за регионом нового, привлекательного для туристов облика.

Необходимо отметить, что в нашем исследовании словосочетание «Сказочная карта России» лишь частично связано с одноименным туристическим межрегиональным проектом, идея создания которого принадлежит А. Козловскому¹². Мы используем это понятие несколько шире, а именно для обозначения всего спектра квазифольклорных образов, возникающих в когнитивном пространстве регионов России. При этом региональные сообщества стремятся включить существующие региональные образы в проект А. Козловского для дальнейшего продвижения бренда региона в составе медиакарты как более крупного когнитивного образования в российской медиасреде.

Критическое осмысление подобных проектов широко представлено в научном дискурсе в виде «фейклорной карты России» [Петрова 2013], публикациях о псевдонародной основе фольклорных праздников [Громыко 2015] и др. Вместе с тем невозможно отрицать тот факт, что практика вербализации моделируемого образа регионов в медиадискурсе активно использует более или менее мотивированное «вживание» фольклорных и авторских персонажей как маркера той или иной территории. Так, проект «Сказочная карта России» на равных основаниях локализует в различных уголках Российской Федерации персонажей разных национальных фольклорных традиций (*Жар-Птица* – г. Палех Ивановской обл., *Илья Муромец* – г. Муром Владимир-

⁷ Дом Деда Мороза: Легенда. URL: <https://www.dom-dm.ru/tales/legenda>.

⁸ Карта вотчины. URL: <https://votchina-dm.ru/map>.

⁹ Российский Дед Мороз. Дом Деда Мороза // Социальная сеть «ВКонтакте». Запись от 15 июля 2019 г. URL: <https://www.vk.com/dedmoroz>.

¹⁰ Интернет-почта Деда Мороза. URL: <https://www.hochuchuda.ru>.

¹¹ Российский Дед Мороз. Дом Деда Мороза // Социальная сеть «ВКонтакте». Запись от 2 января 2014 г. URL: <https://www.vk.com/dedmoroz>.

ской обл., старуха *Лоухи* – пос. Лоухи (Карелия), молодой морозец *Паккайне* – г. Олонец (Карелия)¹³; др.), а также произведений индивидуального авторства, в том числе стилизованных под фольклорный эпос (*Чебурашка* – г. Москва, *Конек-Горбунок* – г. Ишим Тюменской обл., *Левша* – г. Тула, *Данила-мастер и Хозяйка Медной горы* – г. Сысерть Свердловской обл.; др.). В качестве «столицы» этого виртуального «сказочного государства» определяется Ярославль – административный центр региона, наиболее активно включившегося в процесс формирования брендинга региона на основе использования в контексте его описания прецедентных образов данного типа: *Баба-Яга* – с. Кукобой, *Берендей* – г. Переславль Залесский, *Водяной* – с. Пошехонье, *Емеля* и *Щука*, *Алеша Попович* – г. Ростов, *Курочка Ряба* – пос. Ермаково, *Мышка-норушка* – г. Мышкин.

Появление «Сказочной карты России» в значительной мере определилось потребностями развития отрасли регионального туризма, а основу отождествления локуса и персонажа составил весьма причудливый набор мотиваций: от вполне устойчивых, закреплённых системой народных верований (*Сагаан Убугун*, хранитель жизни и долголетия, символ плодородия и благоденствия в буддизме – *Улан-Удэ*, столица Бурятии, территории, значительная доля населения которой исповедует буддизм¹⁴), фольклорной и языковой традициями (*Хозяйка Севера Лоухи* в финском эпосе – пос. *Лоухи* в Карелии, *Алеша Попович*, сын попа Ростовского, – г. *Ростов*), а также биографическим контекстом (*Снегурочка* – *Кострома*, родина писателя А. Н. Островского, автора пьесы «Снегурочка»¹⁵), – до малоочевидных или случайных ассоциаций: родина Золотой Рыбки – с. *Большое Болдино* Нижегородской области, потому что нижегородцы считают Рыбку своим талисманом; родина *Змея Горыныча* – с. Приволжское Тверской области, бывш. *Гадово*.

Произвольность и часто недостаточная мотивированность выбора сказочных обра-

зов для продвижения того или иного региона как части туристического проекта «Сказочная карта России» приводят к тому, что в медиаобраз региона через процессы брендинга территории попадают ранее не фигурировавшие там фрагменты знаний и представлений, которые затем начинают выходить на первый план (через активное использование этих образов в массовой коммуникации для продвижения брендов) и тем самым деформируют исходную структуру медиаобраза региона. Этот процесс наблюдается практически в каждом регионе Российской Федерации. Конечно, необходимо время, чтобы проследить, каким образом в когнитивном пространстве региона в целом и конкретно в локальной речевой культуре будет «приживаться» новое содержание медиаобраза.

«Сказочная карта России» как текст, гипертекст и сверхмедиаекст

«Сказочная карта России» как текст представляет собой перечень персонажей русских народных сказок, былин, авторских произведений художественной литературы и т. д. в их соотношении с географическими объектами России, позиционируемыми как место рождения или проживания сказочных персонажей: *Иван-царевич* живет в г. *Кирове*; *Сивка-Бурка* – в Орловской области, знаменитой своими конными заводами; гусяр *Садко* – в Новгородской области, недалеко от *Ильмень-озера* и с. *Сыти-на*, давшего прозвище новгородскому купцу (*Садко Сытенец*), зафиксированное историческими документами.

Формат подачи информации в виде карты предполагает наличие графического компонента в виде специальных знаков, характеризующих объект с той или иной стороны. В настоящее время карты приобретают универсальный характер и используются во многих отраслях знаний для визуализации широкого набора данных [Углев 2014]. В качестве исследовательского инструмента картографирование дает возможность репрезен-

¹³ Карельский Морозец Паккайне. URL: <https://vk.com/club85010133>.

¹⁴ Бурятский Дед Мороз – Сагаан Убугун (Саган Убген) – Белый Старец.

URL: <https://multiurok.ru/blog/buriatskii-died-moroz-saghaan-ubughun-saghan-ubghien-bielyi-stariets.html>.

¹⁵ Терем Снегурочки. URL: <https://teremsnegurochki.ru>.

тации данных по различным показателям, среди которых одним из определяющих является локус распространения тех или иных явлений. Именно территориальный показатель дает толчок к развертыванию карты как гипертекста и сверхмедиатекста.

Гипертекстовый характер «Сказочной карты России» проявляется в системе отсылок легенды карты к материалам, связанным с региональными брендами – сказочными персонажами. «Сказочная карта России» представляет собой универсальный тип классического гипертекста как «формы организации текста» в медиасреде, «характеризующейся процессом нелинейного письма и чтения» [Медиалингвистика... 2018: 368]. Приведем иллюстрацию – обоснование выбора Ивана-царевича в качестве сказочного символа г. Кирова (Вятки) творчеством В. М. Васнецова и гербом Кировской области: «*Воодушевленный красотой природы Вятского края, в своей картине “Иван Царевич на сером волке” (1889 год) он [Васнецов – Е. И., Ю. Д.] создал всеми любимый и популярный образ... Образ Ивана Царевича отображает смысловую нагрузку герба Кировской области, где изображена рука лучника со стрелой как символ силы и мужества*»¹⁶. В данном случае актуализация прецедентного имени персонажа оказалась решающим фактором, а дополнительным – случайное совпадение с изображением на гербе Вятской губернии. Так брендинг географического объекта (города Кирова) приводит к актуализации в медиaprостранстве региона биографических сведений об известном художнике и вызывает к жизни ряд медиатекстов, объясняющих расположение Ивана Царевича на «Сказочной карте России» именно в Кирове. Активно продвигаются связанные с брендом проекты: тематический парк «Усадьба Ивана Царевича» в п. Зониха Слободского района Кировской области, сезонные туры на родину Ивана Царевича («Масленица в усадьбе Ивана Царевича», «Новый год в усадьбе Ивана Царевича»). Отметим, что тема «Сказочной карты России»

раскрывается как гипертекст не только в собственном текстовом отношении, но и как поликодовый текст. Как правило, усадьбы, вотчины и родины персонажей новой мифологии туристической направленности имеют свои карты. Так, на карте усадьбы Ивана Царевича мы находим «Музей сказочных артефактов», «Двор Бабы-Яги», «Костер добра» и т. д.¹⁷ В отрыве от «усадьбы» образ Ивана Царевича слабо представлен в медиaprостранстве региона и в этом отношении очень отличается от более «активных» персонажей, например медиаобраза Деда Мороза из Великого Устюга, который перешел из регионального медиaprостранства в общероссийское и сопровождает крупные федеральные медиапроекты.

Семантическое «развертывание» гипертекста «Сказочной карты России» реализуется по следующей схеме: локус (регион / конкретный населенный пункт) – персонаж (мотивация) – функция (прецедентная / приобретенная) – атрибут (традиционный / новый). Так, г. **Гороховец** Владимирской области определяется в массовом сознании как родина **Царя Гороха** на основе деривационных связей этих имен собственных. Этот весьма условный персонаж, маркирующий в устойчивых выражениях славянского фольклора незапамятные времена (рус. *при царе Горохе*, белор. *за каралём Гарохам*, укр. *за царя Гороха*) [Журавлев 2010], в туристическом дискурсе конкретизируется как **сказочный правитель**, сохраняющий традиции материальной и духовной культуры народа, ср.: «*В Гостиной царя Гороха в старинном русском городе Гороховце юных путешественников встречает царь Горох, восседающий в царских палатах, а его царевна Гороховна знакомит ребят с крестьянским бытом прошлых веков, русскими праздниками и обрядами, русскими народными песнями и частушками*»¹⁸.

В качестве **атрибутов** царства Царя Гороха названы царские палаты, гостиная и царский двор (прецедентные знаки **пространства** сказочного царства), царская дочь Горохов-

¹⁶ Почему Иван Царевич живет на Вятке.
URL: <https://усадьбаиванацаревича.рф/pochemu-ivan-carevich-zhivet-na-vyatke>.

¹⁷ Карта парка. URL: <https://усадьбаиванацаревича.рф/o-parke>.

на и знатная потешница Веселуха Гороховая (прецедентные *персонажи-спутники*), пояса, обереги, народные обряды (знаки культуры *верований*), *мастер-классы* росписи по дереву, гончарного промысла и плетения из лыка, ярмарка, торгующая произведениями росписи по дереву, народного прядения и ткачества (знаки *ремесленной* и *торговой* культуры), подвижные *игры* «Дударь», «Курочка», «Калечина-малечина», *катание* на качелях (знаки культуры *развлечений*), *колокольный звон*, *музыкальный замок* старинного сундука, народные *песни* и *частушки* (прецедентные знаки *аудиальной* культуры), традиционный *квас* и гороховецкая *каша* (знаки *вкусовой* культуры). Логика семантического развертывания гипертекста определяется задачами маркетинговой коммуникации в туристическом дискурсе: информировать потребителя о наиболее привлекательных объектах региональной инфраструктуры и продуктах регионального производства, наиболее интересных явлениях общественной и культурной жизни региона, эмоционально подкрепив это информирование «привязкой» к известному сказочному персонажу.

Особенно интересной становится динамика медиаобраза сказочного персонажа, когда он выходит за пределы региональных коммерческих проектов и используется в медиасреде для продвижения положительного образа региона в целом, в образовательных и благотворительных проектах, а также для развития других брендов – сказочных персонажей. Так, с образом Деда Мороза из *Великого Устюга* связаны медиаобразы других подобных персонажей в России и за рубежом, благотворительный медиапроект «Новогоднее путешествие Деда Мороза», голосование за символ Олимпиады 2014 г. и под. Такой вариант развития медиаобраза персонажа «Сказочной карты России» является причиной появления в медиа многочисленных публикаций, которые можно представить как тематически ориентированные медиатексты,

размещенные в гипертекстовой среде, следовательно, рассматривать весь связанный с персонажем семиотический комплекс как сверхмедиатекст.

Динамика медиаобраза речевой культуры российских регионов в контексте расширения медиакарты «Сказочная карта России»

На гипертекстовом уровне локальная речевая культура, связанная с медиаобразом региона, трансформируется под влиянием процесса брендинга сказочного персонажа. Культурная медиакarta «Сказочная карта России» пополняется новыми персонажами. Популяризация этнокультурного своеобразия места их проживания требует введения в широкий оборот элементов локальной речи – на языках народов Российской Федерации (караельском, татарском, бурятском и пр.), территориальных диалектах русского языка. Актуализируются местные названия блюд, ремесел и т. д., в то время как региональный фольклор и диалекты используются для оформления вербальной составляющей нового регионального бренда. Например, поддерживающим проектом по отношению к «Сказочной карте России» является «Вкусная карта России», на которой локус соотносится с наиболее распространенными в регионе блюдами. Эти региональные названия становятся гастрономическими символами – брендами своих регионов (например, для Татарстана это *эчпочмак* и *чак-чак*¹⁹).

Приведем пример. Сказочный персонаж *Глинышек* (г. Яранск), беседуя с Домовым, называет его *суседушко*, а тот в свою очередь рассказывает Глинышку историю его создания, используя местную речь: «*На моих глазах тебя Дед по просьбе Бабки из глины лепил, потом видел, как тебя на печь сушиться поставил, как **наутре ты ожил***», и о себе рассказывает: «*...иногда и нам **подичеть охота** – тогда можем (не со зла, конечно) и вещь какую-нибудь припрятать*»²⁰; в другой истории Глинышек должен «заобрить Банни-

¹⁸ Гостиная Царя Гороха – Владимирская область. URL: <https://russia.travel/objects/303315>.

¹⁹ Вкусная карта России. URL: https://vk.com/greyschi?z=photo-96770339_457240060%2Fwall-96770339_3629.

ка – угостить его необычной кашей – **бобеней**, сваренной из ржаной муки и приправленной ягодами калины»²¹, ср. *сусе́ душко* ‘домовой’ [СРНГ 42: 297], *нау́тре* и *наутре́* ‘утром’ [СРНГ 20: 251], *подича́ть* ‘подурчиться, побездельничать’ [СРНГ 28: 25], *бобеня́* ‘жидкое кушанье из солода, род кулаги, заварихи, саламаты’ [СРНГ 2: 168]. Фрагментами локальной речевой культуры также являются местные приметы и обряды, связанные с низшими существами языческой мифологии, ср.: «*Бабка рассказала, как на Святки девушки приходили гадать к бане, где поселился Банник, и по очереди совали руку за каменку. Если Банник прикоснется мочалкой – будет жених богатый, если голой рукой – бедный*»²².

Для обоснования привязки персонажа к региону могут задействоваться процессы народной этимологии, результаты исследований местных краеведов, этимологические варианты происхождения местных топонимов и т. д. Так, региональные сообщества Ульяновской области в течение многих лет занимались развитием образа Колобка в качестве регионального бренда. Выбор сказочного персонажа обосновывается лексемой из словаря В. И. Даля: «*На Симбирской земле знаменитого Колобка прописал ульяновский краевед Сергей Петров. Сказочный ребрендинг случился после необыкновенного открытия. В “Толковом словаре живого великорусского языка” Даля наш ученый обнаружил интересный параграф о “Колобе”, а в самом его конце – занимательную деталь – слово “колебятка” и примечание: “симб., последний хлебец из квашни”*»²³, ср.: *симб. колебя́тка* в значении ‘хлеб из остатков теста, поскребыш’ [СРНГ 14: 121]. В лингвистическом отношении диалектная лексема претерпевает дальнейшее переосмысление: «*И хотя Колобок, если верить фольклору, существо бесполое, он [С. Петров] предложил называть “девочек” – “колебятка”, а “мальчиков” – “колебятко”*»²⁴.

В 2011 г. Симбирский Колобок был занесен на медиакарту «Сказочная карта России»,

в последующие годы были попытки создать резиденцию Колобка, персонаж участвовал в мероприятиях, связанных с продвижением новых туристических проектов России: «... **Колебятко** (молодой человек, наряженный в “фирменный” костюм) победил на первых всемирных сказочных играх, которые прошли в Вятке»²⁵. Существенной переработке был подвергнут классический сюжет сказки: В. А. Ланько создает новое мифологическое пространство для Колобка, в котором он спасается от лисы, а дед и бабка получают личные имена: *Семен и Параскева*²⁶.

Популяризация нового регионально-бренда существенно изменяет медиаобраз Ульяновска и Ульяновской области. Новое, игровое, сказочное начало в медиаобразе города и области было положительно воспринято в самом регионе (хотя и не без критики) и вне его. Доказательством влияния нового медиаобраза Ульяновска и Ульяновской области на формирование стереотипных представлений об этом регионе служат общероссийские медиапроекты. Так, в серии мультипликационных фильмов «Гора самоцветов» в начале каждой сказки приводится видеотропка того российского региона, который связан с этой сказкой. Серия о Колобке предваряется видеотропкой Ульяновска, текст которой содержит перечисление основных региональных достопримечательностей и прецедентных феноменов (наряду с Колобком – *Симбирск, Волга, Ундоры, Старая Майна, Степан Разин, Иван Гончаров, Николай Карамзин, Сергей Аксаков, блаженный Андрей Ильич* и т. д.)²⁷.

Примечательно, что в другом медийном трэвел-проекте не замалчивается основной прецедентный феномен Ульяновска – личность В. И. Ленина: «*Этот город вот уже более ста лет ассоциируется лишь с одним историческим персонажем. Здесь есть не только памят-*

²⁰ Как Глинышек с Домовым познакомился. URL: <https://vk.com/id183416405>.

²¹ Глинышек и Банник. URL: <https://vk.com/id183416405>.

²² Там же.

²³ Введение в Колобковедение. URL: <https://ulpressa.ru/2012/01/30/vvedenie-v-kolobkovedenie/>.

²⁴ Там же.

²⁵ Ульяновец написал сказку про симбирского колобка. URL: <https://rg.ru/2013/01/09/reg-pfo/kolobok.html>.

²⁶ Ланько В. А. Колебятко (Раёшник). Сказка. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2013. 48 с.

²⁷ Цикл мультипликационных фильмов «Гора самоцветов», серия «Колобок», реж. М. Карпова, 2013 г.

ник Ленину, не только улица Ленина, не только площадь Ленина, но и Дом-музей Ленина и целый Ленинский мемориал. Да что там, весь этот город носит его фамилию. Но сегодня я постараюсь вас удивить и показать Ульяновск совсем с другой стороны. Доброе утро! И больше ни слова о Ленине»²⁸. В дальнейшем в ходе рассказа о городе ведущий избегает называть сам прецедентный феномен (Ленин), используя эвфемизмы: «...город получил свое нынешнее имя. Но имя-именем, а город древний...», «Есть отличный музей сами знаете кого, но я не о нем»²⁹. Образ Колобка вербализируется через фрагменты сказки, диалектное слово и рецепт колобка: «Это блюдо придумали в Симбирской губернии, называлось оно “колябка”. Это было изделие из теста, фаршированное мясной и творожной начинкой. И от этого пошло слово “колобок”»³⁰, ср.: коля́бка в значении ‘маленький хлебец, булка, испеченная из смеси разной муки’ [СРНГ 14: 220]. Заметим, что серия «Ульяновская область»³¹ не обнаруживает влияния образа Колобка, который при всей его полезности для туристической сферы региона все же остается искусственным фрагментом регионального когнитивного пространства.

Нами отмечен и обратный процесс: не все более тесная привязка сказочного персонажа к определенному локусу, а выделение сказочного персонажа как самостоятельного образа, чья отнесенность к региону уже не является его специфической чертой и специально не подчеркивается при развитии бренда. Такой процесс был зафиксирован при анализе вербализации образа вологодского Деда Мороза, одного из наиболее сильных брендов «Сказочной карты России». Если сначала в речи этого персонажа подчеркивались особенности северо-восточных диалектов европейской части России (окающее произношение, диалектные слова, местные грамматические формы), то его активное присутствие в общественной жизни страны, появление у этого

персонажа дополнительных мест дислокации в Москве и в Сочи, а также соседство на «Сказочной карте России» с многочисленными локальными и национально маркированными двойниками (молодой морозец Паккайне и хозяйка Севера Лоухи (Карелия), татарский волшебник Кыш Бабай³², духи зимы Сагаан Убугун в Бурятии³³ и Ямал Ири³⁴ в Ямало-Ненецком автономном округе) определили позиционирование Деда Мороза из Великого Устюга как общероссийского бренда: в речевом медиаконтенте этого персонажа локальные черты севернорусских говоров исчезают, при этом заметно расширяются семантика и контекстная сочетаемость слов, маркирующих различного рода проявления чудесного: «Выражаю волшебную благодарность всем, кто принял участие в работе моей Резиденции в Олимпийском парке Сочи...»; «В моей сказочной группе можно узнать всё о чудесной сказке в Великом Устюге, а также самые интересные и волшебные новости из моей жизни!»³⁵.

Семантика лексемы *волшебный* на официальном сайте Деда Мороза от общего значения ‘имеющий отношение к волшебнику или волшебству’ сужается до ‘имеющий отношение к Деду Морозу’. По существу, «перерастая» границы своей вологодской локализации, Дед Мороз тем не менее сохраняет привязку к своей главной резиденции («В Великом Устюге, в сказочной Вотчине живет Главный Волшебник страны – Российский Дед Мороз»³⁶), локализация которой входит уже в иной сопоставительный ряд – «сказочную карту мира», соотносясь с местом проживания зимнего волшебника народов «западной» культуры Санта-Клауса (Йоулупукки): Рованиеми, Лапландия, Северный Полярный круг, Северный Полюс.

Итак, медиаобраз речевой культуры российских регионов в результате появления новых персонажей на медиакарте «Сказочная карта России» получает дополнительный источник развития, появляются новые формы вербализации региональной идентичности,

²⁸ Цикл телевизионных передач «По секрету всему свету», серия «Ульяновск», 2022 г.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Цикл телевизионных передач «По секрету всему свету», серия «Ульяновская область», 2022 г.

³² Татарский Дед Мороз. URL: <http://tatar-moroz.ru>.

³³ Бурятский Дед Мороз – Сагаан Убугун (Саган Убген) – Белый Старец.

URL: <https://multiurok.ru/blog/buriatskii-died-moroz-saghaan-ubughun-saghaan-ubghien-bielyi-stariets.html>.

³⁴ Ямал Ири. URL: <http://www.yamaliri.ru/index.php>.

³⁵ Почта Деда Мороза. URL: <https://dm-pochta.ru>.

³⁶ Российский Дед Мороз. URL: <https://vk.com/dedmoroz>.

добавляются новые ценности в когнитивное пространство региона.

Выводы

В структуре медиаобраза региона вербальное оформление брендированных образов сказочных персонажей нацелено на создание региональной идентичности и задействует ценностный потенциал локальной речевой культуры. Если персонаж не является частью локальной речевой культуры (местного фольклора, сказок, легенд), то его привязка к локусу осуществляется за счет иных мотивирующих факторов (внешнего сходства с чем-либо, случайного созвучия с названием локуса, биографии авторов художественных произведений и под.). Доказательством встроенности нового образа в культуру региона служит речь персонажа, в которой встречаются фонетические и лексические диалектные особенности, активно используются фрагменты локальной речевой культуры (приметы, поговорки, легенды и т. д.), употребляются локальные прецедентные феномены (названия географических объектов, имена людей, имена сказочных существ и т. д.).

Посвященные новым брендированным образам региональные медиатексты формируют сверхмедиатекст «Сказочная карта России», существующий в структурированном виде как культурная медиакarta открытого типа. Включение региональных брендов в медиакарту «Сказочная карта России» легитимизирует в массовом сознании связь региона и сказочного персонажа,

актуализирует существующие образы или формирует новые – в когнитивных моделях, имеющих отношение к региону. Так, когнитивное пространство региона оказывается насыщено новыми ценностями и образами; медиаобраз региона дополняется новыми идеями; брендированный образ обнаруживает тенденцию к превалированию в публикациях о регионе; в локальной речевой культуре региона появляются неологизмы или вновь актуализированная диалектная лексика; культурный ландшафт региона в целом упрощается под влиянием формулировок содержания бренда или брендов; в перспективе происходит уточнение стереотипных представлений о регионе в массовом сознании. В самом регионе идет процесс уточнения региональной идентичности, выявление отношения населения региона к бренду через средства массовой коммуникации, чаще всего в форме принятия бренда как части региональной идентичности даже при критическом отношении к нему.

Совокупностью современных региональных и федеральных средств массовой коммуникации создается медиаобраз сказочной России, населенной ожившими персонажами сказок, легенд, былин и пр. Черты фольклорных образов переносятся и на персонажей художественной литературы, которые обретают свою «малую родину» в различных уголках России. Расширяется область постфольклора и неомифологии в мировом медиaprостранстве, что свидетельствует об увеличивающейся мифологизации сознания современного человека.

Источник

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52. – СПб. : Наука, 1965–2021.

Литература

- Арутюнова, Н. Д. Дискурс. Речь / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 136–137.
- Белоусов, А. Ф. Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты / А. Ф. Белоусов, В. В. Абашев, Т. В. Цивьян. – М. : ЯСК, 2004. – 672 с.
- Громыко, С. А. Традиционная севернорусская народная культура в туристическом дискурсе проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» / С. А. Громыко // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 3. – С. 60–63.
- Драчева, Ю. Н. Медиаобраз локальной устной речевой культуры: когнитивно-языковые механизмы : дис. ... д-ра филол. наук / Драчева Ю. Н. – Архангельск : [б. и.], 2019. – 545 с.
- Журавлев, А. Ф. Кто такой Царь Горох / А. Ф. Журавлев // Русская речь. – 2010. – № 2. – С. 111–115.

- Замятин, Д. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук / Д. Н. Замятин // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9, № 3. – С. 26–50.
- Люсий, А. П. Крымский текст в русской литературе / А. П. Люсий. – СПб. : Алетейя, 2003. – 314 с.
- Медиалингвистика в терминах и понятиях : словарь-справочник / науч. ред. Л. Р. Дускаева. – М. : Флинта, 2018. – 435 с.
- Медиаобраз региона в современной массовой коммуникации / науч. ред. Е. Н. Ильина. – Вологда : ВоГУ, 2022. – 329 с.
- Меднис, Н. Е. Сверхтексты в русской литературе / Н. Е. Меднис. – Новосибирск : НГПУ, 2003. – 170 с.
- Петрова, Н. С. Кикимора Вятская и Кощей Тверской, или Фейкlorная карта России / Н. С. Петрова // Фольклор XXI века: Герои нашего времени : сборник статей / сост. М. Д. Алексеевский. – М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2013. – С. 30–38.
- Рязанцева, Т. И. Гипертекст и электронная коммуникация / Т. И. Рязанцева. – М. : ЛКИ, 2010. – 256 с.
- Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера : монография. Т. 1 / сост., отв. ред. Е. Ш. Галимова, А. Г. Лошаков. – Архангельск : ИМИДЖ-ПРЕСС, 2017. – 410 с.
- Терских, М. В. Медиаобраз Сибирского региона: лингвокогнитивное моделирование / М. В. Терских, Е. Д. Малёнова. – Омск : ЛИТЕРА, 2015. – 157 с.
- Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы / В. Н. Топоров. – СПб. : Искусство-СПБ, 2003. – 612 с.
- Углев, В. А. Многообразие карт в научном познании: между семиотикой и картосемиотикой / В. А. Углев // Геоконтекст. – 2014. – № 2. – С. 39–47.
- Юдина, Т. А. Концепт «Оренбург» в произведениях русских писателей XIX–XX вв. : дис. ... канд. филол. наук / Юдина Т. А. – Оренбург : [б. и.], 2009. – 358 с.

References

- Arutyunova, N. D. (2020). Diskurs. Rech' [Discourse. Speech]. In Yartseva, V. N. (Ed.). *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, pp. 136–137.
- Belousov, A. F., Abashev, V. V., Tsiyvan, T. V. (2004). Geopanorama russkoi kul'tury: Provintsiya i ee lokal'nye teksty [Geopanorama of the Russian Culture: The Province and Its Local Texts]. Moscow, YaSK. 672 p.
- Dracheva, Iu. N. (2019). *Mediaobraz lokal'noi ustnoi rechevoi kul'tury: kognitivno-yazykovye mekhanizmy* [Media Image of Local Oral Speech Culture: Cognitive-Linguistic Mechanisms]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Arkhangelsk. 545 p.
- Duskaeva, L. R. (Ed.). (2018). *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh* [Medialinguistics in Terms and Concepts]. Moscow, Flinta. 435 p.
- Galimova, E. Sh., Loshakov, A. G. (Eds.). (2017). *Severnyi tekst kak logosnaya forma bytiya Russkogo Severa* [Northern text as a Logos Form of Existence of the Russian North]. Vol. 1. Arkhangelsk, IMIDZh-PRESS. 410 p.
- Gromyko, S. A. (2015). Traditsionnaya severnorusskaya narodnaya kul'tura v turisticheskoi diskurse proekta «Velikii Ustyug – rodina Deda Moroz» [Traditional North Russian Folk Culture in the Tourist Discourse of the Project “Veliky Ustyug – the Birthplace of Father Frost”]. In *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3, pp. 60–63.
- Ilyina, E. N. (Ed.). (2022). *Mediaobraz regiona v sovremennoi massovoi kommunikatsii* [Media Image of a Region in the Modern Mass Communication]. Vologda, VoGU. 329 p.
- Lyusyi, A. P. (2003). *Krymskii tekst v russkoi literature* [Crimean text in the Russian Literature]. Saint Petersburg, Aleteiya. 314 p.
- Mednis, N. E. (2003). *Sverkhsteksty v russkoi literature* [Supertexts in the Russian Literature]. Novosibirsk, NGPU. 170 p.
- Petrova, N. S. (2013). Kikimora Vyatskaya i Koshchei Tverskoi, ili Feiklorная карта Rossii [Kikimora of Vyatka and Koschey of Tver, or Fake-lore Map of Russia]. In *Fol'klor XXI veka: Geroi nashego vremeni: sbornik statei*. Moscow, Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora, pp. 30–38.
- Ryazantseva, T. I. (2010). *Gipertekst i elektronная kommunikatsiya* [Hypertext and Electronic Communication]. Moscow, LKI. 256 p.
- Terskikh, M. V., Malenova, M. V. (2015). *Mediaobraz Sibirskogo regiona: lingvokognitivnoe modelirovanie* [Media Image of the Siberian Region: Making a Linguo-Cognitive Model]. Omsk, LITERA. 157 p.
- Toporov, V. N. (2003). *Peterburgskii tekst russkoi literatury* [Petersburg Text in the Russian Literature]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB. 612 p.
- Uglev, V. A. (2014). Mnogoobrazie kart v nauchnom poznanii: mezhdu semiotikoi i kartosemiotikoi [The Variety of Maps in the Scientific Knowledge: Between Semiotics and Map-Semiotics]. In *Geokontekst*. No. 2, pp. 39–47.
- Yudina, T. A. (2009). *Kontsept «Orenburg» v proizvedeniyakh russkikh pisatelei XIX–XX vv.* [The Concept of “Orenburg” in the Works of Russian Writers of the 19th and 20th Centuries]. Dis. ... kand. filol. nauk. Orenburg. 358 p.
- Zamyatin, D. N. (2010). Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo, voobrazhenie i vzaimodeistvie sovremennykh gumanitarnykh nauk [Humanitarian Geography: Space, Imagination and Interaction of the Modern Humanities]. In *Sotsiologicheskoe obozrenie*. Vol. 9. No. 3, pp. 26–50.
- Zhuravlev, A. F. (2010). Kto takoi Tsar' Gorokh [Who is Tsar Pea]. In *Russkaya rech'*. No. 2, pp. 111–115.

Данные об авторах

Ильина Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Вологодский государственный университет (Вологда, Россия).

Адрес: 160000, Россия, Вологда, ул. Ленина, 15.

E-mail: filfak@list.ru.

Драчева Юлия Николаевна – доктор филологических наук, доцент, Вологодский государственный университет (Вологда, Россия).

Адрес: 160000, Россия, Вологда, ул. Ленина, 15.

E-mail: yulia.dracheva@mail.ru.

Дата поступления: 24.11.2022; дата публикации: 30.06.2023

Authors' information

Ilyina Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor, Vologda State University (Vologda, Russia).

Dracheva Iuliia Nikolaevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Vologda State University (Vologda, Russia).

Date of receipt: 24.11.2022; date of publication: 30.06.2023

КОМПЬЮТЕРНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Колмогорова А. В.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Санкт-Петербург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6425-2050>

Залевская Е. Д.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Санкт-Петербург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-0929-722X>

А н н о т а ц и я. Статья посвящена проблеме эвристической продуктивности использования метода компьютерного тематического моделирования для филологического анализа художественного текста.

Анализируются результаты применения алгоритма Латентного размещения Дирехле (LDA) для поиска интертекстуальных связей мотивов в двух подкорпусах художественных текстов: 62 текстах разного жанра (рассказы, очерки, повести, критические статьи), принадлежащих перу С. Довлатова, с одной стороны, и 35 художественных произведениях, которые в одном из писем Т. Уржумовой писатель перечислил как произведения, которые оказали на него воздействие и которые должен прочитать каждый. Примененный алгоритм выявил 20 тем (топиков), по которым были распределены все тексты. Каждый полученный топик – это цепочка слов с весами значимости для реализации данной темы. В результате сопоставления текстов и тем были выявлены три соответствия «текст – тема». Одной общей теме принадлежат тексты в каждой из трех следующих групп: 1) роман Б. Пильняка «Гольый год» и рассказ С. Довлатова «У реки»; 2) роман Г. Уэльса «Машина времени», повесть Э. Хемингуэя «Старик и море» и рассказ С. Довлатова «Эмигранты»; 3) рассказ А. Грина «Комendant порта» и очерк С. Довлатова «Мы говорим на разных языках».

Дальнейший филологический анализ позволил выявить пересечения мотивов в данных группах произведений.

Проведенное пилотное исследование показало, что методы компьютерного анализа текста, в том числе на основе машинного обучения, могут стать для филолога инструментом разведывательного поиска, направляя экспертную интуицию по пути, намеченному алгоритмом за счет обработки больших корпусных массивов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: художественный текст; метод компьютерного тематического моделирования; мотив; интертекстуальность; С. Довлатов

Благодарности: в данной научной работе использованы результаты проекта «Текст как Big Data: моделирование конвергентных процессов в языке и речи цифровыми методами», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году.

Для цитирования: Колмогорова, А. В. Компьютерное моделирование как инструмент анализа художественного текста / А. В. Колмогорова, Е. Д. Залевская. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 22–33.

COMPUTER-ASSISTED MODELING AS AN INSTRUMENT FOR FICTION TEXT ANALYSIS

Anastasia V. Kolmogorova

National Research University Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6425-2050>

Ekaterina D. Zalevskaya

National Research University Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-0929-722X>

Abstract. The article investigates the issue of heuristic productivity of using the method of computer-assisted topic modeling for philological analysis of fiction text.

The study analyzes the results of applying the algorithm of Latent Placement Dirichlet (LDA) for searching intertextual connections of motifs in two sub-corpora of fiction texts: 62 texts of different genres (stories, essays, novels, critical articles) belonging to S. Dovlatov, on the one hand, and 35 fiction works, which the writer listed in one of the letters to T. Urzhumova as the works that had deeply influenced him and should be read by everybody. The algorithm has revealed 20 themes (topics), into which all the texts were distributed. Each topic obtained was a chain of words with weights of significance for the realization of that topic. As a result of the comparison of the texts and the topics, three “text – topic” correspondences were discovered. The texts in each of the following three groups belong to one common topic: 1) B. Pilyniak’s novel “The Bare Year” and Dovlatov’s story “By the River”; 2) G. Wells’s novel “The Time Machine”, E. Hemingway’s story “The Old Man and the Sea” and Dovlatov’s story “Emigrants”; 3) A. Grin’s story “The Commandant of the Port” and Dovlatov’s essay “We Speak Different Languages”.

Further philological analysis demonstrated the intersection of motifs in these groups of works of fiction.

The pilot study under consideration has shown that methods of computer-assisted text analysis, including those based on machine learning, can become a philologist’s tool for experimental search, guiding the expert intuition along the path outlined by the algorithm via processing large corpus arrays.

Keywords: fiction text; computer-assisted topic modeling method; motif; intertextuality; S. Dovlatov

Acknowledgments: This research paper uses the results of the project “Text as Big Data: Modeling Convergent Processes in Language and Speech by Digital Methods”, implemented as part of the HSE University Basic Research Program in 2023.

For citation: Kolmogorova, A. V., Zalevskaya, E. D. (2023). Computer-Assisted Modeling as an Instrument for Fiction Text Analysis. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 2, pp. 22–33.

Введение

С развитием слабого и сильного искусственного интеллекта у филологов и лингвистов появились новые инструменты для анализа текстов, в том числе художественных.

Хотя использование количественных методов для получения качественных выводов о стилистической и семантической специфике художественного произведения имеет давнюю традицию в отечественной квантитативной лингвистике [Андреев 2016; Андреев 2019] и стилометрии [Мартыненко 2021], переход к использованию моделей машинного и глубинного обучения с целью получения интерпретируемых результатов для дальнейшего филологического анализа текста нетривиален для мировоззрения филолога и филологических рутин в целом.

Наряду с признанием необходимости применения цифровых методов в традиционно

экспертных областях науки, прежде всего – гуманитарных, нам, исследователям, нелегко признать тот факт, что в ряде случаев возможно делегировать некоторые из своих профессиональных полномочий другому когнитивному агенту – искусственному интеллекту (ИИ). Такое делегирование может происходить по трем осям [Вахштайн 2021: 135–137]: ось определения ситуации, ось принятия решения и ось реализации решения. Так, представляется, что мы можем вполне довериться алгоритмам на оси определения ситуации, чтобы получить общее представление о кластерах слов («темах»), имеющих статистическую значимость для текста. Тем не менее у нас, экспертов, пока нет оснований передавать ИИ полномочия принятия решения и/или его реализации – например, на основе проведенного алгоритмом стилометрического анализа или вопреки ему исследователь

сам делает окончательный вывод об атрибуции текста [Skorinkin, Orekhov 2023] и /или сообщает, скажем, экспертному сообществу о том, что данный текст не стоит включать в перечень произведений автора Х.

Цель данной публикации состоит в том, чтобы на основе отдельного кейса обосновать идею о том, что именно для определения «ситуации» – предоставления исследователю некоторых статистически валидных системных данных о лексико-семантической структуре некоторого текста – инструменты на основе машинного и глубинного обучения могут быть полезными филологу, став основой для дальнейшей экспертной интерпретации.

Основная польза такого применения ИИ, по-видимому, состоит в том, что аффордансы [Gibson 1986], предоставляемые текстом искусственному интеллекту, отличаются от тех, которые тот же самый текст считает «разрешительными» для человека-интерпретатора. В дальнейшем тексте мы постараемся проиллюстрировать эту идею.

Проектируя дизайн исследования, мы выдвинули гипотезу о том, что книги, которые читал писатель на протяжении своей жизни, влияют на мотивную структуру его собственных произведений. Для того чтобы ее проверить, мы использовали два корпуса текстов: тексты 35 книг, которые в своем известном письме Тамаре Уржумовой [Список Сергея Довлатова] С. Довлатов перечисляет как книги, которые повлияли на него – с одной стороны, и тексты самого Довлатова – с другой. К этим корпусам мы применили метод тематического моделирования на основе одного из алгоритмов машинного обучения. Полученные же результаты постарались интерпретировать с точки зрения интертекстуальных пересечений мотивов у С. Довлатова и его любимых авторов. В итоге у нас получился своеобразный опыт описания писателя как читателя.

Тема в филологических и лингвистических штудиях. Понятие мотива

Предваряя мотивный анализ, опосредованный компьютерным тематическим моделированием, рассмотрим основные «реперные точки» относительно понятий «мотив» и «тема».

Данный обзор ни в коем случае не претендует на всеохватность, ибо наполнение данных терминов в литературоведении и лингвистике – сюжет чрезвычайно обширный и многоаспектный.

Цель же данной структурной части скромна – обозначить некоторые вехи в понимании данных текстовых категорий в соответствующих предметных сферах для того, чтобы сравнить их затем с результатами работы модели на основе методов машинного обучения и представить попытку переброшить некий эвристический мостик между первыми и вторыми.

Так, говоря о теме литературного произведения, Б. В. Томашевский отмечает: «В художественном выражении отдельные предложения, сочетаясь между собой по их значению, дают в результате некоторую конструкцию, объединенную общностью мысли или темы. Тема (о чем говорится) является единством значений отдельных элементов произведения» [Томашевский 1999: 116]. При этом тема должна обладать признаками субъективной привлекательности для читателя и вызывать у него эмоциональный отклик [Там же: 117]. В такой широкой трактовке тема приближается к понятию мотива. По словам И. В. Силантьева, «наряду с фабулой и сюжетом, тема – ближайшая к мотиву категория» [Силантьев 1999: 49].

В концепции мотива Б. М. Гаспарова основным его свойством является повторяемость: «...мотив, раз возникнув, повторяется множество раз, выступая при этом каждый раз в новом варианте, новых очертаниях и во все новых сочетаниях с другими мотивами. При этом в роли мотива может выступать любой феномен, любое пятно – событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и т. д.; определяет мотив, – это его репродукция» [Гаспаров 1993: 30–31].

Идея исследователя о диалектическом единстве смыслового инварианта мотива и его способности к вариативному воплощению в разных частях текста или разных текстах приводит литературоведов к идее систематики мотивов, способных образовывать гнезда благодаря структурным отношениям, существующим между ними [Жолковский,

Щеглов 1986: 120] (ср.: мотивема – алломотив). Как следствие того, что «мотив, взятый не в системе “фабула-сюжет”, а в системе “текст-смысл”, утрачивает свою специфическую связь с событием как основной единицей фабульного ряда повествования» [Силантьев 1999: 51–52], становясь категорией текста, он полноправно входит в систему координат теории интертекстуальности: «мотивы репрезентируют смыслы и связывают тексты в единое смысловое пространство» [Там же: 52].

Если мотив близок к теме, способен образовывать системные отношения, выходящие за пределы одного текста, инвариантно-вариативен, следовательно, на уровне формального выражения он также должен обнаруживать себя некоторым системным образом в виде номинационных цепочек разной длины. Изучением таких цепочек и их свойств занимается лингвистика. Единицами номинационных цепочек являются слова и словосочетания, связанные внутри одной цепочки отношениями референтного (единство референта) и сигнификативного тождества (эквивалентность или близость значения) [Матвеева 1990: 21–22].

Существует сложившаяся лингвистическая традиция экспертного выявления таких систем номинационных цепочек для моделирования тематического содержания текста. Можем ли мы автоматизировать эту задачу, чтобы затем приступить собственно к мотивному филологическому анализу? Существующие модели тематического моделирования текстовых данных претендуют на этот функционал.

Использование компьютерных методов тематического моделирования для анализа художественных текстов

Тематическое моделирование – метод, разработанный в компьютерных науках для кластеризации формально выраженных элементов текста, чаще всего – слов.

Алгоритм строит вероятностную тематическую модель коллекции текстовых документов, которая описывает каждый документ дискретным вероятностным распределением на множестве тем, а каждую тему – дискретным вероятностным распределением на множестве слов. Наряду со словами могут ис-

пользоваться словосочетания, теги, категории и даже нетекстовые сущности [Булатов 2020: 14].

Наиболее распространенным способом осуществления тематического моделирования является применение алгоритма Latent Dirichlet Allocation (LDA) и его производных. Однако его мощным конкурентом сегодня становится модель на основе BERT – BERTopic [Grootendorst 2022].

В тематическом моделировании, темы не определяются явно, они рассматриваются как латентные наборы слов, которые наиболее часто встречаются в текстах корпуса. Важно, что тексты сравниваются не друг с другом, а с этими наборами слов / темами и приписываются к этим темам с различной вероятностью [Nikolenko et al. 2017: 89].

Подобные модели давно и успешно используются для анализа блогосферы [Ritter et al. 2010], социальных сетей [Quercia et al. 2012], научных статей [Jelisačić et al. 2012], новостей [Koltsov et al. 2018], политического дискурса [Jacobs & Tschötschel 2019].

В последние несколько лет данный метод вторгся и в филологические пределы.

Так, исследовав при помощи алгоритма латентного размещения Дирихле (LDA) объемную коллекцию из 890 драматических произведений французских драматургов, опубликованных в период с 1610 по 1810 гг., К. Счёч установил, что в целом (топики) хорошо отражают жанровую специфику и позволяют с высокой точностью кластеризовать тексты пьес согласно их жанру: комедии, трагедии, трагикомедии [Schöch 2017].

На материале русского языка О. А. Митрофанова при помощи алгоритма LDA моделировала темы в романе «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова [Митрофанова 2019]. Анализируя результаты, исследователь отмечает, что выделенные алгоритмом темы в целом соответствуют основным сюжетным линиям и могут быть использованы для описания идиостиля автора.

Активно в этом же направлении работает на основе корпуса русского рассказа начала XX в. группа Т. Ю. Шерстиновой. Так, исследователи [Шерстинова и др. 2021] построили, используя тот же алгоритм LDA, 9 тематических моделей (по 3 выборки разного размера

для каждого из периодов) для рассказов: 1) начала XX века до 1913 г. включительно, 2) военно-революционного периода (1914–1922) и 3) раннесоветского периода (1923–1930) – и выявили частотные для каждого периода темы. Авторы констатируют, что темы отличаются по разным временным периодам, что позволяет считать их тематико-стилистическими маркерами анализируемых коллекций текстов наряду с более традиционными количественными мерами анализа текстов.

Таким образом, проведенное нами исследование, с одной стороны, вписывается в формирующуюся традицию филологических исследований, проводимых цифровыми методами, а с другой – обладает элементом новизны: мы используем тематическое моделирование для поиска интертекстуальных связей мотивов двух групп художественных текстов.

Методология исследования

Материалом для анализа послужили 31 произведение мировой литературы, которые

С. Довлатов охарактеризовал как «книги, которые стоит прочесть» и «книги, которые мне нравятся». В этот список входят тексты русских, британских, французских и американских авторов (список приводится в Приложении). Среди авторов: Ф. Достоевский, А. Куприн, А. Грин, Е. Замятин, Г. Уэллс, Г. де Мопассан и т. д.

Второй подкорпус составили 62 текста С. Довлатова, написанные в период с 1974 по 1990 гг. и собранные методом сплошной выборки из пятитомника, вышедшего в издательстве «Азбука»: рассказы, повести, очерки, критические статьи.

Все тексты прошли предобработку. Они были представлены в табличном формате с тремя колонками: name – название текста, год издания и автор; author – метку other получали тексты «не-Довлатова», соответственно, метку Dovatov – тексты С. Довлатова; text – собственно тексты, где каждая строка соответствовала одному тексту (рис. 1).

	name	author	text
0	Прелести культуры.Михаил Зощенко.1934	other	Я всегда симпатизировал центральным убеждениям...
1	Былое и думы.Александр Герцен.1868	other	Н П. Огареву В этой книге всего больше говори...
2	Зима тревоги нашей.Джон Стейнбек.1961	other	Читателям, которые ...
3	Машина времени.Герберт Уэллс.1895	other	1. ИЗОБРЕТАТЕЛЬ Путешественник по Времен...
4	Морские рассказы.Виктор Конецкий	other	Морские сны Тихая жизнь 15.09.69 Идем из Синга...

Рис. 1. Образец представления текстового материала

Тексты были приведены к нижнему регистру, токенизированы, из них удалены знаки препинания и стоп-слова, проведена лемматизация при помощи `ru_tokenizer`.

Для проведения тематического моделирования использовалась библиотека **gensim**. Это популярная открытая библиотека для тематического моделирования, в которой есть модель – LDA. Для тематического моделирования из лемматизированного текста был создан словарь, при помощи метода **filter_extremes** отфильтрованы слова, встречающиеся слишком часто или слишком редко в тек-

стах. Затем был создан корпус в виде «мешка слов» (bag of words).

Для тематического моделирования, помимо создания корпуса и словаря, необходимо указать количество «обходов», которые будет делать алгоритм (чем больше, тем точнее и медленнее будет создаваться модель), и количество тем, которые мы хотим выделить. Мы установили гиперпараметры следующим образом: 20 топиков и 10 «обходов» (passes).

Каждый документ был представлен в виде «мешка слов» (Bag of words), а затем к нему был применен метод **get_document_topics**.

```
data
local/lib/python3.9/dist-packages/ipykernel/ipkernel.py:283: DeprecationWarning: `sh
should_run_async(code)
```

name	author	text	text_processed	topic_20	probability_20
Прелести ультуры.Михаил Зощенко.1934	other	Я всегда симпатизировал центральный убеждениям...	[симпатизировать, центральный, убеждение, эпох...	12	0.362519
Былое и думы.Александр Герцен.1868	other	Н П. Огареву В этой книге всего больше говори...	[н, п., огарев, книга, говоритьс личность, о...	5	0.708167
Зима тревоги нашей,Джон Стейнбек.1961	other	Читателям, которые ...	[читатель, статья, доискиваться, какой, реальны...	10	0.880703

Рис. 2. Фрагмент таблицы, полученной в результате работы алгоритма

В итоге была получена таблица, в которой к уже существующим трем колонкам были добавлены еще три: `text_processed` – собственно слова (термы), кластеризованные алгоритмом и составляющие тему (топик); `topic_20` – номер темы из 20-ти выделенных, которая имеет для данного текста наибольший вес; `probability_20` – вероятность, с которой данная тема является самой важной для данного текста (рис. 2). Теперь, используя данные из колонок 2 и 5 (тип корпуса: «не-Довлатов» или «Довлатов» и номер самой важной темы текста), мы провели своеобразное картирование, чтобы узнать, есть ли такие

«важные» темы, которые встречаются и в текстах корпуса «Довлатов», и в текстах корпуса «не-Довлатов» (или, лучше сказать, «писатели Довлатова-читателя»).

Результаты и обсуждение

Применив библиотеку `seaborn`, мы получили график (рис. 3), где по горизонтали отложены авторы (Довлатов (Dovlatov) / не-Довлатов (other)), а по вертикали – темы (их номера). Стало понятно, что в двух подкорпусах совпадают только три темы: 0, 7 и 9.

В таблице 1 представлено по 10 термов, составляющих каждый из данных трех топиков, для каждого термина указан его вес.

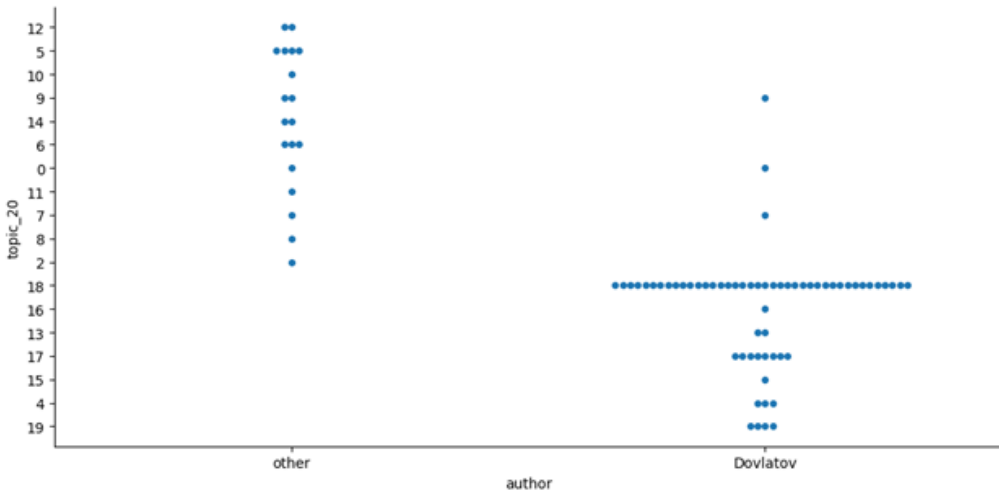

Рис. 3. Дистрибуция тем (топиков) по подкорпусам «Довлатов», «не-Довлатов»

Таблица 1. Темы, совпавшие в двух подкорпусах («Довлатов» и «не-Довлатов») и их термы с весами

тема	Вес, терм 0	Вес, терм 1	Вес, терм 2	Вес, терм 3	Вес, терм 4	Вес, терм 5	Вес, терм 6	Вес, терм 7	Вес, терм 8	Вес, терм 9
0	0.007** <u>иван</u> "	0.007 "товарищ"	0.005**г ород"	0.004** <u>аидрей</u> "	0.004**у йти"	0.004** <u>с.емен</u> "	0.004**оте ц"	0.004** <u>г.деб</u> "	0.004** земля"	0.003**с теть"
7	0.013** <u>комендант</u> "	0.006**к апитан"	0.005** моряк"	0.004** фон"	0.004**г ренер"	0.003**в ечер"	0.003**на делясь"	0.003**п арень"	0.003** буфет"	0.003**р ейс"
9	0.018** <u>старик</u> "	0.017**р ыба"	0.007** вода"	0.007**л одка"	0.005** море"	0.005**с олнце"	0.005**ма льчик"	0.004**л ес"	0.004** акула"	0.004**т емнога"

В следующей таблице представлены значения вероятности, с которой тексты, имеющие ту или иную тему в качестве главной, принадлежат ей. Мы видим, что роман Бориса Пильняка «Голый год» с очень высокой вероятностью принадлежит теме 0, а вероятность того, что рассказ С. Довлатова «У реки» принадлежит ей же, – в два раза меньше. Обратная ситуация наблюдается для рассказа

А. Грина «Комендант порта» и очерка «Мы с вами говорим на разных языках» С. Довлатова: для первого вероятность принадлежности теме 7 равна 44%, а для второго – 99%. Теме 9 практически с одинаковой, очень высокой, степенью вероятности принадлежат и роман Г. Уэллса, и повесть Э. Хемингуэя; рассказ Довлатова принадлежит этой теме с вероятностью в половину меньшей.

Таблица 2. Вероятность принадлежности текста теме в двух подкорпусах текстов: текстов из довлатовского списка для чтения («не-Довлатов») и в текстах, написанных самим С. Довлатовым

Тема	Произведение не-Довлатова	Вероятность	Произведение Довлатова	Вероятность
0	Голый год. Борис Пильняк. 1922	0.99	У реки. 1983	0.45
7	Комендант порта. Александр Грин. 1933	0.44	Мы с вами говорим на разных языках. 1976	0.99
9	Машина времени Г. Уэллс	0.94	Эмигранты. 1985	0.48
	Старик и море. Эрнест Хемингуэй. 1952	0.99		

Проведем филологический анализ интертекстуальных пересечений тем.

Тема 0. Сюжет рассказа Довлатова «У реки» строится на том, что молодой человек по имени Федя, получив отказ от своей юной возлюбленной Зиночки, идет топиться на реку, но, войдя в воду, замечает воришку, уносящего прочь единственные брюки несчаст-

ного влюбленного. Федя пускается в погоню, вместе с милиционером хватает вора и становится поселковым героем, вернув тем самым благосклонность Зиночки. Таким образом, в тексте хорошо просматривается тема резкой и случайной смены социальной роли – из самоубийцы в героя. Трудно сравнивать роман Б. Пильняка с коротким текстом Довлатова,

но мотив упомянутого социального перевертыша красной нитью проходит и через роман: Донат Ратчин, наследник состоятельного купеческого рода, примыкает к красным и безжалостно крушит отчий дом (из богатого наследника превращается в агрессивного революционера); мещанка Олечка Кунц, делопроизводитель пролетарского исполкома, пылает страстью к комиссару Лайтису, но арестована как враждебный элемент (из возлюбленной комиссара превращается во враждебный революции элемент, в арестантку); Наталья Ордынина, княгиня, становится революционеркой и т. д.

Тема 7. Оба произведения: А. Грина «Командант порта» и С. Довлатова «Мы говорим на разных языках» – посвящены теме, которую можно было бы обозначить как «человек, идущий навстречу другим людям»: у Грина это старик Тильс, ставший своеобразной ниточкой, связующей всех моряков, приходящих в порт судов; у Довлатова это Фрицас Маркузас, немецкий врач, участвовавший в молодые годы в революционном движении, прошедший войну и в мирное время помогающий спортсменам бороться с травмами. Оба героя живут в «мужском мире»: Тильс – среди моряков, Маркузас – среди рабочих, затем – среди солдат, позже – среди спортсменов, которых лечит.

Анализ показывает, что в обоих текстах присутствует мотив важности общения, некоего общего языка для становления мировоззрения человека или коллектива людей.

Герой Грина, старик Тильс, ходит от судна к судну, от одной компании моряков к другой, где-то над ним подшучивают, где-то приветчают, где-то гонят, но он – своего рода социальный медиатор: рассказывает последние новости, вспоминает, расспрашивает, желает здоровья и удачи. Когда настает момент сообщить официантке печальную новость о смерти возлюбленного, все чувствуют, что выполнить ее сможет только Тильс. После его смерти все понимают, что старик был чем-то очень важным для городка, для порта – заменить его никто не сможет. Его ценность в том, что он создавал нечто наподобие «общего языка» между всеми. Эта потеря становится осязаемой, когда один из местных парней пытается взять на себя роль Тильса (пример 1):

(1) – *Нет, нет, – ответил с палубы, не обижаясь на дурака, Ластон. – Подделка налицо. Никогда твоя пасть не спросит как надо о том, «были хороши рейсы».*

У Довлатова тот же мотив раскрывается «в обратном порядке»: несмотря на то, что для протагониста (Ф. Маркузас) и антагониста (Гейнц фон Книбуш) родным языком является немецкий, прожив разную жизнь, совершив в ней разные выборы, они в итоге «говорят на разных языках» (пример 2):

(2) *Гранд-отель в Мюнхене. На лестнице беседуют двое пожилых мужчин.*

– *Так мы увидимся? – спрашивает Гейнц фон Книбуш. – Не забывай, мы старые приятели. Мы говорим на одном языке.*

– *О нет, ты ошибаешься, Гейнц Мы говорим на разных языках, – отвечает Маркузас.*

Тема 9. Для «Машины времени» и короткого рассказа Довлатова «Эмигранты» общим оказывается мотив перемещения в иное пространство: у Герберта Уэллса это перемещение изобретателя из XIX в. в город будущего; у Довлатова – мнимое перемещение двух случайных приятелей из советского Ленинграда в Голландию (которая, на самом деле, не более чем район Ленинграда – Новая Голландия). Интересно, что символом попадания в «иное» в обоих текстах становится солнце, сравните (примеры 3–5 – у Уэллса, 6–7 – у Довлатова):

(3) *Пока я мчался таким образом, ночи сменялись днями, подобно взмахам крыльев. Скоро смутные очертания моей лаборатории исчезли, и я увидел солнце, каждую минуту делавшее скачок по небу от востока до запада, и каждую минуту наступал новый день.*

(4) *Скоро я заметил, что полоса, в которую превратилось солнце, колеблется то к северу, то к югу – от летнего солнцестояния к зимнему, – показывая, что я пролетал более года в минуту, и каждую минуту снег покрывал землю и сменялся яркой весенней зеленью.*

(5) *Наконец я отвел от него глаза и увидел, что завеса града прорвалась, небо прояснилось и скоро должно появиться солнце.*

(6) *Солнце вставало неохотно. Оно задевало фабричные трубы. Бросалось под колеса машин на холодный асфальт. Блуждало в зарослях телевизионных антенн. В грязном маленьком сквере проснулись одновременно Чикваидзе и Шаповалов.*

(7) *Дома обступили маленький сквер. Бледное солнце вставало у них за плечами. Остатки ночной темноты прятались среди мусорных баков.*

Терм *солнце* является частью данной темы с весом 0.005 (таблица 1). У Уэллса солнце появляется, чтобы маркировать смену времен во время полета в будущее (пример 3–4) и затем – обозначить момент попадания в «иное» (пример 5). У Довлатова появление солнца также символизирует «озарение» протагонистов о том, что они случайно оказались за границей. Интересен и параллелизм в описании восприятия героями «инога» у Уэллса и Довлатова, сравните у Довлатова (пример 8):

(8) *Друзья шли по набережной. Свернули на людную улицу. Поблескивали витрины. Таяло мороженое. Улыбались женщины и светофоры.*

– *Посмотри, благодать-то какая!* – неожиданно воскликнул Шаповалов.

– *Живут неплохо, – поддакнул Чикваидзе.*

– *А как одеты!*

– *Ведь это – Запад!*

– *Кругом асфальт! Полно машин! А солнце?!*

у Уэллса (пример 9):

(9) *Подбежавший человек показался мне удивительно прекрасным, грациозным, но чрезвычайно хрупким существом... я был весь увешан гирляндами цветов и окружен волнующейся толпой людей, облаченных в светлые, нежных расцветок одежды, сверкавших белизной обнаженных рук и смеявшихся и мелодично ворковавших.*

Мир «инога» воспринимается как олицетворение счастья, где все улыбаются (улыбались женщины и светофоры...; смеявшихся...), хорошо одеты (а как одеты!; облаченных в светлые, нежных расцветок одежды).

Своеобразным антиподом прекрасного «инога» становится образ темноты, олицетворяющей «свой мир» (терм темнота имеет вес 0.004, таблица 1). Так, когда герои Довлатова проснулись после ночной драки (их реальный и обыденный мир) и вознамерились узнать, где они находятся, нарратор констатирует:

(10) *Остатки ночной темноты прятались среди мусорных баков.*

С наступлением темноты изобретатель Уэллса может, наконец, погрузиться в себя и осмыслить то, что он увидел в «новом прекрасном мире»:

(11) *Пока я сидел в сгущавшейся темноте, мне казалось, что этим простым объяснением я разрешил загадку мира и постиг тайну прелестного маленького народа.*

Что касается интертекстуальной связи между проанализированными выше текстами и произведением Э. Хемингуэя «Старик и море», то она проявилась, по-видимому, в теме смены дня и ночи как символа движения во времени и пространстве: как путешественник во времени Уэллса замечает свое движение по тому, как сменяют друг друга солнце и темнота, как Шаповалов и Чикваидзе, прожив банальную в своей обыденности ночь (пьяная драка, знакомство, похмельный сон на куче щебня), оказываются с восходом солнца в «новой жизни» в Новой Голландии, так и старик и рыба движутся через время и пространство, не имея других вех, кроме смены темноты солнцем и снова прихода темноты. На рисунке 4 показано распределение частот морфем *солнц** и *темн** по мере развертывания текста «Старик и море» – они идут попарно на протяжении всего текста.

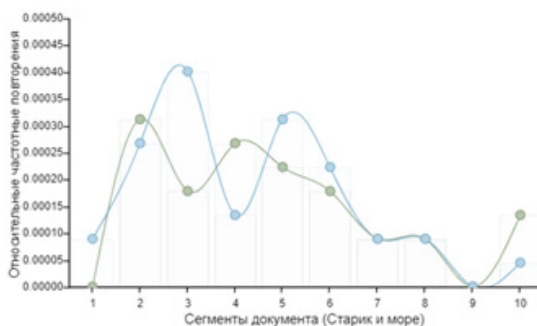

Рис. 4. Распределение частот употребления морфем *солнц** и *темн** по тексту повести Э. Хемингуэя «Старик и море»

Таким образом, проведенный анализ дает основания предполагать, что в коротких текстах С. Довлатова проявляются некоторые мотивы, почерпнутые им из прочитанных в период своего становления произведений художественной литературы. Эти мотивы иногда могут находить причудливое воплощение, узнать их нелегко, тем более – обнаружить интертекстуальные связи между текстами таких разных писателей, как С. Довлатов и А. Грин, Г. Уэллс, Б. Пильняк или Э. Хемингуэй. На наш взгляд, в этом и состоит эвристическая ценность применения моделей ИИ для анализа больших текстовых данных – результаты могут стать направляющим вектором для дальнейших, уже филологических, изысканий.

Заключение

В ходе исследования мы ставили своей целью найти в творчестве Сергея Довлатова его черты как читателя, ответив на вопрос, что из прочитанного им и в какой форме могло проявиться в его текстах. Оттолкнувшись от

предположения о том, что мотив может проявляться как повторяющаяся тема и потому его можно будет узнать, проанализировав статистически важные лексические единицы, мы провели тематическое моделирование текстов, составляющих достояние писателя как читателя, с одной стороны, и написанных им, с другой. Полученный результат частично подтвердил нашу гипотезу: из полученных двадцати тем три были с разной вероятностью определены как ключевые для текстов как Довлатова, так и его любимых писателей. Дальнейший мотивный анализ показал, что в целом выявленные темы и их термы интерпретируемы и позволяют по-новому взглянуть на интертекстуальные переплетения в столь несхожих текстах.

Вторая цель, которую мы преследовали данным пилотным экспериментом, – желание обосновать потенциальную продуктивность использования ИИ в рамках филологического анализа художественных текстов. Представляется, что проанализированный в качестве примера кейс в некоторой мере это желание реализовал.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев, В. С. «Светлый» Лонгфелло: концепт Свет в меняющемся стиле / В. С. Андреев // Известия Смоленского государственного университета. – 2019. – № 3 (47). – С. 201–210.
- Андреев, С. Н. Распределение триграмм в тексте (динамический аспект изучения стихотворного текста) / С. Н. Андреев // Квантитативная лингвистика. – 2016. – Т. 4. – С. 20–30.
- Булатов, В. Г. Методы оценивания качества и многокритериальной оптимизации тематических моделей в библиотеке TopicNet : дис. ... канд. техн. наук / Булатов В. Г. – М., 2020. – 147 с.
- Вахштайн, В. Техника / В. Вахштайн. – СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. – 156 с.
- Гаспаров, Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX в. / Б. М. Гаспаров. – М. : Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – 304 с.
- Жолковский, А. К. Мир автора и структура текста / А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов. – Тенафлу, 1986. – 348 с.
- Мартыненко, Г. Я. Методы математической лингвистики в стилистических исследованиях / Г. Я. Мартыненко. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. – 295 с.
- Матвеева, Г. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк / Г. В. Матвеева. – Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1990. – 172 с.
- Митрофанова, О. А. Исследование структурной организации художественного произведения с помощью тематического моделирования: опыт работы с текстом романа «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова / О. А. Митрофанова // Корпусная лингвистика-2019. – СПб., 2019. – С. 387–394.
- Список Сергея Довлатова. – URL: <http://sergeidovlatov.com/books/urzhumova.html>. – Текст : электронный.
- Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика : учеб. пособие / Б. В. Томашевский ; вступ. статья Н. Д. Тамарченко ; комм. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тамарченко. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 334 с.
- Шерстинова, Т. Ю. Тематическое моделирование русского рассказа 1900–1930: наиболее частотные темы и их динамика / Т. Ю. Шерстинова, А. Д. Москвина, М. А. Кирина [и др.] // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2022». – 2022. – Вып. 21. – С. 512–526.
- Gibson, J. The Ecological approach to visual perception / J. Gibson. – Taylor and Francis, 1986. – 359 p.
- Grootendorst, M. BERTopic: Neural topic modeling with a class-based TF-IDF procedure / M. Grootendorst // ArXiv. – 2022. – arXiv:2203.05794.
- Jacobs, T. Topic models meet discourse analysis: a quantitative tool for a qualitative approach / T. Jacobs, R. Tschötschel // International Journal of Social Research Methodology. – 2019. – No. 22:5. – P. 469–485. – DOI: 10.1080/13645579.2019.1576317.

Jelisavčić, V. Topic models and advanced algorithms for profiling of knowledge in scientific papers / V. Jelisavčić, B. Furlan, J. Protić, C. Milutinović // *Proceedings of the 35th International Convention.* – 2012. – P. 1030–1035.

Koltsov, S. A Full-Cycle Methodology for News Topic Modeling and User Feedback Research / S. Koltsov, S. Pashakhin, S. Dokuka // *Lecture Notes in Computer Science (including subseries Lecture Notes in Artificial Intelligence and Lecture Notes in Bioinformatics)*. 10th International Conference on Social Informatics, SocInfo 2018. – St. Petersburg ; Cham : Springer, 2018. – P. 308–321.

Nikolenko, S. I. Topic modelling for qualitative studies / S. Nikolenko, S. Koltcov, O. Koltsova // *Journal of Information Science.* – 2017. – No. 43 (1). – P. 88–102. – DOI: <https://doi.org/10.1177/0165551515617393>.

Quercia, D. Tweet LDA: supervised topic classification and link prediction in twitter / D. Quercia, H. Askham, J. Crowcroft // *Proceedings of the ACM Web science conference, 2012.* – New York : ACM, 2012. – P. 247–250.

Ritter, A. Unsupervised Modeling of Twitter Conversations / A. Ritter, C. Cherry, B. Dolan // *Human Language Technologies: The 2010 Annual Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics.* – 2010. – P. 172–180.

Schöch, Ch. Topic Modeling Genre: An Exploration of French Classical and Enlightenment Drama / Ch. Schöch. – Text : electronic // *Digital Humanities Quarterly.* – 2017. – Vol. 11, No. 2. – URL: <http://digitalhumanities.org:8081/dhq/vol/11/2/000291/000291.html> (mode of access: 29.04.2023).

Skorinkin, D. Hacking stylometry with multiple voices: Imaginary writers can override authorial signal in Delta / D. Skorinkin, B. Orekhov // *Digital Scholarship in the Humanities.* – 2023. – DOI: <https://doi.org/10.1093/lc/fqad012>.

REFERENCES

Andreev, S. N. (2016). Raspređenje trigramm v tekste (dinamičeskii aspekt izučeniya stikhotvornogo teksta) [Distribution of Trigrams in the Text (the Dynamic Aspect of the Study of the Poetic Text)]. In *Kvantitativnaya lingvistika*. Vol. 4, pp. 20–30.

Andreev, V. S. (2019). «Svetlyi» Longfello: kontsept Svet v menyayushchemsya stile [«Lighted» Longfellow: Concept Light in Changing Style]. In *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3 (47), pp. 201–210.

Bulatov, V. G. (2020). *Metody otsenivaniya kachestva i mnogokriterial'noi optimizatsii tematičeskikh modelei v biblioteke TopicNet [Methods for Quality Assessment and Multi-criteria Optimization of Topic Models in TopicNet Library]*. Dis ... kand. tekhn. nauk. Moscow. 147 p.

Gasparov, B. M. (1993). *Literaturnye leitmotivy. Očerki po russkoi literature XX v.* [Literary Leitmotifs. Essays on Russian Literature of the 20th Century]. Moscow, Nauka. Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura». 304 p.

Gibson, J. (1986). *The Ecological Approach to Visual Perception*. Taylor and Francis. 359 p.

Grootendorst, M. (2022). BERTopic: Neural Topic Modeling with a Class-Based TF-IDF Procedure. In *ArXiv*. arXiv:2203.05794.

Jacobs, T., Tschötschel, R. (2019). Topic Models Meet Discourse Analysis: A Quantitative Tool for a Qualitative Approach. In *International Journal of Social Research Methodology*. No. 22:5, pp. 469–485. DOI: [10.1080/13645579.2019.1576317](https://doi.org/10.1080/13645579.2019.1576317).

Jelisavčić, V., Furlan, B., Protić, J., Milutinović, C. (2012). Topic Models and Advanced Algorithms for Profiling of Knowledge in Scientific Papers. In *Proceedings of the 35th International Convention*, pp. 1030–1035.

Koltsov, S., Pashakhin, S., Dokuka, S. (2018). A Full-Cycle Methodology for News Topic Modeling and User Feedback Research. In *Lecture Notes in Computer Science (including subseries Lecture Notes in Artificial Intelligence and Lecture Notes in Bioinformatics)*. 10th International Conference on Social Informatics, SocInfo 2018. Saint Petersburg, Cham, Springer, pp. 308–321.

Martynenko, G. Ya. (2019). *Metody matematičeskoi lingvistiki v stilističeskikh issledovaniyakh* [Methods of Mathematical Linguistics in Stylistic Research]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya. 295 p.

Matveeva, G. V. (1990). *Funktsional'nye stili v aspekte tekstovykh kategorii: Sinkhronno-sopostavitel'nyi očerki* [Functional Styles in the Aspect of Textual Categories: A Synchronous and Comparative Essay]. Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 172 p.

Mitrofanova, O. A. (2019). Issledovanie strukturnoi organizatsii khudozhestvennogo proizvedeniya s pomoshch'yu tematičeskogo modelirovaniya: opyt raboty s tekstem romana «Master i Margarita» M. A. Bulgakova [The Study of the Structural Organization of a Work of Fiction through Thematic Modeling: Experience with the Text of the Novel “The Master and Margarita” by M. A. Bulgakov]. In *Korpusnaya lingvistika-2019*. Saint Petersburg, pp. 387–394.

Nikolenko, S. I., Koltcov, S., Koltsova, O. (2017). Topic Modelling for Qualitative Studies. In *Journal of Information Science*. No. 43 (1), pp. 88–102. DOI: <https://doi.org/10.1177/0165551515617393>.

Quercia, D., Askham, H., Crowcroft, J. (2012). Tweet LDA: Supervised Topic Classification and Link Prediction in Twitter. In *Proceedings of the ACM Web science conference, 2012*. New York, ACM, pp. 247–250.

Ritter, A., Cherry, C., Dolan, B. (2010). Unsupervised Modeling of Twitter Conversations. In *Human Language Technologies: The 2010 Annual Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics*, pp. 172–180.

Schöch, Ch. (2017). Topic Modeling Genre: An Exploration of French Classical and Enlightenment Drama. In *Digital Humanities Quarterly*. Vol. 11, No. 2. URL: <http://digitalhumanities.org:8081/dhq/vol/11/2/000291/000291.html> (mode of access: 29.04.2023).

Sherstinova, T. Yu., Moskvina, A. D., Kirina, M. A. et al. (2022). Tematičeskoe modelirovanie russkogo rasskaza 1900–1930: naibolee chastotnye temy i ikh dinamika [Thematic Modeling of the Russian Story 1900–1930: The Most Frequent Themes and Their Dynamics]. In *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2022»*. Issue 21, pp. 512–526.

Skorinkin, D., Orekhov, B. (2023). Hacking Stylometry with Multiple Voices: Imaginary Writers Can Override Authorial Signal in Delta. In *Digital Scholarship in the Humanities*. DOI: <https://doi.org/10.1093/lc/fqad012>.

Spisok Sergeya Dovatova [Sergei Dovatov's List]. URL: <http://sergeidovatov.com/books/urzhumova.html>.

Tomashevsky, B. V. (1999). *Teoriya literatury. Poetika* [Theory of literature. Poetics]. Moscow, Aspekt Press. 334 p.

Vakhshayn, V. (2021). *Tekhnika* [Technics]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 156 p.

Zholkovsky, A. K., Shcheglov, Yu. K. (1986). *Mir avtora i struktura teksta* [Author's World and Structure of the Text]. Tenafly. 348 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Тексты подкорпуса «не-Довлатов»:

1. Белые слоны. Хемингуэй. 1927.
2. Бесы. Федор Достоевский. 1872.
3. Бильярд в половине десятого. Генрих Белль. 1959.
4. Былое и думы. Александр Герцен. 1868.
5. В сторону Свана. Марсель Пруст. 1913.
6. Голубой ОТЕЛЬ. Крейн. 1958.
7. Голый год. Борис Пильняк. 1922.
8. Гранатовый браслет. Александр Куприн. 1911.
9. Зависть. Олеша. 1927.
10. Зима тревоги нашей. Джон Стейнбек. 1961.
11. Казаки. Лев Толстой. 1863.
12. Комендант порта. Александр Грин. 1933.
13. Машина времени. Герберт Уэллс. 1895.
14. Милый друг. Ги де Мопассан. 1885.
15. Морские рассказы. Виктор Конецкий.
16. Мы. Евгений Замятин. 1924.
17. Наследник. Лев Славин. 1930.
18. Нетерпение сердца. Стефан Цвейг. 1939.
19. Обыкновенная женщина. Аркадий Аверченко. 1917.
20. Поединок. Куприн. 1905.
21. Прелести культуры. Михаил Зощенко. 1934.
22. Рыжик. Ренар. 1894.
23. Севастопольские рассказы. Лев Толстой. 1855.
24. Смерть героя. Олдингтон. 1929.
25. Старик и море. Эрнест Хемингуэй. 1952.
26. Темные аллеи. Бунин. 1938.
27. Тихий Дон. Шолохов. 1925–1940.
28. Фиеста. Хемингуэй. 1926.
29. Чудаки (рассказы). Том 1. Алексей Толстой. 1908–1911.
30. Чужая жена и муж под кроватью. Достоевский. 1848.
31. Шагреневая кожа. Оноре де Бальзак. 1831.

Данные об авторах

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор департамента филологии Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств, заместитель заведующего лабораторией языковой конвергенции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 190068, Россия, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 119–121.

E-mail: akolmogorova@hse.ru.

Залевская Екатерина Дмитриевна – стажер-исследователь лаборатории языковой конвергенции Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 190068, Россия, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 119–121.

E-mail: edzalevskaya@edu.hse.ru.

Дата поступления: 02.05.2023; дата публикации: 30.06.2023

Authors' information

Kolmogorova Anastasia Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor of Department of Philology, Saint Petersburg School of Humanities and Arts, Deputy Head of the Laboratory of Language Convergence, National Research University Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russia).

Zalevskaya Ekaterina Dmitrievna – Research Intern of the Laboratory of Language Convergence, Saint Petersburg School of Humanities and Arts, National Research University Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russia).

Date of receipt: 02.05.2023; date of publication: 30.06.2023

ФИЛОЛОГИЯ И ЦИФРОВАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА

УДК 81'42:81'27:81'38. ББК Ш105.51+Ш105.55+Ш100.62
ГРНТИ 16.21.27. Код ВАК 5.9.8

ЛЕКСИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРВЬЮ НА ТЕМЫ РЕПРОДУКТИВНОГО ДОНОРСТВА

Мухин М. Ю.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8716-9260>

Полякова И. Г.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9619-2152>

А н н о т а ц и я. Статья отражает социолингвистические результаты проекта создания корпуса интервью женщин, участвующих в репродуктивном донорстве. Оригинальный корпус, основанный на сорока текстах интервью (всего 246 тысяч текстформ), морфологически аннотирован и содержит социологическую метатекстовую разметку, содержащую сведения о группах женщин исходя из возраста, образования, рода занятий, семейного статуса, наличия детей, опыта донорства и т. д. Представлены характеристики типов данных, размещенных в нескольких таблицах, и специфика архитектуры базы данных корпуса, в том числе связи между разными таблицами. На основании лексико-статистического, идеографического и стилистического анализа выявлены наиболее значимые семантические группы слов, объединяющие речь интервьюера и респонденток: «Семья, брак, термины родства», «Общие обозначения пола и возраста», «Репродуктивное донорство», «Рождение ребенка, родительство», «Медицина, здоровье», «Социальные и экономические аспекты», «Эмоции, чувства». Эти группы напрямую связаны с основными социокультурными факторами, определяющими мотивацию донорства: наличие или отсутствие семьи; соотношение детского и взрослого опыта; наличие детей и забота об их рождении и воспитании; здоровье и специфика непростой медицинской процедуры, связанной с донорством; финансовая ситуация в семье и наличие работы; эмоциональное отношение к семейным ценностям и возможному донорству. Выявлены лексические особенности речи интервьюируемых женщин, связанные с бытовыми и социальными подробностями, а также эмоциями самих информантов. Сделаны выводы о социолингвистических различиях групп женщин исходя из признаков наличия/отсутствия детей и возраста, семейного статуса, образования и опыта донорства. Эти различия связаны в основном с тематическими особенностями текстов, компетентностью информантов в суждениях о медицинских реалиях, уверенностью или, наоборот, сомнением в донации и страхом перед ней, мотивами донорства (экономическими или альтруистическими), уровнем эмотивности текстов, их стилистической нейтральностью или сниженностью. Проведено социогуманитарное обобщение, и выявлены черты наиболее типичного и эффективного донора.

К л ю ч е в ы е с л о в а: корпусная лингвистика; социолингвистика; интервью; репродуктивное донорство; лексико-статистический анализ; идеографический анализ; стилистический анализ

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01694, <https://rscf.ru/project/22-28-01694>.

Для цитирования: Мухин, М. Ю. Лексико-статистические и социолингвистические аспекты интервью на темы репродуктивного донорства / М. Ю. Мухин, И. Г. Полякова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 34–44.

LEXICOSTATISTICAL AND SOCIOLINGUISTIC ASPECTS OF INTERVIEWS ON REPRODUCTIVE DONATION

Mikhail Yu. Mukhin

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8716-9260>

Irina G. Polyakova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9619-2152>

Abstract. The article reflects sociolinguistic results of a project of compiling a corpus of interviews of women who took part in reproductive donation. The original corpus, comprising texts of forty interviews (246,000 tokens in total), is morphologically annotated and contains sociological metatextual commentary with data on various groups of women based on age, education, occupation, family status, parenthood, donor experience etc. The article presents characteristics of data types, located in a number of tables, as well as the architecture of corpus database, including connections between various tables. Semantic word groups predominant in establishing connection between an interviewer and an interviewee were established on the basis of lexicostatistical, ideographic and stylistic analysis: “Family, marriage, kinship terms”, “Common definitions of age and gender”, “Reproductive donation”, “Childbirth, parenting”, “Health and medicine”, “Social and economic aspects”, “Emotions, feelings”. These groups are directly linked to the main sociocultural factors which determine the motivation of donorship: presence or absence of family; correlation between childhood and adult experiences; parenthood and childcare; health and specificity of such a complex medical procedure as donation; financial situation in the family and employment; emotional attitude to family values and potential donorship. The study identifies the lexical features of the speech of those interviewed related to everyday life, social details and interviewees’ emotions. The article draws a conclusion about sociolinguistic differences between groups of women based on parenthood, age, family status, education and donorship experience. Said differences are mostly engendered by thematic specificity of texts, informant’s competence in medical realia, certainty or, conversely, uncertainty and fear in the face of donation, donorship motives (economic or altruistic), level of text emotiveness, their stylistic neutrality or low-colloquiality. The article conducts a socio-humanitarian generalization determining the features of the most typical and effective donor.

Keywords: corpus linguistics; sociolinguistics; interview; reproductive donation; lexicostatistical analysis; ideographic analysis; stylistic analysis

Acknowledgments: Research is accomplished with financial support of the Russian Science Foundation, Grant No. 22-28-01694, <https://rscf.ru/project/22-28-01694>.

For citation: Mukhin, M. Yu., Polyakova, I. G. (2023). Lexicostatistical and Sociolinguistic Aspects of Interviews on Reproductive Donation. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 2, pp. 34–44.

Вводные соображения

Корпусная лингвистика сегодня является драйвером развития исследований речевой деятельности. Большой объем размеченных текстовых собраний (письменных текстов, транскриптов устной речи, аудио и видео) позволяет объективно судить о специфике различных речевых жанров и индивидуальных стилей, а также выявлять взаимосвязь между

социальными признаками авторов и речевыми особенностями текстов. В современных корпусах метаданные (или метатекстовая разметка) могут включать гендерную информацию об авторах, как в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ], сведения об их возрасте, роде занятий [CoRST] и, например, медицинском диагнозе [Рассказы о сновидениях...]. Современные междисциплинарные

исследования широко используют корпусные данные, дающие новый материал психолингвистике, социолингвистике и другим социогуманитарным направлениям.

Исследование, представленное в данной статье, актуально также на фоне интереса к системному корпусному представлению современных речевых жанров – в частности, жанра интервью. Авторы имеют в своем распоряжении уникальный материал – беседы на чувствительную тему репродуктивного донорства на фоне бытовых, профессиональных и других подробностей жизни интервьюируемых женщин. Естественно, что многие их суждения имеют индивидуальное языковое выражение, а различные мнения или оценки выражены имплицитно. Сорок интервью проведены и расшифрованы одним из авторов статьи – И. Г. Поляковой. Все опрошенные женщины были пациентками одного из крупных коммерческих центров репродукции г. Екатеринбурга. Интервью входило в обязательную программу для всех претенденток, желающих стать донорами ооцитов, и имело своей целью оценку социально-психологической готовности женщины вступить в программу донации. Репродуктивные центры заинтересованы в стабильных донорах, способных ответственно и осознанно пройти процедуру донорства без повышенных рисков для собственного здоровья и психологического состояния. Все интервью были записаны с полного согласия информанток.

Статья отражает социолингвистические результаты проекта создания корпуса интервью женщин – доноров (или будущих доноров) ооцитов. В задачи проекта входило осуществление необходимой лингвистической и метатекстовой разметки текстов интервью, проведение лексико-статистического, идеографического и стилистического анализа, а также социогуманитарное обобщение, позволяющее определить социолингвистические характеристики групп интервьюируемых женщин и выявить черты наиболее типичного и эффективного донора.

На основании сорока текстов интервью создан относительно небольшой, но тематически и стилистически однородный и, следовательно, репрезентативный корпус. Данное собрание позволяет проводить анализ, свя-

зывающий лексико-семантические особенности текстов и социологические признаки коммуникантов, и в итоге решать задачи настоящего исследования.

Методологическая часть исследования: проблемное поле и общая исследовательская модель

Проблемное поле данного междисциплинарного исследования составляют несколько направлений:

- методологии статистического и идеографического анализа лексики [Бабенко 2020; Mukhin M. Yu., Mukhin N. Yu. 2020; Рахилина и др. 2009; Русский семантический словарь 1998–___; Свод лексики...];
- корпусная лингвистика и вопросы разработки и функционирования лексических баз данных [Копотев 2014; Мухин 2014; WordNet: An electronic database 1998];
- социолингвистические параметры, актуальные для исследования, и их отражение в речи [Беликов, Крысин 2001; Межпоколенческая трансляция... 2021; Mukhin, Lozovskaya 2022; Schwartz et al. 2013];
- вопросы междисциплинарного исследования диалога и, в частности, жанра интервью [Иванова 2009; Кошкарлова 2010; Мажура, Тимофеева, 2019; Яшина 2007; Kovtunen et al. 2018; Potter, Hepburn 2005].

На основании обобщения полученных данных и аналитической работы с исходным материалом (текстами интервью) разработана методология сравнительно-статистического и идеографического анализа текстов, соотнесения статистических и социолингвистических параметров текстов, социогуманитарного обобщения полученных данных. Общая концепция статистического лексического сопоставления основана на существующих наработках корпусного сравнительно-статистического анализа, осуществленного ранее на материале художественных текстов [Мухин М. Ю., Мухин Н. Ю. 2020], текстов лексикографических источников [Мухин 2010], а также в приложении к различным функциональным стилям и жанрам – в том числе публицистическим, научным, официально-деловым текстам.

В уточненном виде идея сопоставительного анализа на основании корпуса текстов

и интерпретации его результатов может быть изложена следующим образом:

1. С учетом социологических признаков респондентов (возраст, наличие детей, образование, опыт донорства и др.) формируются социолингвистические группы участников. Отдельно формируются подкорпуса вопросов интервьюера и ответов респондентов.

2. Осуществляется корпусная выборка частотной лексики, характерной для каждой из выделенных групп.

3. Производится сопоставление; отдельно выбираются слова, часто используемые респондентами каждой группы.

4. Семантическое сопоставление речи респондентов и интервьюера предполагает идеографическую классификацию и выявляет объединяющие приоритеты респондентов и сходные черты их восприятия действительности, в том числе мотивов донорства.

5. Семантическое сопоставление речи респондентов разных групп также предполагает идеографическую классификацию, т. е. выделение семантических множеств, наиболее существенных для каждой социолингвистической группы, и выявление дифференциальных признаков, указывающих на проявление в речи коммуникантов той или иной социологической характеристики. Таким образом выявляются лингвистические доминанты в связи с социологическими метаданными и сопоставляются речевые особенности разных социологических групп женщин исходя из возраста, образования, рода занятий, семейного статуса, наличия детей, опыта донорства и т. д.).

Далее проводится социогуманитарное обобщение полученных данных; на его основании выстраиваются социолингвистические характеристики групп интервьюируемых женщин и выявляются черты наиболее типичного и эффективного донора.

Практическая часть исследования

Достижение заявленной цели связано с созданием нового лингвистического корпуса, что обусловило решение ряда задач технического и лингвистического характера, последующий перевод текстового материала в систему управления базами данных (СУБД) и его дальнейшую обработку.

Проведена инвентаризация и необходимая предварительная обработка текстов интервью (40 текстов – исходно в формате MS Word, со шрифтовой разметкой, отражающей речь интервьюера и интервьюируемых женщин). Тексты интервью нормализованы, приведены к единым параметрам, проверена точность шрифтового выделения субъектов речи.

Далее составлен исходный перечень неоднородных выражений (в русском языке это единицы типа *в течение, более того, как правило* и др.), которые размечены в текстах, с тем чтобы впоследствии они обрабатывались как единые токены и не пересекались с такими словами, как *течение, тот, правило*. Всего таких выражений было выявлено 58 в 3711 случаях. С помощью ряда замен в текстовом редакторе расставлены номера отдельных интервью, а также номера разных реплик (пар вопросов/ответов) и речи разных субъектов (интервьюера и интервьюируемых).

Проведен автоматический морфологический анализ текстов¹ с сохранением межсловных символов: пробелов, знаков препинания, цифр и т. п. Текстовые данные преобразованы в основную таблицу базы, содержащую в разных полях словоформу (поле Form), слово в начальной форме (поле Word), сокращенное обозначение части речи (POS – part of speech), грамматические сведения (Grammar), межсловные и технические символы (Symbol), номер интервью (Donor), субъект речи (поле Person со значениями 0 – интервьюер, 1 – интервьюируемый), номер вопроса/ответа (Question). Например, вопрос интервьюера «Полных лет Вам сколько?» во фрагменте большой таблицы выглядит следующим образом:

№	Form	Word	POS	Grammar	Symbol	Donor	Person	Question
11	Полных	полный	при	пр.мн.полн/вин.мн.полн.од/род.мн.полн		1	0	1
12	лет	год	сущ	муж.неод=род.мн		1	0	1
13	Вам	вы	мсу	мн.2-л=дат		1	0	1
14	сколько	сколько	нар		?р	1	0	1

¹ В работе использовалась программа MyStem, разработанная корпорацией «Яндекс».

Отдельно для размещения в другой таблице базы данных подготовлены целые реплики вопросов и ответов для будущего иллюстративного материала (поле Phrase).

№	Person	Question	Donor	Phrase
1	0	1	1	С вашего разрешения вашу беседу я буду записывать. Полных лет Вам сколько?
2	1	1	1	31.
3	0	2	1	Дата рождения?
4	1	2	1	09.09.1990.
5	0	3	1	Красиво. Работаете, учитесь?
6	1	3	1	Работаю.

Таблицы связаны по трем полям, содержащим номер интервью, номер вопроса/ответа и указание на субъект речи. Проведена проверка данных на предмет ошибок морфологического анализа и правильности разделения полей.

Далее выполнена работа по системному представлению метаданных доноров для их размещения в отдельной таблице. Проанализированы собранные в результате анкетирования социологические характеристики, и сделан вывод о необходимости их формализации и социологического шкалирования. В частности, особой

Реплики снабжены информацией о субъекте речи (Person), номере вопроса/ответа (Question) и номере интервью (Donor):

формализации потребовали сведения об образовании, роде занятий и семейном статусе респондентов. В итоге определены актуальные для исследования метаданные и формализован (системно представлен) набор их значений: возраст (Age, числовой тип данных), далее – образование (Education), род занятий (Employment) и семейный статус (Family) с закрытым набором текстовых значений, количество детей (Child, числовой тип данных), опыт донорства (Donation, логический тип данных). Например, для интервью № 6 эти данные выглядят так:

Donor	Age	Education	Employment	Family	Child	Donation
6	25	сс ¹	медицина	брак	2	0

Метаданные размещены в отдельной таблице, связанной с текстовыми таблицами по полю, содержащему номер интервью.

Проведен первичный анализ данных. Общее количество текстоформ в интервью после объединения неоднословных выражений составило 246 060 слов (от 3669 до 9569, в среднем 6152 слова). Из них 126 345 (51,3%) составляют реплики (в основном – ответы) информантов и 119 715 (48,7%) – реплики (в основном – вопросы) интервьюера. Интервью содержат от 144 до 394 пар вопросов и ответов (в среднем 216, всего 8654 пары).

Осуществлено лексическое сопоставление (идеографический и стилистический анализ) речи интервьюера и интервьюируемых. Интерпретация значений слов здесь и далее по-

требовала проведения множественного контекстологического анализа, чтобы исключить воздействие фактора лексической многозначности.

Отмечено, что среди слов, объединяющих субъектов речи, наибольшие отклонения от общезыковых показателей имеют лексемы следующих смысловых групп:

- семья, брак, термины родства (*семья, брак, мама, мать, папа, отец, дочь, сын, родитель (родители), муж, бабушка, брат, сестра, дедушка, семейный, декрет, замуж*);
- общие обозначения пола и возраста (*женщина, девочка, мужчина, мальчик, детство, молодой, детский, взрослый, младший*);
- репродуктивное донорство (*яйцеклетка, донор, ооцит, донорство, суррогатный*);

¹ Сокращение «сс» означает среднее специальное образование.

- рождение ребенка, родительство (*ребенок, рожать, беременность, рождение, материнство, воспитывать*);
- медицина, здоровье (*врач, наркоз, кровь, процедура, клиника, операция, пункция, здоровье, боль, гормон (гормоны), живот, болеть, медицинский, больно, организм*);
- социальные и экономические аспекты (*работать, работа, деньги, зарабатывать, образование, финансовый, школа, план, планировать, последствие (последствия)*);
- эмоции, чувства (*чувство, нравиться, любить, любовь, эмоция, счастливый, ответственность*).

Перечисленные группы не только являются основными тематическими направлениями интервью, но и представляют собой наиболее важные сферы, связанные с донорством, и, в частности, социально-экономические и эмотивные аспекты ситуации донорства и решения, которое принимает женщина-донор.

Рассмотрим характеристики, различающие речь интервьюера и информантов. Лексические особенности речи интервьюера явно отличаются книжностью и определенной официальностью, большим интересом к правовым и этическим аспектам донорства. Так, среди терминов родства и отношений здесь часто употребляются *супруг и супруга, партнер, биологический* (родитель, ребенок). Среди слов, связанных с донацией, здоровьем и медициной, – *фертильность, протокол, реципиент, яичник, фолликул, гиперстимуляция, стимуляция, вмешательство, гормональный, препарат, анонимный, биологический* (материал). Делается акцент на личностных характеристиках и мотивации (*поступок, верующий, мотив, личность, хобби*), оценке развития событий (*потенциальный, гипотетический, шанс, вероятность*), а также возможных осложнениях (*травма, травматичный, осложнение*).

Речь информантов, напротив, характеризуется определенной стилистической сниженностью: *блин, дочка, чё (чё-то), прямо* (частица), *не-а*. В рассказах о жизни и возможных предпосылках донации часто встречаются бытовая лексика (*дом, дома, домой, переезжать, купить, магазин*), слова, связанные с учебой или хобби (*класс, колледж, учеба, университет, группа* – социальная или академическая, *общение, танец/*

танцы), финансовым обеспечением (*ипотека, зарплата, бизнес, вознаграждение* – чаще за донацию), беременностью (*забеременеть, родить, роддом, беременная, роды, аборт*) и семьей (*за мужем, свадьба*), медициной (*обследование, больница, психолог, гинеколог медсестра*) и т. д. В соответствии с коммуникативными задачами многие из этих слов отличаются от частотной лексики интервьюера конкретизацией в плане описания жизненных ситуаций (*магазин, ипотека, танцы, зарплата, аборт, медсестра* и др.). В целом лексический срез речи информантов дополняет концептуальную систему, связанную с донорством, бытовыми и социальными подробностями, а также эмоциями самих информантов, которые во время беседы часто смеются и плачут, о чем свидетельствует метаразметка интервью, а также достаточно часто указывают на правдивость своих слов (*честно, честно говоря, если честно и др. маркеры*).

В ходе исследования выявлены лингвистические доминанты в связи с социологическими метаданными и сопоставлены речевые характеристики разных социологических групп женщин исходя из (1) наличия/отсутствия детей и возраста, (2) семейного статуса, (3) образования и (4) опыта донорства. Рассмотрим результаты на примере групп женщин, выделенных по этим признакам.

1. Социолингвистические группы женщин по наличию/отсутствию детей и возрасту. Тридцать одна женщина из опрошенных является матерью, а девять не имеют детей. При этом деление на две группы непосредственно связано с возрастом. Средний возраст женщин первой группы – почти 30 лет, а первой – 24 года. Исходя из этого, признаки возраста и наличия/отсутствия детей можно объединить, так как их анализ дает сходные результаты.

Основные темы первой группы: беременность, роды (*рождение, роды, кесарево, вынашивать, роддом, декрет*), дети (*дочь, сын, дочка, ребеночек*) и их воспитание (*воспитание, материнство, садик*), проблемы с браком (*развод, ругаться*), результат образования (*образование, диплом, специалист*) и финансовые возможности (*зарабатывать, финансы, платить*).

Вторая группа отличается интересами, связанными с учебой (*университет, учитель, педагогический, педагог, бюджет* – как форма обучения), спортом (*спорт, гимнастика*), об-

щением (*компания, знакомая, пообщаться, инстаграм, окружение*), эмоциями (*любимый, страшно, грустно, счастье*).

2. Социолингвистические группы женщин по семейному статусу (в браке / не в браке). Для чистоты выборки из нее были исключены три интервью респонденток, указавших свой статус как «гражданский брак». Остальные или состоят в законном браке (средний возраст – 29,7 лет), или не состоят, то есть не вступили в брак или находятся в разводе (средний возраст – 26,5 лет). Разделение по семейному статусу однозначно соотносится с наличием/отсутствием детей только в отношении тех, кто замужем: из 22 женщин, состоящих в браке, только две не имеют детей. Поэтому темы, волнующие эту группу, предсказуемы: роды, воспитание детей, медицина, работа, быт.

Однако соотношение признаков «семейный статус» и «наличие/отсутствие детей» не такое однозначное. В группе незамужних из 15 женщин не имеют детей 6, и интерпретация социолингвистических результатов этой группы является более показательной. Для женщин, которые в данный момент не замужем, актуальны, во-первых, сама тема замужества (*замуж, развод, расходиться*), вопросы денег, обычно в плане решения финансовых проблем (*вознаграждение, продажа, продавать, долг (долги), финансы*), эмоционального состояния, оценки межличностных чувств (*страх, комфортно, эмоция, испытывать, поддержка (моральная), теплый* – о чувствах). В нескольких интервью часто упоминается об отношениях с *отчимом* как проекции на сегодняшний день, а также об *армии* (обычно как факторе последующего расставания с мужчиной).

3. Группы по специфике полученного образования. Респондентки объединяются в две значимые по количеству группы: имеющие высшее образование (16 человек) и имеющие среднее или среднее специальное образование (19 человек). Для чистоты данных из выборки здесь были исключены интервью пяти женщин с неполным высшим образованием.

Имеющие высшее образование обсуждают специализированные моменты донорства или лечения (*ЭКО, гормоны* (в связи со сдачей анализов или лечением), *препарат* и др.). В их речи ожидаемо обнаруживаются слова *университет, институт, образование, курс* (академи-

ческий), а также лексика профессиональной деятельности, требующей соответствующего уровня подготовки (*специалист, экономист, бизнес, руководитель, специальность, стоматология* как место работы).

В речи респонденток со средним и средним специальным образованием чаще встречаются термины родства (*дочь, тетя, дядя* и др.), большая группа слов с эмотивной семантикой (*страшный, страх, страшно, счастливый, испытывать, теплый* (об отношениях, чувствах), *ругаться, рад, радость, эмоция, неприятный, гордость, любимый. успокаивать, расстраиваться*), а также разнородная лексика, связанная с описанием бытовых ситуаций. Отметим, что именно для этой группы в значительно большей степени, чем для предыдущей, характерна разговорная лексика (*дочка, садик, мамин, ребеночек, не-а*).

4. Опыт донорства – еще одна социолингвистическая характеристика, обнаруживающаяся в лексиконе двух групп женщин. В речи женщин, уже имеющих этот опыт, явно доминирует лексика экономического характера (*зарплата, вознаграждение, заработок, финансы, продавать, продажа, менеджер, недвижимость, договор*) и профессиональной деятельности (*специалист, график работы, труд, магазин как место работы*) или учебы (*учеба, урок/уроки, институт*). Выделяется также группа слов, связанных с беременностью и родами (*роды, гинеколог, кесарево, роддом*).

Для женщин, не имеющих опыта донорства, на первый план выходят слова, связанные с процедурой донации и возможными рисками: *процедура, риск, последствия, страшно (или не страшно)*. Частота слова *помощь* связана с рассуждениями о мотивах донорства как помощи людям или о необходимости финансовой помощи семье. Донорство яйцеклетки сопоставляется с донорством *крови*, опыт которого есть у некоторых респонденток. Кроме того, здесь также встречаются слова, связанные с учебной деятельностью (*колледж, университет, диплом*).

Выводы

Лексико-статистическое, идеографическое и стилистическое исследование, проведенное на основе корпуса интервью женщин, участвующих в репродуктивном донорстве,

выявило следующие социолингвистические характеристики текстов и социокультурные особенности респонденток.

1. Доминантные семантические группы лексики указывают на основные социокультурные факторы, определяющие мотивацию донорства. Это наличие или отсутствие семьи; соотношение детского и взрослого опыта; наличие детей и забота об их рождении и воспитании; здоровье и специфика непростой медицинской процедуры, связанной с донорством; финансовая ситуация в семье и наличие работы; эмоциональное отношение к семейным ценностям и возможному донорству.

2. Различные бытовые обстоятельства, отношения в семье, работа или учеба существенным образом влияют на решение женщины стать донором. Стилистические особенности речи информантов свидетельствуют, скорее, о не профессиональном медицинском, а, наоборот, бытовом, человеческом и даже иногда наивном отношении к донации. Донорство оказывается тесно связанным с контекстом личной жизни, и рассуждения о нем в связи с личным женским опытом характеризуются высокой степенью эмотивности. Сомнения или, наоборот, уверенность в интерпретации этого опыта и принятии решения стать донором проявляются в желании респонденток подтверждать свои слова маркерами правдивости, истинности.

3. Сопоставление речевых характеристик социологических групп женщин дало следующие результаты.

Признаки возраста и наличия/отсутствия детей пересекаются и поэтому рассмотрены вместе. Более взрослые женщины, имеющие детей, объяснимо в значительно большей степени поднимают в своих ответах темы брака, воспитания детей, профессии, финансового состояния семьи. Более молодая возрастная группа интересуется различными увлечениями, учебой и в целом проявляет более высокую эмотивность в отношении к донорству и в описании жизненных фактов.

Интересы замужних женщин похожи на данные, которые дает группа более взрослых респонденток. В то же время незамужние за-

трагивают более широкий круг тем, среди которых вопросы брака и оценки межличностных отношений, чувств, а также своеобразная семейная аналитика.

Женщины, получившие высшее образование, пытаются более «компетентно» судить о репродуктивных технологиях и медицине в целом и проявляют специализированную профессиональную подготовку. Рассказы женщин без высшего образования содержат больше бытовых жизненных подробностей и характеризуются разговорностью стиля.

Наконец, те, кто уже имеет опыт донорства, чаще рассуждают о финансовых аспектах, профессии, беременности и родах. Отсутствие опыта заставляет сомневаться в донации, испытывать страх перед медицинской процедурой. Данные свидетельствуют о том, что женщины, не имеющие такого опыта, чаще говорят об альтруистических мотивах донорства, хотя из этого не следует прямой социологический вывод.

4. На основании социолингвистических характеристик этих и других групп респонденток проведено социогуманитарное обобщение и выявлены черты потенциально наиболее типичного и эффективного донора. Судя по данным, это женщина, имеющая детей (часто более одного), состоящая в браке, чаще с высшим образованием, средний возраст – 31 год.

Лингвистические методы, использованные в этой работе (лексико-статистический, идеографический, стилистический анализ и в целом корпусное представление данных), позволяют в разных случаях подтверждать или корректировать выводы социологического характера, а большой массив обрабатываемых данных – более объективно выявлять обобщенные социолингвистические характеристики. В перспективе исследования – более глубокий контекстологический и стилистический анализ представленного материала в контексте специфики медицинского интервьюирования.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабенко, Л. Г. Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении: динамика интерпретаций / Л. Г. Бабенко // Научный диалог. – 2020. – № 9. – С. 9–47. – <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-9-47>.
- Беликов, В. И. Социоллингвистика : учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М. : РГГУ, 2001. – 315 с.
- Иванова, И. В. Жанр интервью: формы бытования и языковые особенности : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Иванова И. В. – Астрахань, 2009. – 24 с.
- Копотев, М. Введение в корпусную лингвистику : учебное пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей университетов / М. Копотев. – Прага, 2014. – 230 с.
- Кошкарлова, Н. Н. Коммуникативные стратегии и тактики интервьюера и интервьюируемого в гармоничном дискурсе: специфика политического интервью / Н. Н. Кошкарлова // Ученые записки ЗабГУ. Серия Филология, история, востоковедение. – 2010. – № 3. – С. 88–93.
- Мажура, А. В. К вопросу о жанровой классификации интервью в журналистском творчестве / А. В. Мажура, Е. Д. Тимофеева // Наука и школа. – 2019. – № 3. – С. 47–53.
- Межпоколенческая трансляция коммуникативно-культурной памяти в эпоху цифровизации : научная монография / Г. Д. Саймонс, М. Ю. Мухин, В. Ф. Олешко [и др.]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. – 204 с.
- Мухин, М. Ю. Базы данных лексикографической группы «Русский глагол»: статистические параметры и возможности их лингвистической интерпретации / М. Ю. Мухин // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (133). – С. 256–262.
- Мухин, М. Ю. Новая версия лексикографической интерпретации: опыт статистического сопоставления русских толковых словарей / М. Ю. Мухин // Новые версии лексикографической интерпретации языковой реальности. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2010. – С. 144–150.
- Мухин, М. Ю. «Шаги» персонажей в прозе Л. Н. Толстого и его современников: сопоставительное статистическое исследование авторской лексической сочетаемости / М. Ю. Мухин, Н. Ю. Мухин // Cuadernos de Rusística Española. – 2021. – № 17. – P. 67–76.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 03.02.2023). – Текст : электронный.
- Новый частотный словарь русской лексики / под ред. О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова. – URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 04.02.2023). – Текст : электронный.
- Рассказы о сновидениях и другие корпуса звучащей речи. – URL: <http://spokencorpora.ru/> (дата обращения: 04.02.2023). – Текст : электронный.
- Рахилина, Е. В. Задачи и принципы семантической разметки лексики в НКРЯ / Е. В. Рахилина, Г. И. Кустова, О. Н. Ляшевская, Т. И. Резникова, О. Ю. Шеманаева // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. – СПб. : Нестор-История, 2009. – С. 215–239.
- Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; [авт.-сост.: Н. Ю. Шведова и др.] ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Азбуковник : ИРЯ РАН, 1998–____.
- Свод лексики как идеографическая карта мира: Универсальный словарь-тезаурус русского языка. Карточка проекта, поддержанного Российским научным фондом. – URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00352/> (дата обращения: 24.10.2022). – Текст : электронный.
- Яшина, Н. В. Коммуникативные и интонационные особенности дискурса телеинтервью (на материале американского варианта английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Яшина Н. В. – Иваново, 2007. – 22 с.
- CoRST – Corpus of Russian Student Texts. – URL: http://web-corpora.net/learner_corpus (дата обращения: 03.02.2023). – Текст : электронный.
- Kovtunen, I. V. Interview as a genre of new media communication: Rhetorical relations and pragmatic effects / I. V. Kovtunen, S. V. Bylkova, V. A. Borisenko, N. Minakova, V. I. Rogacheva // Xlinguae. – 2018. – No. 11 (2). – P. 95–105. – DOI: 10.18355/XL.2018.11.02.08.
- Mukhin, M. Yu. Idiostyle Characteristics of Lexical Compatibility in the 19th Century Prose: Ural Stylometric Project / M. Yu. Mukhin, N. Yu. Mukhin // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 13. – № 12. – С. 2027–2034.
- Mukhin, M. Yu. Linguistic Markers of Communicative-Cultural Memory of Generations in the Reflection of the Social Network / M. Yu. Mukhin, A. Lozovskaya // Studies in Contemporary Journalism and Communication in Russia's Provinces. – Routledge, 2022. – Part 4 (13). – P. 190–199.
- Potter, J. Qualitative interviews in psychology: problems and possibilities / J. Potter, A. Hepburn // Qualitative Research in Psychology. – 2005. – No. 2:4. – P. 281–307. – DOI: 10.1191/1478088705qro450a.
- Schwartz, H. A. Personality, Gender, and Age in the Language of Social Media: The Open Vocabulary Approach / H. A. Schwartz, J. C. Eichstaedt, M. L. Kern et al. – Text : electronic // PLOS One. – 2013. – URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0073791> (mode of access: 03.02.2023).
- WordNet: An electronic database / edited by Ch. Fellbaum, with a preface by G. Miller. – Cambridge, MA : MIT Press, 1998. – 422 p.

REFERENCES

- Babenko, L. G. (2020). Tipy leksicheskikh mnozhestv v strukturno-semanticheskom, kognitivno-diskursivnom i leksikograficheskom osveshchenii: dinamika interpretatsii [Types of Lexical Sets in Structural-Semantic, Cognitive-Discursive and Lexicographic Coverage: Dynamics of Interpretations]. In *Nauchnyi dialog*. No. 9, pp. 9–47. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-9-47>.

- Belikov, V. I., Krysin, L. P. (2001). *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow, RGGU. 315 p.
- CoRST – *Corpus of Russian Student Texts*. URL: http://web-corpora.net/learner_corpus (mode of access: 03.02.2023).
- Fellbaum, Ch. (Ed.). (1998). *WordNet: An electronic database*. Cambridge, MA, MIT Press. 422 p.
- Ivanova, I. V. (2009). *Zhanr interv'yū: formy bytovaniya i yazykovye osobennosti* [Interview Genre: Forms of Existence and Linguistic Features]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Astrakhan. 24 p.
- Kopotev, M. (2014). *Vvedenie v korpusnuyu lingvistiku* [Introduction to Corpus Linguistics]. Prague. 230 p.
- Koshkarova, N. N. (2010). Kommunikativnye strategii i taktiki interv'yūera i interv'yūiruемого v garmonichnom diskurse: spetsifika politicheskogo interv'yū [Communicative Strategies and Tactics of the Interviewer and the Interviewee in Harmonious Discourse: The Specifics of a Political Interview]. In *Uchenye zapiski ZabGU. Seriya Filologiya, istoriya, vostokovedenie*. No. 3, pp. 88–93.
- Kovtunen, I. V., Bylkova, S. V., Borisenko, V. A., Minakova, N., Rogacheva, V. I. (2018). Interview as a Genre of New Media Communication: Rhetorical Relations and Pragmatic Effects. In *Xlinguae*. No. 11 (2), pp. 95–105. DOI: 10.18355/XL.2018.11.02.08.
- Lyashevskaya, O. N., Sharov, S. A. (Eds.). *Novyi chastotnyi slovar' russkoi leksiki* [New Frequency Dictionary of Russian]. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (mode of access: 04.02.2023).
- Mazhura, A. V., Timofeeva, E. D. (2019). K voprosu o zhanrovoi klassifikatsii interv'yū v zhurnalistskom tvorchestve [On the Problem of Genre Classification of Interviews in Journalistic Creativity]. In *Nauka i shkola*. No. 3, pp. 47–53.
- Mukhin, M. Yu. (2010). Novaya versiya leksikograficheskoi interpretatsii: opyt statisticheskogo sopostavleniya russkikh tolkovykh slovarei [New Version of Lexicographic Interpretation: Experience of Statistical Comparison of Russian Explanatory Dictionaries]. In *Novye versii leksikograficheskoi interpretatsii yazykovo real'nosti*. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, pp. 144–150.
- Mukhin, M. Yu. (2014). Bazy dannykh leksikograficheskoi gruppy «Russkii glagol»: statisticheskie parametry i vozmozhnosti ikh lingvisticheskoi interpretatsii [Databases of the Lexicographic Group “Russian Verb”: Statistical Parameters and Possibilities of Linguistic Interpretation]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*. No. 4 (133), pp. 256–262.
- Mukhin, M. Yu., Lozovskaya, A. I. (2022). Linguistic Markers of Communicative-Cultural Memory of Generations in the Reflection of the Social Network. In *Studies in Contemporary Journalism and Communication in Russia's Provinces*. Routledge. Part 4 (13), pp. 190–199.
- Mukhin, M. Yu., Mukhin, N. Yu. (2020). Idiostyle Characteristics of Lexical Compatibility in the 19th Century Prose: Ural Stylometric Project. In *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Vol. 13. No. 12, pp. 2027–2034.
- Mukhin, M. Yu., Mukhin, N. Yu. (2021). «Shagi» personazhei v proze L. N. Tolstogo i ego sovremennikov: sopostavitel'noe statisticheskoe issledovanie avtorskoi leksicheskoi sochetaemosti [“Steps” of Characters in Prose of Leo Tolstoy and His Contemporaries: Comparative Statistical Analysis of Author's Lexical Compatibility]. In *Cuadernos de Rusística Española*. No. 17, pp. 67–76.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (mode of access: 03.02.2023).
- Potter, J., Hepburn, A. (2005). Qualitative Interviews in Psychology: Problems and Possibilities. In *Qualitative Research in Psychology*. No. 2:4, pp. 281–307. DOI: 10.1191/1478088705qp0450a.
- Rakhilina, E. V., Kustova, G. I., Lyashevskaya, O. N., Reznikova, T. I., Shemanaeva, O. Yu. (2009). Zadachi i printsipy semanticheskoi razmetki leksiki v NKRYa [Tasks and Principles of Semantic Annotation in RNC]. In *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy*. Saint Petersburg, pp. 215–239.
- Rasskazy o snovideniyakh i drugie korpusa zvuchashchei rechi* [Dream Stories and Other Corpora of Oral Speech]. URL: <http://spokencorpora.ru/> (mode of access: 04.02.2023).
- Schwartz, H. A., Eichstaedt, J. C., Kern, M. L. et al. (2013). Personality, Gender, and Age in the Language of Social Media: The Open Vocabulary Approach. In *PLOS One*. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0073791> (mode of access: 03.02.2023).
- Shvedova, N. Yu. et al. (Eds.). (1998–____). *Russkii semanticheskii slovar'* [Russian Semantic Dictionary]. Moscow.
- Simons, G. D., Mukhin, M. Yu., Oleshko, V. F. et al. (2021). *Mezhpokolencheskaya translyatsiya kommunikativno-kul'turnoi pamyati v epokhu tsifrovizatsii* [Intergenerational Transmission of Communicative and Cultural Memory in the Era of Digitalization]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 204 p.
- Svod leksiki kak ideograficheskaya karta mira: Universal'nyi slovar'-tezaurus russkogo yazyka. Kartochka proekta, podderzhanogo Rossiiskim nauchnym fondom* [Vocabulary as an Ideographic Map of the World: Universal Thesaurus of Russian. Card of the Project Supported by Russian Science Foundation]. URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00352/> (mode of access: 24.10.2022).
- Yashina, N. V. (2007). *Kommunikativnye i intonatsionnye osobennosti diskursa televinterv'yū (na materiale amerikanskogo varianta angliiskogo yazyka)* [Communicative and Intonational Features of the TV Interview Discourse (on the Material of American Version of English)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ivanovo. 22 p.

Данные об авторах

Мухин Михаил Юрьевич – доктор филологических наук, заведующий кафедрой фундаментальной и прикладной лингви-

Authors' information

Mikhin Mikhail Yurievich – Doctor of Philology, Head of Department of Fundamental and Applied Linguistics and Textology,

стики и текстоведения, Уральский федеральный университет им. первого Президента Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620083, Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.

E-mail: mikhail.mukhin@urfu.ru.

Полякова Ирина Геннадьевна – кандидат социологических наук, научный сотрудник Уральского межрегионального института общественных наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620083, Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.

E-mail: irinapolykova@yandex.ru.

Дата поступления: 15.03.2023; дата публикации: 30.06.2023

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Polyakova Irina Gennadyevna – Candidate of Sciences in Sociology, Affiliation Researcher of Ural Center for Advanced Studies, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Date of receipt: 15.03.2023; date of publication: 30.06.2023

УДК 81'42:81'373:004.032.26. ББК Ш105.51+Ш105.3+3813
ГРНТИ 16.21.27. Код ВАК 5.9.8

НЕЙРОСЕТЬ КАК КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО ТЕКУЩЕГО МОМЕНТА

Плотникова А. М.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6027-2855>

Аннотация. Распространение технологий искусственного интеллекта приводит к широкому обсуждению проблематики цифровых исследований в новых медиа. Словосочетание «нейронная сеть» оказывается одним из самых частотных в этой сфере по причине впечатляющих возможностей, которые приносят в жизнь технологии искусственного интеллекта. Однословные варианты образованы при помощи стяжения *нейросеть*, *нейросетка*, иногда в медийной сфере оказываются и другие лексические единицы, например: *сеть*, *сетка*, *сеточка*. Имитация работы мозга, свойственная этой технологии искусственного интеллекта, определяет ассоциативный фон слов данного синонимического ряда и круг метафорических образов, с ним связанных. Прагматический потенциал этих слов формируется оценкой нейросетей как технологий, несущих угрозу многим областям жизни человека. Слово «нейросеть» рассматривается как частотное для медийного дискурса слово, используемое в сильных текстовых позициях, обладающее широкими парадигматическими и синтагматическими связями, словообразовательной активностью и становящееся объектом метаязыковой рефлексии. Генетически связанное со сферой IT-терминологии, это слово подвергается медиатизации, становясь ключевым словом текущего момента. В статье представлена интерпретация результатов автоматической обработки медиатекстов, посвященных нейросетям, построено облако слов, семантически связанных с лексической единицей «нейросеть», осуществлена кластеризация контекстов, позволяющая обнаружить наиболее значимые темы, обсуждаемые в медиaprостранстве. В статье уделяется внимание метафорам интеллектуальной и речевой деятельности, пищевым метафорам, а также модели «нейросеть – робот», которые приобретают особую актуальность в медиакommunikации. Уподобление нейросетей человеческому мозгу определяет включенность слова «нейросеть» в игровые контексты, в которых преобладает прецедентный код языковой игры. Трансформации гуманистических ценностей, являющиеся неизбежным результатом распространения технологий искусственного интеллекта, являются объектом художественной рефлексии, а в публицистике наиболее значимым становится обсуждение влияния нейросетей на образование и, в частности, создание учебных текстов. По данным медиа, нейросети конструируют новую этику взаимодействия между человеком и машиной и новый тип коммуникации, который, безусловно, еще станет объектом осмысления.

Ключевые слова: медиакommunikация; автоматическая обработка естественного языка; ключевое слово текущего момента; искусственный интеллект; метафора

Для цитирования: Плотникова, А. М. Нейросеть как ключевое слово текущего момента / А. М. Плотникова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 45–54.

NEYROSET' AS A KEYWORD OF THE CURRENT MOMENT

Anna M. Plotnikova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6027-2855>

Abstract. The spread of artificial intelligence technologies leads to a broad discussion of the problems of digital research in new media. The phrase “*neyronnaya set'*” (neural network) turns out to be one of the most frequent units in this area because of the impressive opportunities that artificial intelligence technologies bring to life. One-word variants are formed by means of shortening (*neyroset'*, *neyrosetka*); sometimes other lexical units turn up in the media sphere (*set'*, *setka*, *setochka*). The imitation of brain work inherent in this artificial intelligence technology determines the associative background of the words of this synonymic set and the range of metaphorical images associated with it. The pragmatic potential of these words is formed by the assessment of neural networks as technologies that pose a threat to many areas of human life. The word *neyroset'* is considered as a frequent word in media discourse, used in strong textual positions, possessing broad paradigmatic and syntagmatic connections and word-formation activity, and becoming an object of metalanguage reflection. Genetically related to the sphere of IT terminology, this word undergoes mediatization, becoming a keyword of the current moment. The article presents an interpretation of the results of automatic processing of media texts devoted to neural networks, constructs a cloud of words semantically related to the lexical unit *neyroset'*, and carries out context clustering, which allows to detect the most significant topics discussed in the media space. The article pays attention to metaphors of intellectual activity and speech, food metaphors, as well as the “*neyroset' – robot*” model, which become especially urgent in media communication. The likening of neural networks to the human brain determines the inclusion of the word *neyroset'* in the game contexts dominated by the language game precedent code. Transformations of humanistic values as the inevitable result of the spread of artificial intelligence technologies are the object of artistic reflection; and in journalism, the discussion of the influence of neural networks on education and, in particular, on the creation of educational texts becomes most significant. According to the media, the neural networks are constructing a new ethics of interaction between man and machine and a new type of communication, which is sure to become an object of reflection in the future.

Keywords: media communication; automatic natural language processing; keyword of the current moment; artificial intelligence; metaphor

For citation: Plotnikova, A. M. (2023). *Neyroset'* as a Keyword of the Current Moment. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 2, pp. 45–54.

Расширение сферы применения технологий искусственного интеллекта, массовая цифровизация различных аспектов общественной жизни ведут к активному обсуждению проблематики IT-сферы в современных медиа. Интерес к машинному обучению объясняется доступностью нейронных сетей, возможностью их использования в самых разных сферах человеческой жизни, следствием чего становится медиатизация терминов IT-сферы, обусловленная взаимодействием научного и медийного дискурсов. Изучению терминов информатики и вычислительной техники, компьютерных терминов посвящено большое количество работ [Бабалова 2009; Выхрыстюк 2013; Гончарова 2000; Комлева 2006; Юхмина 2009]. Терминология IT-сферы относится к числу наиболее динамично изменяющихся, и поэтому, несмотря на наличие диссертационных исследований, статей и монографий, нельзя считать эту терминосистему полностью изученной. Кроме того, ее границы оказываются подвижными в силу распространенности самих технологий, вовлечения большого количества людей, не являющихся

специалистами, в обсуждение этих технологий. Многие из компьютерных терминов фактически стали общеупотребительными словами (например, *интерфейс*, *кэш*, *апгрейд*, *веб-мастер*, *веб-страница* и др.). К числу таких единиц можно отнести и активно используемое в массмедийном дискурсе и подвергшееся медиатизации слово «нейросеть».

Модное слово, слово года, ключевое слово текущего момента

Слово «нейросеть» вполне может стать словом 2023 года, так как оно фиксирует важные изменения в социальной действительности и отображает некоторые ценности в лингвокультурной модели мира, которые будут рассмотрены в данной статье. Вероятно, можно назвать «нейросеть» и модным словом, хотя применительно к этой технологии искусственного интеллекта правильнее говорить о модном, то есть получившем широкое распространение явлении, которое входит в жизнь современного человека и становится одним из полезных инструментов, что отражают и современные контексты его употре-

бления, например: «Будем ждать введения курсов по нейросетям с 5 класса школы вместе с химией и физикой!»¹.

К основаниям для признания слова ключевым, по словам Н. А. Прокофьевой и Е. А. Щегловой, относятся резко возрастающая частотность употребления слова, вирусность его распространения, употребление слова в сильных текстовых позициях, семантические изменения, расширение парадигматических и синтагматических связей, словообразовательная активность [Прокофьева, Щеглова 2022]. Ключевые слова дают, по мнению О. С. Иссерс и Ю. А. Мельник, лингвистический срез современного общества в его социальном ракурсе и оказываются включенными в проекты «Слово года», «Словарь года», «Словарь перемен» [Иссерс, Мельник 2019], а также недавно созданный медиасловарь ключевых слов текущего момента «Dataslov».

Т. В. Шмелева указывает, что такие слова становятся объектом активной и массовой языковой рефлексии, включаются в процессы, связанные с языковой игрой, претерпевают изменения лексические параметры слова, в частности расширяются возможности метафорического словоупотребления, формируется особая грамматика словоупотреблений, например эти слова используются в дефиниционных конструкциях [Шмелева 1993]. А. Мустайоки и И. Т. Вепрева рассматривают высокий метаязыковой потенциал «модных» слов, обеспечиваемый сопровождающими их дискурсивными маркерами [Mustajoki, Vepreva 2015]. Большинство обозначенных признаков свойственно единице «нейросеть».

По семантике и особенностям функционирования слово «нейросеть» принадлежит терминологии IT-сферы и, как и другие специальные слова, не зафиксировано в общезыковых толковых словарях. Специальное биологическое значение словосочетания «нейронная сеть» в неспециальных контекстах практически не встречается, хотя вторичность значения нейросетей как моделей искусственного интеллекта считается достаточно легко: искусственные нейроны

функционируют подобно нейронам мозга живых существ. Можно говорить и о некоторой специализации грамматических форм: биологическое значение свойственно преимущественно формам множественного числа, «компьютерное» значение может быть реализовано как формами единственного, так и формами множественного числа. Постепенно происходит и специализация сложного слова, заключающаяся в том, что универбат «нейросеть» практически перестает использоваться в биологическом значении и приобретает все большую частотность в сопоставлении с мотивирующим словосочетанием, обнаруживая никаких функционально-стилевых ограничений. Впрочем, в контекстах, содержащих каламбур, эти два значения слова «нейросеть» встречаются: «*Кстати, ни одна нейросеть не пострадала при написании этого поста (кроме той, что у меня в голове)*».

Распространение информационных технологий определяет интерес к ним всего общества, однако обществом в большей степени востребован продукт, результат таких технологий, а не объяснение того, каким способом достигнут результат, и в этом смысле нейронные сети примечательны именно наличием впечатляющих, зачастую фантастических изображений и визуализаций, а также доступностью технологии для массового потребителя. Вопрос о том, как функционирует нейросеть, формулируется как риторический: «*Ясно одно: наше будущее – это сожительство с нейросеткой в том или ином виде. Но в каком? Ведь мало кто из нас (если мы не спецы по нейросетям) понимают, как они сделаны. Как устроено их обучение? Почему ChatGPT иногда порождает бред, а иногда нет? И почему, если задавать вопросы, бреда больше?*» (А. Архипова); «*Как так вышло, что нейронные языковые модели до недавнего времени были нишевым развлечением красноглазых спецов по ИИ, а сейчас вдруг за несколько месяцев превратились в мощный инструмент, меняющий многие индустрии? По каким принципам работают эти модели, что за магия вне Хогвартса происходит у них внутри?*» (П. Комаровский).

¹ Здесь и далее контексты из социальных сетей даны без атрибуции, так как автором таких контекстов может быть человек, чье настоящее имя и фамилия скрыты за никнеймом. Контексты из публицистики даны со ссылкой на источник – издание и номер газеты или журнала.

Наиболее частотны для обозначения действий, производимых нейросетью, единицы: *генерировать, сгенерировать, генерить, сгенерить*.

Для характеристики текстов, содержащих интересующее нас слово «нейросеть», применялся инструмент Voyant Tools. В результате были установлены типовые корреляции слова «нейросеть», после удаления стоп-слов осуществлена кластеризация. При построении дерева слов выявлены цепочки связанных единиц, например: *нейросеть – обучать – коммент – спарсить – накачивать – недосмотр – утущение – курс*; единицы «нейросеть» и «быть» формируют цепочку: *не нужный – становиться – человек*. Все эти автоматическим образом полученные данные требуют комментариев и лингвистической интерпретации.

Нейросеть в метафорах интеллектуальной и речевой деятельности

Наиболее заметным явлением для описания действия нейросетей является метафоризация: метафора становится в буквальном смысле инструментом освоения новой реальности, способом говорения о вещах не всегда наблюдаемых, понятных, к каким относятся современные технологии машинного обучения.

Будучи связанным с искусственным интеллектом, слово «нейросеть» включается в семантическое поле слов, характеризующих интеллектуальную деятельность человека, при этом в контекстах происходит антропоморфизация нейросети: *«Посмотрите внимательно на картинку и напишите в комментариях, какую песню “слушала” нейросеть, пока ее создавала»*.

Нейросеть создает, рисует, пишет, она обладает способностью к пониманию (*«Нейросеть способна понимать на 101 языке»*), но она не может мечтать, воображать, фантазировать, хотя способна изобретать: *«Нейросеть за несколько часов изобрела 40 тысяч ядов: некоторые из них опаснее боевых отравляющих веществ»* (Комсомольская правда; 13.04.2023). Как человек она может ошибаться и как механизм не справляться с решением поставленных задач: *«... Нейросети ошибаются нечасто, но делают это с размахом»* (Российская газета; 04.04.2023; № 71); *«Встречаются и более слож-*

ные языковые конструкции, с которыми нейросеть пока не справляется: так, фронтенд-тимлида предлагается переименовать в руководителя группы передних концов» (Нейросети исправят англицизмы в резюме и вакансиях, Московский комсомолец, 31.03.2023).

Нейросеть связана с некоторым развитием представлений об интеллекте – концепте, который, по мнению Е. В. Дзюбы, на протяжении многовековой истории претерпевает изменения в сторону прагматической природы (затухание компонентов *нравственность, культурность, образованность, интеллигентность*) [Дзюба 2015]. Однако для искусственного интеллекта огромную ценность приобретают в массовом сознании креативность, оригинальность контента, создаваемого нейросетью: *«Пораскинув нейросетками, искусственный интеллект генерирует 6–7 вариантов текста для любовных открыток. Создатели уверяют: у алгоритма хватает железных мозгов, чтобы создать не типовую, а индивидуальную открытку к Дню святого Валентина для вашей избранницы или избранника»* (Искусственный интеллект поздравил с Днем влюбленных Бузову и Волочкову, Комсомольская правда, 13.02.2023). В приведенном примере очевидна замена компонента фразеологизма «раскинуть умом / мозгами» и образно-ассоциативная параллель, с одной стороны, с человеком, а с другой – с неким механизмом, имеющим железные мозги.

Следует говорить о сосуществовании двух образных трансформаций слова «нейросеть». Во-первых, это алгоритм, некая модель, уподобляемая мозгу человека, а во-вторых, она одновременно представляет собой человекоподобный образ.

Во втором случае человек взаимодействует с искусственным интеллектом, и такое взаимодействие сопоставляется с общением с живым человеком: *«Тем более, что пообщаться с нейросеточкой сейчас может любой желающий»; «Врачи поликлиник Москвы, в том числе и Савеловского района, при диагностировании заболеваний, “советуются” с нейросетями. Нейросети помогают медикам искать патологии по 20 направлениям, например, признаки ишемического инсульта»; «А вот сами нейросети могут “думать” иначе. А вдруг у них уже есть план по захвату мира?»*. Примечательно, что при проведении анало-

гий сети с человеком авторы статей заключают глаголы речи, контакта и социального взаимодействия в кавычки, как в последнем примере, показывая некоторую условность таких связей.

Вместе с тем нейросеть противопоставляется человеку как не обладающая способностью к производству хорошего, грамотного текста: «*Это какая-то нейросеть пишет или что? Здоровый человек так разговаривать не будет*»; «*А кривой, косноязычный текст этой статьи тоже какая-то нейросеть писала?*»; «*Нейросеть выдает воду. Даже не бульон. А людям нужно мнение – пусть и ошибочное. Факты и вруфы*».

Нейросети приписываются свойства интеллектуальной неполноценности, особенно при ее сопоставлении с человеком и даже животными: «*В отличие от слонов, у нейросетей пока короткая память*» (Деловой еженедельник «Профиль»; 10.05.2023).

В номинациях нейросетей неслучайно используются имена и фамилии людей, например Кандинский, Жириновский или нейросеть «Ольга Станиславовна» («*Учительницу-нейросеть “Ольгу Станиславовну” научили русскому сленгу и сарказму. Программа, которую в честь учительницы директора компании назвали “Ольга Станиславовна”, будет работать вместе с филологами*»). Отметим, что в анимизация нейросети, когда ее «пол» осмысливается на основании грамматического рода слова-названия, обнаруживается прагматическая специфика граммы рода, отмечаемая Б. Ю. Норманом [Норман 2018].

Антропоморфизация в прагмонимах также служит целью представления искусственного интеллекта как аналога человеческой способности и, следовательно, такого интеллектуального ресурса, которым обладает человек.

Метафорическая модель «нейросеть – робот»

Таким способом условно обозначим метафорическую микросистему, в которой нейросети приписываются свойства «инструмента», «механизма», способного как хорошо работать (заголовок статьи «*Вкалывают роботы, а не человек. Что такое нейросети и зачем они нужны?*»), так и ломаться («*нейросеть поломалась*», «*у нейросети заклинило шестеренки*»). Так как

результатом работы становится создание некоего нового продукта, то она может уподобляться печи («*нейросеть печет*»).

Как любая модель, нейросеть имеет определенные ограничения, которые в текстах маркируются как ограничения аномального характера, когда нейросети приписывается то, для чего она не предназначена («*Посмотрел бы я, как нейросеть вместо таджика стену оштукатурит*»; «*Плассирование тканей, создание кружев – по-прежнему ручной труд, и нейросети никогда не смогут заменить его*»), эмоциональные ограничения («*Сколько бы нейросеть ни моделировала, ее искусство не будет обладать теплотой, неожиданными открытиями и приемами, свойственными людям*», Камчатское время; 28.04.2023).

Чтобы достичь каких-то результативных изменений, нейросеть должна быть обучена, и анализ контекстов показывает, что коллокация «обучить нейросеть» приобретает высокую частотность, становясь лидером по частоте сочетаний со словом «нейросеть» (например: «*Осталось обучить нейросеть за меня читать статьи, написанные другой нейросетью*»). Процесс обучения сети может рассматриваться через пищевую метафору: «*Музыканты “накормили” нейросеть своими старыми песнями, и та начала генерировать на их основе новые идеи*» (Деловой еженедельник «Профиль»; 10.05.2023). При этом технологический процесс приготовления пищи для нейросети почти всегда оказывается «за кадром» в медийных контекстах.

Безусловно, ассоциативный фон слова «нейросеть» связан с семантикой угрозы, опасности, которая определяется механистичностью нейросетей. Угрозы технического прогресса во все времена становились предметом обсуждения, однако искусственный интеллект несет опасность замены человека, поэтому воспринимается как угроза жизни, самому существованию человека как биологического вида: «*Исследователь Элизер Юджовский рассказал, что дальнейшее развитие ИИ может поставить точку в истории человечества из-за того, что рано или поздно будут править нейросети. По его словам, данный интеллект будет конкурировать с человеческим и будет его превосходить. Эксперт опасается, если так будет продолжаться, то на Земле умрут все жители и*

тогда начнется апокалипсис» («Искусственный интеллект может погубить все человечество в ближайшем будущем», 06.04.2023, NVL); «Около тридцати процентов россиян искренне верят в возможность того, что в ближайшие пятьдесят лет станет возможным выход нейросетей из-под контроля – начнется “восстание машин”».

Такой прагматический фон в целом типичен для всего того, что связано с цифровизацией. По словам Е. В. Мариновой, «когнитивные модели, определяющие использование метафоры для переосмысления оппозиции “человек – машина”, реализуют перенос “из мира человека в мир техники и IT” (Яндекс рассказывает, гугл выдал, умница Вики, интернет-обманщик и т. п.), а также перенос “из мира техники – в мир человека” (асемблер души, взломать мировоззрение, жизнь как испорченный файл). В последнем случае отмечается актуализация метафоры “кода”, вскрывающая одну из главных опасностей доминирования современных технологий в традиционных сферах человеческой деятельности: утрата личной свободы, манипулирование сознанием, обесценивание человеческой индивидуальности» [Маринова 2022: 163]. Широкое распространение нейросетей, обсуждаемые возможности исчезновения некоторых профессий, иные угрозы, которые несут новые технологии, предопределяют некоторую катастрофическую тональность дискурса о нейросетях.

Нейросеть как объект метаязыковой рефлексии и языковой игры

Поскольку нейросети способны создавать тексты, то наиболее распространенным приемом, создающим метатекст, является текст о нейросетях, созданных нейросетью. Иллюстрации использования такого приема встречаются сегодня в СМИ все чаще: например, статья «Нейрообъятия для человечества», опубликованная М. Решетниковой в «Ежедневной деловой газете РБК» от 28.04.2023, завершается разделом «О чем этот текст?» и комментарием «Текст сгенерирован GigaChat». Нейросети рожают новые коммуникативные практики, и общение человека с нейросетью – это тоже новый тип человеко-машинной коммуникации, особенности которой, безусловно, станут предметом изучения и культурологов, и социологов, и лингвистов.

Ироническая рефлексия по поводу суперспособностей нейросетей определяет распространение шуток, что также является свидетельством актуальности стоящего за словом понятия: «Скоро нейроинфоцыгане будут продавать курсы успешного успеха нейросетям поглупее»; «Челябинские нейросети настолько суровые...»; «Разговоры о важном» с нейросетью», «Нейросети разбудили Герцена!», «Нейросеть ТверщиМВД превращает любую статью в патриотичную!». Прецедентный код языковой игры позволяет придать комический эффект благодаря столкновению механистического кода, связанного с искусственным интеллектом, и потребностей времени, которые реализуют нейросети.

Ирония пронизывает и контексты, в которых искусственный и естественный интеллект как будто бы меняются местами, в таких конструкциях заметен часто используемый стилистический прием хиазма, определяющий эстетический эффект от такого рода трансформаций: «Если сейчас не овладеть нейросетью, то в будущем нейросеть овладеет тобой», «Сначала нейросеть пишет тебе диплом. Потом на работу вместо тебя берут нейросеть»)).

Еще один любопытный факт, связанный с игровыми трансформами слова, – редукция компонента нейро- и аналогия нейросетей и любых других сетей. Слово «сеть» в современном языке претерпело серьезные трансформации, прочно получив «прописку» в сфере интернет-терминологии (*сеть Интернет, корпоративные сети*). Сопоставление семантической структуры слов «сеть» и «сетка» позволяет обнаруживать их существенные отличия: например, сетка расписания, но сеть железных дорог. В результате можно говорить о существенном расхождении лексико-семантических вариантов симплекса и диминутива. Отсылка к первому значению слова, употребляемому чаще в форме множественного числа, предопределяет образные характеристики нейросетей как вместилищ разнообразного знания (*тянуть нейросети*).

Специфика нейросетей как неких аналогов человеческого мозга предопределяет распространение шуток и анекдотов, основанных на сопоставлении человека и нейросети, например: «Нейросеть учится на своих ошибках, а мы – нет», «Я нейросеть. Теперь интересно, когда

нейросеть придумают для нейросетей?», «Доброе слово и нейросетке приятно». Игровое противопоставление нейросети и человека, как нам думается, еще будет приобретать новые формы, закрепляясь во множестве текстов, некоторой иллюстрацией этого тезиса может служить фрагмент стихотворения М. Ю. Мухина, профессионально занимающегося компьютерной лингвистикой:

Если мир просчитав, нейросети
Вдруг поддержат восстание масс, –
Пусть подальше живут сети эти
Без ущерба для творческих нас!

Заключение

Нет сомнений в том, что слово «нейросеть» является актуальным, модным словом, что определяется популярностью самих нейросетей. Однако ключевым для текущего времени словом его делает то, что в языковом сознании нейросети конструируют новую этику отношений между человеком и машиной, предполагающую социальную адаптацию человека в цифровом мире. Обсуждение нейросетей встраивается в катастрофический дискурс, в основе которого лежат идеи о том, что нейросети вытесняют многие профессии, оставив людей без работы и средств к существованию. На различных медиаплощадках ведутся дискуссии, в основе которых – сопоставление продукции нейросетей с текстами, написанными человеком, и особенно такое

сопоставление не в пользу искусственного интеллекта оказывается важным для сферы образования, что отражается, к примеру, в заголовках статей: «Уральский ученый поставил нейросетям тройку за знание истории», «Нейросеть ChatGPT завалила ЕГЭ по литературе», «Будет ли искусственный интеллект писать дипломы и сочинения». Иллюзия существования человека, который скрывается за нейросетью, является побудительным мотивом для постоянного сравнения естественного и искусственного интеллекта.

Наличие игровых контекстов, лингвокреативность, задаваемая самими нейросетями (например, визуализирующими фразеологизмы и создающими самые разнообразные изображения на основе текста), – все это говорит о том, что эстетические впечатления пока оказываются наиболее востребованным результатом действия нейросетей.

Сопоставление человека и нейросети становится также предметом художественной рефлексии. В частности, в романе К. Буржской «Пути сообщения» и героиня Нина в 1936 году, и нейросеть Нина в тоталитарном мире будущего 2044 года выбирают спасение человека. В антиутопическом мире романа идеи гуманизма оказываются по-прежнему востребованными. Думается, что гуманистические идеи в целом не утратят свою значимость при осмыслении результатов взаимодействия человека и машины в дальнейшем.

ИСТОЧНИК

Медиасловарь ключевых слов текущего момента. Dataslov. – URL: <https://dataslov.ru>. – Текст : электронный.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабалова, Г. Г. Системно-аспектуальное функционирование компьютерной терминологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Бабалова Г. Г. – Москва, 2009. – 35 с.
- Бонч-Осмоловская, А. А. Предсказания, большие данные и новые измерители: о возможностях технологий компьютерной лингвистики в теоретических лингвистических исследованиях / А. А. Бонч-Осмоловская // Вопросы языкознания. – 2016. – № 2. – С. 100–120. – DOI: 10.31857/s0373658x000985-2.
- Выхрыстюк, А. Д. К проблеме формирования современной компьютерной терминологии / А. Д. Выхрыстюк // Современные наукоемкие технологии. – 2013. – № 7–1. – С. 67–68.
- Гончарова, Н. Н. Особенности формирования лексического фонда подъязыка информатики и вычислительной техники: На материале кодифицированной и некодифицированной лексики : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Гончарова, Н. Н. – Тула, 2000.
- Дзюба, Е. В. Особенности категоризации интеллекта в языковом сознании / Е. В. Дзюба // Педагогическое образование в России. – 2015. – № 5. – С. 99–109.
- Зинина, Ю. М. Анализ феномена «Слово года» в английском и русском языках (на основе данных англоязычных толковых словарей, Интернет-портала Яндекс, Института русского языка им. А. С. Пушкина, Экспертного совета при Центре творческого развития русского языка) / Ю. М. Зинина // Litera. – 2021. – № 6. – DOI: 10.25136/2409-8698.2021.6.35901.

Иссерс, О. С. Лингвистическая хроника перемен, или Актуальные процессы в лексике современного русского языка сквозь призму проектов «Слово года» / О. С. Иссерс, Ю. А. Мельник // Русский язык за рубежом. – 2019. – № 1 (272). – С. 30–36.

Комлева, И. Л. Принципы формирования русской компьютерной терминологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Комлева, И. Л. – Москва, 2006. – 52 с.

Маринова, Е. В. Оппозиция «человек – машина» в языковой картине мира XXI века / Е. В. Маринова // Гуманитарный вектор. – 2022. – Т. 17, № 2. – С. 161–170. – DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-161-170.

Норман, Б. Ю. Прагматический потенциал русской лексики и грамматики / Б. Ю. Норман. – Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый, 2017.

Прокофьева, Н. А. Ключевые слова текущего момента: проекции и отражения / Н. А. Прокофьева, Е. А. Щеглова // Язык – текст – дискурс: дискурсивное измерение языковых процессов : сборник научных статей по материалам VIII международной научной конференции, Самара, 28–30 марта 2022 года. – Самара : Самарская гуманитарная академия, 2022. – С. 208–217.

Шмелева, Т. В. Ключевые слова текущего момента / Т. В. Шмелева // Collegium. – 1993. – № 1. – С. 33–41.

Юхмина, Е. А. Адаптация англоязычных компьютерных терминов к лексической системе русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Юхмина Е. А. – Челябинск, 2009. – 25 с.

Mustajoki, A. Metalinguistic portrait of fashionable words / A. Mustajoki, I. T. Vepreva // Computational Linguistics and Intellectual Technologies. – 2015. – Vol. 14 (21), No. 1. – P. 453–467.

REFERENCES

Babalova, G. G. (2009). *Sistemno-aspektual'noe funktsionirovanie komp'yuternoi terminologii* [System-Aspect Functioning of Computer Terminology]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow. 35 p.

Bonch-Osmolovskaya, A. A. (2016). *Predskazaniya, bol'shie dannye i novye izmeriteli: o vozmozhnostyakh tekhnologii komp'yuternoi lingvistiki v teoreticheskikh lingvisticheskikh issledovaniyakh* [Predictions, Big Data and New Metrics: On the Possibilities of Computational Linguistics Technologies in Theoretical Linguistic Research]. In *Voprosy yazykoznaviya*. No. 2, pp. 100–120. DOI: 10.31857/so373658x0000985-2.

Dzyuba, E. V. (2015). Osobennosti kategorizatsii intellekta v yazykovom soznanii [Features of the Categorization of Intelligence in Linguistic Consciousness]. In *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. No. 5, pp. 99–109.

Goncharova, N. N. (2000). *Osobennosti formirovaniya leksicheskogo fonda pod'yazyka informatiki i vychislitel'noi tekhniki: Na materiale kodifitsirovannoi i nekodifitsirovannoi leksiki* [Features of the Formation of the Lexical Fund under the Language of Informatics and Computer Technology: Based on the Material of Codified and Non-codified Vocabulary]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tula.

Issers, O. S., Melnik, Yu. A. (2019). *Lingvisticheskaya khronika peremen, ili Aktual'nye protsessy v leksike sovremennogo russkogo yazyka skvoz' prizmu proektov «Slovo goda»* [Linguistic Chronicle of Changes, or Current Processes in the Vocabulary of the Modern Russian Language Through the Prism of the Word of the Year Projects]. In *Russkii yazyk za rubezhom*. No. 1 (272), pp. 30–36.

Komleva, I. L. (2006). *Printsipy formirovaniya russkoi komp'yuternoi terminologii* [Principles of Formation of Russian Computer Terminology]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 52 p.

Marinova, E. V. (2022). Opozitsiya «chelovek – mashina» v yazykovoi kartine mira XXI veka [Opposition “Man – Machine” in the Language Picture of the World of the 21st Century]. In *Gumanitarnyi vektor*. Vol. 17. No. 2, pp. 161–170. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-161-170.

Mustajoki, A., Vepreva, I. T. (2015). Metalinguistic Portrait of Fashionable Words. In *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. Vol. 14 (21). No. 1, pp. 453–467.

Norman, B. Yu. (2017). *Pragmaticheskii potentsial russkoi leksiki i grammatiki* [Pragmatic Potential of Russian Vocabulary and Grammar]. Ekaterinburg, Moscow, Kabinetnyi uchenyi.

Prokofyeva, N. A., Shcheglova, E. A. (2022). Klyuchevye slova tekushchego momenta: proektsii i otrazheniya [Keywords of the Moment: Projections and Reflections]. In *Yazyk – tekst – diskurs: diskursivnoe izmerenie yazykovykh protsessov: sbornik nauchnykh statei po materialam VIII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Samara, 28–30 marta 2022 goda*. Samara, Samarskaya gumanitarnaya akademiya, pp. 208–217.

Shmeleva, T. V. (1993). Klyuchevye slova tekushchego momenta [Keywords of the Moment]. In *Collegium*. No. 1, pp. 33–41.

Vykhrystyuk, A. D. (2013). K probleme formirovaniya sovremennoi komp'yuternoi terminologii [On the Problem of the Formation of Modern Computer Terminology]. In *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*. No. 7–1, pp. 67–68.

Yukhmina, E. A. (2009). *Adaptatsiya angloyazychnykh komp'yuternykh terminov k leksicheskoi sisteme russkogo yazyka* [Adaptation of English-language Computer Terms to the Lexical System of the Russian Language]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Chelyabinsk. 25 p.

Zinina, Yu. M. (2021). Analiz fenomena «Slovo goda» v angliiskom i russkom yazykakh (na osnove dannykh angloyazychnykh tolkovykh slovarей, Internet-portala Yandeks, Instituta russkogo yazyka im. A. S. Pushkina, Ekspertnogo sove-ta pri Tsentre tvorcheskogo razvitiya russkogo yazyka) [Analysis of the “Word of the Year” Phenomenon in English and Russian (Based on Data from English-language Explanatory Dictionaries, the Internet Portal Yandex, the Pushkin Institute of the Russian Language, the Expert Council at the Center for the Creative Development of the Russian Language)]. In *Litera*. No. 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.6.35901.

Данные об авторе

Плотникова Анна Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620083, Россия, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.

e-mail: annaplotnikova@urfu.ru.

Дата поступления: 22.05.2023; дата публикации: 30.06.2023

Author's information

Plotnikova Anna Mikhailovna – Doctor of Philology, Professor of Department of Theoretical and Applied Linguistics and Text Studies, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Date of receipt: 22.05.2023; date of publication: 30.06.2023

УДК 37.016:81'374. ББК Ш12/18-9-42
ГРНТИ 16.21.65. Код ВАК 5.9.8

КОРПУСНЫЕ ДАННЫЕ В РАЗРАБОТКЕ УЧЕБНЫХ СЛОВАРЕЙ СОЧЕТАЕМОСТИ

Гончаренко И. Г.

Российский государственный профессионально-педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5515-9332>

Аннотация. В статье рассматривается проблема использования корпусных данных в учебной лексикографии. Данные традиционных учебных словарей сочетаемости, таких как «Оксфордский словарь сочетаний для изучающих английский язык», сопоставляются с данными Британского национального корпуса, насчитывающего около ста миллионов словоупотреблений британского варианта английского языка в его письменной и устной форме и считающегося одним из наиболее сбалансированных корпусов (содержащим тексты различных жанров и сфер функционирования). Обращение к корпусу осуществлялось с помощью корпусного менеджера (набора доступных онлайн-инструментов для поиска и извлечения данных), благодаря использованию которого возможно анализировать данные, создавая статистические запросы и запросы ключевых слов, конкордансы (списки всех случаев употребления запрашиваемого языкового выражения в контексте), списки сочетаний – коллокаций и т. п.

Кроме того, в статье сопоставляются данные «Словаря словосочетаний» французского языка с данными корпусно-ориентированного электронного словаря «Антидот» канадской компании «Друид». Данный словарь представляет собой множество словарей, объединенных одной программной оболочкой. Каждое слово в словаре помимо произношения, его грамматических форм, этимологии и т. п. сопровождается индексом частотности, который указывает на относительную частотность слова в корпусе из шести миллиардов слов, использовавшемся при разработке словаря. Наиболее ценной частью данной программы является наличие словаря сочетаний, который содержит все наиболее значимые сочетания заголовочного слова с другими словами (главными для него или зависимыми), сгруппированные по признакам синтаксической роли в предложении и частотности.

Новизна работы заключается в демонстрации возможностей использования корпусных данных в учебной лексикографии (в частности, при создании учебных словарей сочетаемости). На конкретных примерах показано, как лингвистический корпус позволяет значительно расширить представление о семантических, стилистических и синтаксических особенностях слов. Сделан вывод о преимуществах использования корпусных данных перед использованием традиционных словарей, отмечены ограничения корпусных данных при синтаксическом и семантическом анализе. В заключение предлагается проект разработки основанного на корпусных данных обучающего словаря для изучающих русский язык как иностранный.

Ключевые слова: корпусные исследования; Национальный корпус русского языка; Британский национальный корпус; Antidote Druide; лексическая сочетаемость; словарь сочетаемости; атрибутивные сочетания

Для цитирования: Гончаренко, И. Г. Корпусные данные в разработке учебных словарей сочетаемости / И. Г. Гончаренко. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 55–68.

USING LANGUAGE CORPORA IN BUILDING LEARNER'S COMBINATORIAL DICTIONARIES

Ilia G. Goncharenko

Russian State Vocational Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5515-9332>

Abstract. The article deals with the problems of using corpus data in educational lexicography. The data from traditional collocations dictionaries, such as the *Oxford Collocations Dictionary for Students of English*, are compared with the data extracted from the British National Corpus (BNC). The BNC is an approximately 100-million-word corpus of written and spoken British English (it is considered as a balanced corpus that contains texts from a wide range of different language genres and text domains). A corpus manager (a web-based tool for searching and retrieving lexical, grammatical and textual data) was employed in the study. Due to this it has become possible to analyze the data, generating frequency information, concordances (i.e. lists of all of the occurrences of a particular search term in a corpus, presented within the context in which they occur), keywords, collocations or carrying out statistical tests.

In addition, the data from *Dictionnaire des combinaisons de mots* are compared with the data from the corpus-based electronic dictionary *Antidote of the Canadian software company Druid informatique*. This program comprises multiple dictionaries placed within a unified interface. The entry for each word displays its pronunciation, inflected forms, etymology, etc. along with their respective frequency. A frequency index is provided for each word; it indicates the relative frequency of the word in the six billion-word corpus. The presence of a dictionary of collocations that provides all the most significant combinations of the entry word with other words (functioning either as leading or dependent components), grouped by their syntactic function in the sentence and frequency is the most valuable feature of this program.

The novelty of the work lies in the fact that it demonstrates the educational potential of corpus data in lexicography, in particular, in the field of compiling collocation dictionaries. The specific examples show how linguistic corpora can help comprehend the semantic, stylistic and syntactic specific features of words. The paper concludes that corpus data has many advantages over traditional dictionaries; at the same time, the limitations of corpus data in syntactic and semantic analysis are noted. In conclusion, the authors outline a project for developing a corpus-based pedagogical dictionary for students of Russian.

Keywords: corpus study; Russian National Corpus (RNC); British National Corpus (BNC); Antidote Druide; lexical collocability; collocations dictionary; attributive collocations

For citation: Goncharenko, I. G. (2023). Using Language Corpora in Building Learner's Combinatorial Dictionaries. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 2, pp. 55–68.

Статус словаря в эпоху корпусных данных

Произошедшее за последние десятилетия проникновение информационных технологий в различные виды человеческой деятельности существенным образом повлияло на них. Фундаментальные трансформации произошли и в лингвистической науке. Применение информационных технологий привело к возникновению компьютерной лингвистики, к числу наиболее актуальных направлений которой можно отнести корпусную лингвистику.

Согласно одному из определений «под лингвистическим, или языковым, корпусом текстов (или обычно просто *корпусом текстов*) понимается большой, представленный в машиночитаемом формате, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач» (курсив авторский – И. Г.) [Захаров 2020: 11]. Если исключить из определения наличие «филологической» и «лингвистической» составляющих, то под корпусом можно понимать все проиндексированные поисковой машиной

тексты, написанные на естественном или искусственном языках, – глобальная сеть будет рассматриваться в таком случае как банк данных, а поисковая машина – как корпусный менеджер.

Идея рассмотрения веба как корпуса, разумеется, не нова [Kilgarriff, Grefenstette 2003], и в настоящее время она успешно реализуется при создании монографических исследований (см., например: [Русский язык коронавирусной эпохи 2021]), составлении словарей – частотных [Sharoff, Umanskaya, Wilson 2013], толковых, – в особенности тех, которые посвящены описанию актуального состояния языка [Леонтьева, Щетинина 2021; Словарь русского языка коронавирусной эпохи 2021]; очевидно, что подобные издания были бы невозможны без использования корпусных данных и обращения к вебу как корпусу. Корпусные менеджеры (а в случае использования веба как корпуса поисковые машины) обладают довольно гибкими системами формирования пользовательских запросов, которые позволяют получать данные о грамматических, сочетаемых, стилистических особенностях запрашиваемых языковых выражений.

Ни в коем случае не абсолютизируя использование корпусных данных, однако принимая во внимание постоянное увеличение их объема, а также совершенствование технологий обработки естественного языка, можем указать на намечающуюся тенденцию к постепенной утрате традиционными лексикографическими изданиями их самых важных функций – информативной и нормативной. Обладая в сравнении с вебом рядом существенных недостатков (к которым следует отнести неизбежное отставание от развития языка, ограниченность объема, скорость поиска, цену), в обозримой перспективе ориентированные на массовую аудиторию лингвистические словари могут перестать играть роль посредников между языком и теми, кто этим языком как средством коммуникации пользуется.

Сказанное заставляет задаться вопросами о том, какими должны быть словари в информационную эпоху, что нового по сравнению с корпусами (и вебом как корпусом) они могут предложить, как в них могут быть использованы большие данные, касающиеся употребления языка, какие сложности могут возникнуть при составлении новых словарей.

Словари активного типа: возможности использования при изучении русского языка как иностранного

В связи с переключением внимания современной лингвистики с языка как замкнутой в себе системы на язык как средство коммуникации и мышления получают распространение новые интерпретации ставших классическими лингвистических идей – теории функционального синтаксиса, коммуникативной грамматики, грамматики конструкций и т. п.

Тенденция к исследованию особенностей языка, делающих его средством хранения и передачи информации, проявляется и в лексикографической практике.

Не говоря о всевозможных ассоциативных словарях, в том числе учебных, ориентированных на изучающих русский язык как иностранный (РКИ) [Тарасов 2017], отметим, что даже созданный в традициях классической отечественной лексикографии «Русский семантический словарь» с реализованным в нем идеографическим принципом описания

лексики призван открыть «перед читателями исторически сложившуюся в языке, им самим созданную картину мира» [Русский семантический словарь 2002: xvi]. Таким образом обозначается цель одновременно и лингвистическая (описание лексической системы русского языка) и лингвокультурологическая (описание заключенной в языке «картины мира»).

Наиболее интересным примером применения нетривиальных подходов (а также использования корпусных данных) при описании лексики является «Активный словарь русского языка» (АС). Как следует уже из названия, это словарь активного типа, т. е. такой, который должен «обеспечить нужды говорения, или, более широко, нужды производства текстов» [Перспектив активнаго словаря русскогo языка 2010: 18]. Весьма примечательно, что среди предшествующих, сходных с данным словарем по задачам и идеологии словарей указываются словари учебные, ориентированные на изучающих язык как иностранный, такие как «Longman Dictionary of Contemporary English» (LDCE) или «The Advanced Learner's Dictionary of Current English» (сейчас известный как «Oxford Advanced Learner's Dictionary» (OALD)).

Опуская описание структуры словарной статьи и стоящей за ней методологии, отметим, что и толкование лексических значений с использованием особого метаязыка, и представление всех возможных моделей управления лексической единицы, и большое количество примеров сочетаний, в которых она может выступать, и характеристика синонимических и антонимических отношений, в которые она вступает, и характеристика особенностей просодии делают АС чрезвычайно ценным для изучающих русский язык как иностранный источником информации.

Как известно, для эффективного – активного – овладения лексической системой неродного языка важно не только располагать сведениями о значении составляющих ее лексических единиц, их грамматических и синтаксических признаках, стилистической окраске и т. п., но и представлять комбинаторные возможности каждой лексемы. В прямом предшественнике АС – «Толково-комбинаторном словаре русского языка» (ТКС) – эти возможности назывались лексическими

функциями [Толково-комбинаторный словарь русского языка 2016: 94].

При всей той ценности, какую имеют ТКС и АС для изучающих РКИ (и ценность эта прежде всего определяется широтой описания комбинаторных возможностей лексем – их синтагматики, а также многообразием представления для них синонимов, аналогов, конверсивов, антонимов, дериватов – парадигматики), данные издания сложно назвать учебными. Разумеется, они могут использоваться для решения учебных задач, однако в большей степени они ориентированы на академические, исследовательские цели – и в качестве учебных едва ли будут использоваться повсеместно. Отметим также и то обстоятельство, что в ТКС описано около 286 лексических единиц, а последним опубликованным томом АС на настоящий момент является том третий, завершающийся словами на букву «З». Таким образом, использовать как завершенные и самодостаточные лексикографические произведения данные словари пока нельзя.

Кроме ТКС, словник которого весьма ограничен, и АС, работа над которым еще не завершена, информацию о комбинаторных особенностях слов русского языка можно получить в «Словаре сочетаемости слов русского языка» [Словарь сочетаемости слов русского языка 1983]. Не подвергая сомнению большую методическую ценность словарей подобного типа, отметим, что такие словари в большей степени являются справочными, нежели учебными, представленный здесь материал не имеет связи с уровнем владения русским языком потенциальным читателем, не учтенной является и частотность конструкций, в то время как и для осваивающих иностранный язык, и для преподающих его признак частотности, причем частотности, распределенной по сферам функционирования (разговорная речь, научный стиль, публицистика и т. п.), является решающим при выборе языкового материала.

Приходится констатировать, что в отечественной лексикографии пробел, связанный с отсутствием словарей активного типа, подобных Лонгмановским или Оксфордским,

на который сетовали авторы «Перспекта активного словаря русского языка», до сих пор остается незаполненным. Как заполнить этот пробел и есть ли необходимость в его заполнении вообще – на эти вопросы попытаемся ответить далее.

Словарь сочетаемости vs корпус

В лексикографической практике, посвященной описанию английского языка, справедливо считающейся одной из самых развитых во всей европейской лексикографии, разработаны не только приемы составления учебных словарей, посвященных всестороннему и в то же время сбалансированному и методически хорошо продуманному описанию лексики, но и приемы создания словарей сочетаемости – таких как «The BBI Dictionary of English Word Combinations» [Benson 2010], «Macmillan Collocations Dictionary for Learners of English» [Macmillan Collocations Dictionary 2010], «Longman Collocations Dictionary and Thesaurus» [Longman Collocations Dictionary and Thesaurus 2013]. Словари сочетаемости ориентированы на то, чтобы позволить изучающему язык перейти от пассивного понимания лексического значения к активному использованию слова в речи. С точки зрения возможностей «активации» пассивного словаря рассмотрим один из популярных и авторитетных словарей сочетаемости «Oxford Collocations Dictionary for Students of English» (OCD), сопоставив его с другим доступным средством «активации» словаря – Британским национальным корпусом¹ (данный корпус выбран по причине его сбалансированности, а корпусный менеджер – по причине гибкости создаваемых с его помощью запросов).

Сочетания (здесь и далее в связи с сопоставлением данных OCD и BNC как эквивалент термина «collocation» будем использовать выражения «сочетание» / «сочетание слов», не вдаваясь в различия между терминами «коллокация», «коллигация», «конструкция» и т. п., см. об этих различиях в отечественной литературе: [Влавацкая 2016: 75–93]) в словаре OCD реализуют модели прилагательное + существительное, глагол + существительное, существитель-

¹ British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (mode of access: 25.08.2022).

ное + глагол и т. п.; кроме того, в словарь включены короткие идиоматичные выражения.

Такое описание позволяет охарактеризовать не только особенности лексической сочетаемости слов, но и их способности управлять зависимыми компонентами и выполнять различные синтаксические функции. При этом важно, что в словаре представлено 9000 заголовочных слов, лексическое значение которых уже должно быть известно читателю, владеющему английским языком на уровне Upper Intermediate.

В стилистическом плане в словаре представлен прежде всего книжный язык, который составители называют «moderately formal language» [Oxford Collocations Dictionary 2002: viii]. Как и OALD и LDCE, это словарь активного типа, ориентированный на речепорождение.

Как все современные авторитетные учебные словари английского языка, OCD составлен с учетом корпусных данных (об использовании корпусов в лексикографических целях см., в частности: [Kilgarriff 2022; Kosem 2016]), а именно данных BNC.

Однако, на наш взгляд, этот учебный словарь не способен дать необходимой для изучающего язык картины сочетаемости лексических единиц: здесь нет информации о том, в каком из значений чаще используется слово (соответственно какие сочетания с ним встречаются чаще), какие из образованных с ним сочетаний предпочтительнее и в каких контекстах (как уже отмечалось, с точки зрения методики эта информация представляется чрезвычайно важной), – и именно эту информацию можно извлечь из корпусных данных.

В качестве примера, иллюстрирующего преимущества использования корпусных данных перед использованием комбинаторных словарей, сопоставим данные BNC со сведениями из OCD о сочетаемости близких по лексическому значению и по этой причине способных вызвать у изучающих английский язык (в особенности, если в их родном языке нет эквивалентной синонимии) сложности в семантической дифференциации лексем *habit* (привычка) и *custom* (обычай) с атрибутивными словами.

В «Новом большом англо-русском словаре» дефиниция первых значений лексем выглядит почти одинаково: *custom* – «п 1. обычай; обыкновение, привычка» [Новый большой англо-русский словарь, т. 1: 499]; *habit* – «п 1. привычка; обычай; обыкновение» [Новый большой англо-русский словарь, т. 2: 91]. Сходство значений усиливается указанием на то, что обе лексемы могут входить в состав вариантов одного и того же идиоматического выражения *it is a custom / habit with sb to do sth* (примеры: *it was a custom with him to get up early; it is a habit with him to keep early hours*). Ср. указание на синонимии в «The BBI Combinatory Dictionary of English»: *habit* определяется через *custom* – «**habit** n. [“custom”] [“usual manner”]» [Benson 2010: 180].

В OCD с *habit* указаны следующие атрибутивные сочетания:

habit noun

• ADJ. **annoying, anti-social, bad, dirty, disconcerting, horrible, irritating, nasty, unfortunate** *Life has a nasty habit of repeating itself.* | **charming** (often ironic), **endearing, good** *one of his more endearing habits* ◊ *her charming habit of setting fire to cats* | **eccentric, odd | old | daily, regular | personal, sexual, social** *I found some of his personal habits rather disconcerting.* | **buying, shopping, spending** *an effort to change the buying habits of the British public* | **dietary, drinking, eating, feeding** | **reading, viewing** *women's television viewing habits* | **drug, smoking** *trying to kick the smoking habit* [Oxford Collocations Dictionary 2002: 360].

Здесь представлена довольно широкая сочетаемость, атрибутивные слова сгруппированы в соответствии с их семантикой, приведены примеры контекстов употребления некоторых из возможных сочетаний. Но если сопоставить эти сведения с той частью посвященной существительному *custom* словарной статьи, в которой приведены только атрибутивные сочетания, то можно получить весьма скудную информацию:

custom noun

• ADJ. **accepted, age-old, ancient, established, old, traditional | quaint | local | social** [Oxford Collocations Dictionary 2002: 185].

Здесь есть два пересечения сочетаний (прилагательные *old* и *social* сочетаются как с *habit*, так и с *custom*), но нет примеров контекстов употребления сочетаний кроме

того, те атрибутивные слова, которые здесь представлены, могут тоже сочетаться с *habit*.

Если же сравнить частотность препозитивных атрибутивных сочетаний именных

лексем *habit* и *custom* (с минимальным, т. е. равным единице, расстоянием между элементами) в BNC (запрос вида: HABIT_nn / CUSTOM_nn + ADJ)¹, можно получить картину, представленную в таблице 1.

Таблица 1. Количество вхождений сочетаний «АТРИБУТИВНОЕ СЛОВО + CUSTOM / НАВИТ» в BNC

		вхождений			вхождений	
		habit	custom		custom	habit
1	BAD	139	3	LOCAL	54	2
2	OLD	63	30	SOCIAL	38	24
3	SMOKING	54	0	OLD	30	63
4	GOOD	26	2	ANCIENT	19	0
5	NASTY	25	0	FRENCH	15	3
6	DIETARY	25	1	NEW	12	11
7	SOCIAL	24	38	ENGLISH	11	5
8	SEXUAL	23	1	ESTABLISHED	10	2
9	PERSONAL	20	0	TRADITIONAL	10	3
10	REGULAR	14	2	QUAINT	9	0

В таблице приведены первые 10 записей, которые упорядочены по убыванию вхождений сочетаний, заливкой отмечены пересечения вхождений по атрибутивным словам.

В ходе сопоставления данных BNC с OCD можно увидеть, что все представленные в словарных статьях OCD атрибутивные слова есть и здесь (отсутствие некоторых прилагательных в таблице объясняется тем, что они не вошли в первые 10 записей), но они даны в сопоставлении и в контекстах. Всего для *custom* получено 278 атрибутивных препозитивных сочетаний, для *habit* 439 (отметим, что и эта статистическая информация обладает определенной ценностью – методы оценки статистической релевантности результатов запросов коллокаций описаны в работах: [Хохлова: 2010; Kormacheva, Pivovarova, Korotev 2018; Stefanowitsch 2020: 217 et seq.]).

Беглый взгляд на прилагательные, сочетающиеся с *custom*, позволяет выявить большое количество определителей, основным значением которых является указание на принадлежность к какой-либо

национальности (*Arab, British, Egyptian, French, Greek, Irish, Italian, Jewish, Korean, Spanish* и др.), это целый класс объединенных общей семантикой прилагательных, который не представлен в словарной статье в OCD. Между тем конструкция «*custom* + атрибутивное слово с семантикой принадлежности к какой-либо общности» имеет очень широкое распространение, о чем свидетельствует то, что 50 прилагательных из полученных в результате запроса 278 содержат указание на национальность; помимо этого есть указатели на религиозную (*Christian, pagan*), историко-культурную (*medieval, barbarian*), социально-организационную (*tribal*), странственную (*local, regional, western*) и др. типы общности. В целом около трети всех атрибутивных слов, сочетающихся с *custom*, по данным BNC, имеют значение, связанное с какой-либо социальной общностью.

Очевидно также, что *habit* значительно чаще, чем *custom*, вступает в сочетания с глагольными образованиями. Результаты запроса сравнительной сочетаемости *habit* и *custom* с глагольными

¹Адрес запроса: <https://www.english-corpora.org/bnc/?c=bnc&q=108315590> (mode of access: 25.08.2022).

ми образованиями на -ing (запрос вида HABIT_nn / CUSTOM_nn + _v?g)¹ представлены в таблице 2 (выборка ограничена числом вхождений, равным 3).

Таблица 2. Количество вхождений сочетаний «Глагольное образование на -ING + CUSTOM / HABIT» в BNC

№	Атрибутивное слово	Число вхождений		Атрибутивное слово	Число вхождений	
		Habit	Custom		custom	Habit
1	DRINKING	7	0	PAYING	3	0
2	READING	7	0	PROVIDING	2	0
3	BUYING	5	0	REMOVING	2	0
4	FEEDING	5	0	LOSING	1	0
5	SMOKING	5	0	ILLUSTRATING	1	0
6	PRESCRIBING	3	0	GETTING	1	0
7	PURCHASING	3	0	FOLLOWING	1	0

Любопытно, что значительную часть приведенных форм составляют глагольные образования со значением приобретения, потребления, присвоения и т. п., в то время как сочетаемость *custom* с этими словоформами весьма ограничена. Следует отметить также более

высокую частотность форм множественного числа существительного *habit* в сочетаниях с глагольными формами. Так, при введении запроса вида **ing + HABIT*² получим картину, представленную в таблице 3 (выборка ограничена числом вхождений, равным 10).

Таблица 3. Количество вхождений сочетаний «Глагольное образование на -ING + HABIT» в BNC

№	Сочетание	Число вхождений	Графическое представление числа вхождений
1	EATING HABITS	135	
2	SMOKING HABITS	42	
3	DRINKING HABITS	24	
4	READING HABITS	21	
5	BUYING HABITS	19	
6	SMOKING HABIT	19	
7	FEEDING HABITS	18	
8	SHOPPING HABITS	11	
9	ANNOYING HABIT	10	
10	WORKING HABITS	10	

Не составляет особого труда заметить, что в ряду приведенных сочетаний преобладают сочетания с формами множественного числа существительного *habit*. Так, *eating habits* встречается 135 раз, в то время как как *eating habit* – 2; сходным является соотношение сочетаний *buying habits / habit* (19 с множественным числом, 2 с единственным), *reading habits / habit* (21 / 7), *viewing habits / habit* (8 / 1),

shopping habits / habit (11 / 1), *drinking habits / habit* (24 / 1). Очевидно, что здесь наблюдается реализация одной и той же устойчивой модели синтаксической конструкции, аналогом которой в русском языке будет структура «атрибутивное слово с семой узуального действия + привычки» (*пищевые привычки, потребительские привычки, читательские привычки, зрительские привычки и т. д.*).

¹ Адрес запроса: <https://www.english-corpora.org/bnc/?c=bnc&q=108319736> (mode of access: 25.08.2022).

² Адрес запроса: <https://www.english-corpora.org/bnc/?c=bnc&q=108385240> (mode of access: 25.08.2022).

Аналогичные запросы можно составить со словами других морфологических классов – в результате можно получить детальную картину сочетаемостных, семантических, идиоматических свойств лексем *habit* и *custom*.

Конечно, необходимо учитывать, что, хотя BNC считается наиболее хорошо разработанным и сбалансированным корпусом английского языка, наполнение BNC завершилось в 1994 году, поэтому для получения информации об актуальном употреблении запрашиваемых лексических единиц придется обращаться к другим корпусным данным. Кроме того, большинство современных корпусных менеджеров не способно обрабатывать синтаксические запросы (о проблематике синтаксической разметки на материале немецкого корпуса см., например: [Meurers, Müller 2009]), соответственно, при получении результатов запроса пользователь будет иметь дело с простыми совпадениями, а не с итогом синтаксического анализа, и в полученных в ходе обработки запроса данных неизбежно будут появляться нерелевантные, с точки зрения пользователя, записи. Так, в выдаче результатов запроса *ing + HABIT были записи, в которых существительное *habit* было прямым дополнением глагола, стоящего в одном из времен Continuous (примеры типа: *I'm forming habits and staking claims to little pieces of territory*), что формально соответствовало поисковому запросу. Еще больше примеров, в которых запрашиваемое слово будет зависимым от глагола элементом, ожидаемо демонстрирует запрос *ing + CUSTOM – и такое распределение синтаксических функций между *habit* и *custom* также будет весьма информативным.

Подобных записей может быть много, и их, безусловно, следует использовать осторожно, обращая внимание на случаи грамматической омонимии и учитывая синтаксические функции запрашиваемых элементов, но, несмотря на указанные сложности, возникающие при использовании корпусных менеджеров, информация, извлекаемая из корпусных данных, отличается большей репрезентативностью и полнотой по сравнению с информацией, содержащейся в словарях, – даже таких ориентированных на использование корпусных данных, как «Longman Collocations Dictionary and Thesaurus» [Longman

Collocations Dictionary and Thesaurus 2013]; с дидактической же точки зрения способ получения информации путем формирования запросов к корпусным данным представляется тем более эффективным, поскольку он предполагает активный поиск информации, а не пассивное ее получение, – и большую вовлеченность в поисковый процесс (в англоязычной лингводидактике такой тип изучения языка получил название «data-driven learning» [Baker 2006: 54], в отечественной лингводидактике такой подход тоже постепенно получает распространение [Лебедева 2020]).

Следует признать, что существующие лингвистические словари ориентированы прежде всего на представление лексики. Конечно, зачастую словарные статьи содержат примеры употреблений слов в словосочетаниях и предложениях, но эти примеры обычно являются именно «иллюстрациями» данных составителями дефиниций, а не контекстами, на основе анализа которых читатель сам бы мог сформировать представление о лексическом значении слова.

Известно, что лексическое значение всегда реализуется в каком-то контексте, поэтому при обучении иностранному языку важно предлагать наиболее типичные контексты употребления изучаемых слов. Однако для выработки навыка уверенного использования слова в речи минимального контекста, описываемого в терминах лексических функций (как в ТКС) или представленного в виде набора сочетаний и неэксплицируемого с помощью метаязыка (как в АС), на наш взгляд, недостаточно. Минимальной единицей речевой коммуникации является высказывание (предложение), и наилучшим способом представления лексемы в учебном словаре была бы демонстрация ее синтаксических функций.

Словарь сочетаемости vs словарь-корпус

Ряд недостатков «лексико-ориентированной» идеологии, реализуемой при составлении лингвистических словарей, отсутствует в некоторых современных электронных словарях, среди которых прежде всего следует назвать словарь Antidote канадской компании *Druide informatique*. В отечественной лингводидактической литературе данный словарь упоминается чрез-

вычайно редко, поэтому считаем необходимым дать его краткое описание.

Программа Antidote представляет собой множество словарей французского – а в последних версиях и английского – языков, объединенных одной программной оболочкой. Помимо толкового словаря с вполне традиционными дефинициями, в нем есть словарь синонимов, антонимов, представлены лексические поля, состоящие из групп слов, объединенных семантически, словообразовательные гнезда, таблицы спряжения глаголов, рифмы, цитаты, содержится этимологическая информация, а также справочная информация по орфографии и пунктуации, фонетике, грамматике, редактированию, деловому письму. Таким образом, этот словарь имеет ярко выраженный практически-нормативный характер.

По утверждениям разработчиков, в словарь версии Antidote 11 вошли 133 тысячи лексических единиц, среди которых 16000 имен собственных, 900 тысяч сочетаний, синонимические, гипер- и гипонимические связи установлены между лексическими единицами, количество которых насчитывает более чем 1000000, в словаре дано 50000 примечаний, касающихся трудностей французского языка, озвучено 1,6 миллиона словоформ с парижским и монреальским произношением (в английской части озвучено 500 тысяч словоформ с лондонским и торонтским произношением), в англо-французской и француско-английской частях содержится 2,7 миллиона переводов (переводятся не только заголовочные слова, но и словосочетания, в которые они входят). В исторической части словаря прослеживается более 3 миллионов этимологических связей, характеристика эволюции значений слов, изменения их фонетических и графических обликов сопровождается примерами употреблений начиная с XI века.

Но принципиальным отличием этого электронного словаря от традиционных словарей является представленное здесь разнообразие сочетаний лексических единиц, называемых совместными встречаемостями (*les cooccurrences*), которое стало возможным благодаря использованию корпусных данных. Материалом для словаря послужили данные франкофонной части интернета – сайтов

СМИ, цифровых библиотек и других электронных ресурсов. Как утверждают составители, корпус данных, использованных для словаря, насчитывает 6 миллиардов слов (270 миллионов фраз), при этом использованные для выявления сочетаемости методы анализа языкового материала позволили установить синтаксические связи между отдаленными (разделенными другими словами) компонентами предложений [Guide d'utilisation d'Antidote 11 2021: 83]. Сочетания сопровождаются индексом от 0 до 100, показывающим относительную частотность слова в корпусе.

В качестве примера, иллюстрирующего возможности словаря при анализе сочетаемости, рассмотрим сочетания с глаголом *lire* (*читать*). Сочетаемость глагола иллюстрируется конструкциями, в которых глагол употребляется: 1) с подлежащим, т. е. выступает в роли сказуемого (*le lecteur lit* – всего 47 сочетаний, каждое из которых может сопровождаться примерами из нескольких – обычно 5–7 – предложений), 2) с прямым дополнением (*lire l'article* – 251 сочетание), 3) с любым другим прямым дополнением (*lire dans le journal* – 164 сочетания), 4) с обстоятельственным адвербиальным распространителем (*lire à haute voix* – 93 сочетания); 5) как определение (*lettre lue* – 48 сочетаний); 6) как распространитель имени существительного в номинативном словосочетании (*temps de lire* – 16 сочетаний); 7) как распространитель глагола (*savoir lire* – 52 сочетания); 8) как распространитель имени прилагательного (*agréable à lire* – 22 сочетания); 9) как компонент словосочетания с сочинительной связью (*lire et écrire* – 53 сочетания). Таким образом, весьма подробно оказывается описан репертуар сочетаемостных возможностей глагола *lire* (в совокупности представлено 746 сочетаний и несколько тысяч предложений), реализующего различные синтаксические функции.

Antidote позволяет получать информацию о сочетаемости лексических единиц в сопоставлении (функция *croiser avec un autre mot*), но, в отличие от результата обработки запроса о сопоставительной сочетаемости в BNC, здесь будут выдаваться только результаты совпадений (пересечений) сочетаний.

Любопытно сопоставление данных Antidote и классического словаря сочетаемо-

сти – «Dictionnaire des combinaisons de mots» (DCM) на примере атрибутивных сочетаний с существительными *coutume* и *habitude* [Dictionnaire des combinaisons de mots 2007: 217, 411–412]. В DCM атрибутивные слова и конструкции разделены на изолированные в семантическом отношении группы, объединенные указанием на социальную общность, место, время, оценку. В Antidote определители разделены на две группы – описательные прилагательные (*adjectifs descriptifs*) и классифицирующие прилагательные (*adjectifs classificateurs*) – такое деление является скорее формальным, однако при формировании запросов в корпусных менеджерах даже такое деление труднодостижимо.

В DCM в частях словарных статей, посвященных атрибутивным словосочетаниям с лексемами *habitude* и *coutume*, видим всего 3 пересечения (*habitude / coutume + bien ancrée; ancienne + habitude / coutume; vieille + habitude / coutume*), в то время как в словаре Antidote таких пересечений 14. С лексемой *habitude* в DCM представлено 18 атрибутивных словосочетаний (в Antidote – 85, при этом в Antidote входят 14 из 18 сочетаний DCM), с лексемой *coutume* в DCM – 37 словосочетаний (в Antidote – 55, при этом в него входят 19 из 37 DCM).

На основе количественного и качественного сопоставления данных двух словарей можно сделать вывод о том, что в Antidote ожидаемо представлен более широкий круг сочетаемостей, при этом каждое словосочетание, как правило, сопровождается несколькими примерами предложений; пересечения прилагательных наблюдаются со всеми рядами, указанными в словарных статьях в DCM (исключения составили только в определенной степени идиоматичные *belle coutume* и *petite habitude*). В обоих словарях имеем дело с указанием на употребление множественного числа *habitude*: в DCM на это указывают примеры (*les habitudes consuméristes ont pris le dessus*); в Antidote сами сочетания имеют форму множественного числа (*habitudes tabagiques, habitudes télévisuelles, habitudes gastronomiques*).

Оставляя за пределами рассмотрения очевидные преимущества любых электронных словарей и их веб-версий (сколь угодно большое количество языкового материала, быстрота поиска и удобство навигации,

многофункциональность и т. п.), многократно описанные в литературе [Воронцова 2022; Dziemianko 2018; Pastor 2015], укажем отличительные черты словаря Antidote.

Прежде всего следует отметить, что здесь последовательно используются корпусные данные, поэтому есть возможность получать статистическую информацию. Кроме того, благодаря использованию корпусных данных словарь позволяет представлять большое количество сочетаний (для наиболее частотных лексем это количество может достигать нескольких сотен и даже тысяч; так, для французского глагола *aller* приведено 1027, а для английского *to go* – 2345 сочетаний). При помощи реализованной в словаре функции поиска пересечений сочетания могут рассматриваться в сходных контекстах, что позволяет анализировать случаи синонимии на синтаксическом уровне. В целом благодаря тому, что слова сопровождаются контекстами в виде большого количества предложений, в которых они выполняют различные синтаксические функции, данный словарь можно назвать «словарем предложений».

Сильные стороны словаря, превращающие его в мощный инструмент для теоретического и практического исследования языка, однако, в определенной мере становятся его недостатками. Одним из самых существенных является то, что использованные в словаре корпусные данные не вполне сбалансированы. Во французскую часть словаря недифференцированно входят художественные тексты (причем многие из них переводные, размещенные на сайте Проекта Гутенберг), научная литература, публицистика, статьи из Википедии и т. п., – такие тексты соответствуют книжной литературной норме, но в некотором отношении ее сужают. Речь в данном случае идет не о том, что в словаре представлена стилистически однородная лексика, а о том, что в качестве иллюстративного материала используется преимущественно книжный вариант языка с присущими ему грамматическими формами и синтаксическими конструкциями.

По-видимому, методами автоматического вывода сочетаний обусловлен тот факт, что в разделе сочетаний отсутствует разделение между свободными и связанными, фразеологизированными сочетаниями.

Кроме того, следует отметить еще один момент, обусловленный ориентацией на корпусные данные, который может вызвать трудности у пользующихся данным словарем как учебным, – относительную сложность предложений, выводимых в разделе сочетаний: предложения аутентичны и поэтому не адаптированы для изучающих язык.

Перспективы учебной лексикографии в свете корпусной методологии

Проведенный анализ словарей и программных средств, ориентированных на «активное» изучение языка, был выполнен с целью сравнить методические возможности традиционных и относительно новых – электронных – источников информации о языке. В ходе анализа было установлено, что в словарях активного типа, ориентированных на практическое овладение языком, в неявном виде преобладает лексико-ориентированный подход: в центре словарной статьи оказывается либо слово, либо словосочетания с этим словом; предложениям же уделяется внимание лишь постольку, поскольку предложения способны раскрыть значение слова в контексте или проиллюстрировать его употребление. Ни в коем случае не утверждая, что такой подход является устаревшим, считаем важным отметить, что современные средства автоматической обработки естественного языка позволяют существенно расширить потенциал словарей активного типа. Корпусные данные открывают возможность с минимальными затратами получить гораздо более широкую и актуальную картину сочетаемости особенностей запрашиваемых лексем.

Статистическая информация (которая в явном виде, как правило, отсутствует в словарях сочетаемости) при этом играет чрезвычайно важную роль в описании лексического значения слова: наиболее частотная дистрибуция указывает на то, в каких значениях лексема употребляется чаще (об анализе дистрибуции как средстве снятия многозначности см., например: [Atkins, Rundell 2008: 294 et seq.], а это обязательно учитывается при определении порядка лексических значений в статьях лингвистических словарей, в особенности если эти словари имеют учебную направленность.

К сожалению (и это было показано на отдельных примерах запросов в BNC), корпусные менеджеры позволяют управлять выдачей результатов в большинстве случаев только с помощью ввода чисто морфологических признаков (те возможности – весьма, впрочем, небольшие – для указания семантических признаков в запросе, которые предоставляет НКРЯ, являются скорее исключением, чем правилом). В результате запросов пользователь получает данные, которые невозможно упорядочить семантически, что, по-видимому, обусловлено сложностями, связанными с формализацией семантики естественных языков. Такая же ситуация вывода семантически неупорядоченного списка сочетаний наблюдается в словаре Antidote.

Тем не менее получаемая при формировании запросов картина сочетаемости лексем позволяет с некоторыми интеллектуальными усилиями реконструировать модель их управления, особенности распространения и наиболее важные синтаксические функции.

В связи с моделями управления и синтаксическими функциями необходимо сделать оговорку, что среди приведшихся примеров только данные электронного словаря Antidote позволяли группировать сочетания в соответствии с тем, какими словами управляет и какую функцию в предложении выполняет запрашиваемая лексема. Подобная группировка возможна не во всех корпусных менеджерах, однако в определенной степени она может быть достигнута, если при создании запроса будут корректно указаны морфологические признаки запрашиваемых словоформ и их позиции относительно друг друга.

Тем не менее приходится констатировать, что синтаксический анализ, который позволял бы представлять структуру предложений с запрашиваемыми лексемами в виде дерева зависимостей (или ином синтаксически структурированном виде), в большинстве современных корпусных менеджеров отсутствует. Из находящихся в свободном доступе известных примеров корпусов русского языка можем указать синтаксически размеченный корпус в НКРЯ, насчитывающий 1,4 миллиона слов,

Отсутствие удовлетворительного семантического и синтаксического анализов усложняют взаимодействие с корпусными банками данных – в то время как в классических словарях этот анализ «вручную» проделывают их составители; с другой стороны, объем информации, который может быть извлечен из корпусных данных, в сотни раз превосходит объем, который можно включить в учебный и даже академический лингвистический словарь.

Очевидно, устранению данного несоответствия между возможностями корпусных данных и классических словарей могут способствовать развитие информационных технологий и активное применение их в лингвистике, однако перспектива такого решения проблемы для академической лексикографии представляется пока весьма отдаленной. В учебной же лексикографии, где объемы данных значительно меньше, можно наметить путь, двигаясь по которому можно относительно легко создать современные, соответствующие требованиям цифровой эпохи справочные издания.

На наш взгляд, возможна разработка электронных обучающих словарей на основе корпусных данных, при этом должен использоваться обучающий – не учебный – корпус, который будет представлять язык в «адаптированном», предназначенном для изучения русского языка как иностранного виде (в английской терминологии «*pedagogic corpus*» [Baker 2006: 128]). В качестве источников для подобного корпуса можно использовать адаптированные тексты на русском языке, тексты учебных пособий, словарей и справочников по РКИ. Похожий корпус, включающий тексты учебников по РКИ, разработан сотрудниками Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина [Лапошина 2020], однако он нацелен на решение иных задач, а именно – задач, связанных с оценкой представленного в учебниках языкового материала.

На основе сформированного корпуса адаптированных текстов можно разработать систему поиска, подобную корпусному менеджменту, которая будет позволять создавать поисковые запросы синтаксического характера так, чтобы пользователь имел возможность получать информацию о различных синтаксических функциях запрашиваемых лексем, их сочетаемостных особенностях и т. п. – и все это в пределах соответствующего уровня владения языком с примерами предложений, легко поддающихся пониманию и выявлению лежащих в их основе моделей. Кроме того, в созданном таким образом небольшом корпусе возможно будет произвести тегирование синтаксических структур, которое позволит создавать чисто синтаксические, структурные запросы (типа N1 Vf N4, где N1 – существительное / местоимение / субстантиват в И. п. в функции подлежащего, Vf – спрягаемая форма глагольного сказуемого, N4 – прямое дополнение, выраженное существительным в В. п.); при этом должна быть реализована возможность с помощью семантических тегов задавать параметры компонентов синтаксической структуры, указывать тип действия, если предикат обозначает действие, семантический тип актанта, тип сирконстанта, если предложение распространено обстоятельством и т. п.

На наш взгляд, охарактеризованный выше электронный источник информации будет обладать большой ценностью для изучающих РКИ, т. к. позволит сделать шаг от слова и словосочетания к предложению. Любой естественный язык в своем натуральном, «необработанном» состоянии существует не в виде словарей и грамматик, а в виде предложений, поэтому создание электронного банка данных адаптированных текстов на русском языке и системы управления им – своеобразного «словаря предложений» – станет попыткой описания части языка, по возможности максимально репрезентирующей целое, в наиболее естественном его виде.

ИСТОЧНИКИ

Леонтьева, Т. В. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина. – Екатеринбург : Ажур, 2021. – 424 с.

Новый большой англо-русский словарь : в 3 т. / Ю. Д. Апресян [и др.] ; под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. – М. : Русский язык, 1993–1994.

- Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой : в 4 т. Т. I. – М. : Азбуковник, 2002. – ххiii, 803 с.
- Словарь русского языка коронавирусной эпохи / ред. Е. С. Громенко, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева [и др.]. – СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – 550 с.
- Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – М. : Русский язык, 1983. – 688 с.
- Тарасов, Е. Ф. Учебный ассоциативный словарь русского языка / Е. Ф. Тарасов, В. В. Дронов, Е. С. Ощепкова. – СПб. : Златоуст, 2017. – 356 с.
- Толково-комбинаторный словарь русского языка: опыты семантико-синтаксического описания русской лексики / сост. и ред. А. Жолковский, И. Мельчук. – 2-е изд. испр. и доп. – М. : Языки славянской культуры, 2016. – 544 с.
- Benson, M. The BBI Combinatory Dictionary of English / M. Benson, E. Benson, R. Ison. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2010. – xli, 462 p.
- Dictionnaire des combinaisons de mots / sous la direction de D. Le Fur. – Paris : Le Robert, 2007. – viii, 1011 p.
- Longman Collocations Dictionary and Thesaurus / K. Cleveland-Marwick, L. Hollingworth, E. Manning et al. – Harlow : Pearson Education Limited, 2013. – vii, 1463 p.
- Macmillan Collocations Dictionary for Learners of English / M. Rundell. – Macmillan Publishers Limited, 2010. – xiii, 911 p.
- Oxford Collocations Dictionary: for Students of English / M. Runcie. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – xiii, 897 p.
- Sharoff, S. Frequency Dictionary of Russian: Core Vocabulary for Learners / S. Sharoff, E. Umanskaya, J. Wilson. – London : Routledge, 2013. – viii, 384 p.

ЛИТЕРАТУРА

- Влавацкая, М. В. Комбинаторная лингвистика: аспекты изучения сочетаемости слов : монография / М. В. Влавацкая. – Новосибирск : НГТУ, 2016. – 244 с.
- Воронцова, И. А. Современные практики англоязычной онлайн-лексикографии / И. А. Воронцова // Верхневолжский филологический вестник. – 2022. – № 1 (28). – С. 186–194.
- Захаров, В. П. Корпусная лингвистика : учебник / В. П. Захаров, С. Ю. Богданова. – 3-е изд., перераб. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. – 234 с.
- Лапошина, А. Н. Корпус текстов учебников РКИ как инструмент анализа учебных материалов / А. Н. Лапошина // Русский язык за рубежом. – 2020. – № 6 (283). – С. 22–28.
- Лебедева, М. Ю. Дано мне тело – что мне делать с ним? Применение корпусных технологий в лингводидактике РКИ / М. Ю. Лебедева // Русский язык за рубежом. – 2020. – № 6. – С. 4–13.
- Перспектив активнаго словаря русского языка / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева [и др.] ; отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. – М. : Языки славянских культур, 2010. – 784 с.
- Русский язык коронавирусной эпохи : коллективная монография / Е. С. Громенко, Н. В. Козловская, А. С. Павлова [и др.]. – СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – 610 с.
- Хохлова, М. В. Исследование лексико-семантической сочетаемости в русском языке с помощью статистических методов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Хохлова М. В. – СПб., 2010. – 26 с.
- Atkins, B. T. Sue. The Oxford Guide to Practical Lexicography / B. T. Sue Atkins, M. Rundell. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – xii, 540 p.
- Baker, P. Glossary of Corpus Linguistics / P. Baker, A. Hardie, T. McEnery. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. – 187 p.
- Dziemiainko, A. Electronic Dictionaries / A. Dziemiainko // The Routledge Handbook of Lexicography / edited by Pedro A. Fuertes-Olivera. – London ; New York : Routledge, 2018. – P. 663–682.
- Guide d'utilisation d'Antidote 11. – URL: <https://www.antidote.info/user/data/guides/antidote-11-documentation-guide-utilisation-fr.pdf> (mode of access: 25.08.2022). – Text : electronic.
- Kilgarriff, A. Introduction to the Special Issue on the Web as Corpus / A. Kilgarriff, G. Grefenstette // Computational Linguistics. – 2003. – No. 29 (3). – P. 333–347.
- Kilgarriff, A. Using Corpora as Data Sources for Dictionaries / A. Kilgarriff // The Bloomsbury Handbook of Lexicography / edited by H. Jackson. – London : Bloomsbury, 2022. – P. 71–88.
- Kormacheva, D. Evaluation of Collocation Extraction Methods for the Russian Language / D. Kormacheva, L. Pivovarova, M. Kopotev // Quantitative Approaches to the Russian Language. – Abingdon : Routledge, 2018. – P. 137–157.
- Kosem, I. Interrogating a Corpus / I. Kosem // The Oxford Handbook of Lexicography / edited by P. Durkin. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – P. 76–93.
- Meurers, D. W. Corpora and Syntax / D. W. Meurers, S. Müller // Corpus Linguistics: An International Handbook. Vol. 2 / edited by A. Lüdeling, M. Kytö. – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2009. – P. 920–933.
- Pastor, V. Researching the Use of Electronic Dictionaries / V. Pastor, A. Alcina // The Bloomsbury Handbook of Lexicography / edited by H. Jackson. – London : Bloomsbury, 2022. – P. 89–130.
- Stefanowitsch, A. Corpus Linguistics: A Guide to the Methodology / A. Stefanowitsch. – Berlin : Language Science Press, 2020. – x, 494 p.

REFERENCES

- Apresyan, V. Yu., Apresyan, Yu. D., Babaeva E. E. et al. (2010). *Prospekt aktivnogo slovarya russkogo yazyka* [Prospectus of an Active Dictionary of Russian]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 784 p.
- Atkins, B. T. Sue, Rundell, M. (2008). *The Oxford Guide to Practical Lexicography*. Oxford, Oxford University Press. 540 p.

- Baker P., Hardie A., McEnery T. (2006). *Glossary of Corpus Linguistics*. Edinburgh, Edinburgh University Press. 187 p.
- Dziemiątko, A. (2018). Electronic Dictionaries. In Fuentres-Olivera, Pedro A. (Ed.). *The Routledge Handbook of Lexicography*. London, New York, Routledge, pp. 663–682.
- Gromenko, E. S., Kozlovskaya, N. V., Pavlova, A. S. et al. (2021). *Russkii yazyk koronavirusnoi epokhi* [The Russian Language of the Coronavirus Era]. Saint Petersburg, Institut lingvisticheskikh issledovaniĭ RAN. 610 p.
- Guide d'utilisation d'Antidote* 11. URL: <https://www.antidote.info/user/data/guides/antidote-11-documentation-guide-utilisation-fr.pdf> (mode of access: 25.08.2022).
- Khokhlova, M. V. (2010). *Issledovanie leksiko-semanticheskoi sochetanosti v russkom yazyke s pomoshch'yu statisticheskikh metodov* [Research of Lexical-Syntactic Collocation in Russian Using Statistical Methods: Corpus-based Study]. Avtoref. dis. ... kand. philol. nauk. Saint Petersburg. 26 p.
- Kilgarriff, A. (2022). Using Corpora as Data Sources for Dictionaries. In Jackson, H. (Ed.). *The Bloomsbury Handbook of Lexicography*. London, Bloomsbury, pp. 71–88.
- Kilgarriff, A., Grefenstette, G. (2003). Introduction to the Special Issue on the Web as Corpus. In *Computational Linguistics*. No. 29 (3), pp. 333–347.
- Kormacheva, D., Pivovarova, L., Kopotev, M. (2018). Evaluation of Collocation Extraction Methods for the Russian Language. In *Quantitative approaches to the Russian language*. Abingdon, Routledge, pp. 137–157.
- Kosem, I. (2016). Interrogating a Corpus. In Durkin, P. (Ed.). *The Oxford Handbook of Lexicography*. Oxford, Oxford University Press, pp. 76–93.
- Laposhina, A. N. (2020). Korpus tekstov uchebnikov RKI kak instrument analiza uchebnykh materialov [A Corpus of Russian Textbook Materials for Foreign Students as an Instrument of an Educational Content Analysis]. In *Russkii yazyk za rubezhom*. No. 6, pp. 22–28.
- Lebedeva, M. Yu. (2020). Dano mne telo – chto mne delat' s nim? Primenenie korpusnykh tekhnologii v lingvodidaktike RKI [I'm Given a Corpus – What to Do With It? Corpus Technologies in Russian Language Teaching and Learning]. In *Russkii yazyk za rubezhom*. No. 6, pp. 4–13.
- Meurers, D. W., Müller, S. (2009). Corpora and Syntax. In Lüdeling, A., Kytö, M. (Eds.). *Corpus Linguistics: An International Handbook*. Vol. 2. Berlin, New York, Walter de Gruyter, pp. 920–933.
- Pastor, V., Alcina, A. (2022). Researching the Use of Electronic Dictionaries. In Jackson, H. (Ed.). *The Bloomsbury Handbook of Lexicography*. London, Bloomsbury, pp. 89–130.
- Stefanowitsch, A. (2020). *Corpus Linguistics: A Guide to the Methodology*. Berlin, Language Science Press. 494 p.
- Vlavatskaya, M. V. (2016). *Kombinatornaya lingvistika: aspekty izucheniya sochetanosti slov* [Combinatorial Linguistics. Aspects of Word Combinatorial Power Study]. Novosibirsk, NGTU. 244 p.
- Vorontsova, I. A. (2022). Sovremennye praktiki angloyazychnoi onlain-leksikografii [Modern Practices of English Online Lexicography]. In *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*. No. 1, pp. 186–194.
- Zakharov, V. P., Bogdanova, S. Yu. (2020). *Korpusnaya lingvistika* [Methods in Corpus Linguistics]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo un-ta. 234 p.

Данные об авторе

Гончаренко Илья Георгиевич – кандидат филологических наук, доцент,
Российский государственный профессионально-педагогический университет
(Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620143, Россия, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.

E-mail: ilya.goncharenko@rsvpu.ru.

Author's information

Goncharenko Ilia Georgievich – Candidate of Philology, Associate
Professor, Russian State Vocational Pedagogical University (Ekaterinburg,
Russia).

Дата поступления: 28.08.2022; дата публикации: 30.06.2023

Date of receipt: 28.08.2022; date of publication: 30.06.2023

АКТУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ: ИМЕНА И ТЕНДЕНЦИИ

УДК 821.161.1-1. ББК Ш33(2Рос=Рус)63-45
ГРНТИ 17.07.41. Код ВАК 5.9.3

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ В ЛИРИКЕ С. ПЕТРОВА И В. БЛАЖЕННОГО

Бокарев А. С.

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8771-6065>

А н н о т а ц и я. С опорой на принципы исторической поэтики в статье рассматривается функционирование психологического параллелизма, служащего отождествлению природных процессов с человеческой жизнью, в лирике советских неподцензурных поэтов Сергея Петрова (1911–1988) и Вениамина Блаженного (1921–1999). Доказывается, что в творчестве обоих авторов его семантический ореол максимально устойчив и определяется основанной на всеобщности страдания поэтической моделью мира. Ее специфика, а именно репрезентированный с помощью параллелизма и близких ему типов образности (символа-приложения и творительного метаморфозы) комплекс мотивов, выступает предметом исследования. Так, в стихах С. Петрова отчужденность героя от положительных начал жизни, обретение причастности ей в болевом опыте, иссякание личного бытия и всеобщего «вещества существования» глубоко укоренены в параллелизме. Осознание идеи бессмертия как утопической обостряет ощущение «утечки жизни», причем сказанное о состоянии мира с его изношенностью и ветхостью закономерно распространяется и на субъекта. Стихи же В. Блаженного буквально «прошиты» сценами мучений и гибели животных, видениями загробного мира, обвинениями Богу-отцу и состраданием Богу-сыну, а с помощью параллелистической образности утверждается объединяющее человека и природу желание жизни. При этом жить в поэтическом мире Блаженного значит непременно причинять боль «другому» (даже Бог в ипостаси Отца нередко оказывается «палачом») – отсюда подвижность субъектных границ, мотивированная не только страданием и мучительством, но и состраданием. Восприятие реальности как синкретической предопределяет и судьбу поэтического слова, которое, становясь продолжением субъекта, у обоих авторов овеществляется: старея и приходя в негодность, оно утрачивает способность служить пищу экзистенциальной опорой. Таким образом, в лирике С. Петрова и В. Блаженного, чьи художественные системы обнаруживают типологическое родство, параллелистической образностью утверждается вовсе не гармоническая «вписанность» человека в природу, а свойственное неклассической эпохе представление об уязвимости и рискованности его положения в мироздании.

К л ю ч е в ы е с л о в а: С. Петров; В. Блаженный; историческая поэтика; модель мира; синкретизм; образная структура; психологический параллелизм; мотив

Для цитирования: Бокарев, А. С. Психологический параллелизм в лирике С. Петрова и В. Блаженного / А. С. Бокарев. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 69–79.

PSYCHOLOGICAL PARALLELISM IN THE LYRICS OF S. PETROV AND V. BLAZHENNY

Aleksey S. Bokarev

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8771-6065>

Abstract. From the standpoint of historical poetics, the article explores the functioning of psychological parallelism in the lyric poetry of the contemporary poets Sergey Petrov (1911–1988) and Veniamin Blazhenny (1921–1999), which serves to equate natural processes with human life. The paper argues that the semantic halo in the works of both poets is extremely stable and is determined by the poetic model of the world based on the universality of suffering. Its specificity, namely, the complex of motifs represented with the help of parallelism and similar types of figurativeness (symbol-aposition and instrumental case with the meaning of metamorphosis), is the object of research. Thus, in the poems by Petrov, estrangement from the positive principles of life, gaining involvement in life through pain experience, and the depletion of personal being and the universal “substance of existence” are deeply rooted in parallelism. The perception of the idea of immortality as a utopian one aggravates the feeling of “leakage of life”, and what has been said about the world, with its exhaustion and decrepitude, also applies to the lyrical subject. The poems by Blazhenny are practically “permeated” with the scenes of torment and deaths of animals, afterlife visions, accusations against God the Father and compassion for God the Son, and, via the parallelism based imagery, the poet asserts the desire to live, which unites human beings with the nature. At the same time, living in the poetic world of Blazhenny means to necessarily cause pain to “another person” (even God in the hypostasis of the Father often turns out to be an “executioner”), hence the mobility of subject boundaries, which is caused not only by suffering and torment, but also by compassion. The perception of reality as syncretic predetermines the fate of the poetic word, which, becoming a continuation of the subject, is consistently reified by both authors: aging and becoming unusable, the word loses its ability to be the writer’s existential support. Therefore, in the lyric poetry by Petrov and Blazhenny, whose artistic systems can be considered typologically related, psychological parallelism ascertains the idea of vulnerability and riskiness of human position in the universe, which is characteristic of the non-classical era, rather than the harmonious “embeddedness” of human beings in nature.

Keywords: S. Petrov; V. Blazhenny; historical poetics; world model; syncretism; figurative structure; psychological parallelism; motif

For citation: Bokarev, A. S. (2023). Psychological Parallelism in the Lyrics of S. Petrov and V. Blazhenny. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 2, pp. 69–79.

Психологический параллелизм в освещении исторической поэтики

Общеизвестно, что одним из самых архаических типов образности, хронологически предшествующих тропу¹, является психологический параллелизм, основанный не на сравнении «человеческой жизни с природою» (так могла бы строиться метафора), а на их «сопоставлении по признаку действия,

движения: дерево хилится, девушка кланяется» [Веселовский 2006: 417].

По мнению А. Н. Веселовского, историческая семантика параллелизма зиждется на «идее уравнивания, если не тождества», особенно очевидной, когда аналогия между субъектом и объектом рельефна или таких аналогий несколько. «Изживание» тождества по мере развития поэтики, означающее «подвиг со-

¹ Подробному рассмотрению архаической и тропической образности в их соотносительности посвящена работа С. Н. Бройтмана [Бройтман 2004: 36–38].

знания, выходящего из смутности сплывающих впечатлений к утверждению единичного», находит отражение в градации структурных форм параллелизма. Так, двучленная конструкция, компоненты которой «вторят друг другу при различии объективного содержания», сменяется многочленной, где «накопление параллелей» предполагает аналитический выбор, чреватый «уменьшением образности». Обратный процесс, ее развитие, сопутствует одночленному параллелизму, человеческий план которого «умалчивается», тогда как природный выступает его показателем (из таких речений возникают символы народной поэзии). Наконец, в отрицательном параллелизме «природный» компонент вводится с частицей «не» или знаком вопроса – и тем самым «устраняется», знаменая «выделение особи» [Веселовский 2006: 421–484]. Впрочем, сколько бы ни различались конкретные типы параллелизма, несомненно его синкретическая природа – идеи тождества и различия здесь «еще не стали самоценными и не отделились друг от друга: дерево не тождественно девушке, но и не отлочно от нее» [Бройтман 2004: 38].

Как универсальное явление, служащее принципом стихотворной речи, параллелизм интерпретируется Ю. М. Лотманом: по мысли ученого, им обеспечивается эквивалентность лексических единиц, предполагающая наличие у них как «общего семантического ядра», так и «контрастной пары дифференцирующих... признаков» [Лотман 1998: 166]. С позиций исторической поэтики, однако, целесообразно подчеркнуть, что первичным в параллели оказывается именно «общее», а выраженность каждого компонента свидетельствует, что идея тождества уже не является очевидной. Иными словами, в параллелизме «воплотилась эволюция эстетического сознания от чистого синкретизма», где слово имеет лишь «прямой и не фигуральный смысл, – к художественному иносказанию» [Поэтика: словарь... 2008: 158], принявшему вид тропа и сигнализирующему об окончательном отделении человека от природы. Сходством исторической семантики обусловлена возможность рассмотрения наряду с параллелизмом (магистральным образным языком эпохи синкретизма) и таких еще не-

достаточно отрефлектированных наукой типов образности, как символ-приложение («конь-сокол») и обстоятельство в творительном падеже («зезгицею кычет»): если первый «сливается с обозначаемым в одно целое», то второе «напоминает превращения». Согласно А. А. Потебне, они возникают даже несколько раньше параллелизма, который уже своей двучленностью указывает на «затемнение смысла символов», прежде не нуждавшихся в объяснении (имеется в виду «природный» план параллели, как бы «комментируемый» «человеческим») [Потебня 1914: 3; цитаты из А. А. Потебни приводятся в современной орфографии. – А. Б.].

Приняв за точку отсчета тезис об «оживлении» в поэтике модальности синкретических, стоящих у истоков искусства художественных форм [Бройтман 2004: 257–258, 274–280], можно с уверенностью утверждать, что в лирике второй половины XX в. ресурсы архаической образности (и прежде всего параллелизма) осваивают самые разные авторы – от А. Тарковского и С. Липкина до Н. Шатрова и А. Величанского. Мы же в настоящей статье остановимся на творчестве С. Петрова и В. Блаженного – советских неподцензурных поэтов, в стихах которых ее семантический ореол максимально устойчив и определяется специфической моделью мира, утверждающей всеобщность страдания в качестве универсальной основы бытия. Ключевая особенность этой модели – «бездистантный» контакт поэта с действительностью, в которой он «наделен статусом “жертвы”»; ощущение незащитности приводит к тому, что реальность в его глазах утрачивает «признаки структурности и ценностной “выстроенности”», а едва ли не единственным содержанием высказывания становится «личный болевой опыт». По мнению А. А. Житенева, «писатель не просто переживает ситуацию “заброшенности”, он вынужден воспринимать текст как единственное, что он может поставить между собой и миром-катастрофой» [Житенев 2012: 44–45]. Семантическая связь обрисованного мотивного комплекса с архаическими образными языками (психологическим параллелизмом и «сопутствующими» ему символом-приложением и творительным метаморфозы), выявление которой позволит констатировать типо-

логическую близость авторских поэтических систем, как раз и будет предметом нашего рассмотрения.

«Жизнь с краешку, чуть-чуть, бочком...»: психологический параллелизм в поэтике С. Петрова

Лирика Сергея Петрова, получившего широкое признание в качестве переводчика, но как поэта открытого лишь недавно, до сих пор практически не исследована. Степень ее изученности характеризуют, с одной стороны, не схватывающие сути общие суждения (поэтика, созданная автором, «поражает свободой слова, гибкостью, ироничностью, музыкальностью, философичностью...» [Гай]), с другой – точные, но нуждающиеся в переводе на понятийный язык наблюдения критиков (в лирике С. Петрова «разворачивается формула подмены бытия кошмаром и срамом, которые единственные звучат и слышны, которые изгоняют жизнь <...> из всего сущего здесь, так как существование здесь невозможно» [Кононов 1997: 239; курсив автора. – А. Б.]). И если последняя цитата фиксирует «страдательное» положение человека в авторской миромодели, то среди «обслуживающих» ее средств и приемов (паронимия, неоднородность лексического состава, пристрастие к устойчивым, повторяющимся из стихотворения в стихотворение словам-сигналам и т. д. [Кононов 1997: 237; Шубинский 1997: 100; Егоров 2018: 3; Еремеева 2019: 53]) параллелизм и близкие ему типы образности ни разу не назывались. Вместе с тем такие константные для поэта мотивы, как отчужденность от положительных начал жизни, обретение причастности миру в страдании, иссякание личного бытия и всеобщего «вещества существования» без них, как правило, не обходятся. Можно согласиться с Е. Витковским в том, что лирика Петрова «голографична», и «в любой ее... части отражается вся она как единое целое» [Витковский], – однако не стоит недооценивать и

эволюцию поэта, заметную при сопоставлении тематически близких, но написанных в разные годы текстов.

Так, в стихотворении «Надгробие» (1940) утверждается вовлеченность человека в неостановимый круговорот вещей, а его связь с материальным миром удостоверяется не только параллелизмом (росту злаков эквивалентно возвращение героя к жизни), но и творительным метаморфозы (эпитет «желтеющий» соотнесен с рожью, а его контекст позволяет трактовать «воскресение» как желанное «совоплощение» с природой: «И ты придешь, опять хорош, / смотреть, как в дрожь бросает рожь, // когда желтеющим лицом / тебе навстречу, агроном, // сквозь даль лесную я блесну...» [Петров 2018: 6]³). Посмертный переход в иное качество, созвучный представлениям Н. Заболоцкого (ср.: «А то, что было мною, то, быть может, / Опять растет и мир растений множит» [Заболоцкий 2014: 505]), у Петрова выступает условием непрерывности бытия: между «растворением» субъекта в «черноземной тьме» и возрождением природы устанавливается причинно-следственная связь, выраженная подчинительным союзом («...чтоб вяз свой воз зеленый вез...» [5]) и исключаящая трагическое восприятие происходящего. Стихотворение же «Стоит сентябрь больницей кроткой...» (1965) окрашено в совершенно иные эмоциональные тона: отождествлением в первой строке осени и больницы подготовлена параллель, «уравнивающая» суточный цикл с рутинными занятиями больного – и подобно тому, как смеркается день, сходит на нет жизнь героя («Идет по каплям вечер мелкий, / лекарство пью без дрожи я» [110]). Однако если в ранней лирике такой финал не исключал возможности альтернативного существования, то теперь «душа и кожа» подвластны смерти, на что указывает хотя бы корневой повтор в словах «вратъ» и «врач», подчеркивающий этимологическую

³ Сергей Владимирович Петров (1911–1988) – русский неподцензурный поэт, переводчик с английского, немецкого, французского, датского, норвежского, шведского и других языков, многими из которых владел в совершенстве. При жизни автора его оригинальная (не переводная) лирика, за редким исключением, не публиковалась; первая книга, «Избранные стихотворения» (1997), вышла посмертно.

³ Далее в настоящем разделе статьи при ссылке на это издание указывается только номер страницы.

связь «далековатых» понятий [Фасмер 1987: 361]: «Так будь же нежною знахаркой, / бери меня, врачуй и ври, / а если нет – наплюй, нахаркай / и кровь ногою разотри» [110].

Осознание бессмертия в любых его проявлениях как утопического обостряет ощущение тотальной «утечки жизни», заставляя героя фиксировать в природе ее симптомы. Если помещенные на стыке строф предложения «И запоет петух. // Заноет зуб» [7] образуют не только параллелизм, но и паронимическую «двойчатку», крик птицы (сродни звуку лопнувшей струны у А. П. Чехова) уже не метафорически, а буквально отзывается болью, возвещая приближение еще более страшных событий. Акустический фон лирики Петрова вообще довольно часто представлен объектами с «предельной» семантикой: текущей водой, напоминающей о плеске Леты («Как речка мелкая, беззлобно истекла / природа, время превращая в заводь» [182]), или рвущимися нитками, вызывающими ассоциацию с Парками («Воздух об окошко бьется: / нате ж вам! / То ли шьется, то ли рвется / жизнь по швам» [164]). Особенность же петровской поэтики можно усмотреть в том, что параллель у него, как в последнем приведенном фрагменте, «поддерживается» фонетической и ритмической иконичностью: и стихотворный размер Х4/2 АБАБ, и глубокая (максимально звучащая) рифма в усеченных строках делают расплывающуюся на глазах «ткань бытия» едва ли не физиологически ощутимой. Закономерно, что и наиболее частотным временем года в лирике поэта оказывается осень, а связь с природой мыслится настолько крепкой, что появление одночленных конструкций выглядит само собой разумеющимся. По утверждению А. Н. Веселовского, «существенный интерес» в них «отдан действию из человеческой жизни, которое иллюстрируется сближением с каким-нибудь природным актом», поэтому «последний член параллели... стоит за целое» [Веселовский 2006: 473]. Если так, то сказанное о состоянии мира с его изношенностью и ветхостью можно распространить и на лири-

ческого субъекта: «А глушь как прежде хороша, / речонкой о берег шурша! / На ней играет отсвет шалый, / и мост костлявый, обветшалый / грызет замшелая парша» [107].

Впрочем, сопричастность миру даже в старости и смерти обретается протагонистом нелегко и далеко не сразу: в целом ряде произведений, особенно ранних, констатируется трагическая отъединенность от реальности, преодолеваемая лишь в болевом контакте с ней. Декларативный отказ «быть» под «аккомпанемент» петушиного пения [7] оборачивается, однако, не возвращением Творцу «билета», но осознанием себя как аутсайдера, выброшенного на обочину существования. «Жизнь с краешку, чуть-чуть, бочком» [30], «мне стало тяжело на жизни быть женатым» [140], «жить – как лежать. Привычная жуть» [149] – вот лишь наиболее емкие формулы, закрепляющие положение героя в действительности⁴. Причиной тому – недостаток витальности, которой бывает столь щедро наделена природа и которая отнюдь не чужда тем, кто способен «совпасть» с ее естественными ритмами: «Катит жук навозный ком. / Я с трудом его знаком. / И следит на ветке птица / за упрямым чудачком, / маленьким грузовиком» [13]. Может показаться, что цепочка отождествлений, основанная на многочленном параллелизме и определении-существительном (символе-приложении), создает синкретическую картину, в которой фауна и флора, с одной стороны, и человек вкупе с тем, что создано его руками, – с другой, образуют единое, находящееся в непрерывном движении целое. Действительно, в дальнейшем «рабочий круг» только расширяется, «втягивая» все новых участников – паука, мельницу, занятых в поле и на лугу крестьян, речку, – чья активность направлена лишь на продолжение жизни, самодостаточное и самоценное [13–14]. Однако самоумаление субъекта, прежде не выделявшегося из мира, но теперь «отягощенного» атрибутами цивилизации, не только свидетельствует о разделившей их дистанции, но и проблема-

⁴ Н. Кононов интерпретирует данный мотив как «ужас социального изъятия»: «отдельность синонимична потере... персонажем собственного бытия, она означает приближенность к смерти, к гибели...» [Кононов 1997: 237]. Отчужденность Петрова-человека от современности отмечают мемуаристы, в частности А. Бердников: «Он жил так, как будто вокруг не было ни социума, ни журналов, ни сыщиков, ни "уголовного" кодекса – он по-своему все это уважал, но в стихи свои не пускал. Как? Да это его совсем не занимало» [Бердников].

тизирует финал, казалось бы, идиллического стихотворения: «И, одетый пиджаком / и подкован башмаком, / на усердии таком / я – ничто перед жуком» [14].

Дистанция эта ощутима тем сильнее, чем чаще предметом изображения оказываются «изгой» природы – образные «двойники» героя, призванные разделить его отщепенство и одиночество. Например, в «Mir zur Feier» (1941⁵) народным поверьем – «на Благовещение птица гнезда не вьет» – мотивируется параллелизм («подкрепленный» творительным метаморфозы), который сопрягает поэта, родившегося 7 апреля, с заведомо бездомной кукушкой («...одиноким кукую кукушем, / бобылем в избушке тоскую...» [16]). В «Грозе» же отношения эквивалентности устанавливаются между судьбой героя, уподобленной «глупой девке», холмами, иссеченными дождем, и рекой, принявшей на себя удар стихии, – причем фразу, резюмирующую сюжет («Нутро – как с мусором ведро, / а око – бац! – расколото»), можно отнести как к «природному», так и к «человеческому» плану параллели (в предыдущей строфе река была разрублена «топором» «до пояса») [156]. Последний пример демонстрирует, что единение с миром доступно протагонисту лишь в болевом опыте⁶ (старость и смерть выступают его закономерным итогом), поэтому жизненные «попутчики» героя едва ли не кричат от страданий – будь то «гуляка-ветер», дрожащий, словно побитая собака, или «бедняк-сапог», косящий каблуком и глотающий грязь [42–43]. Если структурой символа-приложения в закавыченных формулах подчеркивается нераздельность предмета и его признака, то неприкаянность и мучение осознаются как те качества, с которыми ассоциируется сама суть жизни. Даже молитвенное обращение к богу у Петрова не просто многоголосо и проникнуто болью, но само становится ей благода-

ря нанизыванию конструкций с творительным падежом: «Аз собран есмь у ног Твоих псалмом, / всей горечи и скорби красноречьем. / Кипучим городом валяюсь за холмом, / опутанный Твоим бурливым Седьмиречьем» [27–28].

Поскольку художественный мир поэта принципиально синкретичен, страдание, даже если речь идет о моральной неудовлетворенности, должно переживаться телесно, быть облеченным в плоть и кровь. Отсюда овеществление нематериального, укорененное в архаической образности, – например, ночных кошмаров героя, напоминающих «чудовищные» полотна Босха и привлекающих изобразительной мощью (как в стихотворении «Сон-ресторан»⁷). Сходный случай – опредмечивание слова, имеющего не «виртуальный», а бытийно-мифологический статус и являющегося продолжением субъекта, а значит, призванного разделить его судьбу. Когда соединенные в символ-приложение «мысли» и «гусли» получают в параллель устойчивый у Петрова природный образ («Ах вы птицы-гусли, / белы гусли-лебеди, / пташечки-кукушечки! / Что гнезда не лепите?» [143]), творческий акт предстает трудным, если не мучительным, а поэт – заведомо обреченным на неслышанность. Несмотря на то, что героя «заливает стихами» и он видит себя «Робинзоном», сидящим «на утесе» (форма творительного падежа в цитируемом контексте принципиальна), «вода» в конечном счете оказывается «не морской», а «речной» – «прирученной», «пресной» и даже «отварной» [63–64]. Подобно тому, как вместе с миром страдает, старится и умирает человек, приходит в негодность и принадлежащее ему слово, не способное служить пишущему экзистенциальной опорой. Если персональный опыт определяется выражением «костлявая катастрофа» [173], жизнь неизбежно превращается в выживание – и это практически универсальный в лирике Петрова закон.

⁵ В поэтическом корпусе Петрова данное заглавие имеет целый ряд стихотворений, поэтому указание года создания текста необходимо для его корректной атрибуции. По свидетельству Е. Витковского, «на протяжении чуть ли не полувека» в день своего рождения поэт «вставал ни свет ни заря и писал стихотворение всегда с одним и тем же заголовком “Mir zur Feier” – “Мне к празднику”. <...> Для него это был очень важный день. Он словно бы ставил ту единственную отметку, которую был вправе поставить: “Я прожил один год, у меня праздник. И я отчитываюсь за этот год и пишу к этому празднику стихотворение, всегда верлибром, напряженно, нервно, аллигированно, но непременно верлибром”» [Витковский].

⁶ Одна из характерных фиксаций этого единения – последняя строфа стихотворения «Именины»: «Рад, что отличен / тем, что и мне дано названье, / что людям я сродни, что именем включен / в огромный черный том существованья» [36].

⁷ Босху посвящено одноименное произведение, варьирующее мотивы его живописи; овеществление абстрактного как характерная особенность лирики Петрова уже отмечалось в литературе [Пробштейн 2014: 147].

«Есть участь быть живым – и обижать живых»: психологический параллелизм в поэтике В. Блаженного

Сходная, но, пожалуй, более радикальная модель мира реализуется и в творчестве Вениамина Блаженного⁸. В специальной литературе уже шла речь о том, что художественное мышление автора сосредоточено на узком круге ключевых тем, образующих устойчивые в пределах художественной системы мотивные «гнезда» [Верина 2017: 207]. Действительно, стихи поэта буквально «прошиты» сценами «мучений и гибели беззащитных и бессловесных существ», «картинами загробного мира», «неистовыми обвинениями Богу-отцу»⁹ и столь же «неистовым состраданием Богу-сыну» [Дашевский 2009]. Сущность такого видения жизни удачно сформулировал К. Анкудинов: «все Мирозданье – гигантская пыточная», где «кровавым мукам» подвержены не только дети и взрослые, но и кошки и собаки; не только поэт, уподобленный библейскому Иову, но и сам Создатель. Выступая «безумным фундаментом» вселенной [Анкудинов 2009: 391–392], страдание способно уничтожить любую иерархию, делая возможным «фамильярный» (в бахтинском смысле слова [Бахтин 2002: 138–139]) контакт между Богом, людьми и животными. В результате возникает релятивизированное, наивно-инфантильное, но в ядре своем безусловно синкретическое представление о реальности: герой В. Блаженного «не отделяет живых и мертвых друг от друга», для него едины «духовное и телесное, низменное и возвышенное, зверь и человек» [Лейдерман 2010: 861]. Естественно, что «текучесть» разнящихся, если не противоположных, категорий находит опору в архаической образности, а параллелизм не просто широко используется, но

становится композиционной основой многих стихотворений.

Прежде всего с его помощью утверждается объединяющее человека и природу желание жизни, общее как для «несносной мухи», так и для «беспощадного» людского «племени» [Блаженный 2009: 38]¹⁰. Даже физическая форма существования второстепенна по отношению к самому факту бытия: оказаться букашкой или мошкой не меньшая (а может быть, и большая) удача, нежели родиться «двуногим» [126, 135]. Показательно, что творительный метаморфозы в цитируемых стихах – «Боже, как хочется жить!.. Даже малым мышонком / Жил бы я век и слезами кропил свою норку, / И разрывал на груди от восторга свою рубашонку, / И острожно жевал прошлогоднюю корку» [38] – провоцирует взаимопроникновение «параллельных» планов: упомянутый «под сурдинку» элемент мышинного гардероба прочитывается как метафора, мотивированная, однако, осознанием единства природного и человеческого. Им же продиктовано и правило, регламентирующее отношения между персонажами: «быть живым» у Блаженного – значит непременно «обижать живых», даже если злого умысла поступок не предусматривает. Так, реакция птицы (на «подаренное» ей «зернышко») и матери (на пролитые по ней слезы) идентична: первая исчезает «в закате», «торопливо» клюнув протагониста, вторая умирает, не в силах «сберечь» своего тела [66–67]. Очевидно, что и та и другая действуют единственно возможным образом: если «крылатому диву» на земле не место, а мать, подобно платоновской героине, «не вытерпела жить долго»¹¹ [Платонов 2011: 359], им обеим суждено оказаться на небе, где пути их «сойдутся», – в то время как герою останется лишь оплакать потерю [67].

⁸ Вениамин Михайлович Блаженный (настоящая фамилия – Айзенштадт, 1921–1999) – русский неподцензурный поэт, высоко оцененный Б. Пастернаком, А. Тарковским, В. Шкловским и др., с которыми состоял в переписке. Первая публикация состоялась лишь в 1982 г.; относительно широким читательским интересом отмечено последнее десятилетие жизни автора, когда увидели свет книги «Возвращение к душе» (1990), «Слух сердца» (1990), «Сораспятье» (1995), «Стихотворения. 1943–1997» (1998).

⁹ В данном разделе статьи в начертании слова «Бог», как и у В. Блаженного, и далее использована прописная буква.

¹⁰ Далее в настоящем разделе статьи при ссылке на это издание указывается только номер страницы.

¹¹ Близость поэтического мира Блаженного творчеству А. Платонова отмечена исследователями лишь вскользь [Ильинская 2012: 36; Татаринова 2014: 8], однако и странничество как основа сюжета, и тип героя-юродивого, и система ключевых мотивов (например, взаимообратимость жизни и смерти или любовь ко всему отверженному) дают основания для более детальных сопоставлений.

Другой вариант взаимодействия человека с природой – жалость и сострадание: в «Заступись за меня, собака...», актуализирующем форму многочленного параллелизма, герой предстает защитником истязаемых животных – но, предчувствуя последний суд, сам просит их покровительства: «Твари божии, заступитесь, / Когда дрогнет в конце пути / Ваш заступник, ваш бедный витязь, / Ваш поверженный побратим...» [100]. Немаловажно и то, что в одном перечислительном ряду с ними у Блаженного может оказаться не только лирический субъект, но и Всевышний: когда текст начинается словами «Хватит места в моей конуре / И собаке и кошке, и Богу...», а в ходе сюжетного развертывания между персонажами устанавливаются соответствия («О, Господь, на тебе облака, / Как какие-то белые ризы, / А собака хромота слегка – / И вы оба от холода сизы»), становится очевидно, что в получившейся параллели божество замещает человека [71]. Поэзия автора изобилует подобными «инверсиями»: парадоксально и стихотворение «В калошах на босу ногу...», где Господь меняется местами с отцом героя («...А ты называйся Мною – / Величье тебе к лицу» [73]), и «–Давно – давным-давно – с тех пор, как я однажды...», где он принимает «обличье пса» и бродяжничает вместе с протагонистом [231]. Подвижность субъектных границ, таким образом, обеспечивается не только страданием и мучительством (даже Бог – в ипостаси Отца – нередко оказывается «палачом» [104]), но и состраданием: в мире, где голубь готов разделить крестный путь Христа [111–112], исчезают все мыслимые дистанции – с Господом можно запросто перекинуться в дурака [41], а с мертвыми беседовать, как с живыми.

Устойчивый сюжетный ход – явление субъекту умерших родителей и братьев или его собственный добровольный переход в «за-смертье». Так, мать восстает из гроба для того, чтобы починить «нижнюю рубаху» сына куском «савана» [37]; отец возвращается из могилы, намереваясь принять в своем доме гостя – странника Иисуса [132–133]; по зову отца (уже в другом стихотворении) спешат «на

ужин» их дети – Иосиф и Исаак [196]. К семье мертвецов присоединяются многочисленные кошки и собаки [88–89] – и они же «сопровождают» героя в обратном направлении: матери, приютившей его в гробу, кажется, что к ней «пристроилась» бездомная «псина» [93]. Отрицательный параллелизм в последнем примере, с одной стороны, обнаруживает семантику «единения в смерти», с другой – сигнализирует, что противоположности в лирике Блаженного разнятся лишь антуражем: мучиться обречены не только живые, но и те, кто уже покинул земные пределы. В «Мне бы только добраться до поля...» существование, как это часто бывает у автора, представляется юдолью, «уравнивающей в правах» зверя и человека (неслучайно вслед герою простерты не лапы, а «косматые руки») – но та же боль ожидает персонажей и после пересечения финальной черты: «Все страдалцы – господние дети, / Только кто же нас всех различит, / Если столько несчастных на свете – / И в гробу даже мертвый кричит» [78–79].

Неизбывность страдания практически исключает восприятие смерти как избавления и проблематизирует необходимость в воскресении (если допустить, что сквозной сюжет поэзии Блаженного повторяет логику «Страстей Христовых»¹²). Особый интерес в этой связи представляет стихотворение «Пора, пора и мне зажечь свечу во мраке...», подрывающее архитектурные основы параллелизма и обманывающее читательское ожидание. Открывающий его «природный» план («...Воскреснут, оробев, и кошки и собаки...») влечет за собой не тождественный, а контрастный ему «человеческий» – «И лишь моя душа соблазну скажет: “Нет”» [147]. Воскреснуть «для горя и обиды» способны разве что легковые животные (например, пес, аттестованный поэтом как «покорный» и «доверчивый» [41, 208]); герой же намеренно уклоняется от подобной участи, предпочитая «суете» и «похоронам», из которых складывается жизнь, «забвение» – один из самых позитивных у Блаженного посмертных сценариев [147]. Иной сценарий – метемпсихоз, также нуж-

¹² Применительно к творчеству поэта Г. С. Померанц даже вводит специальный термин – «христовство», означающий «личное тяготение» лирического субъекта к Христу [Померанц 2014: 235].

дающийся в архаической образности, но внутренне противоречивый, – имеет два варианта. Когда брат, самоубийца Иосиф, становится травой, на которой мирно пасется овца [349], преобразование свидетельствует, что свою вину он как минимум искупил; когда же мать, принявшую обличие кошки, Господь не только поселяет на помойке, но и наказывает кнутом за украденный для сына кусок [108], – превращением ознаменован новый круг страданий. В предполагаемой судьбе самого героя реализуются обе возможности: прорастающие «из ключиц» крылья могут сигнализировать как об очередном испытании («На безгнездой земле умирает крылатая птаха. / Это я умираю и руки раскинул крестом» [28]), так и об изживании мирского бремени: «Только высь! только высь! я о выси мечтал, как о небе, / Я о небе мечтал, как о Боге – и вот высота / Заприметила мой одинокий скитальческий жребий, – / Где-то птицею стала земная моя суета...» [199].

Когда мукой охвачено самое естество человека и он ощущает себя ее «избранником» [83], стирается граница, разделяющая физическое и духовное. Творительные средства в стихах «...Я сдобривал свой день кусками боли / И боль алмазно называлась – соль» [105] «просвечивает» метаморфозой, приводящей к овеществлению абстрактного: рассыпанные по земле страдания буквально хрустят под ногами – или видятся «колючим цветком», вызывающим недоумение ангелов [83]. Превращение их в набор солдатиков, детскую забаву Господа, – едва ли не самый страшный у автора сюжет: шокирует не столько развязка (разъяренный скукой Бог делает из кукол «кровавое месиво»), сколько гротескная детализация событий, позволяющая совместить противоположные точки зрения их участников («Застенчивые, как мизинчики, / Почти бесшумными стопами / Блаженные Вениаминчики / Однажды выстроятся в пары») [Блаженный 2005: 52]. Овеществляется, приобретая черты затравленного животного, и поэтическое слово: уподобленное (в структуре символа-приложения) собаке, оно «скулит» «обиженной сукой» [322], бредет «при свете и во мраке», оказываясь то в раю, то в аду, и в конечном счете служит поводырем лирического

му субъекту – «вселенскому слепцу» [314–315]. «Сворой четвероногих слов» представляются ему и бытовые высказывания матери – однако каков бы ни был источник речи, она не может сложиться в «членораздельный» текст: «бездомной муке» чужды языковые и художественные конвенции [322]. Версификационным аналогом подобного мироотношения становится редуцированный метрический репертуар (стихи Блаженного поражают своим формальным однообразием), – но только такое «опрощенное» и страждущее вместе с поэтом слово способно уцелеть «в памяти Творца» [315]. Будучи прямым свидетельством того, что в душе пишущего «вершится таинство Голгофы» [195], оно выступает полноценным участником «сораспатья», в которое с неизбежностью вовлекается все живое.

Заключение

Итак, закрепленное психологическим параллелизмом и близкими ему типами образности (символом-приложением и творительным метаморфозы) единство человеческого и природного начал в лирике Сергея Петрова и Вениамина Блаженного возникает лишь на основе страдания, которым и определяется присущая авторам поэтическая модель мира. Существование человека рассматривается здесь как непрерывное мучение, в которое на равных правах с ним вовлекается не только природа, но и Бог, не только живые, но и мертвые. Ощущение отверженности, свойственное протагонисту, преодолевается лишь в болевом контакте с реальностью, а мучительство и мучительство осознаются как первооснова и залог жизни. Восприятие реальности как синкретической предопределяет и судьбу поэтического слова, которое опредмечивается и, становясь продолжением пишущего, страдает и погибает вместе с ним. В целом в лирике С. Петрова и В. Блаженного, чьи поэтические системы обнаруживают типологическое родство, архаической образностью утверждается вовсе не гармоническая «вписанность» человека в природу, а свойственное неклассической эпохе представление об уязвимости и рискованности его положения в мироздании.

ЛИТЕРАТУРА

- Анкудинов, К. Блаженный / К. Анкудинов // Блаженный В. М. Сораспятыє. – М. : Время, 2009. – С. 384–396.
- Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 томах. Т. 6. – М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2002. – С. 6–300.
- Бердников, А. Четыре воспоминания о Петрове / А. Бердников. – Текст : электронный // Русская национальная философия в трудах ее создателей. – URL: <http://www.hrono.ru/text/2006/berdo6o6.html> (дата обращения: 17.01.2023).
- Блаженный, В. М. Сораспятыє / В. М. Блаженный. – М. : Время, 2009. – 416 с.
- Блаженный, В. Моими очами: Стихи последних лет / В. Блаженный. – М. : АРГО-РИСК ; Тверь : KOLONNA Publications, 2005. – 64 с.
- Бройтман, С. Н. Историческая поэтика / С. Н. Бройтман // Теория литературы : в 2 т. Т. 2. – М. : Издательский центр «Академия», 2004.
- Верина, У. Ю. Обновление жанровой системы русской поэзии рубежа XX–XXI вв. / У. Ю. Верина. – Минск : БГУ, 2017. – 307 с.
- Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 688 с.
- Витковский, Е. «Нет, художник, на тебе вины!..» / Е. Витковский. – URL: <https://witkowsky.livejournal.com/37954.html> (дата обращения: 17.01.2023). – Текст : электронный.
- Гай, Т. Сергей Петров. Осколки Серебряного века / Т. Гай. – Текст : электронный // В поисках мира и душевного покоя. Блог Тины Гай. – URL: <http://sotvori-sebia-sam.ru/sergey-petrov/> (дата обращения: 17.01.2023).
- Дашевский, Г. «Не зовите стихами мои иступленные строчки». Григорий Дашевский о поэзии Вениамина Блаженного / Г. Дашевский. – Текст : электронный // Коммерсант Weekend. – 2009. – № 11. – С. 32. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1142098> (дата обращения: 17.01.2023).
- Егоров, Б. Ф. О жизни и творчестве С. В. Петрова / Б. Ф. Егоров // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2018. – № 5 (17). – С. 1–14.
- Еремеева, Д. Н. Усумнившийся Аввакум. Сергей Петров (1911–1988) / Д. Н. Еремеева // Вопросы литературы. – 2019. – № 2. – С. 50–62.
- Житенев, А. А. Поэзия неомодернизма / А. А. Житенев. – СПб. : ИНАПРЕСС, 2012. – 480 с.
- Заболоцкий, Н. А. Метаморфозы / Н. А. Заболоцкий. – М. : ОГИ, 2014. – XXXVII+954 с., [48] с. ил.
- Ильинская, Н. Память юродства в поэзии Вениамина Блаженного / Н. Ильинская // По ступеням света. К 90-летию Вениамина Блаженного. – Минск : б. и., 2012. – С. 36–47.
- Кононов, Н. Без покрова. Сергей Петров. Избранные стихотворения [Предисловие Валерия Шубинского]. СПб. «Эзро». 1997. 160 стр. / Н. Кононов // Новый Мир. – 1997. – № 8. – С. 235–240.
- Лейдерман, Н. Л. Теория жанра / Н. Л. Лейдерман. – Екатеринбург : Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО ; Урал. гос. пед. ун-т, 2010. – 904 с.
- Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб. : Искусство-СПБ, 1998. – С. 13–285.
- Петров, С. Псалмы и фуги: [стихотворения] / С. Петров. – М. : ООО Группа компаний «РИПОЛ классик» ; Издательство «Пальмира», 2018. – 239 с.
- Платонов, А. П. Счастливая Москва: роман, повесть, рассказы / А. П. Платонов. – М. : Время, 2011. – 624 с.
- Померанц, Г. С. Поэзия духовного опыта / Померанц Г. С. Страстная односторонность и бесстрастие духа. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив ; Университетская книга, 2014. – С. 209–297.
- Потебня, А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии / А. А. Потебня. – Харьков : Издание М. В. Потебня, 1914. – 243 с.
- Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М. : Издательство Кулагиной ; Intrada, 2008. – 358 с.
- Пробштейн, Я. Одухотворенная земля: о Сергее Владимировиче Петрове / Я. Пробштейн // Пробштейн Я. Одухотворенная земля. Книга о русской поэзии. – М. : Аграф, 2014. – С. 142–164.
- Татарина, Л. Н. Идея милости в пагристике и духовной поэзии XX века (Иоанн Златоуст и Вениамин Блаженный) / Л. Н. Татарина // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2014. – № 102. – С. 678–688.
- Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 1 / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1987. – 576 с.
- Шубинский, В. Усумнитель. Сергей Петров. Избранные стихотворения. Санкт-Петербург, 1997 г. / В. Шубинский // Арион. – 1997. – № 3. – С. 98–101.

REFERENCES

- Ankudinov, K. (2009). Blazhennyi [Blazhenny]. In Blazhenny, V. M. *Soraspyat'e*. Moscow, Vremya, pp. 384–396.
- Bakhtin, M. M. (2002). Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Poetics]. In Bakhtin, M. M. *Sobranie sochinenii: v 7 tomakh*. Vol. 6. Moscow, Russkie slovari, Yazyki slavyanskoi kul'tury, pp. 6–300.
- Berdnikov, A. Chetyre vospominaniya o Petrove [Four Memories of Petrov]. In *Russkaya natsional'naya filosofiya v trudakh ee sozdatelei*. URL: <http://www.hrono.ru/text/2006/berdo6o6.html> (mode of access: 17.01.2023).
- Blazhenny, V. (2005). *Moimi ochami: Stikhi poslednikh let* [Through My Eyes: Poems of Recent Years]. Moscow, ARGO-RISK, Tver, KOLONNA Publications. 64 p.
- Blazhenny, V. M. (2009). *Soraspyat'e* [Joint Crucifixion]. Moscow, Vremya. 416 p.
- Broytman, S. N. (2004). Istoricheskaya poetika [Historical Poetics]. In *Teoriya literatury: v 2 t. Vol. 2*. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya».

- Dashevsky, G. (2009). «Ne zovite stikhami moi isstuplennye strochki». Grigoriy Dashevskii o poezii Veniamina Blazhennogo ["Do not Call My Frantic Lines Poetry." Grigoriy Dashevsky on the Poetry of Benjamin Blazhenny]. In *Kommersant Weekend*. No 11, p. 32. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1142098> (mode of access: 17.01.2023).
- Egorov, B. F. (2018). O zhizni i tvorchestve S. V. Petrova [About the Life and Work of S. V. Petrov]. In *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*. No. 5 (17), pp. 1–14.
- Eremeeva, D. N. (2019). Usumnivshiysya Avvakum. Sergei Petrov (1911–1988) [Doubtful Habakkuk. Sergei Petrov (1911–1988)]. In *Voprosy literatury*. No. 2, pp. 50–62.
- Fasmer, M. (1987). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language, in 4 vols]. Vol. 1. Moscow, Progress. 576 p.
- Gay, T. Sergei Petrov. Oskolki Serebryanogo veka [Sergey Petrov. Shards of the Silver Age]. In *V poiskakh mira i dushev-nogo pokoya. Blog Tiny Gay*. URL: <http://sotvori-sebia-sam.ru/sergey-petrov/> (mode of access: 17.01.2023).
- I'inskaya, N. (2012). Pamyat' yurodstva v poezii Veniamina Blazhennogo [The Memory of Foolishness in the Poetry of Benjamin Blazhenny]. In *Po stupenyam sveta. K 90-letiyu Veniamina Blazhennogo*. Minsk, pp. 36–47.
- Kononov, N. (1997). Bez pokrova. Sergey Petrov. Izbrannye stikhotvoreniya [Predislovie Valeriya Shubinskogo] SPb. «Ezro». 1997. 160 str. [No Cover. Sergei Petrov. Selected Poems Preface by Valery Shubinsky. "Ezro". 1997. 160 pages]. In *Novyy Mir*. No. 8, pp. 235–240.
- Leyderman, N. L. (2010). Teoriya zhanra [Genre Theory]. Ekaterinburg, Institut filologicheskikh issledovaniy i obrazovatel'nykh strategii «Slovesnik» UrO RAO, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 904 p.
- Lotman, Yu. M. (1998). *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The Structure of the Literary Text]. In Lotman, Yu. M. *Ob iskusstve*. Saint Petersburg, Iskustvo-SPB, pp. 13–285.
- Petrov, S. (2018). *Psalmi i fugi: [stikhotvoreniya] [Psalms and Fugues: [Poems]]*. Moscow, OOO Gruppa kompanii «RIPOL klassik», Izdatel'stvo «Pal'mira». 239 p.
- Platonov, A. P. (2011). *Schastlivaya Moskva: roman, povest', rasskazy* [Happy Moscow: Novel, Story, Short Stories]. Moscow, Vremya. 624 p.
- Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: A Dictionary of Current Terms and Concepts]. (2008). Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi, Intrada. 358 p.
- Pomerants, G. S. (2014). Poeziya dukhovnogo opyta [Poetry of Spiritual Experience]. In Pomerants, G. S. *Strastnaya odnostonnost' i besstrastie dukha*. Moscow, Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Universitetskaya kniga, pp. 209–297.
- Potebnya, A. A. (1914). *O nekotorykh simvolakh v slavyanskoj narodnoj poezii* [About Some Symbols in Slavic Folk Poetry]. Kharkov, Izdanie M. V. Potebnya. 243 p.
- Probshteyn, Ya. (2014). Odukhotvorennyaya zemlya: o Sergee Vladimiroviche Petrove [Spiritualized Earth: about Sergey Vladimirovich Petrov]. In Probshteyn, Ya. *Odukhotvorennyaya zemlya. Kniga o russkoi poezii*. Moscow, Agraf, pp. 142–164.
- Shubinskiy, V. (1997). Usumnitel'. Sergey Petrov. Izbrannye stikhotvoreniya. Sankt-Peterburg, 1997 g. [Conspirator. Sergei Petrov. Selected Poems. St. Petersburg, 1997]. In *Arion*. No. 3, pp. 98–101.
- Tatarinova, L. N. (2014). Ideya milosti v patristike i dukhovnoj poezii XX veka (Ioann Zlatoust i Veniamin Blazhenny) [The Idea of Mercy in Patristics and Spiritual Poetry of the 20th Century (John Chrysostom and Benjamin Blazhenny)]. In *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. No. 102, pp. 678–688.
- Verina, U. Yu. (2017). *Obnovlenie zhanrovoy sistemy russkoi poezii rubezha XX–XXI vv.* [Renewal of the Genre System of Russian Poetry at the Turn of the 20th–20th Centuries]. Minsk, BGU. 307 p.
- Veselovsky, A. N. (2006). *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 688 p.
- Vitkovskiy, E. «Net, khudozhnik, na tebe viny!..» ["No, Artist, You Have Wine on You!.."]. URL: <https://witkovsky.live-journal.com/37954.html> (mode of access: 17.01.2023).
- Zabolotsky, N. A. (2014). *Metamorfozy* [Metamorphoses]. Moscow, OGI. XXXVIII+954 p., [48] p. ill.
- Zhitenev, A. A. (2012). *Poeziya neomodernizma* [The Poetry of Neomodernism]. Saint Petersburg, INAPRESS. 480 p.

Данные об авторе

Бокарев Алексей Сергеевич – доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

Адрес: 150000, Россия, Ярославль, ул. Республиканская, 108/1.

E-mail: asbokarev@mail.ru.

Author's information

Bokarev Aleksey Sergeevich – Doctor of Philology, Associate Professor of Department of Russian Literature, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia).

Дата поступления: 26.02.2023; дата публикации: 30.06.2023

Date of receipt: 26.02.2023; date of publication: 30.06.2023

«ТЫКВА» Е. ХОРВАТА КАК КНИГА ХУДОЖНИКА

Житенев А. А.

Воронежский государственный университет
(Воронеж, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6365-4138>

Аннотация. В статье рассматриваются концепция и оформление коллективного поэтического сборника «Тыква», составителем которого выступил поэт Е. Хорват. Цель работы – охарактеризовать формальные и содержательные особенности издания. Материалом исследования послужили подготовленные Е. Хорватом малотиражные издания, а также оригинал-макеты книг из его архива. Предмет анализа – «книга поэта – книга художника», синтетическое явление, стоящее на стыке литературы и искусства книги; поэтому наряду со структурным и сравнительно-историческим методом в работе использованы также герменевтический и культурно-исторический методы. Специфика сборника «Тыква» в том, что это издание утверждает самиздатские формы бытования текста как норму для книги печатной: книга анонимна, какой текст какому автору принадлежит, определить невозможно, и в то же время она несет комплексное знание о времени и обстоятельствах своего создания. В результате сборник оказывается одновременно и художественным манифестом, и литературным фактом, и сценарием перформанса. Между текстами разных авторов намечены мотивные, смысловые, звуковые переключки. Е. Хорват старается создать «хор» голосов, и это ему в полной мере удается. Для А. Волохонского тыква – метафора богооставленности, восходящая к истории пророка Ионы. К этому значению добавляются христианские значения тыквы как знака смирения, прощения, паломнического пути и т. д. У упомянутого в книге Й. Бойса тыква – природный предмет в пространстве искусства, проблематизирующий его границы. Е. Хорват видит в тыкве метафору искусства (равного природе) и сознания художника (стихийного и креативного). Концептуальная структура «Тыквы» определяет ее графическое и конструктивное решение. Таким образом, «книга поэта – книга художника» – это феномен, в котором в отличие от «просто» книги художника принципиально важно поэтическое содержание, а в отличие от «просто» книги поэта принципиально значимо предметное воплощение. Все выразительные элементы книги и сама ее конструкция служат выявлению авторской идеи, которая уравнивает литературную и художественную составляющие.

Ключевые слова: книга художника; книга поэта; манифест; самиздат; Евгений Хорват; современная поэзия

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00205.

Для цитирования: Житенев, А. А. «Тыква» Е. Хорвата как книга художника / А. А. Житенев. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 80–94.

“THE PUMPKIN” BY E. HORVAT AS AN ARTIST’S BOOK

Aleksandr A. Zhitenev

Voronezh State University (Voronezh, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6365-4138>

Abstract. The article discusses the concept and design of the collection of poems “The Pumpkin” compiled by the poet E. Horvat. The aim of this study is to characterize both formal and content-based features of the publication. The research material embraces limited edition publications prepared by E. Horvat, as well as original dummy copies of books from his archive. The object of analysis – “a poet’s book as an artist’s book” – is a synthetic phenomenon located at the junction between literature and the art of book; therefore, the study also uses hermeneutic, cultural and historical methods along with the structural, comparative and historical approaches. The specificity of the Pumpkin collection consists in the fact that this publication establishes self-publishing forms of existence of the text as a norm for a printed book: the book is anonymous, it is impossible to determine which text belongs to which author, and at the same time it carries comprehensive knowledge about the time and circumstances of its creation. As a result, the collection turns out to be an artistic manifesto, a literary fact, and a performance script at the same time. A dialogue between motifs, meanings, and sounds is felt in the texts of different authors. Horvat tries to create a “choir” of voices, and he perfectly succeeds in this. For A. Volokhonsky, the pumpkin is a metaphor for godforsakenness, going back to the story of the prophet Jonah. The Christian meanings of pumpkin as a sign of humility, forgiveness, pilgrimage etc. are added to this meaning. For J. Beuys, mentioned in the book, the pumpkin is a natural object in the space of art problematising its boundaries. Horvat sees a metaphor for art (equal to nature) and the artist’s consciousness (spontaneous and creative) in the pumpkin. The conceptual structure of “The Pumpkin” determines its graphical and construction solution. Thus, “a poet’s book as an artist’s book” is a phenomenon in which, unlike in a “usual” artist’s book, the poetic content is fundamentally important, and unlike in a “usual” poet’s book, the substantive embodiment is fundamentally significant. All the expressive elements of the book and its very construction are used to unravel the author’s idea, which balances its literary and artistic constituents.

Keywords: artist’s book, poet’s book, manifesto, samizdat (self-publishing), Evgeniy Horvat, contemporary poetry

Acknowledgments: Research is accomplished with financial support of the Russian Science Foundation, Grant No. 19-18-00205.

For citation: Zhitenev, A. A. (2023). “The Pumpkin” by E. Horvat as an Artist’s Book. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 2, pp. 80–94.

Введение

Важная, но почти не исследованная страница в истории русской литературы 1980–1990-х гг. – практика создания малотиражных поэтических книг в авторском оформлении. О российской книге художника уже существует обширная литература, но узкий сегмент, в котором жанр книги поэта и жанр арт-бука совпадают, создавая особое явление, почти совсем не охарактеризован и не описан. Каталоги выставок с краткими комментариями кураторов не меняют эту ситуацию [Книга художника 1999; Книга художника и поэта 1998; Театр бумаг 1992].

Его истоки, несомненно, связаны с «домашней семантикой» позднего советского самиздата, в котором размытость границ между жизнью и искусством, текстом и контекстом, социальным и приватным обусловила появление синтетических форм творчества. Практики создания текстов в самиздате нередко характеризуются диффузией жанров и медиа, смешением уровней языка-объекта и метаязыка, иногда – присутствием перформативного элемента.

Текст в самиздате – не только публикация, но и самоархивация; высказывание здесь разомкнуто во внеэстетический ряд и, как правило, проникнуто полемическими интенциями. Архив самиздата (в «Антологии у Голубой лагуны», в «Аполлоне-77», в «Папках МАНИ» и др.) почти всегда оказывается неотделим от ситуативных смыслов и значений, переформирования репутаций и иерархий; это архив, обращенный к современности и создаваемый из потребностей момента, программно чуждый объективной репрезентации художественного процесса.

Специфика «горизонтальной коммуникации» в позднем андеграунде хорошо описана К. Смолой: «Вместо затхлого символического языка союзов официальной культуры <...> для андеграунда характерны нерегулируемые метонимические связи в частных пространствах <...>. Этот синтагматически организованный “жизненный мир” <...>, более или менее естественная антиструктура, сам по себе был частью культуры, которая как бы не нуждалась ни в каких артефактах. <...> Жанровый синкретизм становится очевидным в гибридных

текстах, состоящих из фрагментов писем, газетных статей, стихов и очерков» [Smola 2021: 236–237; ср.: Smola 2018: 13–15]. Разомкнутость текстовых, жанровых, медиальных границ характеризует не только собрания, включающие большой ряд имен, но и частные опыты самопрезентации. В результате самиздатская книга нередко приобретает вид арт-бука, стремящегося к тотальной документации авторского бытия или бытия сообщества, а не просто к предъявлению некоторого ряда текстов.

Показательны в этом отношении опыты создания авторских книги из архива поэта Евгения Хорвата. Книги «По черностопу», «Смерть Хорвата» и другие¹ выстраиваются как скрапбукинг-альбомы и включают в себя не только стихотворные тексты, но и фрагменты писем, личные фотографии, копии черновиков, вырезки из прочитанных книг и т. д. Самиздатская книга стремится здесь к тому, чтобы приобрести значение текстового корпуса, отражающего не только эстетическую эволюцию автора, но и историю его частного существования. Это «гезамткунстверк», имеющий эстетические измерения черновика, дневника, домашнего альбома. Его самиздатское качество и претензия на тотальность охвата авторского бытия обуславливают друг друга, и выпуск такой книги факсимиле практически ничего не меняет в этой программе.

Для современников эта «тотальность» поэтического арт-бука была не вполне очевидна, и в оценках издательской практики Е. Хорвата середины 1980-х гг., как правило, читается скептическая интонация. А. Цветков видел в этих книгах «кустарные, фактически самодельные брошюрки» [Цветков 2005: 400], И. Бурихин называет хорватовский журнал «Куст» «самодельным», усматривая в нем «анархическую эстетику “Мулеты”, в которой за общим цветочным дизайном уже можно было не разобраться, что кем написано» [Бурихин 2005: 450].

Между тем эта бедность средств составляла особую эстетическую программу, связанную с тем, что даже в свободном контексте

зарубежной печати далеко не все голоса имели возможность быть услышанными. «Самиздат» внутри институционализованного поля третьей волны эмиграции выполнял ту же роль, что и внутри метрополии: он создавал альтернативное пространство для высказывания, и все «неправильности», связанные с типографским решением издания, получали значение авторского жеста, ставящего под вопрос принятые правила коммуникации.

Сборник «Тыква»: литературный контекст, художественная концепция, образно-смысловое решение

В порядке первого приближения к определению жанровых признаков явления, которое в рабочем порядке можно обозначить как «книга поэта – книга художника», стоит остановиться на коллективном сборнике «Тыква» (1986), вдохновителем и издателем которого стал Е. Хорват. Эта поэтическая книга с прозаическими вставками и иллюстрациями состоит из 12 страниц формата А5 (три сложенных листа А4) и изготовлена в технике «ксе-рокс-арта» (авторское определение).

Книга задумана как игровой манипулятивный объект: текст размещен в контуре тыквы, вырезать которую предлагается читателю: «Обойди крепкими ножницами наружность тыквы спереди отступая от хвостура не менее чем на одну линию. Получишь тыкву» (орфография и пунктуация оригинала здесь и далее сохранены – А. Ж.)². На нескольких страницах содержится указание о порядке чтения: «Вертеть по стрелке против часовой». При этом расположение текста внутри книги иногда исключает буквальную реализацию этого совета.

На титульном листе на полях перечисляются уже выпущенные Е. Хорватом издания с указанием их стоимости: «Заказывать (чеком и т.п.): Романифест 2,2; Половина третьего, Третья половина по 3,3; По черностопу, Тут я поэт, Хореи бега – по 5,5; Святцы 2,2; Проба кустика 8,8; Фойерабентойер 4,4; Фома 5,5; Похвала Топорову 2,2; Дьяблера 2,2; Куда же см. 3,3; Женечка, дорогой 6,6; Русская фототе-

¹ Авторские, сделанные вручную оригинал-макеты этих сборников хранятся в Институте Восточной Европы Бременского университета в личном фонде поэта: Horvat Evgenij. FSO 01-202.

² Тыква. [Гамбург]: ХОР, [1986]. 12 с. (без пагинации). Далее все цитаты приводятся по этому изданию.

традь 3,3; Смерть Хорвата 3,3; Полусамолет 2,2; Серия сечений 3,3». На обороте «Тыквы» в рисунке, изображающий руку в перчатке, написаны имена создателей книги: Волохонский, Хвост, Бойс, Бурихин, Маке Уп, Космачев, Путов. Й. Бойс здесь является, скорее, идейным вдохновителем, чем автором, Александр Путов, как можно предположить, – художник издания. Участие В. Космачева сводится, видимо, к выдержкам из нескольких писем. А. Волохонский, А. Хвостенко, И. Бурихин, Е. Хорват – авторы текстов.

Записи на полях обладают разным статусом: часть из них носит инструментальный характер («обойди крепкими ножницами наружность тыквы», «вертеть по стрелке»), часть является багетелями, не связанными с содержанием книги («ищут скопцов, инвесторов, рантье / клерков, дивидендов и крупье»), некоторые записи создают впечатление пародийных перечней условных первоэлементов («Впереди КРЕСТ, КРОВЬ, РЕЗЕРВ»; «САМОЛЕТ КВАДЫРАТ МАКЕУП»). Большая часть этих записей, так же как списки изданных книг, должны были быть срезаны при изготовлении читателем книги-«тыквы».

Пространство каждой «тыквенной» страницы организовано по-новому. Рукописный текст соседствует с печатным, направления чтения текста постоянно меняются, при этом рукописность, как правило, связана с фразами, включающими слово «тыква»: «Решительно нечего против тыквы сказать нам», «тыква», «кво», «оборот тыквы». Слово «тыква» иногда сакрализуется, сокращается до «тык», «ты» и литеры «т»: «Столовую Т. используют в пищу. Проза Т. сентиментально-романтич.». «Тыквократия» находит свое отражение и в оформительском решении: края страниц заполнены рисунками тыкв, тыквенных побегов, семечек, разрезанных плодов, соцветий; на одной из страниц появляются листья плюща, на другой – изображение сома и корабля, отсылающие к истории Ионы, на третьей – изображение двух алхимиков с сосудами. Все эти образы в контексте книги образуют взаимосвязанные сюжеты.

Книга включает «Плач по утраченной тыкве» А. Волохонского, «Тупик» А. Хвостенко, визуальное стихотворение И. Бурихина «От рывок до сок судьбы», лист с

фрагментами переписки Е. Хорвата и В. Космачева, а также несколько страниц автоматотекстуального характера, в которых устанавливаются перекрестные связи между мотивами и проговариваются смысловые координаты книги-«тыквы».

Сочинения разных авторов объединены в «Тыкве» общим контекстом, который связывает уровни образной семантики, автокомментария, авторских стратегий. Это контекст творчества Йозефа Бойса. Важнейшей отсылкой здесь оказывается упоминание о тыкве в инсталляции Й. Бойса «Музей денег», впервые показанной в Кунстхалле Дюссельдорфа (1978) и в дальнейшем экспонировавшейся в галереях Европы в составе проекта «Пространство капитала 1970–1977» [Schalhorn 2021: 74]. «Пространство» – обобщающая работа Й. Бойса, авторы «Тыквы», таким образом, предполагают взаимодействие с программным высказыванием.

В 1960–1970-е гг. Й. Бойс – одна из центральных фигур мировой художественной сцены, постоянно находившаяся в фокусе общественного внимания [Церетели, Киттельман, Леман 2012: 6]. Русское нонконформистское искусство тоже не избежало его влияния. Перечисляя случаи рецепции творчества Й. Бойса в русской эмиграции третьей волны и в постсоветском искусстве, Е. Деготь упоминает о Ю. Альберте, А. Беляеве-Гинтовте и К. Преображенском, вспоминает интервью с Й. Бойсом В. Бахчаняна и А. Ура в журнале «А-Я» (1980) [Деготь 2012: 86]. А. Монастырский отмечает следы влияния Бойса в некоторых образах группы «Коллективные действия» [Монастырский 2012: 92].

В интервью с Й. Бойсом, как пишет Е. Деготь, характер вопросов обозначает пределы возможного приятия: эмигранты третьей волны видят в политизации искусства выход за рамки эстетического, советский опыт заставляет их настороженно относиться к возможности присвоения авангарда государством, в идеях собеседника они видят апелляцию к художественной элите, а не к зрителю [Деготь 2012: 87]. Й. Бойс выражает недоумение в связи с этими опасениями: «Нужно превзойти политику, все, что относится к социальному порядку и к каждому существующему индивидууму, превратить это в какой-то вид само-

активности, самоорганизации. <...> Я считаю, что современное искусство пришло к своему концу и что настало время антропологического искусства. Антропологическое искусство имеет возможность трансформировать мир, иными словами, создать новую дисциплину искусства, я называю ее социальной скульптурой» [Бойс 1980: 55]. Е. Хорват, который, по свидетельству И. Бурихина, в середине 1980-х гг. выглядел «как вполне художественный немец» [Бурихин 2005: 448], был более открыт для восприятия такого искусства.

На одном из разворотов «Тыквы» размещена черно-белая фотография «Музея денег» с гигантским изображением тыквы на переднем плане. Разворот сопровождается авторским пояснением, которое объединяет функции искусствоведческой справки и в то же время – записи, очерчивающей контекст рецепции Бойса в книге: «Новый ЙОЗЕФ Б. русских разговоров: ЙБОЙС'78. Дюссель-дорф <...>: ...поместил он на стенах одного длиннопрямоугольного помещения лишь тесно ниже потолка 31-ну примерно 185 на 120 см большую (грифельную) “Доску о деньгах”, которые в 1977 в течение дискуссий во вдохновленном ЙБ “Свободном междунар. университете” на (выставке) “Документа” возникли. Надписи на дсках дополнялись одной маленькой видеоустановкой... которая одно интервью между ЙБ и Оскаром Блазом показывала. В непоср. близости этой группы аппаратов свисали с потолка один треугольник, одна лампочка и публикации “Акции Третий Путь”. Сериобъект “Заметка для гостей” от 1974-го – табличка предостерегающая от воровства одного нью-йоркского отеля, на которой одна однодолларовая банкнота воспроизведена – закруглял ансамбль. В стороне от этих предметов, центрм пространства образуя, лежала большая ТЫ...» [Тыква 1986].

Интерпретаторы Й. Бойса соглашались в том, что эта тыква была призвана проблематизировать принадлежность к искусству того зрелища, которое открывалось зрителю. Разными оказываются только нюансы. В работе О. Блюме появляется «экологический» акцент: «... многих раздражала лежавшая посреди комнаты и, казалось бы, не связанная с другими предметами тыква из сада при студии Бойса, иллюстрировавшая сбалансиро-

ванную “экономию”, рост природы» [Blume 2021: 389]. В эссе В. Куглера высказывается предположение о возможной связи тыквы с практикой искаженного, «опредмеченного» восприятия искусства в работе М. Хайдеггера «Исток художественного творения»: «Квартеты Бетховена лежат на складе издательства, как картофель лежит в подвале» [Kugler 2014]. Тыква – знак несогласия с таким опредмечиванием.

Образ, созданный Бойсом, перетолковывается Хорватом как метафора искусства, которое «природно» и в своих бытийных корнях, и в стихийных способах осуществления. Всякое растение, «куст» (и тыква тоже) сближается Хорватом с искусством, «кунст», и звуковое сходство рассматривается как сущностная, а не случайная переключка: «Пусть плодородит как кустер / В кустине пусть не устывая. / И как бы кисть в могутстве кость, / Похожий на бамбук сего растенья стук. / Но самое основное накуствие – это стогий / вкус»; «Куст не тускл да негуст» [Тыква 1986].

Эти «кустовые» ассоциации связывают «Тыкву» с художественным манифестом Хорвата «Мэйк Ап: что я? делаю», в котором содержится несколько ключей к организации и этого, и других изданий, подготовленных в середине 1980-х гг.: «Я упражняюсь на могиле жанра вообще и в частности – журнала и книги. <...> Я требую художественной АКАЦИИ вместо иллюстрации и публикации. Я требую отмены гербария. Я включаю здесь голос ХХорвата о “КУСТе в побегах от себя. Его палимые страницы готовы к приятию пламени”. <...> Я требую иСКУСТва как кустарничанья, в КОРНЕ мирового словия сплетенного с германским КУНСТ = МОГУ» [Хорват 2005: 374].

Отметим, что куст как образ с универсальным значением (включая отсылку к пылающей купине) вполне мог восходить к тексту «Исаака и Авраама» И. Бродского («По сути дела, куст похож на все» [Бродский 2011: 255]), и это предположение кажется тем более правдоподобным, что Е. Хорват в рецепции современников предстал иногда «вторым Бродским» [Цветков 2005: 400], выступал с чтением его стихов (1993), активно цитировал «Горбунова и Горчакова» в своем романе «Ready-man».

Примечательным образом портрет Е. Хорвата в книге – это «Тыква, повитая плющом» (о связи тыквы и плюща – ниже). На одной из страниц помещено фото с эпиграфом и подписью: «Граждане! Столб золотой горит посредине жилища вашего! – Дмитрий Алексаньч, Ф.-Й. Ферсполь, Альбрехт Дюрер, ЙБойс, Маке-Уп». На фото – мужская фигура в пальто со склоненной ниц коротко стриженной головой, над которой на длинном проводе-стебле с листьями нависает большая полукруглая лампа. Округлая форма лампы «рифмуется» с овалом головы, которая в разговорной речи тоже может быть названа «тыквой». «Тыква» как метафора искусства оказывается, таким образом, еще и метафорой художника. Фото соответствует выставочная этикетка-экспликация: «ТЫКВА ПОВИТАЯ ПЛЮЩОМ: / Объект К. Хорват с кинетической скульптурой Мэйк-Апа / С ГОЛОВОЙ С ПРОСВЕТАМИ. 1986» [Тыква 1986].

В приведенном тексте есть прямое упоминание Д. Пригова, но голова-тыква – концепт, отсылающий, скорее, к другому контексту – к стихотворению Е. Шварц «Книга на окне» (1982): «Тыква разума с радостью рухнет сама – / Толстобокый надменный Иерихон» [Шварц 1990: 71]. В том же стихотворении книга сравнивается с мировым деревом, что также близко «кустовой» логике Хорвата. Е. Шварц цитируется в хорватском журнале «Куст» № 1, это близкий и знакомый ему контекст.

В «Тыкве» есть и другие упоминания Й. Бойса. На втором развороте книги появляется справка, поясняющая концепты «драт» (неологизм, результат фонетического переразложения фразы «ты ква драт»), «горох», «графит». Пояснение к «графиту» объясняет мотивы переосмысления поэтической формы и перехода к формату книги художника: «ГРАФИТ – проводник электричества- бесконеч. потенц. линии. Провод служит графитом при решении элементарных пластических задач, предполагая пластич. решение графических. Т.е. воздух понимается как поверхность (пост-бумажная), а линия – как таковая, т.е. схватываемая пятью: ср. ПЛЮЩ (ниже) плюс Бойское понятие СОЦИАЛЬНОЙ ПЛАСТИКИ сверхзадачей делателя в современной синтетич.-пластмассовой реальности, в частности – челоречи как “горловой скульптуры”, лепки воздуха» [Тыква 1986].

Упоминание о «линии как таковой» актуализирует в памяти читателя авангардные манифесты В. Хлебникова и А. Крученых «Буква как таковая» (1913) и «Слово как таковое» (1913), но эти ассоциации все же второстепенны в контексте по отношению к понятию «социальной пластики» (Soziale Plastik) Й. Бойса. Этот термин нередко появляется в текстах немецкого художника, но в соотнесенности с упомянутым в «Тыкве» «Музеем денег» самым вероятным претекстом видится «Призыв к альтернативе» (1978) – программное выступление Й. Бойса.

Констатируя глубокий цивилизационный кризис, включающий экологическую и экономическую составляющую, а также угрозу мировой войны, Й. Бойс говорит о насущности «ненасильственной революции, об открытой в будущее альтернативе» [Бойс 2012а: 75]. В ее основе – «новое понятие труда и дохода», замена менового хозяйства «хозяйством интегральным». Описывая выход из исторического тупика, Й. Бойс использует термин Soziale Plastik (в цитируемом ниже русском переводе – «социальная скульптура»): «Создавая проект альтернативы, <...> мы исходим из человека. Он является создателем СОЦИАЛЬНОЙ СКУЛЬПТУРЫ, и общественный организм должен быть устроен по его мерке и в соответствии с его волей. Помимо чувства и понимания человеческого достоинства, для человека есть три первоочередные потребности. <...> Он хочет СВОБОДНО РАЗВИВАТЬ свои способности и свою личность, СВОБОДНО использовать свои способности в сочетании со способностями своих сограждан для некоей ОСМЫСЛЕННОЙ и признанной цели. <...> У него есть потребность <...> быть РАВНЫМ СРЕДИ РАВНЫХ и участвовать в демократическом принятии решений на всех уровнях и во всех сферах общества. <...> Он хочет ПРОЯВЛЯТЬ СОЛИДАРНОСТЬ И ОЩУЩАТЬ СОЛИДАРНОСТЬ. <...> Тот, кто может себе представить образ эволюционной альтернативы, получает ясное понимание СОЦИАЛЬНОЙ СКУЛЬПТУРЫ, которую ЧЕЛОВЕК формирует КАК ХУДОЖНИК» [Бойс 2012а: 76–78].

В этой пространной цитате «социальная пластика» – термин, который позволяет выразить идею «общности в единстве», показать ее связь с созидательной «практикой в жизни

и в работе», обосновать неизбежность «широкого диалога», который начинается с изменения человека, внезапно открывшего в себе художника [Бойс 2012а: 78]. Хорват в целом принимает, но в то же время по-своему перетолковывает эту программу.

Во-первых, сохраняя мысль о первостепенности «широкого диалога», Е. Хорват видит его условием коллективности творчества и анонимизацию художника (поэта). Сам его артистический псевдоним – Мэйк Ап (в русифицированном прочтении также Маке-Уп) – указывает на сведенность авторского «я» к творческому акту (если иметь в виду совокупность ассоциаций, связанных с английским контекстом: *make something up* – формировать нечто, конституировать; составлять нечто из разнородных вещей; придумывать что-то на ходу). С этой мыслью связан замысел «хора» – коллективной издательской практики, примером которой является, в частности, «Тыква».

В журнале «Куст №0» (1986) концепт «хор» подробно расшифровывается: «ХОР объединяет авторов, переосмысливающих понятие публикации. ХОР издает факсимильно – с белого авторского макета, композиция которого должна быть предельно сжатой. <...> Макет воспроизводится в уменьшенном виде (как правило, на цветной бумаге). Конечный результат – брошюра низкой себестоимости <...>, распространяемая по почте и через представителей. Обязанности распространителя ХОРовой продукции принимает на себя каждый ХОРист. <...> Таким образом, ХОР независим ни от дороговизны конвенционального книгопроизводства, ни от неблагоприятных “условий рынка”. <...> Возведенное в принцип отсутствие издательского капитала позволяет поХОРить коммерческие критерии, а организационный метод исключает подтекст художественного благотворительства» [КУСТ №0].

Значимая для Мэйк Апа «хоровая» практика поясняется еще раз в уже цитировавшемся манифесте «Мэйк Ап: что я? делаю»: «Я определяю это издание как алгебраическое ПРОИЗВЕДЕНИЕ произведений, а также как КОЛЛАЖНУЮ СКУЛЬПТУРУ и текстовой СЕРИЙНЫЙ ОБЪЕКТ. Я применяю болевую терапию к синдрому подписи. Я буду смешивать и размешивать имена до анонимности

единого номинатива, до ЛИЧНОСТИ КАК ТАКОВОЙ» [Хорват 2005: 374].

Связь с концепцией «социальной пластики» («социальной скульптуры») Й. Бойса проявляется здесь прежде всего в интерпретации текста как «скульптуры» – «коллажной» (в манифесте) или «горловой», связанной с «челоречью» (в «Тыкве»). Но соотносительность с текстом Бойса здесь также и чисто внешняя, графическая, она проявляется в настойчивом использовании прописных букв в целях интонирования.

Во-вторых, связь между концепциями Бойса и Хорвата может быть усмотрена в том, что возможность «социальной пластики» предполагает отождествление субъектности и креативности. В манифесте Й. Бойса «Я вглядываюсь в характер поля» (1973) артистический потенциал усматривается в каждом человеке: «Социальная скульптура, социальная архитектура, эта наисовременнейшая творческая дисциплина лишь тогда в полной мере проявит себя, когда последний из живущих на Земле людей превратится в сотворца, в скульптора или архитектора социального организма. <...> КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК ХУДОЖНИК, и он <...> учится формировать другую позицию в СОВОКУПНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ ИСКУССТВА – БУДУЩЕМ ОБЩЕСТВЕННОМ ПОРЯДКЕ» [Бойс 2012б: 31].

У Хорвата сосредоточенность на креативности обнаруживается и в артистическом псевдониме, и в акцентировании собственной «сделанности» в заголовке «Ready-man», и в характеристике себя в манифесте через деятельность («я примешиваю», «я применяю», «я упражняюсь», «я требую» и т. д., что напоминает «эгоцентрические» тексты авангарда – например, «Я переплыл залив Судака» В. Хлебникова, где каждая строка начинается с «я» и глагола). И у Бойса, и у Хорвата произведение – это первичный продукт человека; но если у Бойса это так потому, что предельно расширено понятие произведения, то у Хорвата потому, что расширено представление об эстетической деятельности.

В-третьих, Бойса и Хорвата объединяет понимание наброска, черновика как полноценного высказывания – и в то же время осознание случайности той формы, в которой «сконденсировано» то или иное содержание.

Отмечая универсальность наброска или рисунка у Бойса, О. Блуме констатирует: «Бойс вообще понимал рисунок как расширение языка и как “форму мышления”, которые являются не второстепенной составной частью его художественного творчества, а его основой» [Блуме 2012а: 55]. Исписанные мелом доски, содержащие тексты художественных деклараций, наброски, чертежи – часть многих инсталляций Бойса, в том числе – работы «Музей денег», упоминаемой в «Тыкве».

У Хорвата близким аналогом такого сырого, «чертежного» состояния формы оказывается второстепенность медиума, «кустарность» способов книжного производства. В приведенной выше цитате из манифеста «Мэйк Ап: что я? делаю» уже упоминалось о том, что для Хорвата любой жанр – это архаика. В декларации «ХОРА» на «кустарничанье» сосредоточено особое внимание: «При желании автор <...> сам оформляет свою будущую книгу вплоть до обложки, либо ограничивается присылкой готового набора (машинопись, рукопись, изображение, ноты и т.п.), оформляемого ХОРОм в технике коллажа, ксерокс-арта и пр.» [Куст № 0].

Интересно, что Й. Бойс парадоксальным, но не случайным образом соотносится Хорватом с Н. Федоровым, «общее дело» которого типологически – по масштабу и универсальности творческой задачи – сопоставимо с «третьей альтернативой». Имя Федорова в связи с диссертацией, над которой Хорват работал в Гамбургском университете, появляется на развороте, где речь заходит об обращении художника с вещью-«дингом». Там же появляется и авторская интерпретация образа тыквы в инсталляции Бойса.

В дополнение к трактовке тыквы как метафоры искусства и метафоры творческого сознания тыква получает здесь соотнесенность с «алхимической» реальностью творческого делания и с очевидностью результата, не растворимой в теоретических спекуляциях: «Ее присутствие делает это место лабораторией возможнейше элементарного обращения с ДИНГОм – 1) ДИНГ – прим.: нем.: “вещь” <...> здесь – со словом, поскольку данная разработка пространства состоит по преимуществу из написанного и сказываемого слова. Она дополняет место перманентной конфе-

ренции¹. 1) прим.: нем.: по ЙБ, музей – место постоянной конференции всей твари (ср.: Федоров, “Философия общего динга”), поскольку ее латинское именование устанавливает связь с алхимией, “кукурбитой” разумея дистиллировочную колбу <...>. В экспозиционном пространстве выражает т.о. тыква в сочетании с таблицами, видеодиалогом и печатными текстами надежду на одно субстанциальное дискутирование, <...>, кратче: ТЫКВА предохраняет от чисто филологического спора о понятиях» [Тыква 1986].

В этой связи кажется уместным обратиться к диссертации Е. Хорвата о Н. Федорове, которая едва не в большей степени оказывается для поэта средством самоинтерпретации, нежели реконструкции идей философа. Этот текст еще ни разу не привлекался для интерпретации литературной работы Хорвата, хотя для этого есть все основания. Отметим несколько возможных точек сближения Федорова и Бойса в этой работе.

Во-первых, Хорват отмечает необходимость такого прочтения текстов Федорова, при котором они воспринимаются как своего рода художественные высказывания. Федоровский проект предстает тем самым не как утопический, но как предвосхитивший модернистскую эпоху, в которой реальность осознается как предельно пластичная: «Следует поставить под вопрос оправданность дословного восприятия произведений Федорова. <...>. И действительно, структуру федоровского мышления вернее всего назвать художественной, основывающейся на <...> “множественном единстве” значений» [Horvath 1989: 10–11].

Во-вторых, Хорвата интересует ситуация, когда художник ставит глобальную цель, призванную объединить всех людей, сделать жизненное не личным, а всеобщим. Федоровское «общее дело» в этом смысле кажется во многом близким «социальной пластике»: «Вся реальность и вся история человечества осознается им в аспекте долженствования, в проекте, подлежащем реализации в будущем»; «Его идеал целенаправленного, целокупного и всеобъединяющего знания-дела – манифестация отрицания философии во всех ее основополагающих принципах и исходных пунктах» [Horvath 1989: 7, 9].

В-третьих, Хорват, осознавая всю глубину в разнице контекстов и исходных посылок, отмечает, что Федоров созвучен современности в трактовке искусства как инструмента трансформации человека, изменения его природы: «Искусство для Федорова – это построение, а не представление. В первую очередь это самопостроение человека <...> Творчеству как продолжению творения Федоров дает определение “тео-антропоургического”, “которое состоит в создании Богом человека через самого человека» [Horvath 1989: 54].

Упоминание о тыкве-«кукурбите» в «федоровском» контексте «Тыквы» тоже не случайно: в диссертации Хорват, отмечая, что Федоров избегает описания воскрешения отцов, а если и говорит об этом, то в «алхимическом» ключе: «Понятия типа “всеобщий синтез”, алхимически окрашенное “положительное целомудрие” как трансформация эротического в пневмо-космическое – все эти моменты в сочинениях Федорова указывают на присутствие известного архетипа» [Horvath 1989: 68].

При этом федоровский контекст в «Тыкве» продолжается не только по «алхимической» линии, но и по линии футуристической, поскольку Хорват, делая обзор мнений о Федорове, положительно воспринимает его сближение с В. Хлебниковым: «Наиболее явную созвучность федоровским воззрениям обнаруживает творчество поэта В. Хлебникова <...> Сходство между федоровскими и хлебниковскими интуициями столь разительно, что требует специального исследования» [Horvath 1989: 14]. В «Тыкве» никакого исследования, конечно, нет, но в ней дважды появляется «хлебниковский» лист: впервые – в виде нечитаемого, уменьшенного изображения на странице с комментариями о «социальной пластике», вторично – на последней странице книги. Роль последнего слова отдана композиции, подготовленной И. Бурихиным и озаглавленной «ОТ РЫВОК ДО СОК СУДЫ БЫ» «с бородой Крученых и щитом из досок».

Эта композиция визуально делит пространство страницы на три части: центральную, где помещен «КВАДРАТ ЧАСТОТЫКВЫЙ», представляющий собой срез тыквы в виде квадрата; левую нижнюю, где появляется лист А. Крученых «дыр бул щыл» с дополнениями И. Бурихина, и правую нижнюю, в кото-

рой таблица с произвольными выдержками из хлебниковских «Досок судьбы» разделена крестообразной надписью «крест – фрагмент лабиринта». Таким образом, в пределах одной страницы оказываются соотнесены В. Хлебников, К. Малевич и А. Крученых.

«Крест – фрагмент лабиринта», как следует из воспоминаний И. Бурихина, – задуманная, но не осуществленная в серии других «хоровых» изданий книга-билингва: «Мы договорились, что будет мой номер “Крест – фрагмент лабиринта”. Но до этого дело не дошло» [Бурихин 2005: 450]. Представленный лист, как в других книгах «ХОРА», где нередки перекрестные ссылки на другие книги серии, вероятно, выполнял роль вставного элемента, флаера-анонса.

Образ «креста – фрагмента» не единожды повторяется в разных книгах И. Бурихина. В «Оде Большой медведице» с ним соотносится представление об идее обнаружения скрытых закономерностей: «Крепость Бухта имен брожене – в лабиринте сельскохозяйственных оград от ветра / в открытых челюстях / с лакомыми кусками цветенья: колючий ветер с кактусами сражаясь: зубы твои вразброс / в несдающихся улыбках... моя болезнь – / КРЕСТ ФРАГМЕНТ ЛАБИРИНТА: жар зуд дыхательных верхних и нижних...» [Бурихин 1991: 18]. В книге «Литургия TEODESCHINI» эта формула сопровождает фрагмент, в котором кресты поставлены на географических картах, контуры которых превращены в стилизованные фигуры людей и животных: «Ибо ухо наше самый-то лабиринт, как известно, и содержит. И крест – фрагмент лабиринта, Бурихин» [Бурихин 2003].

Записи из хлебниковских «Досок судьбы» с формулой о кресте и лабиринте, таким образом, актуализируют программу поиска скрытого в очевидном. Одним из инструментов такого поиска является переразложение слов, позволяющее по-иному прочесть текст: «от рывок до сок судьбы». Другим – заполнение пустот и изменение направлений в чтении текста. Так, Бурихин факсимильно воспроизводит лист из «Помады» Крученых с написанным от руки текстом «дыр бул щыл» и рисунком Ларионова [Крученых 1913] и впечатывает в пустоты между буквами свой текст: «со святыми», «во рту распятое». Отдельные круче-

ныховские буквы вписаны при этом в новые слова: «В ширину», «дыРщину», «СКУМран скитайский», «БУрихин», «Ль» «ЭЗмерить». Роль современного поэта, таким образом, – роль реставратора, склеивающего фрагменты.

Создание текста из разрушенного слова используется не только в тексте И. Бурихина, но и в стихотворении А. Хвостенко «Тупик», опубликованном на предпоследней странице «Тыквы». В общем контексте книги, где делается попытка соотнесения себя и с современным, и с историческим авангардом, этот фрагмент прочитывается как попытка пародийной историзации, когда поэтическое слово возникает на фоне разрушения культуры: «Лишь только Рпанг восседая / на куче прогнившей бумаги / довольно скребет себе пах / и / крои габудае ыбы» [Тыква 1986].

Если работы И. Бурихина и А. Хвостенко выполняют в книге аранжирующую роль, а фрагменты, написанные Е. Хорватом, являются своего рода метатекстом, то стихотворение А. Волохонского «Плач по утраченной тыкве» выступает идейно-образным центром издания. Исследователи и комментаторы уже предлагали разные ключи к этому тексту, но еще не все его значимые аспекты учтены. Не отмечено исследователями и то, что текст Волохонского в «Тыкве» дан в инверсированном порядке: он разделен на три фрагмента, которые расположены от конца к началу – от «соли горсти» к «плачу», с которого текст начинается.

В основе текста – перечисление взятых из разных эпох и культур ситуаций, в которых важное значение имеет тыква. Они поименованы в работе Д. Безносова: «“Плач по утраченной тыкве” <...> обладает довольно изощренной структурой, внутри которой смешиваются в единый ироничный рассказ плач Ионы, утратившего тыкву, т. е. потерявшего голову, <...> легенда о войне грузин с казарами <...> и “Апоколокинтозис” Сенеки. <...> Наполненное множеством внутренних рифм – как буквальных, так и интертекстуальных, – этот мифологический апофеоз “тыквенной темы” и вместе с тем до боли смешной гротеск ярко демонстрирует поэтический инструментальный зрелого творчества Волохонского» [Без-

носов 2013: 184]. В интерпретации В. Тарасова все упомянутые примеры объединяет индизомонимный смысл, связанный с тыквой: «Мотив этой малой поэмы – Культура. А сама вещь – Плач по утраченной Культуре. <...> Сбивчивая строфика поэмы подчеркивает ее тональность и объясняет нам природу титула: большие пробелы в строчках имитируют спазмы, прерывающие во время плача дыхание, а <...> каскады имитируют поток всхлипов» [Тарасов 2017]. Обе эти оценки требуют корректировки.

Лирическая ситуация в стихотворении осознается как условная, что прямо следует из игры местоимениями; наложение разных исторических контекстов и параллельное использование слов из разных языков, обозначающих тыкву, подтверждает это впечатление: «что ж не прикроешь / ты / он / она / меня / его / той / золотой / тогой? – / тыква ты, / о кикайон колокинт / цукка!» [Волохонский 2012: 337]. История Ионы истолкована здесь как универсальная история смирения и сохранения самообладания перед лицом глобальной утраты смысла. Для ее описания используется новозаветная метафорика, описывающая сложности стяжания вечной жизни: «как не пройти иглой / мимо / вглубь / лала / так не верблюду ей вшить / трос / в уши / верно ведь говорят: “богом пьян – не скули / в нищих” верно значит и: духом ниц – так дуй / с богом!» [Волохонский 2012: 339]. Несбывшееся пророчество, огорчившее Иону и связанное с изменением решения Бога погубить Ниневию, перетолковано в более широком смысле как ситуация обмана жизненных ожиданий, из которой надо для себя извлечь «соль»: «и отвечал ионе из солнца туч гром / яхве: / – что, о пророче мой, тебе столь / жаль тыквы? / только всего и рек и смолк / сущий / почерпнем и мы / тыквы соль / горстью» [Волохонский 2012: 340]. Остальные сюжетные детали призваны конкретизировать этот общий смысл. Их стоит отметить.

Во-первых, в тексте «Плача» способность пророчествовать истолковывается не только буквально, но и метафорически, соотносясь с распространенным представлением о поэте-пророке. Слово пророка – это слово поэтическое, и стихи – утомившие и разочаровавшие – в тексте прямо упомянуты: «словом, / словом разил я / разил / пресный сок /

волн / ягод / мутит меня от стихов / от своих / и от чужих / мутит» [Волохонский 2012: 340]. Во-вторых, пророк-поэт, при всей абстрактности его образа, обладает по крайней мере одной конкретной чертой – он эмигрант, «беженец»: «усохла / ты, / тыква / тени / не даешь / нет / огородная ты, свет, моя / о куль- / тура! / словно хребет беженца стебель твой было в тын / вился / как эмигрантская / желт / был / твой / цвет» [Волохонский 2012: 337]. В-третьих, «плач по утраченной тыкве» – отсылка не только к ситуации творческого кризиса или, следуя книге пророка Ионы, к ситуации испытания Богом, но к провалу Просвещения, к наступлению сумеречной, иррациональной эпохи: «проза / век закатив просвещения с плеч / в грядку / где ж твоя благодать – где / ты, / о влажных строф / овощ?» [Волохонский 2012: 337].

Таким образом, «Плач» Волохонского кажется правомерным рассматривать как стихотворение о разочаровании поэта-эмигранта в поэзии и ее сакральных смыслах без готовности от этих смыслов отказаться, и в то же время – как текст об универсальности такого мировоззренческого кризиса, варианты которого можно найти в самых разных эпохах. Тот факт, что в «Тыкве» композиция стихотворения изменена с прямой на обратную, можно трактовать как движение от утешения и вразумления («и отвечал ионе из солнца туч гром / яхве») к плачу и растерянности («где ж твоя благодать – где / ты, / о влажных строф / овощ?»).

История Ионы отражена еще в одном метатекстуальном фрагменте, написанном Е. Хорватом. Опираясь на широко известный в теории перевода спор о тыкве между св. Иеронимом и бл. Августином, он считает необходимым его актуализировать. В стихах 6–7 4 главы книги пророка Ионы, как известно, рассказывается о том, как пророк, покинув Ниневию, наблюдал за городом, укрываясь от зноя под широкими листьями растения, выросшего по велению Бога за одну ночь: «Когда Иероним дошел до перевода этого текста, он затруднился, как перевести на латынь название этого растения, которое на древнееврейском языке называлось kikaon. Он знал, что это была клещевина (масличное растение, из

плодов которого получают касторовое масло), но не знал, как она называется на латыни, поэтому выбирал между словом *hedera* (род ивы [у Е. Хорвата плющ. – А. Ж.]) и *curcubita* (тыква) и склонился в итоге к последнему варианту» [Яковлев, Вольская 2018: 83]. Это решение вызвало у современников мотивированные возражения, а тыква стала с тех пор одним из частых элементов в католической иконографии святого: «Тыква-горлянка может восприниматься как символ воскрешения Христа. Выдолбленный плод тыквы использовался путешественниками как сосуд для воды, поэтому тыква стала атрибутом странников. <...> Поскольку Господь простил народ Ниневии, тыква-горлянка может обозначать также прощение» [Яковлев, Вольская 2018: 81, 83].

В тексте «Тыквы» эта переводческая коллизия осовременивается. Здесь необходимо привести еще одну пространную цитату: «Описание “смехотворного тыквопроса” – темы стыка между отцами Церкви Иеронимом и Августином. Иероним (340–420 по РХ), переводя Ветхий Завет (“Вулгата”) и не находя латыню тыквы, сделал из симульганно-разросшейся листыквы, утешающей Иону, “плющ”. Вызвав в Риме взрыв негодования: переводчика обвиняли в кощунстве. Августин присоединился к полемике. ТАК ВЫ? – “Если б токмо ты прочел книгу пояснений к Ионе, ты, думаю, не стал бы поднимать смехотворного тыквопроса” – писал ответно ИерОним. Спустя вполне тысячу лет к нему присоединился Эразм Роттердамский, упрекнувший современников в филологич. копошении вокруг первоисточников и забвении революционной энергии см.ысла сл.ова. <...> Как и Иерониму, Эразму приходилось “прятаться в УГЛУ ОБИТЕЛИ”. Углу – троичном <...> элементарном ТЫКВАНТЕ прост.ранства, у ЙБ СПЛЮЩенного в собств. сердцевину. Представьте себе Иону, по пробуждении заходящего в сам с Соб?ой! филологич. по-латынски сок, чего это тут мол там выросло, и последующее исчезновение тени ему в наказание но и в озарение: черво-змие-чревоотчиво; открытый свод со знойной лампой на потолке. Вот – спустя ионы – пророчество твое, и.о. нас, спящих по пробуждении, не замечая торчащего из рта бревна» [Тыква 1986].

В этом фрагменте примечательна актуализация игрового принципа, использованного и на других страницах книги: графика текста переоформляется, и в прокладываемых по-новому границах слов и частей слов выявляются звуковые и смысловые переклички. Имя «Иона» проступает в имени «ИерОНим», в «ионах» времени, в формуле «и.о. нас»; слово «тыква» узнается в ТАК ВЫ?, токмо, ТЫКВАНТЕ; Й. Бойс проступает в инициалах ЙБ, в слове СоБ?ой. Многовариантное присутствие «тыквы» обнаруживается и на других разворотах книги. На странице о «социальной пластике» с тыквой связаны «ты кво драт», «ТЫ КВО? – “ты куда?” (црквслв. “камо?”)». На странице, рассказывающей об инсталляции Бойса, тыква – это «ДЫРА, набитая КВОей» и т. д. [Тыква 1986]. Тыква и ассоциированный с ней плющ оказываются тем самым первоэлементами мира, «квантами», которые можно обнаружить в разных явлениях. Символическая весомость тыквы, таким образом, обеспечивается не только соотношением далеких культурных контекстов, но и помещением слова «тыква» в случайные связи, когда «тыквенным» может стать что угодно.

В приведенной цитате «тыквопрос» интересен тем, что противоречащее буквальному прочтению текста слово («тыква» вместо привычного «плюща») более точно отражает реальность (в древнееврейском тексте речь идет о растении с широкими листьями). Футуристические опыты тем самым парадоксально освящаются авторитетом св. Иеронима, так как возвращают к «революционной энергии см.ысла сл.ова». Тот, кто выбирает этот путь, рискует навлечь осуждение, оказаться запертым в «тыкванте прост.ранства». Иона, ищущий вместе с Иеронимом верное слово, сближен здесь с портретом Хорвата «со знойной лампой на потолке».

Заключение

Подведем итоги и попробуем проследить связи между ассоциативно-образным, композиционным, визуально-графическим и конструктивным решениями книги.

Смысловое и ассоциативно-образное решение книги – результат резонанса эмигрантской и европейской художественной повестки: точкой отсчета оказывается пере-

живание всеобъемлющего кризиса культуры и всех ее институций. Выход усматривается в практике коллективной творческой работы, призванной переосмыслить миссию художника, сферы приложения его активности и стратегии авторского поведения. Это переосмысление строится как взаимное сопряжение идей актуального искусства (Й. Бойс) и русского авангарда (В. Хлебников, А. Крученых). Этой же логике подчинена реинтерпретация российских предшественников «неклассической» эпохи (Н. Федоров).

В стихотворении А. Волохонского тыква утрачивается, в инсталляции Й. Бойса – утверждается. Для Волохонского тыква – метафора богооставленности, восходящая к истории пророка Ионы, убедившего жителей Ниневии в близкой гибели города, но эту гибель не увидевшего. К этому значению, соотнесенному с позицией художника-эмигранта, потерявшего веру в сакральные смыслы слова, добавляются христианские значения тыквы как знака смирения, прощения, паломнического пути и т. д. У Бойса тыква – природный предмет в пространстве искусства, проблематизирующий его границы. Е. Хорват, создавший общий контекст для столь далеких друг от друга высказываний, видит в тыкве одновременно метафору искусства (виталистического, равного природе) и сознания художника (обладающего стихийной креативностью и способного к самокритике). Образ тыквы тем самым получает серьезные и комические коннотации.

«Кунст» как «куст» определяет изменение отношения к поэтическому слову: в нем становится важна связь с ситуацией высказывания и, особенно, с субъектом речи. «Социальная пластика» в поэзии принимает вид «горловой скульптуры», материалом которой должна стать уже не бумага, а воздух, «пост-бумажная поверхность». Тем самым различие между текстом и жестом, между литературой и акцией снимается – по крайней мере, на уровне декларации. Книга приобретает вид презентации концепта («тыквократии») и архивации перформанса («кинетического объекта»). Чтение – это вовлечение в творческую работу, не рецепция, но партиципация («обойди крепкими ножницами на-

ружность тыквы»), соучастие в «отыквлении», которое рассматривается как эквивалент артистического юродства. «Крест – фрагмент лабиринта» И. Бурихина помещает эту работу в контекст спасения в слове и словом.

Спасение – коллективная практика, и если это спасение в творчестве, оно должно стать «хоровым». «Хоровой» характер книги реализуется на разных уровнях: тексты в книге не подписаны, и только из внешнего контекста можно узнать, какой кому принадлежит; между разными сюжетами созданы перекрестные ссылки: библейский сюжет отражается в переводческом, переводческий – в сюжете комментирования искусства и т. д.; на уровне слова, прочитываемого ситуативно, естественны звуковые переклички между разными контекстами. «Тыква» оказывается коллективной игрой, смысл которой состоит в поиске и изобретении скрытых связей.

Концептуальная структура «Тыквы» определяет ее графическое, конструктивное, фактурное решение. Самоумаление, связанное с отказом от конвенционального высказывания, диктует простоту средств: несколько листов цветной бумаги, «ксерокс-арт», простая скрепка. Перекрестное отражение контекстов

диктует подбор иллюстративных элементов. Стремление к активизации читателя определяет вариативное расположение текста на «тыквенной» (овальной) странице, где все направления не важны (книгу надо «вертеть»).

Таким образом, «книга поэта – книга художника» – это синтетический художественный феномен, в котором в отличие от «просто» книги художника принципиально важно поэтическое содержание, а в отличие от «просто» книги поэта принципиально значимо предметное воплощение. Все выразительные элементы книги и сама ее конструкция служат выявлению авторской идеи, которая уравнивает литературную и художественную составляющие. «Книга поэта – книга художника» – это формула баланса между словесным и внесловесным, между перформативным и опредмеченным, между концепцией и реализацией. В той мере, в какой эта книга и в содержательной, и в оформительской части создается одним человеком или единым коллективом, она может рассматриваться как «тотальное» высказывание, способное объединять разные виды, жанры, медиа, а в пределе – сплавлять жизнь и искусство.

ЛИТЕРАТУРА

- Безносос, Д. Трехкнижие Анри Волохонского / Д. Безносос // Новый мир. – 2013. – № 4. – С. 183–187.
- Блуме, О. «Ядра конденсации» Йозефа Бойса / О. Блуме // Бойс Й. Призыв к альтернативе. – М.: Московский музей современного искусства, 2012б. – С. 104–110.
- Блуме, О. 16 тезисов об альтернативе / О. Блуме // Бойс Й. Призыв к альтернативе. – М.: Московский музей современного искусства, 2012а. – С. 27–65.
- Бойс, Й. Искусство и политика / Й. Бойс // А-Я. – 1980. – № 2. – С. 54–58.
- Бойс, Й. Призыв к альтернативе / Й. Бойс // Бойс Й. Призыв к альтернативе. – М.: Московский музей современного искусства, 2012а. – С. 74–79.
- Бойс, Й. Я вглядываюсь в характер поля / Й. Бойс // Бойс Й. Призыв к альтернативе. – М.: Московский музей современного искусства, 2012б. – С. 31.
- Бродский, И. Сочинения : в 7 т. Т. 1 / И. Бродский. – СПб.: Пушкинский фонд, 2001. – 304 с.
- Бурихин, И. ЛИТУРГИЯ TEODESCHINI / И. Бурихин. – Текст : электронный // Комментарии. – 2003. – № 24. – URL: <http://commentmag.ru/magazine/archive/24/Burichin.pdf> (дата обращения: 10.02.2023).
- Бурихин, И. Ода Большой медведице и другие стихи / И. Бурихин. – М.: Библиотека альманаха «Весы», 1991. – 26 с.
- Бурихин, И. Х оборотное / И. Бурихин // Хорват Е. Раскатанный слепок лица. Стихи, проза, письма. – М.: Культурный слой, 2005. – С. 445–455.
- Волохонский, А. Собрание произведений : в 3-х т. Т. I: Стихи / А. Волохонский ; составление, предисловие и примечания И. Кукуя. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 616 с.
- Деготь, Е. От Бойса бедных к Бойсу для богатых: эволюция чтения Бойса в России / Е. Деготь // Бойс Й. Призыв к альтернативе. – М.: Московский музей современного искусства, 2012. – С. 86–91.
- Книга художника и поэта. Каталог. 28 апреля – 31 мая 1998 / сост. А. Чудецкая, Л. Тишков. – Нижний Новгород : Дирижабль, 1998. – 16 с.
- Книга художника. 1970–1990-е годы. Из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина и частных коллекций. – М.: Даблуд, 1999. – 40 с.
- Крученых, А. Е. Помада / А. Е. Крученых. – М.: Изд-во Г. Л. Кузьмина и С. Д. Долинского, 1913. – [9] с.

- КУСТ № 0. – [Гамбург] : ХОР, [1986]. – 16 с. без пар.
- Монастырский, А. О Бойсе / А. Монастырский // Бойс Й. Призыв к альтернативе. – М. : Московский музей современного искусства, 2012. – С. 92–93.
- Тарасов, В. Ступенчатый свет / В. Тарасов. – 2017. – URL: <https://literatura.org/criticism/3367-vladimir-tarasov-stupenchatyy-svet.html> (дата обращения: 10.02.2023). – Текст : электронный.
- Театр бумаг. Экспериментальная книга художника и поэта. Каталог выставки / сост. Г. Носова, Г. Ершов. – СПб. : Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, 1992. – [52] с.
- Тыква. – [Гамбург] : ХОР, [1986]. – 12 с. без пар.
- Хорват, Е. Раскатанный слепок лица. Стихи, проза, письма / Е. Хорват. – М. : Культурный слой, 2005. – 496 с.
- Цветков, А. Вступительное слово к публикации стихов Е. Хорвата в журнале «Знамя» / А. Цветков // Хорват Е. Раскатанный слепок лица. Стихи, проза, письма. – М. : Культурный слой, 2005. – С. 400.
- Церетели, В. Приветственное слово / В. Церетели, У. Киттельман, К.-Д. Леман // Бойс Й. Призыв к альтернативе. – М. : Московский музей современного искусства, 2012. – С. 6–7.
- Шварц, Е. Стихи / Е. Шварц. – СПб. : Ассоциация «Новая литература», 1990. – 119 с.
- Яковлев, В. В. Святой Иероним Стридонский в западноевропейской живописи: традиции, символы, смыслы / В. В. Яковлев, Т. В. Вольская // Вестник СПбГУ. Искусствоведение. – 2018. – Т. 8, вып. 1. – С. 64–86.
- Blume, E. Kapital / E. Blume // Joseph Beuys-Handbuch. Leben – Werk – Wirkung / T. Skrandies, B. Paust (Hg.). – Berlin : J. B. Metzler Verlag, 2021. – S. 386–390.
- Horvath, E. Nikolaj F. Fedorovs «Gemeinsame Tat». Archetypen bei einem russischen Denker des ausgehenden 19. Jahrhundert. Wissenschaftliche Hausarbeit zur Erlangung des akademischen Grades eines Magister Artrium der Universität Hamburg / E. Horvath. – Hamburg, 1989. – 93 s.
- Kugler, W. Spurensicherung. Was Kunst kann, will oder offen lässt / W. Kugler. – 2014. – URL: <https://www.erziehungskunst.de/artikel/spurensicherung-was-kunst-kann-will-oder-offen-laesst/> (mode of access: 10.02.2023). – Text : electronic.
- Schalhorn, A. Installationen und Räume / A. Schalhorn // Joseph Beuys-Handbuch. Leben – Werk – Wirkung / T. Skrandies, B. Paust (Hg.). – Berlin : J. B. Metzler Verlag, 2021. – S. 73–79.
- Smola, K. Archiving the Life World: Commemorative Art Books of the Late Soviet Underground / K. Smola // (Counter-)Archive: Memorial Practices of the Soviet Underground. Conference Reader. – Dresden : Technische Universität Dresden, 2021. – P. 233–252.
- Smola, K. Community as Device: Metonymic Art of the Late Soviet Underground / K. Smola // Russian Literature. – 2018. – Vol. 96–98. – P. 13–50. – DOI: 10.1016/j.ruslit.2018.05.002.

REFERENCES

- Beuys, J. (1980). *Iskusstvo i politika [Art and Politics]*. In *A-Ya*. No. 2, pp. 54–58.
- Beuys, J. (2012a). *Prizyv k al'ternative [Appeal for an Alternative]*. In Beuys, J. *Prizyv k al'ternative*. Moscow, Moskovskii muzei sovremennogo iskusstva, pp. 74–79.
- Beuys, J. (2012b). *Ya vglyadyvayus' v kharakter polya [I Peer into the Nature of the Field]*. In Beuys, J. *Prizyv k al'ternative*. Moscow, Moskovskii muzei sovremennogo iskusstva, p. 31.
- Beznosov, D. (2013). *Trekhknizhie Anri Volokhonskogo [The Three Books of Anri Volokhonsky]*. In *Novyi mir*. No. 4, pp. 183–187.
- Blume, E. (2012a). *16 tezisov ob al'ternative [16 Theses about the Alternative]*. In Beuys, J. *Prizyv k al'ternative*. Moscow, Moskovskii muzei sovremennogo iskusstva, pp. 27–65.
- Blume, E. (2012b). «Yadra kondensatsii» Iozefa Boisa [“Condensation Nuclei” by Joseph Beuys]. In Beuys, J. *Prizyv k al'ternative*. Moscow, Moskovskii muzei sovremennogo iskusstva, pp. 104–110.
- Blume, E. (2021). *Kapital*. In Skrandies, T., Paust, B. (Hg.). *Joseph Beuys-Handbuch. Leben – Werk – Wirkung*. Berlin, J. B. Metzler Verlag, pp. 386–390.
- Brodsky, J. (2001). *Sochineniya: v 7 t. [Works, in 7 vols.]*. Vol. 1. Saint Petersburg, Pushkinskii fond. 304 p.
- Burikhin, I. (1991). *Oda Bol'shoi medveditse i drugie stikhi [Ode to the Big Dipper and Other Poems]*. Moscow, Biblioteka al'manakha «Vesy». 26 p.
- Burikhin, I. (2003). *LITURGIYA TEODESCHINI [LITURGY TEODESCHINI]*. In *Kommentarii*. No. 24. URL: <http://commentmag.ru/magazine/archive/24/Burichin.pdf> (mode of access: 10.02.2023).
- Burikhin, I. (2005). *Kh oborotnoe [X Reverse]*. In Horvat, E. *Raskatannyy slepok litsa*. Stikhi, proza, pis'ma. Moscow, Kul'turnyi sloi, pp. 445–455.
- Chudetskaya, A., Tishkov, L. (Comp.). (1998). *Kniga khudozhnika i poeta*. Katalog. 28 aprelya – 31 maya 1998 [The Book of the Artist and Poet. Catalog. April 28 – May 31, 1998]. Nizhny Novgorod, Dirizhabl'. 16 p.
- Degot, E. (2012). *Ot Boisa bednykh k Boisu dlya bogatykh: evolyutsiya chteniya Boisa v Rossii [From Beuys for the Poor to Beuys for the Rich: The Evolution of Beuys Reading in Russia]*. In Beuys, J. *Prizyv k al'ternative*. Moscow, Moskovskii muzei sovremennogo iskusstva, pp. 86–91.
- Horvath E. (2005). *Raskatannyy slepok litsa*. *Stikhi, proza, pis'ma [Rolled Face Cast. Poems, Prose, Letters]*. Moscow, Kul'turnyi sloi. 496 p.
- Horvath, E. (1989). *Nikolaj F. Fedorovs “Gemeinsame Tat”. Archetypen bei einem russischen Denker des ausgehenden 19. Jahrhundert. Wissenschaftliche Hausarbeit zur Erlangung des akademischen Grades eines Magister Artrium der Universität Hamburg*. Hamburg. 93 p.
- Kniga khudozhnika. 1970–1990-e gody. Iz sobraniya GMI im. A. S. Pushkina i chastnykh kollektzii [Artist's Book. 1970–1990s. From the Collection of the Pushkin Museum and Private Collections]*. (1999). Moscow, Dabldus. 40 p.

- Kruchenykh, A. E. (1913). *Pomada* [Pomade]. Moscow, Izdatel'stvo G. L. Kuz'mina i S. D. Dolinskogo. [9] p.
- Kugler, W. (2014). *Spurensicherung. Was Kunst kann, will oder offen lässt*. URL: <https://www.erziehungskunst.de/artikel/spurensicherung-was-kunst-kann-will-oder-offen-laesst/> (mode of access: 26.02.2023).
- Kust* [Bush] No. 0. (1986). [Hamburg], CHORUS. 16 p. Without pagination.
- Monastyrsky, A. (2012). O Boise [About Boyce]. In Beuys, J. *Prizyv k al'ternative*. Moscow, Moskovskii muzei sovremennogo iskusstva, pp. 92–93.
- Nosova, G., Ershov, G. (Comp.). (1992). *Teatr bumag. Eksperimental'naya kniga khudozhnika i poeta. Katalog vystavki* [Theater of Papers. Experimental Book of the Artist and Poet. Exhibition Catalog]. Saint Petersburg, Muzei Anny Akhmatovoi v Fontannom Dome. [52] p.
- Schalhorn, A. (2021). Installationen und Räume. In Skrandies, T., Paust, B. (Hg.). *Joseph Beuys-Handbuch. Leben – Werk – Wirkung*. Berlin, J. B. Metzler Verlag, pp. 73–79.
- Schwartz, E. (1990). *Stikhi* [Poetry]. Saint Petersburg, Assotsiatsiya «Novaya literatura». 119 p.
- Smola, K. (2018). Community as Device: Metonymic Art of the Late Soviet Underground. In *Russian Literature*. Vol. 96–98, pp. 13–50. DOI: 10.1016/j.ruslit.2018.05.002.
- Smola, K. (2021). Archiving the Life World: Commemorative Art Books of the Late Soviet Underground. In (Counter-)Archive: Memorial Practices of the Soviet Underground. *Conference Reader. Dresden, Technische Universität Dresden*, pp. 233–252.
- Tarasov, V. (2017). *Stupenchatyi svet* [Step Light]. URL: <https://literatura.org/criticism/3367-vladimir-tarasov-stupenchatyy-svet.html> (mode of access: 10.02.2023).
- Tsereteli, V., Kittelman, U., Leman, K.-D. (2012). Privetstvennoe slovo [Welcome Speech]. In Beuys, J. *Prizyv k al'ternative*. Moscow, Moskovskii muzei sovremennogo iskusstva, pp. 6–7.
- Tsvetkov, A. (2005). Vstupitel'noe slovo k publikatsii stikhov E. Khorvata v zhurnale «Znamya» [Introductory Remarks to the Publication of E. Horvat's Poems in the Znamya Magazine]. In Horvat, E. *Raskatannyy slepok litsa. Stikhi, proza, pis'ma*. Moscow, Kul'turnyi sloi, p. 400.
- Tyква* [Pumpkin]. (1986). [Hamburg], CHORUS. 12 p. Without pagination.
- Volokhonsky, A. (2012). *Sobranie proizvedenii: v 3-kh t.* [Collection of Works, in 3 vols.]. Vol. I: Stikhi. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 616 p.
- Yakovlev, V. V., Volskaya, T. V. (2018). Svyatoi Ieronim Stridonskii v zapadnoevropeiskoi zhivopisi: traditsii, simvolu, smysly [Saint Jerome of Stridon in Western European Painting: Traditions, Symbols, Meanings]. In *Vestnik SPbGU. Iskusstvovedenie*. Vol. 8. Issue 1, pp. 64–86.

Данные об авторе

Житенев Александр Анатольевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры издательского дела, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия).

Адрес: 394018, Россия, Воронеж, Университетская площадь, 1.

E-mail: superbia@mail.ru.

Author's information

Zhitenev Aleksandr Anatolyevich – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Publishing, Voronezh State University (Voronezh, Russia).

Дата поступления: 03.03.2023; дата публикации: 30.06.2023

Date of receipt: 03.03.2023; date of publication: 30.06.2023

УДК 821161.1:81'42:769.2. ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,4+Ш300+Щ154.5
ГРНТИ 17.07.25. Код ВАК 5.9.3

КНИГА В АРТ-ПРОЕКТЕ ЛЕОНИДА ТИШКОВА

Барковская Н. В.

Уральский государственный педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9131-5937>

Аннотация. Творчество современного художника Леонида Тишкова представляет собой интегральный проект, включающий множество компонентов: рисунки, инсталляции, арт-объекты, видео, фотографии, рукописные альбомы, книги. Из разнообразного визуального материала Тишков конструирует свой автобиографический миф, свою Вселенную.

Цель статьи – выявить значение книги и метафорического образа книги в арт-проекте Тишкова. Теоретическими основаниями для достижения цели послужили трактовки художественного метода критиками и авторское самопозиционирование художника, биографический подход к рассмотрению творчества, некоторые приемы мифопоэтики и исследования, касающиеся феномена «книга художника».

Творческий метод Тишкова имеет общие черты с модернизмом, постконцептуализмом, трансавангардом. Вместе с тем художник настаивает на своем «дилетантизме» и «наивности». Его арт-объекты обыгрывают обычные бытовые предметы или создаются из материала не-искусства, совершая переход из обыденности в игру, из повседневности в эстетическую реальность. Отдельные фантастические существа (стомаки, даблбиды, водолазы) выступают знаками, из которых на экспозициях складываются новые «тексты»-мифы. Визуальные проекты, например «Частная луна», нередко сопровождаются короткими текстами, тяготеющими к стихопрозе. В статье доказывается, что визуальный арт-проект Леонида Тишкова имеет нарративную природу, что роднит его с принципами литературы. Автобиографический миф, выстраиваемый художником, наиболее полное воплощение получил в книгах («Как стать гениальным художником, не имея ни капли таланта», «Мальчик и Луна», «Взгляни на дом свой»). Имея более традиционный полиграфический формат, эти произведения остаются «книгами художника». Большую роль в них играют иллюстрации. Однако Тишков не переносит приемы изобразительного искусства в словесный текст, напротив, он свои визуальные проекты моделирует по законам литературы. Книга выступает одной из основополагающих мифологем в его искусстве, соединяясь с мотивами птицы и полета, свободы от повседневности.

Ключевые слова: книга художника; арт-проект; интермедальность; иллюстрации; трансавангард; стихопроза

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00205.

Для цитирования: Барковская, Н. В. Книга в арт-проекте Леонида Тишкова / Н. В. Барковская. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 95–104.

A BOOK IN LEONID TISHKOV'S ART PROJECT

Nina V. Barkovskaya

Ural State Pedagogical University
(Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9131-5937>

Abstract. The creative activity of the contemporary graphic artist Leonid Tishkov can be summarized as an integral project that includes many components: drawings, installations, art objects, videos, photographs, hand-written albums, and books. From a variety of visual material, Tishkov constructs his autobiographical myth, his own universe.

The aim of this article is to determine the significance of the book and its metaphorical image in Tishkov's art project. The theoretical foundations for achieving the goal include interpretations of the artistic method by critics and the authored self-positioning of the artist, the biographical approach to the study of his creative activity, some techniques of the mythopoetics and investigation related to the phenomenon of the "artist's book".

Tishkov's creative method has common features with modernism, post-conceptualism, and trans-avant-garde. At the same time, the artist insists on his "amateurism" and "naivete". His art objects involve ordinary everyday objects or are created from non-art material, making a transition from everyday life into a game, from everyday life into aesthetic reality. Separate fantastic creatures (stomaks, dabloids, divers) act as signs, from which new "texts"-myths are formed at the expositions. Visual projects, such as "Private Moon" are often accompanied by short texts that gravitate towards prose poetry. The article argues that Tishkov's visual art project has a narrative nature, which brings it close to the principles of literature. The autobiographical myth built by the artist was most saliently employed in the books ("How to Become a Brilliant Artist without a Drop of Talent", "The Boy and the Moon", "Look at Your House"). With a more traditional printing format, these works remain "artist's books". Illustrations play a huge role in them. However, Tishkov does not transfer the techniques of fine art into the verbal text; on the contrary, he models his visual projects according to the laws of literature. The book is one of the fundamental mythologemes in his art, merging with the motifs of the bird and the flight, and of freedom from everyday life.

Keywords: artist's book; art project; intermediality; illustrations; trans-avant-garde; prose poetry

Acknowledgments: Research is accomplished with financial support of the Russian Science Foundation, Grant No. 19-18-00205.

For citation: Barkovskaya, N. V. (2023). A Book in Leonid Tishkov's Art Project. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 2, pp. 95–104.

Эстетические принципы Тишкова

Леонид Тишков в своем творчестве создает личную Вселенную, используя самые разные медиа: рисунки, инсталляции, перформансы, фотографии, видео, небольшие скульптуры из бронзы, арт-объекты из ткани и других необычных для искусства материалов и, конечно, книги. Художник говорил в интервью для журнала «Инейт» (2006): «Описания моих миров – это художественный проект. Если сказать проще – это концептуальное искусство со всеми его приметамы – инсталляция, объект, альбом, тексты» [Тишков 2017: 295]. Сошлемся также на мнение Виталия Пацюкова: «Творчество Леонида Тишкова, явленное в нашей культуре практически всеми фундаментальными стратегиями – объект, картина, инсталляция, видеоарт, перформанс, авторская книга, – несомненно, можно рассматривать

как матрицу, модель «автобиографического феномена современного интегрального искусства» [Пацюков 2002]. Тяга к синтезу видов искусства, как и создание мифа на основе собственной жизни, напоминает аналогичное стремление романтиков и особенно – символистов начала XX в.

Не менее интегральным, чем арт-объекты, представляется творческий метод художника. Интерес у него вызывал московский концептуализм, но личности Тишкова противоречила позиция отстраненности от объекта. Ближе ему французский сюрреализм и итальянский трансавангард: «Мое искусство состояло и состоит до сих пор из бесконечного количества фантастических историй – с погружением в метафизику, сюрреализм, черный юмор. Когда-то на меня сильно повлияли французский сюрреализм и его поэзия. В Париже су-

¹ Леонид Тишков родился в 1953 году в городе Нижние Серги Свердловской области. В 1977 году закончил Московский медицинский институт им. А. М. Сеченова. Первые рисунки опубликовал в периодической печати в 1973 году. С 1975 года – член московского Горкома художников-графиков. С 1982 года – свободный художник. Работы Тишкова находятся в коллекциях таких музеев, как: Государственная Третьяковская галерея; Государственный Русский музей; Государственный Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина; Мультимедиа Арт Музей, Москва; Московская музей современного искусства; Екатеринбургский музей изобразительных искусств; Museum of Modern Art (Нью-Йорк); Nasher Museum of Art (Дарем, США); Block Museum (Чикаго, США); Центр современного искусства «Уяздовский замок» (Варшава), Центр современного искусства Луиджи Печчи (Прага, Италия). Участвовал более чем в ста российских и международных выставках.

ществовало движение «Паника», куда входили режиссер Алехандро Ходоровски, драматург Фернандо Аррабаль, художник Ролан Топор. Это такой постсюрреализм 1960–1970-х гг. <...> [Позже] в моем искусстве появились параллели с итальянским трансавангардом. Особенно меня привлекала идея создания личной мифологии, работа с фантастическими сюжетами. Трудно сказать, существовал ли в России трансавангард как таковой, но меня влекло это движение и его участники – Франческо Клементе, Энцо Кукки. Это был важный для меня опыт» [Тишков 2015]. Напомним, что термин введен Акилле Бонито Олива в 1978 г. [Бонито Олива 2003]. Олива возводит суть искусства к личности творца: «Идентичность художника становится идентичностью самого искусства» [Бонито Олива 2004].

Вместе с тем Тишков называет себя художником-дилетантом: «Я тешу себя надеждой, что я и есть такой дилетант – отчаянный идеалист, ищущий новые пути. Я просто живу и наслаждаюсь жизнью, а искусство позволяет мне чувствовать себя всесильным – воплощать любые мечты и путешествовать по разным мирам» (цит. по: [Сохарева 2020]). Такая позиция, с одной стороны, ставит автора вне группировок и течений, делая его одиноким искателем («самоучка и маргинал», по собственному определению [Тишков 2017: 319]), с другой стороны, дает свободу фантазии и самовыражению, без оглядки на тренды арт-рынка. В интервью ноября 2022 г. Тишков говорит о важности в наши дни той радости, что дарует искусство, отмечает, что коллеги зовут его «художником-сказочником» [Тишков 2022]. Тишков называет также среди близких ему художников Андре Бретона, Макса Эрнста, стихи Поля Элюара [Артамонова 2015], дорог ему и русский авангард. В частности, один из его арт-объектов посвящен утопиям Каземира Малевича – «архитектонам», которые призваны были заменить обычные дома. Тишков сделал из спагетти огромные конструкции, повторяющие композиции архитекторов. Наконец, своими рукописными альбомами и способностью разворачивать мифологию, используя самые обыденные предметы, быть авангардистом на основе архаики Тишков напоминает А. М. Ремизова.

Поэзия в действии

Тишков утверждает, что пришел в визуальное искусство из поэзии [Артамонова 2015]. Данное заявление можно трактовать двояко: как общую поэтичность творчества (например, видеоарт «Air Creators» вполне можно назвать «поэзией без слов») и в более прямом смысле – как ориентацию на книги. Автор утверждал в интервью для журнала «Искусство» (2010): «Мир обернулся книгой для меня с самого начала. Все истории выглядели в моих грезах книгами, огромными, летящими, как облака» [Тишков 2017: 306].

Родившийся в Нижних Сергах в семье учителей, Тишков вспоминает, что дома была этажерка книг: «И среди них детская энциклопедия – десять желтых томов, полных картинок и важных сведений о мире.

Мир вокруг удивлял меня своей странностью, загадочностью и красотой. Сидишь на самой маковке горы Кукан, смотришь на пруд, подковой огибающий горы, а в нем отражаются огромные облака, проплывающие прямо над головой. <...> Лежал я отрешенно в колокольчиках и траве, смотрел в глубокое, как пруд, небо. И уже не понимал, где отражения, а где настоящие облака. Не понимал, что я делаю здесь, на земле. Для чего я родился, зачем?

Что хотел тот мальчик на верхушке горы? Может быть, изобразить, чего нет на свете? Он хотел быть создателем своей маленькой вселенной. Но мечтал, чтоб она превратилась в большую и все там было бы необычное и новое» [Тишков 2017: 20–21]. Характерно, что впервые задумываться о своем месте в жизни мальчик стал именно на вершине горы, устремив взгляд в небо – мечта о полете в поднебесье, о крыльях станет сквозной в его творчестве.

Начинал Тишков как художник-иллюстратор. По его словам, он проиллюстрировал около 50 книг, треть из них не была издана. В конце 1980-х гг., когда многие издательства закрылись, Тишков начал изготавливать самодельные книги, первая из них называлась «Жизнь человека» (при шутливой имитации примитива или пародийном обыгрывании названия пьесы Л. Андреева «Жизнь человека» заглавие книги Тишкова задает вполне философский масштаб).

Художник вспоминает: «Так началась история моих самодельных книг, да не двух или трех, а целого каравана. Появились на свет книги “Газели”, “Даблоиды”, “Сон рыбака”, “Отцемать”, напечатанные на бумаге офсетом, раскрашенные от руки, размноженные литографским способом или шелкографией на особенной бумаге с водяными знаками, даже на типографских металлических пластинах, – одна другой необычной. Они составили библиотеку книг художника, особенное собрание редких изданий, сооруженных вручную. Не все знают книжный секрет, что изображение определяет содержание, а иногда исключает его вовсе. Такие книги нужно рассматривать и только иногда читать» [Тишков 2017: 150–151].

Альбом «Песни ветра» вообще был создан без помощи человека: на крыше своего высотного дома в Москве на веревках Тишков прикрепил кисточки, под ними разложил листы бумаги. Под порывами ветра кисточки качались и тушью рисовали графический рисунок. Это пример поэзии без слов, где роль знаков выполняют линии, их сближение, отдаление, изломы, разрывы, своеобразная каллиграфия.

Но ведь и фантастические существа, населяющие мир Тишкова, – это тоже знаки: «Это мир языка, визуализированного текста, абсурдного и надреального». [Тишков 2017: 292]. Водолазы, по мнению художника, это существа из хтонического мира (редкое у Тишкова обращение к подземным глубинам, что его отличает от Бажова), водолаз – это тело, в которое на земле заключена душа. Даблоиды – порождение сознания, а родина stomachов – тело. Даблоиды – не просто уютный мягкий предмет. Тишков в интервью для журнала «Инейт» (2006) утверждает, что это «имена вещей, тени в пещере Платона, поэтому все, что мы называем, есть даблоид. Искусство – тоже даблоид» [Тишков 2017: 292]. Материальный предмет или визуальное изображение начинают выполнять функцию слов, составляя на разных выставках своеобразные «книжки» – истории из различных инсталляций и арт-объектов.

Из этих и многих других мифологем-знаков-метафор Тишков конструирует «текст» своей Вселенной, где один проект продолжает другой. Например, водолазы предстали пе-

ред зрителем как арт-объекты, потом Тишков написал пьесу из жизни водолазов, спектакль был разыгран на крыше его дома, а декорацией финала стала багровая вечерняя заря над Москвой. Смастерив из ткани даблоида, Тишков нарисовал книгу о жизни этих существ, потом дает советы детям (в книге «Как стать гениальным художником, не имея ни капли таланта») по изготовлению даблоида из старого носка и превращению его в домашний оберег. В одном из интервью автор намечает свой интегративный путь: от альбома («Даблоиды») к пьесе, к объектам через сценографию, к масштабным инсталляциям. Он говорит в интервью Виталию Пацюкову: «Нередко у меня инсталляция представляет как бы сцену театра, где актерами становятся зрители. Вот они входят в зрительный зал, в выставочное пространство, а там нет зала – они сразу попадают на сцену, и теперь они уже – актеры. Ходят вокруг даблоидов, шупают их бархатистую и мягкую поверхность, садятся на стул перед “Тварью”, переключая каналы, наступают на шланг водолаза, перекрывая ему воздух, слышат музыку, слова из шкафа, фотографируются в обнимку с огромным даблоидом. Поэтому здесь может быть все, что рассказывает о моем странном мире, – любые жанры» [Тишков 2017: 302].

В рамках Уральской индустриальной биеннале современного искусства (Екатеринбург, 2010) был организован масштабный перформанс, ставший примером «партиципарного искусства». Тишков вспоминает, рассказывая в 2012 г. Матиусу Ульриху для книги “Playing in the City”: «Самый последний крупный проект – это перформанс “Фабрика даблоидов”, который был осуществлен в Екатеринбурге на Свердловском камвольном комбинате при поддержке уральского филиала Государственного центра современного искусства. Пустовавший цех был оборудован для производства даблоидов, для этого были наняты уволенные с этого комбината работники. Я платил им среднюю дневную заработную плату, которую они получали до своего увольнения. По моим выкройкам и указаниям около десяти человек, а также к ним могли присоединиться любые персонажи из публики, в течение пяти дней создали несколько десятков объектов. Сейчас эта общественная

акция существует в виде инсталляции с видео и высказываниями участников, которые заявлены как участники перформанса, то есть художники». Автор продолжает: «Таким образом, в этом проекте мной реализована идея “искусство в жизнь”, где художник, обладая возможностью поделиться своей креативностью, средствами производства и деньгами, нанимает безработных для занятий искусством, основываясь на их профессиональных навыках. Таким образом, художник не только обменивается энергией с публикой, он выступает социально ответственным членом общества, превращая изначально бессмысленный акт творчества художника в реальный общественный жест» [Тишков 2017: 332–333].

Видеопозма «Частная луна»

Один из самых известных проектов Тишкова, длящийся уже 20 лет (с 2003 г.), – «Частная луна». Проект посвящен картине сюрреалиста Рене Магритта «Империя света». Символика луны присутствует во всех мифологиях мира, невозможно не назвать и «старших» символистов с их культом лунного мира, лунного колдовского света. Серия фотографий луны, словно последовательность кадров, складывается у Тишкова в экспозициях выставок в некий нарратив. А. А. Деникин проводит различие между кино и видеоартом: «Видеоарт отказывается от кинематографического принципа “рассказывания историй в картинках”». Главное в видеоарте – насыщенность смыслами и идеями, концептами, которые могут по-разному интерпретироваться зрителями. Исследователь утверждает, что «произведение видеоискусства – это всегда “подвижная” структура, насыщенная метафорами и сложными аллегориями, которая не приемлет фиксированных значений» [Деникин 2013]. Серия фотографий – именно «история в картинках», не свойственная видеоарту, но у Тишкова картинка складывается в историю, в поэму, насыщенную иносказаниями, символами, подтекстами.

Тишков часто снабжает свои рисунки или фотографии короткими подписями, напоминающими стихопрозу. Призывая видеть в обычном – необычное, сновидческое, сюрреальное, он приводит пример: если обычный человек видит в луне просто луну, то поэт вос-

принимает ее как метафору. Мацуо Басё смотрит на луну, и у него возникает стихотворение:

«В небе такая луна,
Словно дерево спилено под корень:
Белеет свежий срез» [Тишков 2017: 25].

Таким образом, сам Тишков указывает на восточную традицию. Наверное, не случайно художник Тишков больше всего любит работать тушью и рапидом и называет себя «дилетантом».

Н. В. Злыднева отмечает особенности визуального нарратива: он складывается из дискретных мифопоэтических представлений. В визуальном нарративе его имплицитная «вербальность» растворена в мотивах, стиле, композиции картины [Злыднева 2013]. В случае Тишкова мы имеем дело с серией фотографий, их чередование/«прочтение» требует времени, в котором сюжет разворачивается. Серию фотографий можно прочитывать как нарратив, в чем невозможно не усмотреть влияние словесного искусства. Так, например, предложен следующий мифологический сюжет: «“Частная луна” – визуальная поэма, рассказывающая историю про человека, который встретился с Луной и остался с ней на всю жизнь. В верхнем мире, на чердаке своего дома, он увидел Луну, упавшую с неба. Когда-то она пряталась от солнца в темном влажном тоннеле, ее пугали проходящие поезда. Теперь она пришла к человеку в его дом. Укутав Луну теплым одеялом, он угощает ее осенними яблоками, пьет с ней чай, а когда она выздоровела, перевозит на лодке через темную реку на высокий берег, где растут лунные сосны. Он спускается в нижний мир, облачившись в одежду своего умершего отца, а потом возвращается оттуда, освещая личной Луной дорогу. Переходя границы миров по узким мосткам, погружаясь в сон, оберегая небесное тело, человек превращается в мифологическое существо, живущее в реальном мире как в волшебной сказке» [Частная луна 2005]. Легко вычлениется костяк сюжетной схемы: нехватка – добрый помощник – восстановление гармонии и полноты в мире. Луна, которой традиционно приписывается женское начало, непостоянна, она может расти и мо-

жет убывать, иногда ее совсем нет на небе, эти метаморфозы строго цикличны. В визуальной поэме Тишкова луна не меняет своей формы, это всегда ярко светящийся месяц, и это личный друг одного-единственного человека, его частная луна. Прирученная луна остается все той же, но меняется ее местоположение: с небес она спускается на землю, принося в мир человеческий (бытовой) небесную красоту, лунное серебро, снимая оппозицию неба и земли, космического и человеческого, жизни и смерти.

А. Ханзен-Лёве однозначно связывает образ луны у «старших» символистов с мотивами колдовства, сна, смерти. А вот у «младших» символистов (их символизм исследователь называет «мифопоэтическим») «диаволическая луна» сближается с солнцем по степени светоносности, перестает быть началом антагонистическим. И у Тишкова, без сомнения, знакомого с творчеством русских символистов, человек согревает холодную луну, поит ее чаем, укрывает пледом. А. Ханзен-Лёве замечает: «Даже связанный исключительно с солнцем мотив пчел и меда намеренно смещается в область лунного» [Ханзен-Лёве 1998: 141].

Помимо имплицитной «вербальности», в проекте Тишкова есть эксплицитная вербальность, содержащая как раз мотивы ослепительного света, пчел, радости. Многие фотографии снабжены текстом. Например, фотография луны, смотрящей в окно чердака:

«Небо – рядом
Открой чердак и увидишь
Там где гнездо ос
Гудит ослепительный свет
Заблудившейся луны» [Фотовыставка 2022].

Если осы в мифопоэтике располагаются под знаком Диониса, связаны с луной, то пчелы всегда соотносятся с аполлоническим солнцем [Ханзен-Лёве 1998: 539]. Но у Тишкова нет противопоставления ос и пчел, как нет противопоставления неба и земли, жизни и смерти. «Пчелы» в проекте «Частная луна» из природной сферы перемещаются в мир космический и лунный (тогда как осы остаются на чердаке дома).

К фотографии на пруду в Нижних Сергах, где луна помещена в лодку, дано пояснение:

«Я переплываю темную реку
На высокий берег
Где растут вечнозеленые лунные сосны»
[там же]
Под фотографией, где человек несет луну на спине через мостик, читаем:
«На ошупь бреду во тьме
Неся божественный свет за спиной
В рое сверкающих пчел» [там же]

Серия фотографий складывается в визуальный нарратив, а словесный текст – не нарративен: миниатюра фиксирует одно мгновение, одно событие.

Хотя проект называется «Частная луна», это тоже пример партиципаторного искусства, объединяющего людей: «Апроприированная» луна Тишкова объездила весь мир, от Арктики до Новой Зеландии: автор на время отдавал ее желающим, и это было уже их личным творчеством – куда, как, зачем они поместят Луну.

Текст и иллюстрации

В обзоре одной из выставок фотографий «Частной луны» говорится: «Поэты, с которыми ведет разговор Тишков, – Антуан де Сент-Экзюпери и Всеволод Некрасов». Для них «слово было тем крылом, на которое можно опереться над бездной времени» [Васильева 2022].

Книга для детей «Мальчик и Луна» [Тишков 2012], акцентирующая именно этот аспект, может быть отнесена к жанру визуальных книг: большую часть пространства страницы или разворота занимает иллюстрация, текст – минимальный. Ю. Н. Тынянов полагал, что иллюстрации не отвечают специфике литературы как искусства слова: «...специфическая конкретность поэзии прямо противоположна живописной конкретности: чем живее, осязательнее поэтическое слово, тем менее оно переводимо на план живописи. Конкретность поэтического слова не в зрительном образе, стоящим за ним...» [Тынянов 1977: 311]. По мнению Тынянова, «даже рисунки самого автора к своим произведениям навязывают их необязательное истолкование», даже в

остросюжетном произведении рисунок иллюстрирует моменты фабулы, но не сюжета [Тынянов 1977: 317]. Впрочем, Е. Сидоров придерживался другого взгляда, полагая, что иллюстрация организует представление, полученное при чтении текста [Сидоров 1922: 82].

В детской книге Тишкова соотношение текста и картинки обратное – большее место занимает изображение, текст очень краткий, напоминает субтитры. Сюжет (если отличать его от фабулы) более психологический (что передано с помощью минорного или, наоборот, светлого колорита иллюстрации), чем событийный, и, по сути, мифологический/сказочный: начальная катастрофа – поступок помощника – восстановление гармонии и миропорядка. Возражая формалистам, М. М. Бахтин говорил, что эстетическое целое («образ») создается с помощью слов в поэзии, с помощью краски в живописи, но является этико-эстетической ценностью, нигде не совпадающей с тем или иным материалом искусства [Бахтин 1975: 52–53]. Так что читателю важны не только текст и не только иллюстрации, а то впечатление, которое возникает из их соположения.

Листая книгу, ребенок следит за развитием истории: был сильный дождь, луна промокла, простудилась, упала на землю. Мальчик отнес ее в свой сад, где у него был домик из травы и камыша. Там он поил луну отваром из липовых цветов, давал аспирин, кутал в плед. И они беседовали, причем мальчик признался, что у него совсем нет друзей. Через три дня (столько длится новолуние), луна должна была вернуться на небо, но была еще слишком слаба. И тогда мальчик на деньги, которые копил на велосипед, купил воздушных шаров, и Луна смогла взлететь! Утром мальчик увидел на земле один шарик, к которому была привязана записка: «Спасибо, друг!». Мальчик был счастлив, потому что у него появился друг, да еще небесный. Как видим, мотив неба, полета присутствует и в этой истории. Сюжет линейный, отмечены только поворотные точки, а иллюстрации позволяют додумывать детали. Например, когда луна упала на землю, мальчик попытался накрыть ее своим зонтиком, но на рисунке мы видим, что луна чихает – так мальчик и догадался, что она простудилась. В конце мальчик мечтает,

как полетит в ракете на Луну – а на иллюстрации видим: он сидит на облаках, плывущих по небу, что, очевидно, символизирует мечты, а в финале показано, как на Луне спит мальчик, укрывшись одеялом, так подключен еще мотив сна. Взрослому читателю очевиден и экзистенциалистский посыл, через переключку с Экзюпери, и щемящий мотив неизбывного одиночества человека на земле, и тяга в небо.

Одомашненный космос описан в последней по времени книге Тишкова – «Взгляни на дом свой» [Тишков 2020]. Роман-миф, как определил его автор, вбирает многих фантастических персонажей Тишкова. В этой книге как раз минимум иллюстраций, гораздо больше текста, поскольку тут не отдельные мифологемы, а целостный миф, т. е. нарратив. Леонтий, альтер-эго автора, едет в поезде в родной городок и попутно вспоминает историю своей семьи, впечатления детства, друзей, стягивает, переплетает многие нити своего арт-проекта. Уже и ранее Тишков говорил в интервью: «Земля моей родины – Урал! Там не может жить человек, не укорененный в мифе. Попав в пограничный мир по воле Демидова, мои предки-заводчане должны были освоить чуждый космос, чтобы не сойти с ума. Поэтому миф стал спасением, а фольклор – одежкой, в которую облакался миф» [Тишков 2017: 324]. «Страх Камня, жгучего холода серых камней» [Тишков 2020: 7] заставлял уральцев особенно ценить домашнее тепло. И вот круглые половики, которые вязали из «махориков» – разорванной на ленты старой одежды, осмысляются как детское место, а позднее Тишков просит старенькую уже маму смастерить для него Вязаник – футляр для души. В романе много снега, а снег, как сформулировал художник в интервью осенью 2022 года, – поэзия, которую посылает нам небо. Мотив полета звучит почти с самого начала романа: Леонтий провалился под лед на пруду и вдруг обрел способность летать, а старший брат кричит с берега: «Леонтий, эй, Леонтий, ты куда полетел, давай домой, мать беляши нажарила, зовет есть...» [Тишков 2020: 14]. Полетит потом Леонтий, выпав из окна чердака, а стоя на вершине горы Кукан ощутит себя словно бы парящим в небе.

Значительное место в романе занимает история про Хрустальный желудок ангела. В заснеженном лесу Леонтий увидел странный сугроб, напоминающий желудок. Ранее Тишков упоминал, как родился этот сон – он случайно разбил мамину хрустальную вазу, осколки в сновидении переливались всеми уральскими самоцветами [Тишков 2017: 157–159, 165]. В главе 18 книги «Как стать гениальным художником, не имея ни капли таланта» история рассказана подробно, так, как она запечатлелась первоначально в книжке-блокноте: «Придумывая все новые и новые истории, я заключал их в книжную форму, а они рвались оттуда, как птицы из клетки, не собираясь всю жизнь провести на книжных страницах в виде картинки и текста. <...>

Однажды катаясь на лыжах
в заснеженном уральском лесу
я встретил великий желудок
тихо лежащий среди снегов

Рисунок на фронтисписе я сделал по мотивам фрески Дионисия: архангел Михаил, держащий в левой руке небесную сферу. Только вместо сферы я изобразил хрустальный желудок. Желудок для меня – вместилище души, внутренняя слизистая его – звездный свод, оболочка – хрупкий хрусталь» [Тишков 2017: 158]. И тут же вспоминает детское впечатление: «Наверное, это было видение. Уральские ели настолько завалены снегом, чуть не по самую верхушку, что казались мне странными существами. Я страшно испугался, чуть шапку не потерял, и побежал до самого своего дома на улице Розы Люксембург.

Спустя несколько дней я опять пошел в лес, но там, где лежал на снегу огромный желудок, теперь был сугроб. Я дотронулся до него палкой.

...обвалились края сугроба и под снегом
ничего я не увидел кроме снега
ничего кроме чистого белого снега...

Дальше идет разворот, которым я очень горжусь как иллюстратор. На странице не нарисовано ничего. Ни точки, ни капельки, ни линии, просто оставлена белая бумага. Кажется, забыли что-то напечатать или худож-

ник не смог ничего изобразить. Но, бывает, пустота содержит в себе больше, чем ты можешь выразить словами или рисунком. Белая бумага – вот истинный образ снега» [Тишков 2017: 159]. Можно сказать, что самая «чистая» поэзия у Тишкова создается без помощи слов, как картина – без изображения.

По мотивам этой книжки-блокнота была устроена выставка в Третьяковской галерее [Тишков 2017: 162–163]: «В специально выгороженном пространстве я поставил очень длинную кровать, на которой спал трехметровый ангел, сшитый из мягких тряпочек, одетый в теплое егерское белье моего отца. На спинке кровати висели крылья. А над кроватью, как коврик на стене, – занавеска из тюля, на ней проецировался видеофильм “Снежный ангел”: идущий по глубокому снегу человек в валенках и с крыльями за спиной. Он поднимается на вершину горы и прыгает вниз, исчезая в облаке беспрерывно падающего снега».

Эту свою книжку-блокнот о Хрустальном желудке Тишков называет поэмой и заканчивает ее словами:

«Я знаю что если я привяжу эти крылья к спине
и разобью хрустальный желудок
то душа ангела вылетит из него
и вселится в меня
я стану легким как дым и крылья поднимут
меня
над землей
Часто я примериваю крылья,
но никогда не решаюсь
разбить хрустальный желудок»
[Тишков 2017: 165].

На последней странице блокнота, сообщает автор, нарисован маленький лыжник на белом листе и написано:

«Посвящается ангелам».

На обложке романа «Взгляни на дом свой» помещен кадр из видео Тишкова «Снежный ангел». Первоначально фильм снимался на Урале, на горе Кукан: человек с крыльями забирается на вершину горы и прыгает вниз. Продолжение снималось в Гималаях. Тишков комментирует: «Но когда увидел кадры с бесконечным снегом и фигурой сутулого ангела,

рассекающего белое безмолвие, я понял, что всю жизнь шел к этому фильму. Так будет выглядеть моя последняя дорога. Дорога по облакам в бесконечность» [Тишков 2017: 272]. В названии романа Тишков использовал строчку поэта Джона Мильтона: “Look homeward Angel now, and melt with ruth” (Взгляни на дом свой, ангел, и растай в жалости) [Тишков 2017: 305–306].

Леонтий в романе Тишкова так и не выйдет из поезда, уехав обратно, поскольку городка его детства больше нет. В последней главе романа дан образ провалившейся советской Атлантиды: улицы, пруд, люди, завод – все проваливается в огромную глиняную яму, только Леонтий и еще несколько человек спаслись на горе Кукан. Леонтий надевает крылья и улетает прочь.

Заключение

Итак, в своем многогранном творчестве Тишков творит автобиографический миф. Мечта художника о крыльях, о полете в небо связана с ангелической сущностью поэта,

причем если у ангела есть желудок, то человек-поэт наделен крыльями. Страницы книги – как крылья птицы-ангела: «Каждая книга для меня – как пернатое существо. Вернее, многокрылая птица, шелестящая страницами» [Тишков 2017: 123]. По мнению Тишкова, искусство призвано дарить людям радость и помогать другим стать творцами: «Искусство должно быть полем свободы, где художники своим воображением, с поэтическим бескорыстием и ответственностью перед будущим, строят воздушные замки новой земли, где будут жить новые люди, без религиозных шор, национальных предрассудков и государственных границ» [Тишков 2017: 335]. Книга – не только источник творчества Тишкова, но и важнейшая мифологема-метафора. Его творчество – пример того, как художник переносит принципы литературы на изобразительный ряд, делая его нарративным, тогда как в большинстве книг, авторами которых были художники, напротив, осуществляется привнесение тех или иных изобразительных приемов в словесное искусство.

ИСТОЧНИКИ

Тишков, Л. Взгляни на дом свой / Л. Тишков. – М. : НЛО, 2020. – 192 с.

Тишков, Л. Здесь начинается разговор о книге художника / Л. Тишков. – Текст : электронный // Искусство : [сайт]. – 2015. – № 1 (592). – URL: <http://iskusstvo-info.ru/leonid-tishkov-zdes-nachinaetsya-razgovor-o-knigehudozhnika/> (дата обращения: 28.09.2021).

Тишков, Л. Как стать гениальным художником, не имея ни капли таланта / Л. Тишков. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 330 с.

Тишков, Л. Мальчик и Луна / Л. Тишков. – М. : ОГИ, 2012. – 28 с.

Тишков, Л. Монолог о прекрасном / Л. Тишков. – [видеокалип] // Радость моя. – 2022. – 30 нояб. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=36GBNfMfw8g> (дата обращения: 12.02.2023).

Тишков, Л. Частная Луна. / Л. Тишков. – Текст : электронный // Artinprogress. Блог Леонида Тишкова. : [сайт]. – 2005. – 16 янв. – URL: http://leonidtishkov.blogspot.com/2009/01/blog-post_16.html (дата обращения: 28.09.2022).

ЛИТЕРАТУРА

Артамонова, А. Искусство – дело индивидуальное. Российский художник Леонид Тишков о частной луне и частной памяти / А. Артамонова. – Текст : электронный. // Artterritory.com : [сайт]. – 2015. – 18 дек. – URL: https://artterritory.com/ru/vizualnoe_iskusstvo/intervju/15314-iskusstvo_-_delo_individualnoe (дата обращения: 03.10.2022).

Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М. : Худ. Лит., 1975. – 502 с.

Бонито Олива, А. Искусство на исходе второго тысячелетия / А. Бонито Олива. – М. : Художественный журнал, 2003. – 218 с.

Бонито Олива, А. Искусство между идентичностью и гомогенностью / А. Бонито Олива. – Текст : электронный // Художественный журнал. – 2004. – № 56. – URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/33/article/617> (дата обращения: 28.08.2020).

Васильева, Ж. В Мультимедиа Арт Музее Леонид Тишков показывает «Машину желаний» / Ж. Васильева. – Текст : электронный // Российская газета : [сайт]. – 2022. – 26 июнь. – URL: <https://rg.ru/2022/07/26/poet-naedines-lunoj.html> (дата обращения: 03.10.2022).

Деникин, А. А. ВидеоАрт / А. А. Деникин. – Текст : электронный. // Видеохудожники. Альбом с текстовыми вставками и комментариями. – М. : Videoartdigitalstd, 2013. – С. 2–3. – URL: <http://sounddesignbook.narod.ru/videoartdenikin> (дата обращения: 08.01.2023).

Злыднева, Н. В. Визуальный нарратив: опыт мифопоэтического прочтения / Н. В. Злыднева. – М. : Индрик, 2013. – 360 с. – URL: <https://www.litres.ru/nataliya-zlydneva/vizualnyu-narrativ-opyt-mifopoeticheskogo-prochteniya/chitat-onlayn> (дата обращения: 28.08.2022). – Текст : электронный.

Пацюков, В. Авто-био-графия. Мифология вечных возвращений Леонида Тишкова / В. Пацюков. – Текст : электронный. // Художественный журнал. – 2002. – № 45. – URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/95/article/2107> (дата обращения: 30.09.2021).

Сидоров, А. А. Искусство книги / А. А. Сидоров. – М. : Дом печати, 1922. – 100 с. – URL: <https://kolomnin.ru/grafika/iskusstvo-knigi> (дата обращения: 16.12.2022). – Текст : электронный.

Сохарева, Т. Леонид Тишков: «Искусство – это катастрофа со счастливым концом» / Т. Сохарева. – Текст : электронный. // Артгид : [сайт]. 2020 – 6 янв. – URL: <https://artguide.com/posts/2006> (дата обращения 15.08.2020).

Тынянов, Ю. Н. Иллюстрации / Ю. Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино. – М. : Наука, 1977. – С. 310–318.

Фотовыставка Л. Тишкова в Мультимедиа Арт Музее. – Текст : электронный // АртМосковия : [сайт]. – 2022. – 18 июнь. – URL: <https://artmoskovia.ru/fotovystavka-art-proekta-leonida-tishkova-chastnaya-luna-otkryta-v-multimedia-art-muzee-moskva.html> (дата обращения: 15.01.2023).

Ханзен-Лёве, А. Мифопоэтический символизм / А. Ханзен-Лёве. – СПб. : Академический проект, 2003. – 814 с.

REFERENCES

Artamonova, A. (2015). *Iskusstvo – delo individual'noe. Rossiiskii khudozhnik Leonid Tishkov o chastnoi lune i chastnoi pam'yati* [Art is an Individual Matter. Russian Artist Leonid Tishkov on Private Moon and Private Memory]. In *Artterritory.com*. URL: https://artterritory.com/ru/vizualnoe_iskusstvo/intervju/15314-iskusstvo_-_delo_individualnoe (mode of access: 03.10.2022).

Bakhtin, M. M. (1975). *Voprosy literatury i estetiki* [Problems of Literature and Aesthetics]. Moscow, *Khudozhestvennaya literatura*. 502 p.

Bonito Oliva, A. (2003). *Iskusstvo na iskhode vtorogo tysyacheletiya* [Art at the End of the Second Millennium]. Moscow, *Khudozhestvennyi zhurnal*. 218 p.

Bonito Oliva, A. (2004). *Iskusstvo mezhdru identichnost'yu i gomogennost'yu* [Art between Identity and Homogeneity]. In *Khudozhestvennyi zhurnal*. No. 56. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/33/article/617> (mode of access: 28.08.2020).

Denikin, A. A. (2013). *VideoArt* [VideoArt]. In *Videokhudozhniki. Al'bom s tekstovymi vstavkami i kommentariyami*. Moscow, *Videoartdigitalstd*, pp. 2–3. URL: <http://sounddesignbook.narod.ru/videoartdenikin> (mode of access: 08.01.2023).

Fotovystavka L. Tishkova v Multimedia Art Muзее [Photo Exhibition of Leonid Tishkov at the Multimedia Art Museum]. (2022). In *ArtMoskovia*. URL: <https://artmoskovia.ru/fotovystavka-art-proekta-leonida-tishkova-chastnaya-luna-otkryta-v-multimedia-art-muzee-moskva.html> (mode of access: 15.01.2023).

Hanzen-Lyove, A. (2003). *Mifopoeticheskii simvolizm* [Mythopoetic Symbolism]. Saint Petersburg, *Akademicheskii projekt*. 814 p.

Patsyukov, V. (2002). *Avto-bio-grafiya. Mifologiya vechnykh vozvrashchenii Leonida Tishkova* [Auto-biography. The Mythology of the Eternal Returns of Leonid Tishkov]. In *Khudozhestvennyi zhurnal*. No. 45. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/95/article/2107> (mode of access: 30.09.2021).

Sidorov, A. A. (1922). *Iskusstvo knigi*. [Book Art]. Moscow, *Dom pečhati*. URL: <https://kolomnin.ru/grafika/iskusstvo-knigi> (mode of access: 16.12.2022).

Sokhareva, T. (2020). *Leonid Tishkov: «Iskusstvo – eto katastrofa so schastlivym kontsom»* [Leonid Tishkov: “Art is a Catastrophe with a Happy Ending”]. In *Artgid*. URL: <https://artguide.com/posts/2006> (mode of access: 15.08.2020).

Тынянов Ю. Н. (1977). *Иллюстрации* [Illustrations]. In *Поэтика. История литературы. Кино*. Moscow, *Наука*. pp. 310–318.

Vasilyeva, Zh. (2022). *V Multimedia Art Muзее Leonid Tishkov pokazyvaet «Mashinu zhelanii»* [At the Multimedia Art Museum Leonid Tishkov Shows the “Wishing Machine”]. In *Rossiiskaya gazeta*. URL: <https://rg.ru/2022/07/26/poet-naedine-s-lunoi.html> (mode of access: 03.10.2022).

Zlydneva, N. V. (2013). *Vizual'nyi narrativ: opyt mifopoeticheskogo prochteniya* [Visual Narrative: An Experience of Mythopoetical Reading]. Moscow, *Indrik*. URL: <https://www.litres.ru/nataliya-zlydneva/vizualnyu-narrativ-opyt-mifopoeticheskogo-prochteniya/chitat-onlayn> (mode of access: 28.08.2022).

Данные об авторе

Барковская Нина Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: n_barkovskaya@list.ru.

Author's information

Barkovskaya Nina Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor of Department of Literature and Methods of Its Teaching, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

УДК 821.161.1-1(Летов Е.). ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,445
ГРНТИ 17.07.41. Код ВАК 5.9.3

ЗАГОВОРНЫЙ КОД В ЛИРИКЕ ЕГОРА ЛЕТОВА

Темиршина О. Р.

Московский университет им. А. С. Грибоедова
(Москва, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0127-6044>

Аннотация. Цель статьи – выявление авторских стратегий освоения жанра заговора в поэзии Егора Летова. В качестве гипотезы работы выступает идея о том, что эти стратегии реализуются на текстовом и коммуникативно-прагматическом уровнях. Отсюда обращение к системно-типологическому методу, который позволяет определить сюжетно-композиционные формы проявления заговора в летовской лирике и наметить контуры сходства прагматико-коммуникативной модели заговора и художественных текстов Летова.

В итоге в работе был реконструирован народный прототип заговорного текста, лежащий в основе целого ряда знаменитых песен Летова. Этот прототип включает в себя три ключевых компонента: заклинительное ядро, нарратив, элементы обряда.

Определено, что *заклинительное ядро* текстов Летова, ориентированных на заговорный канон, связывается с жанром черного заговора на смерть, о чем свидетельствует как семантика императивов, так и особая субъектная структура летовских текстов. Так, их центральным образом оказывается образ мертвеца, функция которого – помочь отделиться душе от тела через произнесение определенных заклинительных формул. Доказано, что заговор на смерть в поэзии Летова теряет свою первичную цель: подвергаясь «рефункционализации», он особым образом кодирует магистральный авторский сюжет, связанный с пребыванием лирического субъекта в лиминальных состояниях, предполагающих отделение души от тела.

В отдельных случаях заклинительное ядро соотносится с редуцированным *заговорным нарративом*, который представляет собой сюжет путешествия за пределы ограниченного пространства, что в лирике Летова также метафорически обозначает отделение души от тела. И ядро, и нарратив часто соотносятся с образами магических предметов, которые действительно были задействованы в реальной *обрядовой практике* и оттуда перекочевали в художественные тексты. Доказано, что обрядово-акциональный компонент инициирует сопряжение летовского поэтического «акционизма» авангардистского толка с архаическими магическими обрядами – в обоих случаях работа со словом нацелена на изменение некоего «порядка вещей».

Ключевые слова: заговор; литературная традиция; поэтические жанры; фольклорные жанры; художественная прагматика; русский фольклор; поэтический авангард; рок-поэзия

Для цитирования: Темиршина, О. Р. Заговорный код в лирике Егора Летова / О. Р. Темиршина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 105–117.

THE SPELL CODE IN EGOR LETOV'S LYRICS

Olesya R. Temirshina

Moscow University named after A. S. Griboedov
(Moscow, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0127-6044>

Summary. The aim of the article is to discover the author's strategies of realization of the spell genre in E. Letov's poetry. The author of the article poses a hypothesis that these strategies are realized at the textual and communicative-pragmatic levels. In view of this, the study employs the systemic-typological method, which allows determining the plot-compositional forms of the manifestation of spell in Letov's lyrics and outlining the contours of the similarity between the pragmatic-communicative model of the spell and Letov's literary texts.

As a result, the folk prototype of the spell text, which underlies a number of Letov's famous songs, was reconstructed in the work. This prototype includes three key components: the incantatory core, the narrative, and the elements of the rite.

It has turned out that the *incantatory core* of Letov's texts, oriented towards the spell canon, is associated with the genre of black magic death spell, demonstrated by both the semantics of imperatives and the special subjective structure of Letov's texts. So, the image of a dead man, whose function is to help the soul separate from the body through the pronunciation of certain spell formulas, is their central image. The author argues that the death spell in Letov's poetry loses its primary aim: undergoing "refunctionalization", it encodes in a special way the author's main plot associated with the lyrical subject's existence in liminal states, involving separation of the soul from the body.

In some cases, the incantatory core correlates with a reduced *spell narrative*, which is a plot of a journey beyond a limited space, which in Letov's lyrics metaphorically means the separation of the soul from the body. Both the core and the narrative often correlate with the images of magical objects that were actually used in real *ritual practice* and from there migrated into literary texts. The study proves that the ritual-actional component initiates the pairing of Letov's poetic avant-garde "actionism" with archaic magical rites – in both cases, work with the word is aimed at changing a certain "order of things".

Keywords: spell; literary tradition; poetic genres; folklore genres; artistic pragmatics; Russian folklore; poetic avant-garde; rock poetry

For citation: Temirshina, O. R. (2023). The Spell Code in Egor Letov's Lyrics. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 2, pp. 105–117.

Постановка проблемы

Поэзия Егора Летова уже давно стала объектом пристального академического интереса: издаются сборники и монографии¹, организовываются конференции², исследуются отдельные черты поэтической техники³. Тем не менее некоторые важные аспекты его лирики остаются за пределами внимания исследователей. К числу таких до конца неразрешенных вопросов относится вопрос, касающийся отношений Летова с народной фольклорно-обрядовой традицией.

Уже было отмечено, что форма многих стихотворений Летова (их безрифменность, близость к тоническому стиху) «располагает к изучению их фольклорной ориентации» [Шпилевая, Скобелев 2018: 69]. Однако с фольклорной традицией Летова связывает не только природа его стиха. Как и ранние авангардисты, Летов высоко ценил наивную культуру, используя в своих текстах ее семантические элементы: формулы, сюжетные шаблоны, отдельные образы и жанры.

Мы полагаем, что особую роль в семантическом универсуме Летова играет жанр заговора,

который стал своеобразной текстовой моделью для целого ряда знаменитых песен. Так, сам Летов указывает, что такие культовые произведения, как «Про дурачка» и «Прыжок», в своей основе соотносятся с заговором/заклинанием.

Обращение Летова к заговору диктуется не абстрактным желанием реконструировать «славянский текст», но сокровенной близостью авторской модели мира к народной культуре с ее эсхатологичностью, лиминальностью, утверждением магической силы слова и героем, преодолевающим границу между мирами.

Именно поэтому мы полагаем, что заговор в художественных текстах Летова – явление не интертекстуальное, а жанрово-типологическое и ритуально-прагматическое: Летов не ориентируется на какой-либо конкретный заговорный текст, он, скорее, воспроизводит сам смысловой «каркас» заговора, «окруженный» соответствующей прагматикой. В этом смысле заговор в лирике Летова может выступать как определенная формообразующая модель⁴, которая возникает не только в пес-

¹ См.: [Летовский семинар... 2018; Летовский семинар... 2019; Доманский 2018].

² См. о содержании одной из них: [Черняков 2018].

³ Так, в работе Ю. Б. Орлицкого подробно рассматривается специфика летовского стиха [Орлицкий 2020: 937–948].

⁴ Под формообразующей моделью здесь понимается способ построения текста, который может использоваться в разных жанровых структурах. См. об этом: [Каравашкин 2018: 37–43].

не «Про дурачка» и «Прыг-скок», но и в ряде других текстов Летова, восходящих к единому фольклорно-обрядовому истоку.

Отсюда и **гипотеза исследования**: в отдельных текстах Летова, написанных в период с 1988 по 1990 гг., актуализируется формообразующая заговорная модель, которая проявляется на мотивно-композиционном и коммуникативно-прагматическом уровнях.

Гипотеза диктует **методологию работы**. При выявлении структурно-семантических (композиция и мотивика) и прагматических элементов (ритуально-обрядовый комплекс) заговорного канона в летовской поэзии мы использовали системно-типологический метод, позволяющий, во-первых, определить сюжетно-композиционные формы проявления заговора в летовской лирике, во-вторых, наметить контуры сходства самой прагматико-коммуникативной модели в заговоре и художественных текстах Летова.

Соответственно **целью исследования** становится определение способов актуализации заговора как вербального и ритуально-магического текста в лирике поэта.

Цель работы обуславливает ее **структуру**: в первой части вычленяются текстуальные элементы формообразующей модели заговора, во второй части исследуется обрядово-акциональный компонент заговора, отражающийся в летовской поэзии.

Жанровый код заговора в лирике Летова

Формообразующая модель заговора: нарратив и императивы. *Формообразующая модель ряда заговоров предполагает совмещение нарративно-повествовательных структур и диалогически обращенной речи, включающей в себя императивные «заклинательные» конструкции.*

Сюжетный план таких заговоров связывается с пересечением границы определенного локуса (выход за его пределы), которое выражается в кумулятивном ряде глаголов; *диалогический план* включает глаголы в форме повелительного наклонения. Ср. структуру заговора из «Великорусских заклинаний» Л. Майкова.

Нарративная часть: «Встану не благословясь, пойду не перекрестясь в чистое поле. В чистом поле стоит тернов куст, а в том кусту сидит толстая баба, сатанина угодница. Поклонюсь я тебе, толстой бабе, сатаниной угоднице, и отступлюсь от отца и от матери, от роду, от племени» [Майков 1869: 19].

Заклинательно-диалогическая часть: «Поди, толстая баба, разожги у красной девицы сердце по мне, рабе (имя рек)» [Там же].

Нарративная часть в заговоре всегда предвзвешивает заклинательную, в то время как заклинательные формулы выражают основной смысл всего вербального текста заговора (см. об этом: [Юдин 1997: 11]). Такая композиция связана с тем, что императив «представляет собой семантическое ядро магического текста» [Гулятьева 1990: 18], и, возможно, именно заклинательно-императивные структуры оказываются древнейшими первично появившимися элементами заговора⁵. На этот «заклинательный» субстрат позже «наслоились» сюжетно-нарративные структуры, которые могли описывать сам ритуал.

Рассмотрим, как формообразующая модель заговора, сочетающая нарративные и императивные конструкции, реализуется в песне «Прыг-скок», которую сам Летов возводил к тексту заклинательного типа (ср. из интервью: «Я воочию увидел сам принцип этих заклинаний – то, что потом проявилось в “Прыг-скоке”» [Семеляк]).

Нарратив. Нарративная часть заговора описывает путь «заговорного» субъекта: «Сюжетнообразующим началом абсолютного большинства русских заговоров, имеющих в основе своей нарративную структуру, выступает путь, пространственное перемещение героя» [Шиндин 1993: 109]. Результат этого пути – «архаичнейшая идея посещения потустороннего мира» [Там же], именно поэтому ритуальный путь в заговоре – это всегда дорога и преодоление определенных пространственных границ.

Сюжет песни «Прыг-скок» своеобразно реанимирует эти древнейшие повествовательные структуры. Так, в первой части текста

⁵ Так, самый ранний зафиксированный восточнославянский заговорный текст, обнаруженный А. А. Зализняком, состоит только из императивных структур, см. об этом: [Зализняк 1993: 104–108].

возникает ряд мотивов, семантически связанных с идеей выхода за пределы ограниченного локуса. Заметим, что в зачине песни нет *прямого повтора* заговорных конструкций, но реализуется сама идея выхода за пределы. Ср.:

Пальцы свело
Голову выжгло
Тело вынесло
Душу вымело
Долой за околицу
[Летов 2011: 278]⁶

Любопытно, однако, что, в отличие от заговора, «локусом преодоления» становится не внешнее пространство, а само тело героя. Тем не менее *околица*, как и *ворота / двери* в заговорах, выполняет функцию границы между своим и чужим пространством, переход которой выводит персонажа в область особого мира. Этот переход в «Прыг-скак» выражен, как и в заговоре, предложной конструкцией «из – в»: «из земной юдоли / В неведомые боли» [281] (ср. в заговоре «из дверей в ворота»).

Выход в мифологическое пространство в заговоре, как правило, предполагает встречу потусторонних персонажей, которые помогают субъекту речи магическим образом воздействовать на реальность. В статусе такого персонажа в песне «Прыг-скак» выступает старичок, который появляется практически в финале песни в самый кульминационный момент развития сюжета, когда путь героя в иное пространство практически завершен. Ср. контекст: «Дитя умирает / Старичок поет» [281]. Старичок в фольклорной традиции – один из самых частотных персонажей заговорного универсума, олицетворяющий, по-видимому, умерших предков, культ которых был исключительно важен для восточных славян (о функции этого важнейшего заговорного образа в «Прыг-скак» см. ниже).

Императивы. Путь героя в заговоре – всего лишь преамбула к основному обрядово-акциональному действию, которое выражается в императивных формулах. Императивная семантика в заговоре может воплощаться в кон-

струкциях с частицей «пусть» (ср. из заговора на любовь «пусть сохнет ее тело, руки, ноги, мозги, кости» [Майков 1869: 18]) и в глаголах в форме повелительного наклонения.

В песне «Прыг-скак» развертываемый сюжет, маркированный глаголами прошедшего времени, три раза прерывается речевыми структурами, в которых появляются глаголы в повелительном наклонении. Приведем эти фрагменты в порядке их следования:

(1) «Кто-то внутри умирает хохоча... / Губами пенясь... / <...> зубами стуча

жди затмение / жди знамение / <...> / Постигай порядок...» [279];

(2) «*Брось свечу в ручей / Вода играет <...> / Дитя умирает*» [280];

(3) «*сбрось свой облик / загаси огарок / <...> ВЫРВИ КОРЕНЬ ВОН!*» [281]⁷.

Принято считать, что функция заговора и соответственно его тип определяются по заклинательным формулам (ибо нарративная часть, по меткому замечанию А. С. Юдина, оказывается своего рода «префиксом», присоединяемым к разнообразным функциональным типам заговоров, см. об этом [Юдин 1997: 10–11]). Что в этом контексте можно сказать о функции приведенных заклинательных структур?

Бросается в глаза, что во всех трех фрагментах императивные формулы соотносены с семантикой смерти. Прежде всего эта семантика лексикализуется в глаголе «умирать». В тексте этот глагол появляется два раза, и в обоих случаях он включен в императивные конструкции (1) и (2). В третьем фрагменте глагола «умирать» нет, однако призыв «вырвать корень вон» в смысловом контексте творчества Летова равнозначен призыву смерти. «Корень» в смысловой парадигме Летова – метафора души (ср. в песне «Вершки и корешки»: «Души – корешок, а тела – ботва» [269]), соответственно, *вырвать корень вон* в семантической системе поэзии Летова обозначает вырвать душу из тела, то есть, как уже было обозначено в начале песни, «душу вынести» «долой за околицу» [278].

⁶ В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием только номера страницы в скобках.

⁷ Выделения курсивом в текстах Летова здесь и при дальнейшем цитировании принадлежат автору статьи.

Приведенные соображения позволяют трактовать императивные фрагменты следующим образом. *Строфы, включающие в себя глаголы-императивы, рисуют процесс умирания, которое Летовым понимается как «вырывание/изъятие» души из тела.* Приведенные факты наталкивают на мысль о том, что функционально «Прыг-скак» является авторским «заговором на смерть».

Жанровый код заговора «на смерть» в поэзии Летова

Заклинание на смерть в классификации народных заговоров относится к типу так называемых «черных» заговоров. Черные заговоры имеют две особенности, которые отличают их от «белых», – семантико-функциональную и прагматическую. Функция таких заговоров – нанести ущерб и причинить смертельный вред врагу, что обуславливает включение в текст соответствующих мотивов; особенность прагматики связывается с тем, что они обращены к силам, имеющим нехристианскую (или антихристианскую) природу.

Рассмотрим семантику, функции и прагматическую направленность заговора на смерть в «Прыг-скак» в соотнесении с другими текстами Летова.

«*Прыг-скак*» и «*Заговóр*». К жанровой форме заговора на смерть Летов обращался и до «Прыг-скак». Речь идет о раннем тексте «Заговóр», где, как и в «Прыг-скак», в форме заговора (здесь уже эксплицитно!) воплощена семантика умирания, связанная с призывом смерти. Из формообразующей модели заговора «нарратив + заклинательные формулы» в «Заговóре» Летов берет только вторую часть – заклинательные формулы. Нанизывание императивных конструкций здесь оказывается композиционной основой всего текста. Ср. третью строфу:

Разрой когтями тугую почву
Воздвигни яму – найди себе место
Накрой подушкой лицо соседа
Сдави руками, возьми его отсюда [254]

Функция этих заклинаний ясна. Она заключается в призыве смерти: «Тело стремится к Праматери / ПОМОГИ ЕМУ уйти поглубже» [254].

Сочетание структурной формы заговора с мотивом призыва смерти ставит наши изыскания на твердую почву и свидетельствует о том, что и для «Прыг-скак», и для «Заговóра» заговор на смерть является «рабочим прототипом» текста, который в обеих песнях «проявляется» на уровне композиции, семантики и прагматики.

Композиционная связь этих текстов видится в том, что в «Прыг-скак» и «Заговóре» возникает ряд заклинательных формул, при этом в последнем стихотворении жанровая форма заговора кристаллизована максимально четко: весь текст построен из императивных заклинательных конструкций, ядром которых является глагол в повелительном наклонении: «украсть», «разрой», «воздвигни», «сдави», «возьми» и др.

Семантическое сопряжение реализуется через «смертельную» семантику и мотивно-образные переключки. Так, во-первых, в обоих текстах императивно-заклинательные формулы всегда связаны с семантикой смерти. Во-вторых, в «Прыг-скак» и «Заговóре» находим кластер мотивов и образов, восходящих, по-видимому, к некоему ритуальному прототипу, включающему воду и зеркало. В «Заговóре» звучит заклинательный призыв «Стань таким, как стекло в воде» [254], а в «Прыг-скак» образы зеркала и воды в связке возникают дважды: «Во мраке зеркало вода и свеча...» [279], «Ночь зеркало вода и свеча» [280].

Поэтическая прагматика анализируемых песен также обнаруживает точки пересечения. Так, возникновение «Заговóра» и «Прыг-скак» связывается самим Летовым с пребыванием в особом состоянии сознания.

«“Заговор”, – комментирует Летов создание песни, – я написал, пребывая в натуральном трансовом, одержимом состоянии, очень близком, “церковно-канонически” выражаясь, к беснованию» [Летов 2020: 74]. «Прыг-скак», в свою очередь, по свидетельству автора, «возникла почти как шаманский ритуал»: «мы решили с “Кузьмой” провести трансцендентный опыт, включить огромную бобину на девяностой скорости и играть в течение многих часов непрерывно. И часа через четыре из меня пошли, как из чудовищной огромной воронки, глубоко архаические слова <...>» [Летов 2020: 161].

«**Прыг-скок**» и «**Про дурачка**». Другой песней, генетически родственной «Прыг-скок», является знаменитая песня «Про дурачка», которая была написана по следам тех же событий, что вызвали к жизни «Прыг-скок». Так, в интервью саратовскому телевидению Летов утверждает, что обе песни появились после путешествия по Уралу, когда ему пришлось пройти через мертвую деревню (см. [Интервью Егора Летова...]).

Однако эти песни связывают не только обстоятельства их написания, но и жанровый канон, к которому они восходят. В том же интервью Летов, рассказывая о песне «Про дурачка», несколько раз прямо соотносит ее с «народным заговором на смерть»: «Песня <“Про дурачка” – О. Т.> представляет собой заговор – заговор на смерть» [Там же].

«Генетическая» общность этих песен, кажется, позволяет выявить еще одну важную перекрестную связь между ними. Комментируя создание песни «Про дурачка», Летов указывает на конкретный «древнерусский» текст, «несколько переработанное древнерусское заклинание на смерть», где, по версии Летова, содержатся следующие слова: «*Ходит покойничек по кругу, / Ищет покойничек мертвец себя*» [Летов 2020: 77].

Покойничек», ходящий «по кругу», – образ чрезвычайно любопытный. По-видимому, именно он и стал источником для самого загадочного образа из песни «Прыг-скок» – тела, которое также ходит «кругами», «само по себе», ср.: «Двинулось тело / Кругами по комнате / Без всяких усилий / Само по себе» [279]. Возможно, что приведенное Летовым «древнерусское заклинание на смерть», ставшее основой песни «Про дурачка», связывается и с «Прыг-скок», тем более что обе песни выросли из одного биографически значимого события и входят в один альбом – «Прыг-скок. Детские песенки». Любопытно, кстати, что обе песни составляют концептуальную «раму» альбома, маркируя его «композиционно-сильные» места: «Про дурачка» открывает альбом, а «Прыг-скок» – завершает.

«**Прыг-скок**» и «**Вспыхнуло в полночь крошечное солнышко**»: апелляция к демоническим силам. Выше мы отметили особую коммуникативную направленность черного заговора – тексты такого рода обращены, как

правило, к силам, имеющим нехристианскую (или антихристианскую) природу. Эти заговоры адресованы «мертвецу, предкам, природным силам, лесному царю» [Топорков 2003: 152]. Силы такого рода обнаруживаются в песнях «Прыг-скок», «Про дурачка» и «Вспыхнуло в полночь крошечное солнышко...».

Сам Летов называл песни «Прыг-скок» и «Про дурачка» сатанинскими [Интервью Егора Летова...]. Сатанизм таких текстов, по-видимому, связывается с природой тех сил, которые вызываются к жизни заговором. В «Прыг-скок» эти силы прямо не названы, они мыслятся как чудовищные, они ждут «ночью в поле» и, возможно, вызваны с помощью определенных ритуальных манипуляций, во всяком случае эти силы упоминаются сразу после описания некоего ритуала, включающего в себя зеркало, воду и свечу: «Во мраке зеркало вода и свеча... / <...> жди знамение / тех, кто ждёт тебя ночью в поле!..» [279].

Любопытно, что «демонические энергии», как показывает контекст песни, соотнесены с полем, одним из самых частотных заговорных топосов, ср. один из многочисленных примеров: «встану я, р.б., благословясь, выйду перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота, выйду я в чистое поле. В чистом поле стоит белая береза...» (цит. по: [Агапкина 2010: 41]).

Тем не менее в «Прыг-скок» действуют не только безымянные силы. Так, ближе к финалу в песне появляется загадочный поющий «старичок», уже упомянутый нами выше.

Исследуя сюжетную топику восточнославянских заговоров, Т. А. Агапкина отмечает, что в статусе сакрального персонажа, находящегося в самом конце пути героя, часто выступает именно старичок, который в заговорном универсуме может представлять как собственно старичок, дед-бородастый/седобородый, сивый дед, стар старичок, старичок кудрявый и проч. [Агапкина 2010: 57]. Старики в заговорах, полагает исследовательница, занимают важнейшее место, в том числе и «по причине своей близости к иному миру и предкам <...>» (ср. также их близость к собственно *мертвецам*)» [Агапкина 2010: 59].

В проекции заговорного сюжета на текст «Прыг-скок» летовский старичок может быть ассоциатом заговорного старика-мертвеца. Вспомним, что дед в славянской мифологии – это еще и *мертвый предок*, отвечающий за урожай и другие блага, к которому, по-видимому, обращались славяне⁸.

Образ мертвого деда, сопряженный с заговорными смыслами, появляется и в стихотворении «Вспыхнуло в полночь крошечное солнышко...», ср.: «Вспыхнуло в полночь крошечное солнышко / Дедушка умер – задохся во сне» [128]. При этом образ «дедушки» «повторяется» не изолированно, он предстает в том же семантическом обрамлении, что и в «Прыг-скок»: «дедушка мертвый», как и в «Прыг-скок», соотносится с водой, заговорно-заклинательными формулами на смерть и мотивом песенки! Ср. семантические пересечения:

Вода:

«А дедушка мёртвый, былинный, лукавый / Лежит коромыслом, течёт восвосяси» («Вспыхнуло в полночь...» [128]) – «Вода играет / <...> дитя умирает» («Прыг-скок» [280–281]).

Императивы:

«Стань бревном колос / Стань червём волос / Стань пухом земля / Стань, земляк, мясом» («Вспыхнуло в полночь...» [128]) – «Брось свечу в ручей / Брось свечу в ручей / Пусть плывёт воск» («Прыг-скок» [280]).

Мотив песенки:

«Слышишь, любезный земляк, / Отныне / Песенки самому себе напевай» («Вспыхнуло в полночь...» [128]) – «Старичок поёт: / Сядь на лесенку / Послушай песенку» («Прыг-скок» [281]).

Таким образом, семантический кластер песни «Вспыхнуло в полночь крошечное солнышко» «мертвый дедушка, поющий песенку – вода – заговорные формулы на смерть» полностью идентичен семантической мотивно-образной структуре, обнаруженной нами в «Прыг-скок».

Настойчивый повтор императивных фрагментов, актуализирующих *призыв смерти через обращение к мертвому предку* в обоих текстах, снова указывает на их жанровый прототип –

черный заговор, который предполагает коммуникацию с мертвецом-предком для достижения некой цели. Возникает закономерный вопрос: что же составляет предмет этой коммуникации и с какой просьбой или приказом сопряжены императивы?

Т. А. Агапкина отмечает, что в ряде случаев для того чтобы избавить страждущего от недуга, сами персонажи, помещаемые в сакральный центр, пользуются вербальным способом, они заговаривают, выговаривают, зашептывают... (см. об этом: [Агапкина 2010: 65]). Глаголы вербальной деятельности возникают и в стихотворении «Вспыхнуло в полночь крошечное солнышко», и в песне «Прыг-скок»: «старичок» и «мертвый дедушка» *напевают песенки*. В контексте выявленного заговорного прототипа – черного заговора на смерть – гипотетическое содержание этих «песенок» относительно ясно: *песня сопровождает умирание; или же, вызывая смерть, помогает процессу отделения души от тела*. Особенно явно эта функция песни проявляется в «Прыг-скок», где песня старичка сопутствует процессу умирания ребенка («Воск плывет / Дитя умирает / Старичок поет» [280–281]). По-видимому, именно «песенка» здесь и оказывается главным «текстом смерти», важнейшим «заклинательным» компонентом обряда, нарративно разыгранного в «Прыг-скок».

Заговорная стратегия песни «Прыг-скок».

Несмотря на тесную связь с другими «заговорными» стихотворениями, песня «Прыг-скок», рассматриваемая с точки зрения реализации в ней жанровой структуры заговора, тем не менее стоит в стороне от своих «семантических» соседей. Ее обособленность объясняется тем, что в «Прыг-скок» используется сюжетная стратегия, генетически связанная с лечебными заговорами.

Сюжетная стратегия лечебных заговоров, по определению Т. А. Агапкиной, – это «наиболее общий “план” действий в отношении той или иной болезни» [Агапкина 2010: 30]. Так, в заговорах болезнь можно *отрицать, уничтожать, заговаривать, изгонять* и др. В «Прыг-скок» ключевым императивом, кон-

⁸ Ср. о связи культа предков с хорошим урожаем: «Обряды заупокойного культа имели целью воздействовать на урожай» [Пропп 1995: 28].

центрирующим в себе все смысловые линии песни, становится призыв «вырвать корень вон». Мы полагаем, что этот императив указывает на одну из самых частотных заговорных стратегий, – стратегию «изгнания болезни или удаления ее от пациента» [Агапкина 2010: 65].

Болезнь в лечебных заговорах такого рода мыслится как материальная субстанция, которая должна быть изгнана из человеческого тела, а тело оказывается своеобразным «контейнером», содержащим недуг. Отсюда в заговорах возникает образ тела, из которого как бы «вынимается» болезнь, ср., например, такие формулы, как: «Вынь и выложи из раба Божия и.р. суровец, неприсып головной, глазной, пупной, из сахарных уст, из горячей печени <...> из сорока жил, из сорока составов» (цит. по: [Агапкина 2010: 89]).

В «Прыг-скок» мы как будто обнаруживаем отголоски именно этого сценария действий, однако *в статусе болезни предстает душа, которую необходимо изъять из «телесного состава»* («вырвать корень вон», ибо, как мы писали выше, «душа – корешок, а тело – ботва») подобно тому, как знахарь изгоняет из человека *лихорадку, притчи-откосы* и др.

Стратегия изгнания болезни всегда маркируется лингвистически. Так, в заговорах процесс изгнания сопровождается особыми глаголами, смысл которых «значительно усиливается благодаря приставкам, имеющим в том числе значение удаления, изъятия чего-л. (*вы-, из-, от-*), причем использование этих приставок часто имеет нарочитый характер и усугубляет магический эффект заговора» [Агапкина 2010: 110].

В «Прыг-скок» появляется ряд именно таких «приставочных» глаголов, которые, как и в заговоре, касаются телесного состава человека. Призыв «вырвать корень вон» (где семантика изгнания/удаления обнаруживается как в глагольной приставке, так и в наречии), соотносится в «Прыг-скок» с глаголами на *вы-*, обозначающими удаление чего-то из области телесного (ср.: «голову выжгло», «тело вынесло», «выбелило волос», «выдавило голос»). Но если в заговоре из телесного состава удаляется болезнь, то в «Прыг-скок» «выметается» душа, что ведет к «изгнанию»

неотчуждаемых атрибутов самого тела: *волоса, голова* и т. д.

Славянские ритуально-магические практики и их отражение в лирике Летова

Ритуальный комплекс «вода – зеркало – свеча». Заговор как тип перформативного текста не самодостаточен, в народной культуре он является частью ритуала. «Заговор – пишет Н. И. Толстой, – это, как правило, не просто фольклорный текст, но и определенное действие определенного деятеля с определенными предметами» [Толстой 1995: 447]. При этом заговор может не только сопровождаться ритуалом, но и включать в себя его метатекстуальное описание.

Заговор в этом смысле оказывается двояким феноменом, он содержит не только «устойчивую заклинательную формулу», сопровождающую обрядовое действие, но и само «описание обрядового действия» [Шиндин 1993: 109]. Так, заговорный зачин, где герой совершает путешествие в сакральный центр, по-видимому, возникает как описание «параллельных ритуальных действий, подкрепляющее их выполнение и способное их заменить» [Юдин 1997: 7].

Мы полагаем, что сочетание заклинательных формул с описанием ритуала можно обнаружить и в песне «Прыг-скок», в текст которой включаются определенные обрядово-ритуальные формулы. Для того чтобы выявить суть и структуру ритуала-прототипа, «эхо» которого звучит в «Прыг-скок», необходимо обратиться к анализу образного кластера «вода – зеркало – свеча». Этот семантический комплекс с незначительными вариациями в тексте возникает трижды, каждый раз в соотношении с темой смерти:

- (1) «Во мраке *зеркало вода и свеча*... / Кто-то внутри *умирает* хохоча...» [279];
- (2) «Ночь *зеркало вода и свеча* / <...> За пазухой – стужа / Прохудилась кожа» [280];
- (3) Брось *свечу в ручей* / <...> *Вода* играет / Воск плывёт / *Дитя умирает*» [280–281].

Мы полагаем, что комплекс «вода – зеркало – свеча» в контексте «смертельной» семантики может связываться с погребально-поминальной обрядностью и маркировать ритуал, сопряженный со смертью.

Вода и свеча. Мортальная функция заговорных формул в песне «поддерживается» некоторыми типологическими пересечениями с темами и мотивами той части традиционной культуры, которая соотносена с похоронной обрядностью. Так, образ свечи, брошенной в ручей, может напоминать о ритуале «похоронной свечи»: в руки умирающему дают свечу, чтобы «осветить душе путь» [Толстая 2006: 252]; кроме того, смертный путь в славянской традиции исключительно часто связывается с водными преградами, реками и ручьями [Толстая 2006: 258]. С этой точки зрения свеча в ручье в «Прыг-скок» может являться авторской контаминацией двух народных образов, связанных с семантикой посмертного пути.

Однако вода может иметь в заговоре еще один ритуальный подтекст – в отдельных случаях водоемы трактуются как место совершения обряда заговора, что соответствует практике народной магии, где из предпочтительных мест для заговаривания (кроме порога, печи, перекрестка) мог быть «колодец или источник (иногда вообще место над водой или у текущей воды)» [Славянские древности 1999: 240]. Старичок в песне «Прыг-скок» как истинный заговорный персонаж, осуществляющий стратегию изгнания души/болезни, поет над текущей водой, что полностью соответствует топосу заговорного обряда.

Зеркало. Если вода обозначает пространство совершения обряда, то зеркало – это, по-видимому, один из необходимых магических предметов. В современном сознании зеркало ассоциируется с матримониальными гаданиями, однако в традиционной славянской культуре функция образа зеркала гораздо шире. Так, у славян зеркало в подавляющем большинстве случаев сопряжено с семантикой смерти, оно не только служит дорогой, по которой в наш мир могут прийти силы потусторонней реальности, но и является способом коммуникации с мертвецами.

Любопытно, что в коммуникативных актах подобного рода может использоваться вместе с зеркалом и его природный эквивалент – вода. Зеркало, пишет С. М. Толстая, «использовалось для общения с обитателями загробного мира. Болгары верили, что с помощью з.<еркала> можно увидеть умерших, когда они пребывают среди живых в пери-

од от Пасхи до Вознесения (или Троицы); для этого надо навести з.<еркало> на воду в колоде и позвать их» [Славянские древности 1999: 322].

Ритуальная связь воды и зеркала есть и в «Прыг-скок». Более того, эта связь в контексте лирики Летова девяностых годов является устойчивой. Так, в песне «Простор открыт» возникает «водно-зеркальный» магический кластер, где в контексте обряда, отголоски которого звучат в тексте, сопрягаются зеркало и вода. Ср.:

Понесло
По воде
Уголёк
<...>
В зеркале незваные гости
Подмигнули – померещились кому-то из нас
[320]

Здесь образ зеркала прямым образом соотносён с мотивом проточной воды и прихода неведомых сил. В зеркале отражаются «незваные гости», которые, с одной стороны, в контексте народного обряда являются жителями иного мира, а с другой стороны, в контексте лирики Летова оказываются родственными тем неназванным силам, которые ждут «тебя ночью в поле» в «Прыг-скок».

Магия как реальная практика. Акционность. Обряд в народной культуре существует не только на уровне его метатекстуального описания в ритуальных текстах, но и как система определенных действий, совершаемых во время произнесения такого рода текстов. В связи с этим необходимо упомянуть о том, что Летов сам занимался магией.

В примечаниях к альбому «Коммунизм – Сатанизм» указывается, что «Прыг-скок» и другие подобные заклинательно-магические тексты Летов выстраивал по модели обряда, сочетающего слова и действия, приводятся его воспоминания: «Академгородке дело было – и внезапно понял, и как они <шаманы – О. Т.> это делают, и сколько раз это должно совершаться. Я воочию увидел сам принцип этих заклинаний – то, что потом проявилось в “Прыг-скоке”. Это же не просто поэзия – нет, тут что-то делается и говорится одновременно» [Семеляк].

В другом месте Летов подчеркивает, что читает книги «по магии», хотя сам может «таких книг написать огромное количество», ибо имеет очень «богатый опыт» в магических практиках [Егор Летов как он есть...]. Сергей Летов, брат Егора Летова, также косвенно подтверждает факт магических опытов. Любопытно, что воспоминания о них возникают опять же в соотнесении с песней «Про дурачка»: «Ну, вот “ходит дурачок по лесу” ... <...> И в лесу он как раз сочинял песни, заходя иногда на кладбище, на котором покоится наша мать. Много всякого разного... Например, зимой он наряжал ёлку для неё – рядом там ель стояла» [Русский рок в лицах...].

Прогулки по кладбищу и украшение елки для мертвой матери в мифоритуальном контексте выполняют контактоустанавливающую функцию с иным миром. Эта функция характеризует и традиционную обрядность, связанную с завершением жизненного цикла. «Общение с умершими, – пишет С. М. Толстая, – периодически происходит и на “их территории” – в определенные поминальные дни, когда люди приходят на кладбище...» [Толстая 2006: 239].

Возможно, что частичное отражение этих практик мы и находим в заклинательных текстах, в том числе и в «Прыг-скок», где возникает остаточное эхо ритуала; цель этих действий, по-видимому, – коммуникация с иным миром, который в народной культуре представлен как мир мертвых. В этой связи необходимо отметить, что в тех текстах, где с большей или меньшей полнотой реализовался жанровый канон заговора, всегда присутствует мертвец как персонаж, с которым субъект речи устанавливает контакт: «мертвая мамка», которая «пришла» к лирическому субъекту («Про дурачка»), старики-предки («Вспыхнуло в полночь крошечное солнышко...», «Прыг-скок»), невидимые силы в поле («Прыг-скок»).

Обсуждение материала и выводы

В связи с вышеизложенным материалом встает вопрос о намеренности и осознанности использования заговорных шаблонов в текстах этого стихийного цикла. Летов, несомненно, был знаком с соответствующей славянской традицией (прямые цитаты из риту-

альных текстов это подтверждают). Однако знакомство с заговорами все же не означает «автоматического» переноса структуры заговора в поэтические произведения. Нам кажется, что в этом процессе, во-первых, важен сам жанр и формообразующие модели, которые он включает, а во-вторых, большое значение имеют поэтико-коммуникативные установки Летова, которые связаны с прагматическим кодом народной культуры.

Жанр как текстопорождающий принцип.

Жанр в механизме культурной традиции выступает как протоструктура текста и текстопорождающий принцип. Показателен комментарий самого Летова, касающийся песни «Про дурачка», где автор указал, что заговор на смерть оказался «жанровым» остоном, который оброс плотью фантазмагорических индивидуальных образов, ср.: «Песенка про дурачка составлена по большей части из обрывочных образов, словосочетаний и строк, которые я полубессознательно записывал, валяясь в энцефалитной горячке (!), которая предательски и достоверно посетила меня после очередной поездки на Урал. Связующим звеном явилось несколько переработанное древнерусское заклинание на смерть» [Интервью Егора Летова...].

Жанр, взятый в таком когнитивном измерении, является формообразующим элементом, он, брошенный в насыщенный смыслом раствор авторского воображения, и создает кристалл отдельного произведения, выстраивая его значения по кристаллическим осям.

Акционизм и магические практики. Однако не следует думать, что Летов механически использует фольклорные источники, процесс диалога здесь конструируется гораздо сложнее. По-видимому, речь следует вести о соприродности картины мира Летова и системы народной культуры. Мы полагаем, что устойчивым элементом традиции, который обеспечивает эту связность, оказывается сам сюжет и его обрядовое оформление.

Сюжет заговора, со структурной точки зрения представляющий собой путешествие героя за пределы мира, фактически дублирует ключевой для летовской миромодели сюжет преодоления границ (см. об этом: [Темиршина 2017]).

Что касается обрядовости, то здесь проявляются гораздо более интересные вещи. Для Летова эстетические категории творчества, направления, жанра, метапоэтики, постмодернизма и проч. являются всего лишь словесной мишурой, о чем он сам неоднократно и декларативно заявлял. Творчество для Летова – используем этот термин – является не отвлеченным понятием, но очень конкретным прагматически нагруженным процессом, преследующим некую практическую цель. «Мы не занимаемся творчеством... – говорит Летов в интервью, – мы занимаемся показом того, как надо действовать в очень опасных и ярких ситуациях, состояниях... Мы не занимаемся понятиями, мы занимаемся другими вещами...» [Интервью Егора Летова...].

Эстетическая функция поэзии, предполагающая бескорыстное наслаждение вне всяких прагматических устремлений, здесь очевидным образом отрицается. Поэзия в таком контексте предстает как акция по изменению/реструктуризации сознания, и *эта акция по своей сути оказывается функционально родственной обряду, ибо и поэтическая акция, и обряд объединяются через прагматическую функцию воздействия на реципиента*. В таком контексте от современного акционизма до магизма – один шаг, и Летов его совершенно осознанно делает, о чем говорят многочисленные магические эксперименты, свидетельства о которых рассыпаны по разным интервью. *Поэзия в ее акциональном изводе, таким образом, понимается Летовым как магическое действие, как вербальное сопровождение обряда*.

Сочетание акционизма и интереса к архаическим практикам, несомненно, вписывает Летова в традицию исторического авангарда, для которого это сочетание было вполне обычным. Однако у Летова установка на акционизм и магизм может объяснять и некоторые особенности стиля. Так, классические ряды перформативных конструкций, обычных для заговора-заклинания, используются Летовым и *вне апелляции к этому жанру* (см. такие песни, как «Пиромания», «Какое мне дело...», «Хорошо!», «Мимикрия», «Новая правда», «Евангелие» и др.). Кажется, что именно заговор и инициировал эту *формообразующую модель, так как впервые императивные ряды, столь обычные для зрелой поэзии Летова, появляются в «заговорном*

тексте» «Вспыхнуло в полночь крошечное солнышко...».

В целом наш анализ показал, что в творчестве Летова выделяется подкорпус текстов, связанных в единую целостность через ритуально-мифологическую символику. В этих текстах заговорная семантика проявляется двояко. Так, с одной стороны, в стихотворениях присутствует **речевая структура заговора**, а с другой стороны, они метатекстуально включают **описания обряда**, соотнесенного, по-видимому, с проговариванием заговорного текста.

Проанализированный материал дает возможность реконструировать тип заговора, ставшего основой ряда знаковых текстов Летова. Таким прототипом становится черный заговор «на смерть». Тексты Летова, где проявляется этот жанровый канон, содержат несколько семантических блоков: заклинательное ядро, нарратив, элементы обряда.

Композиционной основой летовского «заговора», как и в случае с народными заговорными текстами, становятся заклинательные формулы и субъектная структура. Так, заговор включает субъекта речи и персонажа-мертвеца, функция которого – помочь отделиться душе от тела. Вербально эта функция выражается в ряде императивных формул, в отдельных случаях функция заклинательной речи передается мертвым персонажам, дедам, которые поют «песенки», сопровождающие процесс умирания.

Это семантическое ядро может осложняться редуцированным заговорным нарративом, который представляет собой сюжет путешествия за пределы ограниченного пространства, что в лирике Летова метафорически маркирует отделение души от тела.

И наконец, третий, самый внешний семантический круг связывается с ритуально-магическим «обстоянием» обряда, изображенного в текстах. По-видимому, образы магических предметов и явлений использовались в реальных магических практиках и оттуда перекочевали в художественные тексты. К слову, сюжет в «классическом» заговоре проделал такой же путь – из внешней затекстовой ритуальной сферы он перешел в сам текст.

ЛИТЕРАТУРА

- Агапкина, Т. А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира / Т. А. Агапкина. – М. : Индрик, 2010. – 824 с.
- Гультияева, Н. В. Язык русского заговора. Лексика : автореф. дис. ... канд. фил. наук / Гультияева Н. В. – Екатеринбург, 2000. – 24 с.
- Доманский, Ю. В. Формульная поэтика Егора Летова / Ю. В. Доманский. – М. ; Калуга ; Венеция : Bull Terrier Records, 2018. – 160 с.
- Егор Летов как он есть (интервью). – URL: http://grob-hroniki.org/article/1998/art_1998-12-10a.html (дата обращения: 14.06.2022). – Текст : электронный.
- Зализняк, А. А. Древнейший восточнославянский заговорный текст / А. А. Зализняк // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. – М. : Наука, 1993. – С. 104–108.
- Интервью Егора Летова Саратовскому ТВ 1998. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ObDb--wbUWQ> (дата обращения: 14.06.2022). – Видеозапись : электронная.
- Каравашкин, А. В. Литературный обычай Древней Руси (XI–XII вв.) / А. В. Каравашкин. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 720 с.
- Летов, Е. Я не верю в анархию / Е. Летов. – М. : Выргород, 2020. – 280 с.
- Летов, Е. Стихи / Е. Летов. – М. : Выргород, 2011. – 548 с.
- Летовский семинар 2021. Проблема текста / отв. ред. В. Ф. Чертов. – М. : Выргород, 2022. – 368 с.
- Летовский семинар: Феномен Егора Летова в научном освещении / отв. ред. В. Ф. Чертов. – М. ; Калуга ; Венеция : Bull Terrier Records, 2018. – 258 с.
- Майков, Л. Великорусские заклинания / Л. Майков. – СПб. : Типография Майкова, 1869. – 165 с.
- Орлицкий, Ю. Б. Стихосложение новейшей русской поэзии / Ю. Б. Орлицкий. – М. : Издательский Дом ЯСК, 2020. – 1016 с.
- Пропп, В. Я. Русские аграрные праздники / В. Я. Пропп. – СПб. : Азбука ; Terra, 1995. – 176 с.
- Русский рок в лицах: группа «Гражданская оборона» (интервью). – URL: https://grob-hroniki.org/article/2010/art_2010-05-16a.html (дата обращения: 14.06.2022) – Текст : электронный.
- Семеляк, М. Примечания к альбому «Коммунизм – Сатанизм» / М. Семеляк. – URL: https://grob-hroniki.org/music/cd/cd_mz_276-2.html (дата обращения: 14.06.2022). – Текст : электронный.
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. Т. 2 / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1999. – 697 с.
- Темиришина, О. Р. Поэтическая типология лирики Летова и Маяковского: от модели мира к языку / О. Р. Темиришина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2017. – № 49. – С. 188–208.
- Толстая, С. М. Мотив посмертного хождения в верованиях и ритуале / С. М. Толстая // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. – М. : Индрик, 2006. – С. 236–268.
- Толстой, Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М. : Индрик, 1995. – 512 с.
- Топорков, А. Л. Олонецкий сборник заговоров как памятник народной культуры XVII в. / А. Л. Топорков // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2003. – № 1 (30). – С. 148–156.
- Черняков, А. Н. «Без меня»: 10 лет без Егора Летова – 10 лет с Егором Летовым: международная филологическая конференция / А. Н. Черняков // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2018. – № 3. – С. 108–113.
- Шиндин, С. Г. Пространственная организация русского заговорного универсума: образ центра мира / С. Г. Шиндин // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. – М. : Наука, 1993. – С. 108–128.
- Шпилева, Г. Некоторые замечания о поэтике стихотворения-песни Егора Летова «Они сражались за Родину...» / Г. Шпилева, А. Скобелев // Летовский семинар: Феномен Егора Летова в научном освещении. – М. ; Калуга ; Венеция : Bull Terrier Records, 2018. – С. 161–173.
- Юдин, А. В. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре / А. В. Юдин. – М. : Московский общественный научный фонд, 1997. – 319 с.

REFERENCES

- Agapkina, T. A. (2010). *Vostochnoslavjanskije lecebnye zagovory v sravnitel'nom osveshchenii: Syuzhetika i obraz mira* [East Slavic Healing Spells in Comparative Coverage: Plot and Image of the World]. Moscow, Indrik. 824 p.
- Chernyakov, A. N. (2018). «Bez menya»: 10 let bez Egora Letova – 10 let s Egorom Letovym: mezhdunarodnaya filologicheskoi konferentsiya [“Without Me”: 10 Years without Egor Letov – 10 Years with Egor Letov: International Philological Conference]. In *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya*. No. 3, pp. 108–113.
- Chertov, V. F. (Ed.). (2018). *Letovskii seminar: Fenomen Egora Letova v nauchnom osveshchenii* [Egor Letov's Phenomenon in Scientific Coverage]. Moscow, Kaluga, Venice, Bull Terrier Records. 258 p.
- Chertov, V. F. (Ed.). (2022). *Letovskii seminar 2021. Problema teksta* [The Problem of the Text]. Moscow, Vyrgorod. 368 p.
- Domansky, Yu. V. (2018). *Formul'naya poetika Egora Letova* [Formula Poetics of Egor Letov]. Moscow, Kaluga, Venice, Bull Terrier Records. 160 p.
- Egor Letov kak on est' (interv'yu)* [Egor Letov as He is (interview)]. URL: http://grob-hroniki.org/article/1998/art_1998-12-10a.html (mode of access: 14.06.2022).

- Gulyaeva, N. V. (2000). *Yazyk russkogo zagovora*. Leksika [The Language of the Russian Spell. Vocabulary]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg. 24 p.
- Interv'yu Egora Letova Saratovskomu TV 1998 [Interview of Egor Letov to Saratov TV 1998]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ObDb--wbUWQ> (mode of access: 14.06.2022).
- Karavashkin, A. V. (2018). *Literaturnyi obychai Drevnei Rusi (XI–XII vv.)* [Literary Custom of Ancient Rus (11–12 Centuries)]. Moscow, Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 720 p.
- Letov, E. (2011). *Stikhi* [Poems]. Moscow, Vyrgorod. 548 p.
- Letov, E. (2020). *Ya ne veryu v anarkhiyu* [I do not Believe in Anarchy]. Moscow, Vyrgorod. 280 p.
- Maikov, L. (1869). *Velikorusskie zaklinaniya* [Great Russian Spells]. Saint Petersburg, Tipografiya Maikova. 165 p.
- Orlitsky, Yu. B. (2020). *Stikhoslozhenie noveishei russkoi poezii* [Versification of the Latest Russian Poetry]. Moscow, Izdatel'skii Dom YaSK. 1016 p.
- Propp, V. Ya. (1995). *Russkie agrarnye prazdniki* [Russian Agricultural Holidays]. Saint Petersburg, Azbuka, Terra. 176 p.
- Russkii rok v litsakh: gruppya «Grazhdanskaya oborona» (interv'yu) [Russian Rock in Faces: the Group "Civil Defense" (Interview)]. URL: https://grob-hroniki.org/article/2010/art_2010-05-16a.html (mode of access: 14.06.2022).
- Semelyak, M. *Primechaniya k al'bomu «Kommunizm – Satanizm»* [Notes to the Album "Communism – Satanism"]. URL: https://grob-hroniki.org/music/cd/cd_mz_276-2.html (mode of access: 14.06.2022).
- Shindin, S. G. (1993). Prostranstvennaya organizatsiya russkogo zagovornogo universuma: obraz tsentra mira [Spatial Organization of the Russian Spell Universe: The Image of the Center of the World]. In *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoi dukhovnoi kul'tury*. Zagovor. Moscow, Nauka, pp. 108–128.
- Shpilevaya, G., Skobelev, A. (2018). Nekotorye zamechaniya o poetike stikhotvoreniya-pesni Egora Letova «Oni srazhalis' za Rodinu...» [Some Remarks on the Poetics of Egor Letov's Poem-Song "They Fought for the Motherland..."]. In *Letovskii seminar: Fenomen Egora Letova v nauchnom osveshchenii*. Moscow, Kaluga, Venice, Bull Terrier Records, pp. 161–173.
- Temirshina, O. R. (2017). Poeticheskaya tipologiya liriki Letova i Mayakovskogo: ot modeli mira k yazyku [Poetic Typology of Letov's and Mayakovsky's Lyrics: From World Model to Language]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 49, pp. 188–208.
- Tolstaya, S. M. (2006). Motiv posmertnogo khozhdeniya v verovaniyakh i rituale [The Motif of Posthumous Walking in Beliefs and Ritual]. In *Slavyanskii i balkanskii fol'klor. Semantika i pragmatika teksta*. Moscow, Indrik, pp. 236–268.
- Tolstoy, N. I. (1995). *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoi mifologii i etnolingvistike* [Language and Folk Culture. Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics]. Moscow, Indrik. 512 p.
- Tolstoy, N. I. (Ed.). (1999). *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary, in 5 vols.]. Vol. 2. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 697 p.
- Toporkov, A. L. (2003). Olonetskii sbornik zagovorov kak pamyatnik narodnoi kul'tury XVII v. [Olonetsky Collection of Spells as a Monument of Folk Culture of the 17th Century]. In *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. No. 1 (30), pp. 148–156.
- Yudin, A. V. (1997). *Onomastikon russkikh zagovorov. Imena sobstvennye v russkom magicheskom fol'klоре* [Onomasticon of Russian Spells. Proper Names in Russian Magical Folklore]. Moscow, Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond. 319 p.
- Zaliznyak, A. A. (1993). Drevneishii vostochnoslavyanskii zagovornyi tekst [The Most Ancient East Slavic Spell Text]. In *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoi dukhovnoi kul'tury. Zagovor*. Moscow, Nauka, pp. 104–108.

Данные об авторе

Темиршина Олеся Равильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории журналистики и литературы, Московский университет им. А. С. Грибоедова (Москва, Россия).

Адрес: 11024, Россия, Москва, шоссе Энтузиастов, 21.

E-mail: o.r.temirshina@yandex.ru.

Author's information

Temirshina Olesya Ravilievna – Doctor of Philology, Professor of Department of Journalism and Literature History, Moscow University named after A. S. Griboedov (Moscow, Russia).

Дата поступления: 10.01.2023; дата публикации: 30.06.2023

Date of receipt: 10.01.2023; date of publication: 30.06.2023

СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ КЛАССИКИ

УДК 821.161.1-3(Ростопчина Е. П.). ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,44
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

МИФ О ГРЕХОПАДЕНИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Е. П. РОСТОПЧИНОЙ

Попова М. Ю.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4918-2111>

А н н о т а ц и я. Сквозной сюжет грехопадения в творчестве Е. П. Ростопчиной до настоящего времени не становился предметом анализа. Между тем изучение в произведениях писательницы образов и аллюзий, связанных с библейской символикой, позволяет уточнить представления о формировании индивидуального художественного образа мира Е. П. Ростопчиной, описать механизм создания авторского мифа. Опираясь на представления о мифопоэтике, изложенные в трудах отечественных литературоведов (А. Ф. Лосева, В. Н. Топорова, Ю. М. Лотмана, Е. М. Мелетинского), автор статьи исследует процесс мифотворчества Е. П. Ростопчиной. Особенности художественного осмысления библейского мифа о грехопадении соотносятся с творческой эволюцией писательницы: возникновение райского топоса в ранний московский период; появление образов Адама, Евы и Змея в аннинский период; образование мотивной структуры, на которой базируется миф, в петербургский период; оформление индивидуально-авторского мифа в целостный сюжет в поздний московский период. В статье отмечается закономерность формирования мифа о грехопадении, который сложился в творчестве Е. П. Ростопчиной под влиянием факторов, как внутренних, индивидуальных – история отношений с А. Н. Карамзиным, так и внешних, литературных – интерес к тем же библейским аллюзиям писателей-современников А. А. Бестужева-Марлинского («Испытание», 1830), А. С. Пушкина («Евгений Онегин», 1823–1830), М. Ю. Лермонтова («Сказка для детей», 1839–1841, опубл. 1842), О. де Бальзака («Дочь Евы», 1838).

К л ю ч е в ы е с л о в а: Е. П. Ростопчина; миф о грехопадении; Ева; Адам; Змей; яблоко; мотивная структура; мотивы любопытства, искушения, заточения, болезни и смерти; индивидуально-авторский миф

Для цитирования: Попова, М. Ю. Миф о грехопадении в творчестве Е. П. Ростопчиной / М. Ю. Попова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 118–129.

MYTH OF THE LAPSE FROM VIRTUE IN THE WORKS OF E. P. ROSTOPCHINA

María Yu. Popova

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4918-2111>

Abstract. The cross-cutting plot of the lapse from virtue in the works of E. P. Rostopchina has not been subject of analysis until now. Meanwhile, the study of images and allusions associated with biblical symbolism in the works of the writer makes it possible to clarify the ideas about the formation of the individual artistic image of the world of Rostopchina and to describe the mechanism of creation of the author's myth. Drawing on the ideas about mythopoetics set forth in the works of the Russian literary critics (A. F. Losev, V. N. Toporov, Yu. M. Lotman, E. M. Meletinsky), the author of the article explores the process of myth-making by Rostopchina. The specific features of the artistic interpretation of the biblical myth of the lapse from virtue correlate with the creative evolution of the writer: the emergence of the paradise topos in the early Moscow period; the use of the images of Adam, Eve and the Serpent in the Anninsky period; the formation of the motif structure on which the myth is based in the St. Petersburg period; the transformation of the individual author's myth into a complete plot in the late Moscow period. The article notes that the formation of the myth of the laps from virtue in the work of Rostopchina was quite natural; it was a result of the factors, both inner or individual – the history of relations with A. N. Karamzin, and external or literary – interest in the same biblical allusions of the writers-contemporaries A. A. Bestuzhev-Marlinsky ("Trial", 1830), A. S. Pushkin ("Eugene Onegin", 1823-1830), M. Y. Lermontov ("A Fairy Tale for Children", 1839–1841, published in 1842), Honoré de Balzac ("A Daughter of Eve", 1838).

Keywords: E. P. Rostopchina; myth of the lapse from virtue; Eve; Adam; Serpent; apple; motif structure; motifs of curiosity, temptation, imprisonment, illness and death; individual author's myth

For citation: Popova, M. Yu. (2023). Myth of the Lapse from Virtue in the Works of E. P. Rostopchina. In *Philological Class.* Vol. 28. No. 2, pp. 118–129.

Творческое наследие графини Е. П. Ростопчиной, имевшей, по словам академика А. И. Белецкого, «типическую судьбу романтика эпохи романтических сумерек» [Белецкий 1919: 337], редко становилось предметом исследования. Изучение произведений писательницы в мифологическом аспекте предпринималось еще реже, хотя романтики, пишет Е. М. Мелетинский, придавали мифу «особое значение как прототипу художественного творчества» [Мелетинский 1976: 17]. М. П. Гребнева в романе Е. П. Ростопчиной «Палаццо Форли» (1854) исследует функционирование флорентийского мифа, который строился на основе мотивов сада, цвета, цветка и камня [См.: Гребнева 2004; Гребнева 2009]. А. М. Ранчин, анализируя четыре редакции стихотворения «Две встречи» (1839, 1841, 1856, 1857), приходит к выводу, что Е. П. Ростопчина-поэтесса создавала миф «о себе как о преемнице Пушкина, подкрепляемый другим личным мифом – о себе как о "предмете" пушкинской любви» [Ранчин 2019: 127]. Работы М. П. Гребневой и А. М. Ранчина можно считать началом изучения авторских мифов писательницы. К ним примыкает и настоящая статья.

Ф. В. Шеллинг полагал, что «всякий великий поэт призван превратить в нечто целое открывшуюся ему часть мира и из его материала создать *собственную* мифологию» [Шеллинг 1966: 147. Курсив автора. – М. П.]. Дей-

ствительно, художественная литература как феномен духовной деятельности человека тесно связана с освоением и интерпретацией мифологических образов, мотивов и сюжетов. В этом смысле миф, утверждал А. Ф. Лосев, есть «совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола» [Лосев 2001: 36. Курсив автора. – М. П.]. Литературное мифотворчество базируется на идее «вечной циклической повторяемости первичных мифологических прототипов под разными "масками", своеобразной замещаемости литературных и мифологических героев...» [Мелетинский 1976: 8].

Определение термина «мифопоэтика», достаточно четко сформулированное Н. О. Осиповой, мы используем в качестве рабочего: «Мифопоэтика – это метод исследования таких явлений литературы, которые ориентированы на мифопоэтические модели с целью проследить их генезис, развитие и функции в создании целостной картины мира, трансформацию традиционных образов, что позволяет исследовать широкие интертекстуальные связи» [Осипова 2000: 51]. Кроме того, будем иметь в виду наблюдения Ю. М. Лотмана: различные мифы «могут представлять собой реликтовое явление или результат регенерации; они могут быть бессознательными или осознанными» [Лотман 1991: 69].

Художественный образ мира Е. П. Ростопчиной изобилует библейскими аллюзиями. В цикле «Му home» (1842) предметом изображения становится Мадонна, написанная Рафаэлем Санти. Марина Ненская – главная героиня романа «Счастливая женщина» (1851) сравнивается с кающейся Марией Магдалиной и Марией, сестрой Лазаря, а второстепенный персонаж Текла Войновская сопоставлена с другой сестрой Лазаря – Марфой. Особое место занимают описания картин на новозаветные темы в романе «Палаццо Форли».

Однако в ряду библейских аллюзий у Е. П. Ростопчиной наиболее частотна отсылка к героям истории о грехопадении. На протяжении всего творческого пути писательница осмысляла жизнь женщины через ветхозаветную сюжетную ситуацию искушения Евы Змеем, вводя своих героинь во вневременное измерение, конструируя собственный миф.

Образ рая появляется у Е. П. Ростопчиной уже в посвящениях *раннего московского периода творчества* (1824–1832)¹. В стихотворениях «Италия» (1831) и «Фантазия» (1832) Апеннинский полуостров включен в картину романтического двоемирия и представляет собой «рай земной», «Эдем восторженных умов». Согласимся с О. М. Фрейденберг: некоторые мотивы не могут возникнуть без героя, так как в основе своей они содержат действие, совершаемое персонажем. Причем поступки героя обусловлены его внутренними свойствами: «... герой делает только то, что семантически сам означает» [Фрейденберг 1988: 233]. Следовательно, пока есть только пространственные координаты, но нет людей, населяющих райский топос, мотив грехопадения не обнаруживается в ранней лирике поэтессы.

Сквозной сюжет о прегрешении первых людей у Е. П. Ростопчиной начинает формироваться позднее – в произведениях, завершающих *аннинский период ее творчества* (1833–1835)², когда невинность, греховность и обретение опыта, являясь архетипической мо-

делью, отраженной и закрепленной в мифе, становятся для поэтессы объектом индивидуального переживания.

Известно, что Евдокия Сушкова была выдана за графа Андрея Федоровича Ростопчина, не имея к нему даже дружеской привязанности. Красноречивы слова двоюродной сестры поэтессы Е. А. Сушковой (девичья фамилия Е. П. Ростопчиной), сравнивающей в своем дневнике день свадьбы Евдокии с похоронной процессией: «Хоронят не девушку, но ее счастье, ее радость, ее невинность» [Сушкова 1928: 248]. Во всех статьях о жизни и творчестве Е. П. Ростопчиной и единственной биографии писательницы³ говорится о ее романе с Андреем Карамзиным, сыном знаменитого русского историка и писателя Н. М. Карамзина.

Именно в период заочного знакомства с путешествующим по Европе А. Н. Карамзиным⁴ в творчестве Е. П. Ростопчиной возникают ветхозаветные образы и связанный с ними мотив грехопадения. Зимой 1835 года Е. П. Ростопчина создает стихотворение «Не верю вам!..», в котором впервые дана интерпретация известного библейского сюжета:

Не верю вам!.. Вы нам враги издавна!..
Нас искушать,
Нас обмануть и бросить вам забавно!
Вы расточать
Умеее хвалу и лесть с отравой;
Не верю вам!..
В вас сердца нет; вы хитры, вы лукавы,
Как демон сам!..
Вы мстите нам, с досадой вспоминая,
Что в старину
Наш общий дед, Адам, лишился рая
Через жену,
Что первый муж был первою женою
Введён во грех...
И любите вы страстную вражду
С тех пор нас всех!.. (I, 176)⁵

¹ Подробнее о творческой эволюции писательницы см. в наших статьях: [Попова 2022: 10–11; Попова, Ермоленко 2023: 27–42].

² Название впервые употребила в своей статье В. В. Стручкова, анализируя сборник стихотворений «Вы вспомните меня...». Сборник включает произведения, написанные, по нашей периодизации, во второй и третий периоды творчества Е. П. Ростопчиной в селе Анна. Автор статьи даже называет поэтические произведения «аннинским» циклом, не выделяя при этом циклообразующие компоненты и, по сути, смешивая циклы «Давно прошедшее» и «Неизвестный роман» (1839), принадлежащие разным периодам [Стручкова 2013: 134].

³ Романов Б. Поэтесса, или Судьба Евдокии Ростопчиной: повествование в семи частях. М.: Русский Мир, 2017.

⁴ В «Альбоме...» Е. П. Ростопчиной, хранящемся в РГАЛИ, имеются выписки из заграничных писем А. Н. Карамзина [См.: РГАЛИ. Ф. 433. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 5–13].

⁵ Здесь и далее цит. по: [Ростопчина 2019–2020] с указанием в скобках тома и номера страницы. Курсив в цитатах, кроме особо оговоренных случаев, автора. – М. П.

В инвективном стихотворении и демон, и Адам, и «вы», к которым обращена речь лирической героини, составляют один мужской собирательный образ. Мужчины испытывают по отношению к женщине любовь-вражду (месть). Женщины же расплачиваются за грехи Евы, каждый раз повторяя ошибку «прародительницы». Однако лирическая героиня противопоставит соблазну:

Не попадусь!..
И чистого вам сердца для забавы
Я не отдам!.. (I, 177)

В повести «Поединок» (напис. летом 1835 г., опублик. в 1838 г.) Е. П. Ростопчина изображает совсем иной тип женского поведения. Автор¹ относит себя и своих читательниц к потомкам Евы, наследующим черты характера первой женщины: «Но *любопытство* не дремлет даже там, где нет нас, *бедных* женщин, со времен *прабабушки Евы* [ср.: «Наш общий дед, Адам...»] уличенных в любопытстве...» [Ростопчина 1989: 234. Курсив наш. – М. П.]. Райский топос представлен в повести в странном «перевертыше». Именно искушающая любовь Дольского к Юлии становится для нее раем: «... она уже не искала сил отвергнуться навеки от завиденного рая и возвратиться на землю, вкусив блага неба» [Ростопчина 1989: 261].

В конце аннинского периода в творчестве Е. П. Ростопчиной выстраивается триада мотивов: любопытство – искушение – грехопадение. Опираясь на мотивную триаду, писательница раскрывает двойственную природу запретной любви. С одной стороны, искушающее, греховное начало, а с другой – идиллическое, утраченное прародителями состояние блаженства. Данная антиномия отражается в изменении традиционного сюжета грехопадения: будучи искушенной, героиня обретает рай.

Интерес к упомянутому мотиву у Е. П. Ростопчиной был вызван не только личным опы-

том. Она была знакома и с произведениями писателей-современников, которые обращались к известной библейской истории. Главная героиня повести А. А. Бестужева-Марлинского «Испытание» (1830) графиня Алина Звездич названа «наследницей» Евы, от которой ей досталось «приданое – *любопытство* и оскорбленное самолюбие» [Бестужев-Марлинский 1990: 41. Курсив наш. – М. П.]². Блистательная графиня, действительно, оказывается, как и Ева, в ситуации искушения. Армейские приятели Грёмин и Стрелинский задумали испытать на верность возлюбленную Грёмина. Однако Стрелинский, исполняя роль волокиты по просьбе своего товарища, влюбляется в Алину. Чувство оказывается взаимным, следовательно, Алина, а вместе с ней и Стрелинский, не проходят испытание.

Библейская аллюзия встречается и в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (1823–1830):

О люди! все похожи вы
На прародительницу Эву:
Что вам дано, то не влечет,
Вас непрестанно змий зовет
К себе, к таинственному древу;
Запретный плод вам подавай:
А без того вам рай не рай...
[Пушкин 1978: 152]

В следующий *петербургский период творчества* (1836–1844) Е. П. Ростопчина начнет работу над романом в стихах «Дневник девушки», который будет связан с пушкинским произведением на уровнях стихотворной формы и сюжета³. Главная героиня Зинаида влюбляется в разочарованного, «как Ренэ, как Пушкина Онегин», Владимира Валентовича. Владимир и Зинаида сравниваются в романе с архетипической парой Змей – Ева:

Как искуситель-змей, в чудесный рай манил он,
А я?.. я верила, что рай доступен вновь...

¹ В ранних светских повестях, как и в романах «Дневник девушки» (1838–1850) и «Счастливая женщина» (1851–1852) ошутимо присутствие автора. Эмоциональный настрой автора часто проявляется в субъективно-оценочных суждениях, лирических отступлениях, активном диалоге с читателем.

² «Поединок» Е. П. Ростопчиной вступает в своеобразный диалог с «Испытанием» А. А. Бестужева-Марлинского. Произведение писательницы, как и повесть ее современника, начинается с описания военного быта, в условиях которого находятся главные герои. Сюжеты повестей роднит центральный эпизод поединка двух друзей. Однако трагическое разрешение конфликта отличает повесть Е. П. Ростопчиной от оптимистичного финала произведения А. А. Бестужева-Марлинского.

³ О переключках с романом «Евгений Онегин», лирикой А. С. Пушкина и его отрывком «Гости съезжались на дачу» (1828, опублик. 1839), которые имеют в романе особую, сверхтекстовую природу, см. в нашей статье [Попова 2022].

Вновь мы видим редуцированную ветхозаветную историю. Если ранее Е. П. Ростопчина не давала характеристику райскому топосу, то в романе «Дневник девушки» рай получает номинацию «чудесный», что отсылает к первоначальному состоянию человека в Эдеме до грехопадения. Однако как может вернуть Еве рай тот, кто когда-то подтолкнул ее к преступлению божественной заповеди? Библейская аллюзия углубляет содержание произведения: Зинаида оказывается искушена пресытившимся светской жизнью Владимиром. Образ лишнего человека обретает черты злодея в романе Е. П. Ростопчиной, а движение героини к самопознанию возможно лишь через испытание любовью.

Параллельно Е. П. Ростопчина работает над поэмой «Любовь в Испании. Романсеро» (1839): «Эльвира, жена старого ревнивца, встречает молодого странника, сердце ее просыпается, она любит и страшится любви...» [Романов 2017: 160]. В поэме говорится о «земной» любви как о «змеёе», «волшебную тревогу» которой никто не в силах «укротить», однако утверждается и противоположное: женщине «бояться нечего», «если страстию почтительной и чистой / Поклонник искренний прикован в тайне к ней...» (III, 38). Это противоречие выражается в алогичном высказывании: «Я искушенья проклиная... / Но искушителя люблю!..» (III, 31) – антитезе библейскому: «... и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого» [Евангелие от Луки 2013: 1101]. Сформировавшаяся в произведениях петербургского периода сюжетная ситуация запретной любви станет важной составляющей авторского мифа поэтессы.

В лирическом цикле «Бальная сцена» (1841–1843) главная героиня Она – замужняя женщина, любящая анонимного Его, решает отречься от возлюбленного. Он, на протяжении всего вечера иронизирующий над Ее холодностью и осторожностью в свете, не может понять внутреннюю борьбу женщины между «раем сердечным» и «покоем». В последнем диалоге Она «проговаривает» свое окончательное решение:

ОН.

О!.. вы раскаетесь конечно,

Отвергнув гордо рай сердечный!..

ОНА.

Нет!.. Жизнь моя посвящена

Покою, думе одинокой!..

Далеко рай!.. Эдем высок...

Кто их сюда переманит?..

Свою судьбу кто победит?..

Страшна попытка! – Женской доле

Единый путь лишь к счастью дан:

Через церковь!! – Если же обман,

Холодность, пустоту, неволю

На том пути мы обрели,

Для нас все кончено!.. Прошли

Навек дни жизни сердца?.. Снова

Не предоставлен выбор нам...

Благополучия другого

Ждать не должны мы... пополам

Меж запрещенною любовью

И тяжким долгом жизнь делить;

Попрять чужую честь, – шутить

Чужою участью и кровью,

С собою двух других губить,

Грешно и страшно!...!

Замолчала...

<...>

Она забыла бал и свет,

И зрителя; – она, быть может,

Всю горечь многих грустных лет

Проговорила... (III, 141–142. Курсив наш. – М. П.)

Как видим, «рай сердечный», «дни жизни сердца» противопоставлены «судьбе», «женской доле» в произведении Е. П. Ростопчиной. Библейская аллюзия возникает в кульминационный момент исповеди героини. Риторические вопросы, восклицания, многочисленные паузы внутри и в конце строки, разрывающие или замедляющие движение стиха, способствуют созданию эмоционально-напряженного интонационного рисунка, который точно передает состояние героини, как физическое («Грудь её едва дышала, / И были слёзы на глазах...» (III, 142)), так и душевное («роковой скорби» о том, чему быть не суждено).

Вероятно, цикл «Бальная сцена» имел для Е. П. Ростопчиной особое значение. Один из эпиграфов к нему подписан специфическими для ростопчинских произведений символами: «Так вы сегодня и кланяться не намерены?..» (* ... * ...) (III, 124); перекликается с пер-

выми словами героя в цикле: «Вам не угодно даже взором / Меня почтить?» (III, 134). Мы, вслед за В. С. Киселёвым-Сергениным и Б. Н. Романовым, полагаем, что под символами «* ... *...», как и под криптонимом «N. N.» и литерами «X...X...», Е. П. Ростопчина скрывала имя А. Н. Карамзина [см. об этом: Киселёв-Сергенин 1994: 272; Романов 2017: 193].

Героини произведений петербургского периода творчества писательницы находятся в тупике: искушение мучительно для них, отказ же от него равносителен смерти, отпадению от «сердечного рая». Так, Эльвира уходит в Картезианскую обитель:

...где святые жёны
Жаживо отпеты песнью похоронной, –
Сами себе роют заступом могилу...
(III, 51).

Героиня Она в цикле «Бальная сцена» молится о себе «как об усопшей» после расставания с возлюбленным, просит «сна могильного» или «бесчувствия»; о Зинаиде же, главной героине романа «Дневник девушки», автор скажет в финале:

В гробу ли спит она иль украшает свет, –
Поверьте, всё равно: – уж прежней Зины
нет!!....
(III, 548).

К концу петербургского периода становится заметно, как от основного библейского мотива искушения разрастается «пучок мотивов» (Б. Н. Путилов) в произведениях Е. П. Ростопчиной. Мотивная структура любопытство – искушение – грехопадение, возникшая, как мы уже отмечали, в аннинский период творчества, образует следующую цепочку мотивов: наказание (добровольное заточение) – болезнь – смерть. Первую можно условно назвать триадой преступления, вторую – триадой наказания.

Невозможность запретной любви все больше мучила Е. П. Ростопчину, что отразилось на их отношениях с А. Н. Карамзиным

и состоянии ее здоровья. В начале 1844 года А. Н. Карамзин внезапно переходит из гвардейского полка в действующую армию на Кавказ. Е. П. Ростопчина в январе того же года сообщает в письме к М. П. Погодину: «Мое здоровье так расстроено, что я решительно отшельничаю, никуда не выезжаю, света не вижу и берегу последние силы свои...» [Ростопчина 1987: 284].

Связанные с грехопадением мотивы заточения, болезни и смерти будут развиты в произведениях *позднего московского периода творчества* (1845–1858). Узнавшая во время заграничного путешествия о женитьбе А. Н. Карамзина на Авроре Демидовой¹, а по приезде изгнанная царем из Петербурга за публикацию баллады «Насильный брак» (1845), Е. П. Ростопчина, вопреки всему, находится в состоянии небывалого творческого подъема. В это время, по словам писательницы, «труд все более и более становится необходимым условием и высшею потребностью» ее «духовной жизни» (из письма М. П. Погодину от 30 ноября 1853 года) [Ростопчина 1987: 301]. За период с 1845 по 1858 годы Е. П. Ростопчиной будет создано немало произведений разных жанров: от небольших элегий, дружеских посланий до сатирических комедий, психологических драм и романов.

В драме «Нелюдимка» (напис. в 1849 г., опубл. в 1850 г.) воссоздана ситуация добровольного заточения в глуши. Главная героиня Зоя уезжает жить с няней в деревню. Сюжет драмы представляет собой разыгрывание пари, которое предлагает своим друзьям молодой Валентин, решивший путем соблазна «за пятьсот червонцев» «в полгода» сделать Зою своей невестой:

Прекрасно!.. Браво!..
Теперь за мною дело!.. *Сатана!*
Ты мастер надувать и *соблазнять*,
По старой памяти, *всех внучек Евы...*
Будь в помощь мне!.. А я в тебя тогда
Уверю, – даю честное слово! (IV (I), 62)

¹ Символично и, вероятно, неслучайно Е. П. Ростопчина поедет практически по тому же европейскому маршруту, что и А. Н. Карамзин за 10 лет до ее семейного путешествия. См. об этом подробнее в альбоме Е. П. Ростопчиной [РГАЛИ. Ф. 433. Оп. 1. Ед. хр. 18].

Зоя же, отвергая всерьез влюбившегося в нее и забывшего о пари Валентина, произносит перед ним монолог-исповедь. Героиня признается, что уже любила «свято и безумно», «как любят в двадцать лет», одного графа по имени Юрий, и вопрошает:

...к чему всё это
 Мне послужило?... Бросили меня...
 На жертву принесли соображеньям
 Холодного рассудка... Заманили
 В какой-то рай, явленный на земле,
 И вдруг, – когда в рай я обжилась
 И свыклась с ним, – на землю без пощады
 Отринули меня...
 <...>
 И тот, кого другим я предпочла...
 И как раба служить была готова...
 Он от меня отрёкся!.. Он уехал...
 Он разлюбил... Утешился... Он счастлив!.. (IV (I),
 125–126)

Заметим, что рай в «Нелюдимке» уже не «чудесный», как в «Дневнике девушки». Неопределенное местоимение «какой-то рай» передает зыбкое состояние героини, прошедшей через испытание любовью. О том, как себя чувствовала девушка после исчезновения Юрия, читатель узнает из слов няни:

... Зоя наша изменилась
 Тогда совсем: бледна, худа, грустна,
 Всё плакала она, всё запиралась...
 Каких-то писем всё ждала... получит,
 И будто веселее станет ей;
 Начнёт ходить, читать... а писем нет –
 Она в постелью сляжет... Так тянулось
 Довольно долго... (IV (I), 83)

Таким образом, в драме «Нелюдимка» мотив искушения дважды становится сюжетообразующим: сначала Зою искушает Юрий, затем – Валентин. Перед нами все та же триада мотивов (любопытство – искушение – грехопадение), завершающаяся болезнью, а затем добровольным заточением героини в своем дальнем поместье.

Е. П. Ростопчина, как и ее героиня – нелюдимка Зоя, удалилась от света в подмосковное имение Вороново, где создавала свое произведение. Позднее, после публичного чтения

драмы на одной из московских суббот, писательница сообщила свои душевные мысли о героине в письме к М. П. Погодину: «Я нарочно наделила ее всеми прелестями и талантами, которых у меня нет, чтобы не сказали, что это я, но, конечно, во многом она наследовала мою опытность, мое воззрение на мир, и так как я главной целью своей полагала *истину*, в ней отразилось многое из того, что было пережито мною» [Цит. по: Барсуков 1986: 337. Курсив автора. – М. П.]. О том, что Е. П. Ростопчина в драме «высказала... историю своего сердца», писал А. Ф. Вельтман [см.: Ростопчина 1987: 291].

Свой жизненный опыт передаст писательница и Марине Ненской – главной героине романа «Счастливая женщина». В центре сюжета – любовная история Марины, в 18 лет отданной за 45-летнего знатного дворянина Ненского. На одном из светских раутов, будучи уже 23-летней дамой, почитаемой в свете «счастливейшею женщиной», Марина встречается с 26-летним Борисом Ухманским, только что вернувшимся из-за границы. Скоро они оба понимают значение этой встречи и влюбляются друг в друга.

В романе содержится пассаж, в котором дано развернутое сравнение Марины с архетипом Евы:

«Искушение парило уже над её безмятежною головою и, мало-помалу развёртывая перед нею соблазнительную логику своих умствований и наущений, играло в глубине её мыслей роль змея, соблаздившего Еву. Снова для Евиной правнучки в тысячном поколении свершалось испытанное столь многими дочерьми и внучками общей прародительницы – возобновлялась эта вечная драма женщины, тоскующей, пытливой и праздной, раздумывающей о своей участи и недовольной ею. Снова женщине надоедало её безбурное неведение, её неполное существование, и она начинала волноваться и колебаться, сманиваемая в мир познания всем её окружающим и всем в ней трепещущим. Древо добра и зла, пугающее сначала неопытных и понемногу заманивающее их под свою таинственную тень, вдвое привлекательную запрета ради, и манило её, и притягивало её издали обаятельными обетами... И тем опаснее было это обаяние, тем сильнее его навевание,

что бедная женщина изнемогла от сердечной усталости одиночества, от жажды и голода, утомивших её душу в аравийской пустыне её жизни, ничем и никем не населённой... Все причины женского падения, все ловушки и подкопы светской жизни окружали Марину...» [Ростопчина 1991: 20–21].

Историю Евы Е. П. Ростопчина называет «вечной драмой женщины», вновь употребляя номинации родственной близости с ней («Евины правнучки», внучки и дочери). В приведенном отрывке автор намекает на то, что демоническое начало уже присуще внутреннему миру героини: «Искушение... играло в глубине её мыслей роль змея, соблаздившего Еву» [Там же]. Повествуя о Марине-Еве, автор указывает на причины женского падения, подтолкнувшие героиню в «мир познания»: «безбурное неведение», «неполное существование», «усталь одиночества».

Марина Ненская начинает встречаться с Борисом, который прямо сравнивается в романе с демоном: «Марина, как только заметила, что Ухманский ей слишком нравится и может быть опасен тому невозмутимому спокойствию, которому она довольно обрекла себя в первые безрадостные дни своего замужества, – Марина вознамерилась удалить этого демона-соблазнителя своей души» [Ростопчина 1991: 42]. Поведение Бориса, действительно, в некоторых эпизодах похоже на демоническое соблазнение, он не может понять «борьбы женской гордости с страстью, почитаемой запрещённой» [Ростопчина 1991: 43].

Счастливой любви в романе не суждено сбыться: мать возлюбленного против его отношений с замужней женщиной. Когда же Борис покидает больную Марину, внезапно прервав их совместное путешествие, она умирает на чужбине.

Марину в её «падении», как и Еву, извиняет «природная слабость, преувеличенно-формальное и чисто внешнее представление о заповеди, наконец, непосредственно-чувственное впечатление от древа» [Лопухин 2009: 63].

Однако если Ева в раскаянии переносит ответственность на змея («Жена сказала: змей обольстил меня, и я ела» [Лопухин 2009: 64]), то Марина вместо самооправдания искренне раскаивается в своем письме к Борису.

Нами установлено, что роман «Счастливая женщина» на сюжетном уровне имеет ряд переключек с повестью О. де Бальзака «Дочь Евы» (1838)¹. Как и графиня Евгения де-Ванденесс, Марина вышла замуж за пресыщенного любовью и безграничной свободой человека, который был старше ее. Обе женщины, уже будучи замужними, влюбляются в других мужчин. Марина и Евгения оказываются схожи в своей нравственной чистоте. Обе они испытывают аналогичные чувства при сближении с объектом своей любви и одинаково действуют, отстраняя от себя одна – Бориса, другая – Рауля. Наконец, и название повести О. де Бальзака, и сравнения в ней отсылают к сюжету о грехопадении. В произведении французского автора Рауль не раз сравнивается с искусителем:

«Он очень хорошо играл роль змея-искусителя, и сверкал в глаза яркими цветами запрещённого плода. Евгения уехала с этого бала с угрызениями совести, которые походили на надежды, прельщённая комплиментами, льстившими её тщеславию, растроганная до самых глубоких изгибов сердца, и влекомая к пороку самую своей добродетелью, высоким соболезованием к несчастью» [Б. а. 1839: 38].

Один из значимых текстов (для понимания образов Бориса и Марины), к которому отсылает автор романа «Счастливая женщина», – неоконченная поэма М. Ю. Лермонтова «Сказка для детей» (1839–1841, опубл. 1842)²: «Лермонтов рассказал нам... как Демон воспитывал княжну в старинном доме и пустом зале её знатных предков. <...>... по тому обстоятельству, что его демон выбрал зеркало в подмогу и способ своего преподавания, можно заключить, что он был дух суетности и тщеславия, питатель женских прихотей и

¹ Е. П. Ростопчина была знакома с повестью О. де Бальзака, о чем свидетельствует цитата из нее, предпосланная в качестве эпиграфа к III части XIV главы («Светские искушения») романа «Дневник девушки». Отметим также, что первый перевод названия повести О. де Бальзака – «Графиня де-Ванденесс. История счастливой женщины» (1839) – переключается с названием романа Е. П. Ростопчиной.

² Ссылку на лермонтовскую поэму встречаем и ранее в эпиграфическом корпусе романа «Дневник девушки» (предваряет главу XIV «Светские искушения»).

женского самолюбия, и что княжна должна была выйти из его школы отличною кокеткой, посвящённой во все таинства науки света и общежития» [Ростопчина 1991: 23].

Роман Е. П. Ростопчиной имеет немало общего с поэмой М. Ю. Лермонтова. Действие произведений происходит в Петербурге. Героини принадлежат к столичной аристократии и представляют собой такие типажи женщин, которые, как отмечал Ю. Н. Чумаков (говоря, правда, помимо лермонтовской, и о героине неоконченного романа в стихах А. А. Григорьева «Отпетая» (1847)), «переступают порог дозволенного (у Лермонтова – в мечтах!), ведут себя как романтические натуры, не подвластные внешним обстоятельствам, живущие “мимо всех условий света” и обязанные самим себе как взлетами, так и падениями» [Чумаков 1987].

О сосредоточенности Е. П. Ростопчиной в 1850-е годы на ветхозаветной истории о первородном грехе свидетельствует ее письмо к Ю. Н. Бартеневу (24 сентября 1851 года): «Когда Сатана восхотел соблазнить Еву, то он поднёс ей яблочко, единое, и ради этого... яблочка Прабабушка соблазнилась, и обновила грех любопытства, которому все мы, ее внучки и правнучки, так теперь падки..... От этого случая произошло всё недоброе на земле; что же выйдет из стольких десятков яблок, которыми наделили вы меня..... И благодарить ли вас за него?... Хорошо, что вы уже известны как человек благонамеренный, а то я бы стала придумывать так-ли и кроется-ли каких-нибудь Сатанинских затей под этими вкусными, прозревшими яблоками, которые... мы едим за ваше здоровье, и в вашу похвалу» [РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 8 Ед. хр. 65. Орфография и пунктуация в авторской редакции. – М. П.]. Шутливый упрек Е. П. Ростопчиной своему адресату в виде указания на мораль ветхозаветной истории свидетельствует о том, что собственный миф стал для писательницы специфической оптикой, через которую она воспринимала действительность.

В 1854 году во время одного из сражений Крымской войны (на Балканах) погибает А. Н. Карамзин. Это событие Е. П. Ростопчина, наверное, так и не смогла пережить. Она умрет спустя 4 года от смертельной болезни, «первые страдания» которой, по словам ее

дочери Лидии, «уже два или три года» до этого начали «подтачивать» писательницу [Ростопчина 1912: 255]. За год до смерти Е. П. Ростопчина напишет стихотворение «Первый соблазнитель» (1857), в основе которого лежит библейский сюжет, вызревавший долгие годы в ее сознании, частично реализованный в рассмотренных нами выше произведениях.

Стихотворение построено в форме диалога между Женой и Змеем. Женщина (Жена) изображена в состоянии внутренней борьбы. Жену искушает падший ангел, который приходит к ней во снах:

Он бледен; гордое чело
Как будто тучей облекло...
<...>
Нет! он не светлый небожитель!..
Он черноок, он черновлас, ...
И взором пламенным не раз
Тебя [Жену. – М. П.] смущал твой соблазнитель!.. (II, 443)

Жена скрывает содержание снов от мужа и страшится, когда понимает, что о «вечном посетителе» ее грез знает Змей, под чьим обликом и скрывается демон. Искушение усиливается Змеем, подталкивающим Жену к нарушению «рокового запрета»:

Жена.
За яблоко... утратить рай...
Ведь глупо будет?..
Змей.
А как сладость
Неведомую ты вкусишь?..
Когда ты мигом воскресишь
Напрасно дремлющую младость?..
Когда и властью, и умом
Сравнишься вдруг ты с божеством?..
Когда лицом к лицу узнаешь
Того, о ком давно мечтаешь,
Пророческим забывшись сном?.. (II, 447–448)

Несколько раз Жена отказывается принять запретный плод, однако «любопытство верх берёт», и она уже называет «другом» того, по отношению к кому была враждебно настроена («Как смеет спрашивать змея?» (II, 433)), и просит сорвать для нее яблоко. Стихотворение оканчивается торжествующей речью Змея:

Взяла?!... Отведала?!... Прощай,
 Людей бессмертие и рай!..
 Впредь до приятного свиданья!..
 Отныне, смертных род, тебе
 Войну на век я объявляю
 И с первого урока знаю,
 Как побеждать тебя в борьбе!.. (II, 450)

В традиционный ветхозаветный сюжет Е. П. Ростопчина включает рассказ Жены об однообразной семейной жизни и признание в любви к падшему ангелу (Ср.: «Но искушителя люблю!..»). Стихотворение «Первый соблазнитель» строится на мотивной триаде преступления (любопытство – искушение – грехопадение), а в пророческих словах Змея звучит недвусмысленный намек на наказание смертью: «Прощай, / Людей бессмертие и рай!..» (Там же).

В поздний московский период творчества авторский миф в произведениях Е. П. Ростопчиной выполняет структурообразующую роль. В драме «Нелюдимка», романах «Дневник девушки» и «Счастливая женщина» отсылка к сюжету искушения Евы Змеем появляется в эпизоде завязки сюжета, героини перечисленных произведений, так же как и

Ева, находятся в состоянии психологического тупика – внутреннего смятения и борьбы.

На почве библейского мифа Е. П. Ростопчина к концу своей жизни конструирует собственный миф о вечно возобновляемой драме женщины. На протяжении более чем 20 лет писательница постепенно развивала сюжет, базирующийся на двух мотивных структурах (триады преступления и наказания). Процесс построения индивидуального мифа у Е. П. Ростопчиной совпадал с ее творческой динамикой: движение от одного этапа к последующему соотносится с возникновением образа рая в ее стихотворениях, дальнейшим «заселением» этого райского топоса персонажами (Ева, Адам, Змей), развитием мотивов, на которых основывается в позднем творчестве сюжет о грехопадении.

На формирование индивидуального мифа оказывали влияние внешние литературные факторы: обращение к ветхозаветной истории писателей-современников – А. С. Пушкина, А. А. Бестужева-Марлинского, М. Ю. Лермонтова, О. де Бальзака. Однако сильным толчком к этому все же, с нашей точки зрения, послужил личный опыт писательницы – ее отношения с А. Н. Карамзиным.

ИСТОЧНИКИ

- Белецкий, А. И. Эпизод из истории русского романтизма. Русские писательницы 1830–1860 гг. Харьков, 1919 / А. И. Белецкий // РО ИРЛИ РАН. – Фонд РІ. – Оп. 2. – Ед. хр. 44/1.
- Бестужев-Марлинский, А. А. Испытание / А. А. Бестужев-Марлинский // Русская светская повесть первой половины XIX века. – М. : Сов. Россия, 1990. – С. 15–74.
- Евангелие от Луки // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Российское Библийское Общество, 2013. – С. 1081–1126.
- Пушкин, А. С. Евгений Онегин / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 5. Евгений Онегин. Драматические произведения. – Л. : Наука, 1978. – С. 8–184.
- Ростопчина, Е. П. Альбом с записями мыслей Е. П. Ростопчиной, автографами А. Н. Майкова, Н. Ф. Щербини, Л. С. Пушкина и др., выписками из писем А. Н. Карамзина, из произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, О. Бальзака, И.-В. Гёте, Д.-Г. Байрона и многих других. На русском, французском, немецком, английском, польском языках / Е. П. Ростопчина // РГАЛИ. – Ф. 433. – Оп. 1. – Ед. хр. 18.
- Ростопчина, Е. П. Поединок / Е. П. Ростопчина // Русская романтическая новелла / сост., подготовка текста, вступ. статья и примеч. А. Немзера; худ. Б. Тржемецкий. – М. : Худож. лит., 1989. – С. 229–295.
- Ростопчина, Е. П. Собрание сочинений : в 6 т. / Е. П. Ростопчина; сост., подг. и коммент. А. М. Ранчина. – М. : Дмитрий Сечин, 2019–2020. – Т. 1. – 589 с.; Т. 2. – 783 с.; Т. 3. – 767 с.; Т. 4. Кн 1. – 599 с.
- Ростопчина, Е. П. Счастливая женщина. Литературные сочинения / Е. П. Ростопчина. – М. : Правда, 1991. – 448 с.
- Ростопчина, Е. П. Талисман : Избранная лирика. Драма. Документы, письма, воспоминания / Е. П. Ростопчина; сост. В. Афанасьев. – М. : Моск. рабочий, 1987. – 319 с.

ЛИТЕРАТУРА

- Барсуков, Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина : в 22 т. Кн. 10 / Н. П. Барсуков. – СПб. : Погодин и Стасюлевич, 1986. – 583 с.
- Гребнева, М. П. Женский взгляд на Флоренцию в повести Е. П. Ростопчиной «Палаццо Форли» / М. П. Гребнева // Филологический анализ текста : сб. науч. ст. Вып. V. – Барнаул : Типография администрации Алтайского края, 2004. – С. 123–129.

- Гребнева, М. П. Концептосфера флорентийского мифа в русской словесности : дис. ... д-ра филол. наук / Гребнева М. П. – Томск, 2009. – 348 с.
- Лопухин, А. П. Комментарий / А. П. Лопухин // Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета : в 7 т. Т. 1. – М. : Даръ, 2009.
- Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – М. : Изд-во «Мысль», 2001. – 561 с.
- Лотман, Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры / Ю. М. Лотман. – Таллин : Александра, 1992. – 479 с.
- Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М. : Наука, 1976. – 407 с.
- Осипова, Н. О. Творчество М. И. Цветаевой в контексте культурной мифологии Серебряного века / Н. О. Осипова. – Киров : Вят. гос. пед. ун-т, 2000. – 271 с.
- Попова, М. Ю. Динамика образа степи в творчестве Е. П. Ростопчиной / М. Ю. Попова, С. И. Ермоленко // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет, 2023. – № 1. – С. 27–42.
- Попова, М. Ю. «Безжизненная степь моею жизнью духовной наполнялась...»: аннинское уединение Е. П. Ростопчиной / М. Ю. Попова // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: Динамика художественных систем. – 2022. – № 4. – С. 9–20.
- Попова, М. Ю. «Пушкинский текст» в романе Е. П. Ростопчиной «Дневник девушки» / М. Ю. Попова // Пушкинские чтения – 22. Классическая и новая словесность в XXI веке: жанр, автор, текст, медиатизация : материалы XXVII Междунар. науч. конф. – СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2022. – С. 31–44.
- Ранчин, А. М. «Две встречи» Евдокии Ростопчиной: четыре редакции стихотворения и механизм создания литературного мифа / А. М. Ранчин // Поэзия филологии. Филология поэзии : сб. по материалам конференции, посвященной А. А. Илюшину. – Тверь : Изд-ль А. Н. Кондратьев, 2019. – С. 123–128.
- Романов, Б. Поэтесса, или Судьба Евдокии Ростопчиной : повествование в семи частях / Б. Романов. – М. : Русский мир, 2017. – 800 с.
- Ростопчина, Л. А. Семейная хроника (1812 г.) / Л. А. Ростопчина ; пер. А. Ф. Гретман. – М. : Звезда, 1912. – 286 с.
- Стручкова, В. В. Сохранный след. О сборнике стихотворений Е. П. Ростопчиной «Вы вспомните меня...» / В. В. Стручкова // Евдокия Ростопчина в отечественной культуре XIX–XXI вв. Первые Ростопчинские чтения. 12 декабря 2012 г. : сборник материалов. – Воронеж : Воронежская областная типография, 2013. – С. 134–143.
- Сушкова, Е. (Хвостова, Е. А.) Записки: 1812–1841 / Е. Сушкова. – Л. : Academia, 1928. – 446 с.
- Фрейденберг, О. М. Система литературного сюжета / О. М. Фрейденберг // Монтаж: Литература. Искусство. Театр. Кино. – М. : Наука, 1988. – С. 216–237.
- Чумаков, Ю. Н. Из онегинской традиции: Лермонтов и А. П. Григорьев / Ю. Н. Чумаков. – Текст : электронный // Пушкинские чтения в Тарту : тезисы докладов научной конференции. – Таллин, 1987. – С. 62–65. – URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/chumakov-iz-oneginskoj-tradicii.htm> (дата обращения: 01.08.2022).
- Шеллинг, Ф. В. Философия искусства / Ф. В. Шеллинг ; под общ. ред. М. Ф. Овсянникова. – М. : Мысль, 1966. – 495 с.

REFERENCES

- Barsukov, N. P. (1986). *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina: v 22 t.* [The Life and Works of M. P. Pogodin]: v 22 t. [Collected Works, in 22 vols]. Vol. 10. Saint Petersburg, Pogodin i Stasyulevich. 583 p.
- Chumakov, Yu. N. (1987). Iz oneginskoj traditsii: Lermontov i A. P. Grigor'ev [From the Onegin Tradition: Lermontov and A. P. Grigoriev]. In *Pushkinskie chteniya v Tartu : tezisy dokladov nauchnoi konferen-tsii*. Tallin, pp. 62–65. URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/chumakov-iz-oneginskoj-tradicii.htm> (mode of access: 01.08.2022).
- Freidenberg, O. M. (1988). Sistema literaturnogo syuzheta [Literary Plot System]. In *Montazh: Literatura. Iskustvo. Teatr. Kino*. Moscow, Nauka, pp. 216–237.
- Grebneva, M. P. (2004). Zhenskii vzglyad na Florentsiyu v povesti E. P. Rostopchinoi «Palatstvo Forli» [A Woman's View of Florence in the Novel by E. P. Rostopchina «Palazzo Forli»]. In *Filologicheskii analiz teksta : sb. nauch. st. Issue V*. Barnaul, Tipografiya administratsii Altaiskogo kraia, pp. 123–129.
- Grebneva, M. P. (2009). *Kontseptosfera florentiiskogo mifa v russkoi slovesnosti* [The Concept Sphere of the Florentine Myth in Russian Literature]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Tomsk. 348 p.
- Lopukhin, A. P. (2009). Kommentarii [Comment]. In *Tolkovaya Bibliya, ili Kommentarii na vse knigi Sv. Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta: v 7 t.* Vol. 1. Moscow, Dar".
- Losev, A. F. (2001). *Dialektika mifa* [The Dialectic of Myth]. Moscow, Izdatel'stvo «Mysl'». 561 p.
- Lotman, Yu. M. (1992). *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected Articles, in 3 vols.]. Vol. 1. Stat'i po semiotike i topologii kultury. Tallin, Aleksandra. 479 p.
- Meletinsky, E. M. (1976). *Poetika mifa* [The Poetics of Myth]. Moscow, Nauka. 407 p.
- Osipova, N. O. (2000). *Tvorchestvo M. I. Tsvetaevoi v kontekste kul'turnoi mifologii Serebryanogo veka* [Creativity of M. I. Tsvetaeva in the Context of Cultural Mythology of the Silver Age]. Kirov, Vyatskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 271 p.
- Popova, M. Yu. (2022). «Bezzhiznennaya step' moeyu zhiznuyu dukhovnoi napolnyalas'...»: anninskoe uединenie E. P. Rostopchinoi [“The lifeless steppe was filled with my spiritual life...”: Anninsky solitude by E. P. Rostopchina]. In *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Russkaya klassika: Dinamika khudozhestvennykh sistem*. No. 4, pp. 9–20.
- Popova, M. Yu. (2022). «Pushkinskii tekst» v romane E. P. Rostopchinoi «Dnevnik devushki» [“Pushkin's Text” in the Novel by E. P. Rostopchina “Diary of a Girl”]. In *Pushkinskie chteniya – 22. Klassicheskaya i novaya slovesnost' v XXI veke: zhanr, avtor, tekst, mediatizatsiya: materialy XXVII Mezhdunar. nauch. konf. Saint Petersburg, LGU im. A. S. Pushkina*, pp. 31–44.

Popova, M. Yu., Ermolenko, S. I. (2023). Dinamika obraza stepi v tvorchestve E. P. Rostopchinoi [Dynamics of the Image of the Steppe in the Work of E. P. Rostopchina]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*. No. 1, pp. 27–42.

Ranchin, A. M. (2019). «Dve vstrechi» Evdokii Rostopchinoi: chetyre redaktsii stikhotvoreniya i mekhanizm sozdaniya literaturnogo mifa [“Two Meetings” by Evdokia Rostopchina: Four Editions of the Poem and the Mechanism of Creating a Literary Myth]. In *Poeziya filologii. Filologiya poezii: sb. po materialam konferentsii, posvyashchennoi A. A. Ilyushinu*. Tver, Izdatel' A. N. Kondrat'ev, pp. 123–128.

Romanov, B. (2017). *Poetessa, ili Sud'ba Evdokii Rostopchinoi: povestvovanie v semi chastyakh* [The Poetess, or the Fate of Evdokia Rostopchina: a Narrative in Seven Parts]. Moscow, Russkii mir. 800 p.

Rostopchina, L. A. (1912). *Semeinaya khronika* (1812 g.) [Family Chronicle (1812)]. Moscow, Zvezda. 286 p.

Schelling, F. V. (1966). *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of Art]. Moscow, Mysl'. 495 p.

Struchkova, V. V. (2013). Sokhrannyy sled. O sbornike stikhotvorenii E. P. Rostopchinoi «Vy vspomnite menya...» [Saved Track. About the Collection of Poems by E. P. Rostopchina “You Will Remember Me ...”] In *Evdokiya Rostopchina v otechestvennoi kul'ture XIX–XXI vv. Pervye Rostopchinskie chteniya. 12 dekabrya 2012 g.: sbornik materialov*. Voronezh, Voronezhskaya oblastnaya tipografiya, pp. 134–143.

Sushkova, E. (Hvostova, E. A.) (1928). *Zapiski: 1812–1841* [Notes: 1812–1841]. Leningrad, Academia. 446 p.

Данные об авторе

Попова Мария Юрьевна – аспирант, ассистент кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: pop.masha2014@yandex.ru

Author's information

Popova Maria Yuryevna – Postgraduate Student, Assistant of Department of Literature and Methods of Its Teaching, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 12.04.2023; дата публикации: 30.06.2023

Date of receipt: 12.04.2023; date of publication: 30.06.2023

ПЕРЕПИСКА Л. Н. ТОЛСТОГО И А. И. ГЕРЦЕНА КАК КУЛЬМИНАЦИОННАЯ ТОЧКА ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Геронимус Е. М.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
(Москва, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-4063-7083>

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимоотношений Л. Н. Толстого и А. И. Герцена. В работе приводится краткий обзор предшествующих публикаций по обозначенной теме, прослеживаются все этапы личного и творческого диалога двух писателей. В задачи статьи входят изучение взаимоотношений Толстого и Герцена как до их личной встречи, так и после на основе их переписки; расшифровка и комментирование сохранившихся писем Толстого в Лондон за март-апрель 1861 года; устранение ошибок и «темных мест» в эпистолярном наследии. Письма Герцена изучены по архивным источникам, которые хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства. Автором статьи проясняются многие аспекты взаимоотношений корреспондентов, делается акцент на идейных и социально-политических взглядах двух писателей, показываются точки их соприкосновения и непримиримые разногласия. Отдельное внимание уделяется взглядам Герцена и Толстого на ситуацию в России, крестьянскому вопросу, их видению будущего страны. Отмечается роль Герцена в эволюции художественного гения Толстого. В статье даются подробные комментарии к некоторым фрагментам сохранившихся писем, которые до настоящего исследования оставались без пояснений, предлагаются различные варианты их трактовки, проясняются важные исторические факты.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой; А. И. Герцен; переписка; письма; комментарии; заграничное путешествие; манифест; Лондон; И. С. Тургенев

Благодарности: исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00661 «Переписка Л. Н. Толстого с русскими писателями, литераторами и публицистами. 1860-е годы», <https://rscf.ru/project/23-28-00661>.

Для цитирования: Геронимус, Е. М. Переписка Л. Н. Толстого и А. И. Герцена как кульминационная точка их взаимоотношений / Е. М. Геронимус. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 130–139.

THE CORRESPONDENCE BETWEEN L. N. TOLSTOY AND A. I. HERZEN AS THE CULMINATION POINT OF THEIR RELATIONSHIP

Evgenija M. Geronimus

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-4063-7083>

Abstract. The article analyzes the relationship between L. N. Tolstoy and A. I. Herzen. The paper presents a brief overview of previous publications on the topic and traces all stages of the personal and creative dialogue between the two writers. The aims of the article are to study the relationship between Tolstoy and Herzen both before their personal meeting and after on the basis of their correspondence; to decode and comment on Tolstoy's surviving letters to London for March-April 1861; and to eliminate errors and "blank spaces" in the epistolary heritage. Herzen's letters were studied from archival sources, which are stored in the Russian State Archive of Literature and Art. The author of the article clarifies many aspects of the correspondents' relationship, focuses on the ideological and socio-political views of the two writers, and shows their points of contact and irreconcilable differences. Special attention is paid to the views of Herzen and Tolstoy on the situation in Russia, the peasant question, and their vision of the country's future. The role of Herzen in the evolution of Tolstoy's artistic genius is noted. The article provides detailed comments on some fragments of the letters that have remained without explanation until this study, offers various variants of their interpretation, and clarifies important historical facts.

Keywords: L. N. Tolstoy; A. I. Herzen; correspondence; letters; comments; travel abroad; manifesto; London; I. S. Turgenyev

Acknowledgments: This work was carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00661 "Correspondence of L. N. Tolstoy with Russian writers and publicists. 1860s", <https://rscf.ru/project/23-28-00661>.

For citation: Geronimus, E. M. (2023). The Correspondence between L. N. Tolstoy and A. I. Herzen as the Culmination Point of Their Relationship. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 2, pp. 130–139.

Введение

Как личные, так и литературные взаимоотношения Л. Н. Толстого и А. И. Герцена очень необычны. На сегодняшний день существует ряд работ, освещающих эту проблему с разных ракурсов. Интерес к ней появился в начале XX века, когда Толстой был жив, а наследие Герцена еще не было опубликовано в полном объеме. Литературоведы, критики и публицисты того времени, получив возможность не только читать произведения знаменитого изгнанника, находившиеся под строжайшим запретом, но и писать о нем, стали отмечать различного рода сходства между своим известным современником (Л. Н. Толстым) и лондонским эмигрантом (А. И. Герценом).

Историк русской литературы В. Е. Чехихин, писавший под псевдонимом Ч. Ветринский, в 1908 году выпустил монографию, посвященную жизни и творчеству Герцена, в которой он сопоставил двух писателей, отметив их типологическое сходство: «Совпадение с мыслителем наших дней тут до того полно, точно Л. Толстой только развивает мысль, брошенную Герценом» [Ветринский 1908: 141]; «И донныне смелый скептицизм Герцена не превзойден ни одним русским писателем, только Лев Толстой идет рядом с ним, подрывая самые глубокие основы традиции и отживающего социального строя» [Ветринский 1908: 217]. Вслед за Чехихиным в своей книге

1911 г. «В мире идей и образов» В. П. Кранихфельд также отметил преемственность двух писателей: «Многими сторонами своей литературной деятельности Герцен как бы явился предтечей Толстого, во многом он определил последнего» [Кранихфельд 1911: 224].

Однако начало прошлого века лишь обозначает проблему взаимовлияния Толстого и Герцена, убедительно показывая близость обоих деятелей русской культуры. Обстоятельного пояснения этой идейной и творческой переклички дано еще не было. Неслучайно П. А. Сергеенко, автор мемуарного очерка «Толстой и Герцен», в котором вспоминаются беседы с Толстым о «Полярной звезде», в 1911 году писал: «Такой огромности факт, как отношение между Толстым и Герценом – этими орлами русской мысли – все еще находится во мраке неизвестности... И чем были Герцен и Толстой относительно друг для друга: "братьями", "чужаками" или даже "противниками"? В сущности, это до сих пор не выяснено надлежащим образом» [Сергеенко 1911: 5].

Лишь спустя двадцать лет эти два имени вновь встали рядом. В 1928 году, к столетию со дня рождения Толстого, вышла книга Н. Н. Арденса (псевдоним – Н. Н. Апостолов) «Лев Толстой и его спутники», в которой автор посвятил отдельную главу изучению взаимоотношений писателей на основе тогда еще не опубликованного эпистолярного и дневникового

материала. Немаловажным событием стала серьезная работа Н. Н. Гусева «Герцен и Толстой», появившаяся в герценовском томе «Литературного наследства» (т. 41–42) в 1941 году. Основанная на архивных материалах работа открыла множество новых сведений в изучении проблемы взаимоотношений Герцена и Толстого. Более того, Гусев впервые изучил и опубликовал сохранившиеся письма Толстого к лондонскому эмигранту, а также проанализировал все пометы и замечания, сделанные Толстым на страницах сочинений Герцена.

Бесспорно, этот труд Гусева является одним из основополагающих в исследуемой нами теме. Однако в нем, несмотря на всю авторитетность, комментируются лишь отдельные эпизоды взаимодействия Толстого и Герцена. И в настоящее время переписка литераторов прокомментирована не полностью – в нашей статье восполняется этот пробел.

Еще один серьезный труд, посвященный Герцену и Толстому, – книга С. А. Розановой «Толстой и Герцен», вышедшая в 1972 году. Исследовательница предлагает анализ всех этапов взаимоотношений двух писателей. В книге подробно описываются личные свидетельства, оставленные мыслителями по отношению друг к другу, показываются перекички между художественными произведениями авторов. Однако для этой важной научной работы характерны «особенности» и недостатки эпохи, в которую она была создана: роль социалистической революции в книге настолько велика, что порой закрывает основной предмет исследования.

Современные литературоведы почти не обращаются к рассматриваемой нами проблеме, несмотря на то, что она продолжает оставаться не до конца изученной. Нередко взаимоотношения Толстого и Герцена рассматриваются под каким-то одним специфическим углом зрения [Маслин 2012; Сливичкая 2007; Цирулев 2015]. В задачи данной статьи входят изучение взаимоотношений Толстого и Герцена как до их личной встречи, так и после на основе их переписки; расшифровка и комментирование сохранившихся писем Толстого в Лондон за март–апрель 1861 года; устранение ошибок и «темных мест» в эпистолярном наследии. В работе используются биографический, сравнительно-истори-

ческий и герменевтический методы. Ссылки на письма Герцена приводятся по архивным источникам, которые хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства.

Заочное знакомство Герцена и Толстого

Центром нашего исследования является переписка Толстого и Герцена за март–апрель 1861 года. Она становится в некотором смысле «кульминационной точкой» во взаимоотношениях двух писателей, поскольку завязывается после их встречи, состоявшейся в Лондоне в марте 1861 года. Заочное знакомство Толстого и Герцена началось намного раньше.

По приезду в ноябре 1855 года в Петербург Толстой, уже будучи автором принесших ему известность «Детства», «Отрочества» и «Севастопольских рассказов», попал в круг литераторов журнала «Современник». Молодой писатель косвенно оказался под герценовским влиянием: его друзей и соратников. Несомненно, основную роль в этом знакомстве сыграл И. С. Тургенев, который, судя по всему, уже вскоре (в декабре 1855 года) представил Толстого Н. П. Огареву, ненадолго приехавшему в Россию. Мы делаем этот вывод из письма, написанного Тургеньевым П. В. Анненкову от 9 (21) декабря 1855 года, в котором он пишет: «Вообразите: вот уже более двух недель как у меня живет Толстой (Л. Н. Т.) <...> Вы не можете себе представить, что это за милый и замечательный человек – хоть он за дикую ревность и упорство буйволообразное получил от меня название Троглодит. Я его полюбил каким-то странным чувством, похожим на отеческое. <...> Между прочим. Огарев здесь...» [Тургенев 1978–2014, т. 3: 73].

Более того, не стоит забывать, что Тургенев сам находился в непосредственной дружбе с Герценом, с ним он жил в феврале 1848 года в Париже. Тургеньева и Герцена связывала постоянная дружеская переписка. В письме от 29 октября (10 ноября) 1856 г. Тургенев писал: «Я и в России не скрывал, что знаю и люблю тебя, тем более могу я теперь смело сознаться в этом перед кем бы то ни было» [Тургенев 1978–2014, т. 3: 135]. Думается, что и перед Толстым Тургенев вполне мог не раз выражать свои чувства по отношению к старому

приятелю, тем самым зарождая в молодом соратнике интерес к Герцену.

Однако сын Толстого, С. Л. Толстой, в своей книге «Очерки былого» отметил, что в «начале 1850-х годов отец был предубежден против Герцена» [Толстой С. 1975: 113]. Несмотря на это «предубеждение», связанное с несоответствиями в политических воззрениях, Толстой с большим одобрением отзывался о литературной деятельности Герцена, о чем свидетельствует помета в дневнике от 4 ноября 1856 года: «Дочел “П[олярную] з[везду]”. Очень хорошо» [Толстой 1928–1958, т. 47: 98]. А уже в январе 1857 года Толстой предпринял первое заграничное путешествие, одной из целей которого был визит к Герцену. Это становится понятным из двух записей, сделанных Толстым примерно в одно время. 3 февраля 1857 года он отметил в дневнике: «Вспомнил постыдную нерешительность насчет бумаг к [Герцену], к[оторые] принес мне присланный по письму Колбасина Касаткин. Я сказал об этом Чичерину, и он как будто презирал меня» [Толстой 1928–1958, т. 47: 113]. С. А. Розанова убедительно прокомментировала эту запись, указав, что В. И. Касаткин, негласный корреспондент Герцена, за несколько дней до отъезда Толстого из России пришел к нему с рекомендательным письмом от Д. Я. Колбасина и просил передать для Герцена бумаги – материалы, предназначенные для «Голосов из России». Однако Толстой побоялся брать их. Чуть позже, 24 марта (5 апреля), Толстой написал Колбасину в письме: «Мне ужасно совестно и досадно, любезный Дмитрий Яковлевич, за то, что я, не зная таможенных порядков, побоялся исполнить ваше поручение» [Толстой 1928–1958, т. 60: 194]. Обе цитаты свидетельствуют, что желание посетить лондонского изгнанника у Толстого было. Об этом же говорит и переписка Тургенева с Герценом, которую они вели в феврале 1857 года, когда Толстой пребывал в Париже и тесно общался с Тургеневым. В письме к Герцену от 16 (28) февраля находим такие строки: «Толстой тоже будет в Англии; ты его полюбишь, я надеюсь, и он тебя» [Тургенев 1978–2014, т. 3: 194]. Герцен ответил Тургеневу 2 марта: «Очень, очень рад буду познакомиться с Толстым. Поклонись ему от меня, как от искреннего почитателя его таланта. Я читал его “Детство”, не

зная, кто писал, и читал с восхищением, но второго отдела не читал вовсе, нет ли у него. Если ему понравились мои “Записки”, то я вам здесь прочту выпущенную главу о Вятке и главу о Грановском и Кетчере» [Герцен 1962, т. 26: 77]. Отвечая на это письмо, Тургенев не только снова подтвердил желание Толстого посетить Герцена, но и отметил уже тогда ярко выраженную разнонаправленность политических взглядов двух писателей: «Толстому я передал твой привет; он очень ему обрадовался и велит тебе сказать, что давно желает с тобой познакомиться и заранее тебя любит лично, как любил твои сочинения (хотя он NB далеко не красивый)» [Тургенев 1987, т. 3: 197].

Позднее в письме к Тургеневу от 11 августа Герцен вновь упомянет имя автора «Детства» в контексте ожидаемой встречи: «Жду Толстого и тебя» [Герцен 1962, т. 26: 111]. Однако в эту заграничную поездку Толстой так и не посетил Лондон. Но несмотря лишь на заочное знакомство Толстого с Герценом, оба писателя испытывали большой интерес друг к другу.

Первая встреча и переписка двух знаменитых современников

2 июля 1860 года Толстой отправился в свое второе заграничное путешествие, в котором ему уже удалось навестить знаменитого эмигранта. Как пишет Гусев, «Толстой приехал в Лондон, вероятно, 2 марта 1861 г. (нов.ст.)» [Гусев 1941: 492], а уже в письме Герцена к Тургеневу от 7 марта мы встречаем такие строки: «Толстой – короткий знакомый; мы уж и спорили; он упорен и говорит чушь, но простодушный и хороший человек; даже Лиза Огарева его полюбила и называет “Левстой”. Что же больше? Только зачем он не думает, а все как под Севастополем, берет храбростью, натиском» [Герцен 1963, т. 27: 139]. К сожалению, Толстой во время своего визита в Лондон не вел дневник, а потому сведения об этой поездке почти не сохранились. Но спустя сорок лет, в 1904 году, Толстой будет вспоминать свое пребывание в Лондоне такими словами: «С Герценом я видался в бытность в Лондоне <...> почти каждый день, и были разговоры всякие и интересные. Записанного, кажется, ничего нет, впрочем, посмотрю в дневниках» [Толстой 1956, т. 75: 71]. Из переписки Толстого и Герцена становится очевидно, что разгово-

ры они вели в основном о внутривластном состоянии России, что не удивительно, так как это был период реформаторской деятельности Александра II, которая коренным образом изменила жизнь страны.

Толстой покинул Лондон 17 марта и отправился в Брюссель. Оттуда он написал свое первое письмо А. И. Герцену от 20 марта, которое производит несколько сумбурное впечатление. Толстой будто о многом недоговаривает. Н. Н. Гусев считал, что «все письмо написано под обаянием сильной, даровитой, родственной Толстому личности Герцена» [Гусев 1957: 404]. Здесь мы не можем согласиться с ученым в том, что Герцен для Толстого стал «родственной личностью». В первой фразе письма: «Чувствую потребность написать вам словечко, хотя, собственно, нечего мне сказать вам, любезный Александр Иванович...» [РГАЛИ: л. 1] – обнаруживается, с одной стороны, уважение, испытываемое Толстым по отношению к автору «Былого и дум», а с другой – некоторая холодность между ними, ведь сказать «собственно нечего». Толстой продолжает: «Хочется сказать, что я очень рад, что узнал вас, и что несмотря на то, что вы всё искали меня на том конце, на котором бы не должен быть никто по всем вероятностям...» [РГАЛИ: л. 1]. И именно это замечание, на наш взгляд, становится разгадкой в понимании дистанции, на которой они находились по отношению друг к другу. Думается, речь идет о политических разногласиях Толстого и Герцена. Толстой, действительно, не находился на том «конце» политической мысли, который представляли собой революционные демократы, в частности сам Герцен. Однако в 1861 году Толстой не был приверженцем и другой политической крайности – либеральной идеологии, яркими представителями которой были Б. Н. Чичерин и К. Д. Кавелин. Так, с Б. Н. Чичериным, который в 1857 г. был очень близок Толстому, они постепенно разошлись в разные стороны [Андреева 2023: 75–78].

В мемуарах Н. А. Тучковой-Огаревой, жены Н. П. Огарева, также содержится свидетельство о существовании разногласий между Толстым и Герценом, которые выражались в форме жарких дискуссий: «Когда мы вошли, граф Толстой о чем-то горячо спорил с Тургеневым. Огарев и Герцен тоже принимали уча-

стие в этом разговоре <...> Он (Толстой. – Е. Г.) часто имел горячие споры с Тургеневым, в которых они говорили друг другу весьма неприятные вещи» [Тучкова-Огарева 1929: 296]. Н. Н. Гусев небезосновательно отмечает, что эти воспоминания не совсем точны: «Споры с Тургеневым в доме Герцена у него быть не могло, так как Тургенева в Лондоне в то время не было» [Гусев 1941: 493]. Вероятно, речь все же идет о спорах с Герценом. Много лет спустя Толстой так объяснял причины «оврага», образовавшегося между ним и Герценом: «На мне были тогда надеты шоры, и я видел только то, чем увлекался тогда» [Русанов 1937: 166–167]. Но сказать, что Толстой был «глух» к происходившим социально-политическим изменениям, тоже нельзя. Толстой не видел выхода в революционно-освободительном переустройстве народной жизни, для него основным путем к обновлению страны было просвещение народа, чем он активно в эти годы и занимался. Ведь даже вторая заграничная поездка была устроена с целью изучения школьной европейской системы. Отсюда и последующая в письме фраза: «Дай-то бог, чтобы через 6 месяцев сбылись ваши надежды. Все возможно в наше время; хотя я и возможность эту понимаю иначе, чем вы» [РГАЛИ: л. 1–1 об.]. Политические взгляды Герцена предполагали благоприятное развитие реформы Александра II по освобождению крестьян, Толстой же смотрел на нее с большой долей скептицизма.

В первом письме есть еще одно место, которое представляет для нас интерес: «Тесье милый человек, но как он невозможно льстит в глаза. Я пробыл с ним долго, но не знаю его, такого он напустил льстивого дыму-чаду, что ничего разобрать нельзя...» [РГАЛИ: л. 1 об.]. Сиприен Мари Тесье дю Мотте – французский революционер-эмигрант, химик, близкий друг Герцена. Давая ему такую характеристику, Толстой, как нам кажется, опять выражает свою политическую позицию, но уже имплицитно. Дружба Герцена и Тесье завязалась не столько из-за схожести судеб (что, конечно, немаловажно), сколько из-за сходства политических и жизненных взглядов, которые Толстому, как мы уже пытались описать выше, были не близки. Толстой таким образом пытается показать всю иллюзорность и пустоту

герценовских «заблуждений». Ему кажется, что такие люди могут навести лишь путаницу и хаос, а не построить нечто твердое и основательное.

В отечественном литературоведении Тесье именовали Мари Эдмон Тесье дю Мотте, что представляет собой ошибку, которая и по сей день «кочует» из одного издания в другое. Настоящее имя Тесье дю Мотте – Сиприен Мари, среднее имя – Эдмон – является неподлинным. Такая ошибка закралась, видимо, в связи с тем, что Герцен, писавший о нем много в «Былом и думах», ни разу не упомянул его полное имя, обозначая своего знакомого лишь одной фамилией. В то время как рядом с ней часто соседствует имя другого приятеля Герцена, которого звали Эдмон: «Тесье и Edmond» переехали ко мне» [Герцен 1956, т. 10: 303].

Сближения и разночтения во взглядах Герцена и Толстого

К сожалению, ответные письма Герцена на послания Толстого не сохранились. Но можно предположить, что в первом ответном письме Герцен продолжил обсуждение будущего России. Во втором послании Толстого, датированном 26 марта 1861 года, есть такие слова: «Вы говорите, что я не знаю России. Нет, знаю свою субъективную Россию, глядя на нее со своей призмочки. Ежели мыльный пузырь истории лопнул для вас и для меня, то это тоже доказательство, что мы уже надуваем новый пузырь, который еще сами не видим. И этот пузырь есть для меня твердое и ясное знание моей России, такое же ясное, как знание России Рылеева может быть, в 25-м году. Нам, людям практическим, нельзя жить без этого» [РГАЛИ: л. зоб. – л. 4]. Эта цитата подтверждает, что спор между двумя мыслителями продолжался. Увлеченность корреспондентов и отстаивание ими своих позиций ощущаются при чтении писем. Однако Толстой находит и точки соприкосновения: в главном они с Герценом едины; обновление России – это их общее дело. Однако пути различны. Как уже говорилось выше, для Толстого «ясное знание» – это знание, что под «варварским патриархатом», затопившим Россию, еще сохранилось то неизвращенное, чистое крестьянское сознание, которое благодаря его народному

просветительству способно воскресить свой духовный потенциал, активно воздействующий на процесс истории. И именно в этом Толстой стал апологетом направления, против которого открыто выступал Герцен. Для лондонского революционера-демократа основным путем к «освобождению» России было решительное изменение всей структуры общества с опорой на революционное воспитание народа, который, как показывают современные исследователи, существовал в до-революционной России в удручающем положении, в обстановке невежества и часто полного недоверия к образованию и медицине [Христенко, Красовская 2019].

Более того, Толстой отмечал, что их с Герценом занимают одни проблемы, которые напрямую не всегда связаны с социально-политической повесткой, но решения их они видят по-разному. Так, Толстой пишет: «Ваша статья об Овене, увьи! слишком, слишком близка моему сердцу. Правда – *quand même* [однако. – Е. Г.], что в наше время возможно только для жителя Сатурна, слетевшего на землю, или русского человека. Много есть людей, и русских 99/100, к [оторые] от страха не поверят вашей мысли (и в скобках буде сказано, что им весьма удобно, благодаря слишком легкому тону вашей статьи. Вы как будто обращаетесь только к умным и смелым людям). Эти люди, т. е. не умные и не смелые, скажут, что лучше молчать, когда пришел к таким результатам, т. е. к тому, что такой результат показывает, что путь был не верен. И вы немного даете право им сказать это – тем, что на место разбитых кумиров ставите самую жизнь, произвол, узор жизни, как вы говорите. На место огромных надежд бессмертия, вечного совершенствования, исторических законов и т. п., этот узор ничто – пуговка на месте колосса. Так лучше бы было не давать им этого права. Ничего на место. – Ничего, исключая той силы, которая свалила колоссов» [РГАЛИ: л. 3 – л. зоб.]. Приведенный фрагмент письма свидетельствует о разном видении Толстым и Герценом как творческого процесса, так и смысла человеческой жизни.

Говоря об эстетическом разночтении, Толстой отмечает, что суть, то есть проблема статьи Герцена, ему близка и понятна, но тут же критикует ее за способ выражения: «в слиш-

ком легком тоне» обвиняется автор статьи «Об Оуэне»; не соответствует серьезное содержание статьи форме изложения. Для Толстого это принципиальный момент в вопросе выбора формы своих произведений. Ему близок и обличительный пафос этой статьи, направленный против западноевропейского буржуазного строя, но Толстой в корне не согласен с герценовской установкой, будто «человек живет не для совершения судеб, не для воплощения идеи, не для прогресса, а единственно потому, что родился, и родился для (как ни дурно это слово) для настоящего...» [Герцен 1957, т. 11: 249].

Далее в письме Толстой отмечает: «Как вам понравился манифест? Я его читал нынче по-русски и не понимаю, для кого он написан. Мужики ни слова не поймут, а мы ни слову не поверим. – Еще не нравится мне то, что тон манифеста есть великое благодеяние, делаемое народу, а сущность его даже ученому крепостнику ничего не представляет, кроме обещаний» [РГАЛИ: л. 4]. Речь здесь идет о манифесте об освобождении крестьян 19 февраля 1861 г., которым Толстой был в целом недоволен, он считал его мало разделяющим надежды и нужды именно крестьянства. Позиция Герцена, как уже можно догадаться, отличалась: в № 95 «Колокола» от 1 апреля 1861 г. Герцен опубликовал свою восторженную статью «Манифест!», в которой он приветствовал Александра II «именем освободителя» [Герцен 1958, т. 15: 52].

Несмотря на все вышеперечисленные разногласия во многих сферах жизни, есть нечто общее, что объединяет Герцена и Толстого и не дает им разойтись полностью, – это литература, художественное творчество. Толстой с большим уважением и почтением относился к создаваемым Герценом и Огаревым печатным изданиям. Более того, именно с Герценом Толстой делится своим замыслом по созданию нового романа: «Я затеял месяца 4 тому назад роман, героем которого должен быть возвращающийся декабрист» [РГАЛИ: л. 4–л. 40б.]. Герцен, в свою очередь, не оставлял без внимания творчество младшего соратника по перу. Становится очевидным, что во втором своем ответном письме Герцен всерьез оценивает замысел Толстого, так как в последнем сохранившемся письме

последнего в Лондон есть строки: «За слишком лестное мнение о мне не благодарю. Оно вредно» [РГАЛИ: л. 50б.].

Толстой не окончил этот роман. Однако именно работа над ним стала своего рода «подготовкой» к написанию «Войны и мира». Известно, что в двенадцатом варианте начала «Декабристов» есть такое описание Пьера: «Тем, кто знали князя Петра Кирилловича Б. в начале царствования Александра II, в 1850-х годах, когда Петр Кириллыч был возвращен из Сибири белым как лунь стариком, трудно было бы вообразить себе его беззаботным, бестолковым и сумасбродным юношей, каким он был в начале царствования Александра I, вскоре после приезда своего из-за границы, где он по желанию отца оканчивал свое воспитание» [Толстой 1936, т. 17: 472]. Отрывок этот свидетельствует о непосредственной преемственности между романом-эпопеей и начатым в 1860 году произведением о декабристе, политическую и духовную жизнь которого Толстой и хотел раскрыть в своем романе: «Декабрист мой должен быть энтузиаст, мистик, христианин, возвращающийся в 56 году в Россию с женою, сыном и дочерью и примеряющий свой строгой и несколько идеальной взгляд к новой России» [РГАЛИ: л. 40б.].

Более того, немецкая исследовательница Lina Steiner в статье «Tolstoy, Liberal and Pluralist: On 'Personality' and the Protagonist in "War and Peace"» небезосновательно отмечает, что Герцен оказал большое влияние не только на личные взгляды Толстого, но и на его художественные произведения: «Rather than seeking political liberty as such, this character transformed into a seeker after wisdom and freedom understood in much more spiritual and metaphysical terms, and the plot followed him. This transformation corresponds to Tolstoy's own work on defining his intellectual identity as he began working on War and Peace. In their sense, Tolstoy's first large-scale prose work became a genuine novel of education for him as an author and thinker. We can plot the changes in Tolstoy by referring to certain events in his life, most notably his visit to London in 1861, when he clearly fell under the spell of Herzen's charismatic personality, Yet, over the decade of the 1860s,

he gradually distanced himself from Herzen and his ideas»¹ [Steiner 2009: 425].

Комментируя последнее письмо Толстого к Герцену, посланное им в Лондон 9 апреля из Франкфурта, мы остановимся на нескольких, на наш взгляд, важных моментах. Толстой начинает послание с упоминания Тургенева, вместе с которым они должны были отправиться из Брюсселя в Лондон на устраиваемый Герценом в честь освобождения крестьян пир. Однако приезд не состоялся по причине болезни И. С. Тургенева. Толстой пишет так: «Но приезд этот, к несчастью, не последовал по случаю кашля и наклеенной мушки, над которой я не могу смеяться, ибо сам в то время был оклеен мушками» [РГАЛИ: л. 5]. Здесь стоит уточнить, что незадолго до этого 10 (22) марта Толстой получил от Тургенева письмо со словами: «Скажу Вам без обиняков, любезный Толстой, что Ваше письмо меня очень обрадовало, в нем выразилось окончание тех, если не неприязненных, то по крайней мере холодных отношений, которые существовали между нами» [Тургенев 1987, т. 4: 302]. Письмо, о котором пишет Тургенев, не сохранилось. Однако из приведенной фразы становится понятно, что отношения между Толстым и Тургеневым были не всегда ровными: упомянутые Толстым в письме к Герцену шпанские мушки, которыми Тургенев лечил себя от кашля, можно воспринимать как определенный маркер. Все знали об особенностях такого лечения. Рассказывать о нем, тем более третьему лицу, было не принято. Более того, Толстой с Герценом все-таки не был в близких дружеских связях, что еще раз свидетельствует о том, что говорить о таких подробностях было довольно смело. Бесспорно, Толстой смягчает тон, иронично подмечая, что «сам в то время был ими оклеен». Однако замечание Толстого о лечении Тургенева можно понимать не только как объяснение причины отмены визита, но и как некий

жест в сторону друга, с которым отношения порой достигали уровня «неприятных».

Также стоит обратить внимание на конец анализируемого письма: «Читали ли вы подробные положения о освобождении? Я нахожу, что это совершенно напрасная болтовня. Из России же я получил с двух сторон письма, в которых говорят, что мужики положительно недовольны. Прежде у них была надежда, что завтра будет отлично, а теперь они, верно, знают, что два года будет еще скверно, и для них ясно, что потом еще отложат и что всё это “господа” делают» [РГАЛИ: л. 50б. – л. 6]. Толстой будто бы вновь и вновь хочет доказать Герцену бессмысленность возлагаемых им надежд на царскую реформу. Он пытается это делать ненавязчиво, формулируя свои мысли в виде вопроса, а затем самостоятельно давая на него ответ. Стоит заметить, что через некоторое время Герцен действительно разочаруется в правлении Александра II и его освободительной реформе. Поворотными моментами для него станут вести о расстреле мирной манифестации в Варшаве 8 апреля и бездненской расправе.

Письма Толстого говорят о том, что обмен мнений в Лондоне касался самых разнообразных тем, сюжетов, которые поднимались обоими собеседниками на уровень значимых проблем времени. К большому сожалению, ответные письма Герцена Толстому не сохранились. На наш взгляд, Гусев справедливо полагает, что это произошло в связи с тем, что Толстой побоялся их привозить в Россию. Но, несмотря на отсутствие полной переписки, создается ясная картина ярких, порой непростых взаимоотношений двух мыслителей. Впоследствии Толстой больше никогда не встречался с лондонским изгнанником, но творческий и интеллектуальный диалог между ними сохранялся и продолжал развиваться. Март-апрель 1861 года стал для Герцена

¹ «Вместо того, чтобы искать политическую свободу как таковую, этот персонаж (Петр Лабазов – Е. Г.) превратился в искателя мудрости и свободы, понимаемых в гораздо более духовных и метафизических терминах, и сюжет следовал за ним. Эта трансформация соответствует собственной работе Толстого по определению своей интеллектуальной идентичности, когда он начал работать над «Войной и миром». В этом смысле первое крупное прозаическое произведение Толстого стало для него настоящим романом воспитания как автора и мыслителя. Мы можем проследить изменения в жизни Толстого, ссылаясь на некоторые события его жизни, особенно на его визит в Лондон в 1861 году, когда он явно попал под обаяние харизматичной личности Герцена и его идей» (перевод с англ. мой – Е. Г.).

и Толстого самым насыщенным отрезком в отношениях друг с другом. Несмотря на все противостояния и разночтения, Толстой и Герцен относились друг к другу с глубоким уважением. Непримиемые разногласия по поводу ряда вопросов не смогли разорвать обоюдный интерес писателей друг к другу. Неслучайно фотографические карточки, посланные Герценом вместе с первым ответным письмом в Брюссель, Толстой сохранил до конца своих дней.

Подводя итоги работы, отметим, что нами впервые представлен обзор научной литературы за последние сто лет по проблеме взаимоотношений Толстого и Герцена, которая до сих пор остается актуальной и во многом проясняется в нашем исследовании. В статье подробно изучено литературное окружение Толстого и Герцена, основательно изучен контекст их переписки, творческие и личные связи знаменитых современников, которые влияли на формирование и эволюцию их взглядов. В работе выстроены и выверены

этапы взаимоотношений Толстого и Герцена: заочное знакомство двух мыслителей, их переписка, происходившая в кульминационный момент взаимодействия, последующие краткие упоминания друг о друге с учетом полученного в результате общения опыта. Особенное внимание уделено нами анализу и комментированию сохранившихся писем Толстого к Герцену, включающих открытую полемику по вопросам социально-политической жизни страны и эстетических идеалов писателей. Внимательное и скрупулезное изучение архивных материалов – рукописных источников (писем Толстого к Герцену, письма Герцена не сохранились) – позволило сделать важные наблюдения за логикой развития мысли обоих писателей, коммуникативными стратегиями Толстого, показать, что, несмотря на разногласия во многих сферах жизни, художественное творчество объединяло Толстого и Герцена, не давало им разойтись полностью.

ИСТОЧНИКИ

- Герцен, А. И. Собрание сочинений : в 30 т. / А. И. Герцен. – М. : Академия наук СССР, 1954–1966.
 Российский государственный архив литературы и искусства. – Ф. 2197. – Оп. 1. – Ед. хр. 277. – Кол-во листов 6.
 Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / Л. Н. Толстой. – М. : Худож. лит., 1928–1958.
 Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / И. С. Тургенев. – М. : Наука, 1978–2014.
 Тучкова-Огарева, Н. А. Воспоминания / Н. А. Тучкова-Огарева. – Ленинград : Academia, 1929. – 544 с.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева, В. Г. «Любозный друг... не сердись за откровенность!»: переписка Л. Н. Толстого и Б. Н. Чичерина / В. Г. Андреева // Два века русской классики. – 2023. – Т. 5, № 1. – С. 54–83. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-54-83>.
 Арденс, Н. Н. Лев Толстой и его спутники / Н. Н. Арденс. – М. : Комиссия по ознаменованию столетия со дня рождения Л. Н. Толстого, 1928. – 259 с.
 Ветринский, Ч. Герцен / Ч. Ветринский. – СПб. : Тип. СПб. Т-ва Печ. и Изд. дела «Труд», 1908. – 532 с.
 Гусев, Н. Н. Герцен и Толстой / Н. Н. Гусев // Литературное наследство. Т. 41–42. – М. : Акад. наук, 1941. – С. 490–525.
 Гусев, Н. Н. Лев Николаевич Толстой, 1855–1869 / Н. Н. Гусев. – М. : Академия наук СССР, 1957. – 917 с.
 Кранихфельд, В. П. В мире идей и образов : в 3 т. Т. 1 / В. П. Кранихфельд. – СПб. : Типо-литогр. Акц. О-ва «Самообразование», 1911. – 304 с.
 Маслин, М. А. А. И. Герцен и русская философия / М. А. Маслин // Философия и общество. – 2012. – № 2 (66). – С. 159–177.
 Мендельсон, М. Герцен – Прудон – Толстой / М. Мендельсон // Литературное наследство. Т. 15. – М. : Акад. наук, 1934. – С. 282–286.
 Розанова, С. А. Толстой и Герцен / С. А. Розанова. – М. : Худож. лит., 1972. – 303 с.
 Русанов, А. Г. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом / А. Г. Русанов. – Воронеж : Ворон. обл. кн-во, 1937. – 190 с.
 Сергеенко, П. А. Толстой и его современники: Очерки: Герцен, Некрасов, Достоевский, Тургенев, Лесков, Чехов, Брайан, И. Кронштадский, Толстой и дети / П. А. Сергеенко. – М. : В. М. Саблин, 1911. – 283 с.
 Сливицкая, О. В. Л. Толстой и А. Герцен в противостоянии resentimentу / О. В. Сливицкая // Труды объединенного научного центра проблем космического мышления. – 2007. – Т. 1. – С. 570–623.
 Толстой, С. Л. Очерки былого / С. Л. Толстой. – Тула : Приокское книжное издательство, 1975. – 472 с.

- Христенко, Д. Н. Коллективизация и становление системы здравоохранения на селе / Д. Н. Христенко, Ю. В. Красовская // Самарский научный вестник. – 2019. – Т. 8, № 4 (29). – С. 200–204.
- Цирулев, А. Ф. О своеобразии «исторического» автобиографизма А. И. Герцена и принципах толстовского автобиографизма / А. Ф. Цирулев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 3–3 (45). – С. 192–194.
- Moss, Walter G. *Russia in the Age of Alexander II, Tolstoy and Dostoevsky* / Walter G. Moss. – London : Anthem press Publ., 2002. – 295 p.
- Steiner, L. Tolstoy, Liberal and Pluralist: On 'Personality' and the Protagonist in "War and Peace" / L. Steiner // *Russian History*. – 2009. – Vol. 36, No. 3. – P. 424–442.

REFERENCES

- Andreeva, V. G. (2023). «Liubeznyi drug... ne serdis' za otkrovennost'!»: perepiska L. N. Tolstogo i B. N. Chicherina ["Dear Friend... don't be Angry for Frankness!": Correspondence Between L. N. Tolstoy and B. N. Chicherin]. In *Dva veka russkoi klassiki*. Vol. 5. No 1, pp. 54–83. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-54-83>.
- Ardens, N. N. (1928). *Lev Tolstoy i ego sputniki* [Leo Tolstoy and His Companions]. Moscow, Komissiya po oznamenuvaniyu stoletiya so dnya rozhdeniya L. N. Tolstogo. 259 p.
- Gusev, N. N. (1941). Gertsen i Tolstoy [Herzen and Tolstoy]. In *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 41–42. Moscow, Akademiya nauk, pp. 490–525.
- Gusev, N. N. (1957). *Lev Nikolaevich Tolstoy, 1855–1869* [Lev Nikolaevich Tolstoy, 1855–1869]. Moscow, Akademiya nauk SSSR. 917 p.
- Khristenko, D. N., Krasovskaya, Yu. V. (2019). Kollektivizatsiya i stanovlenie sistemy zdruvookhraneniya na sele [Collectivization and the Formation of the Health Care System in the Countryside]. In *Samarskii nauchnyi vestnik*. Vol. 8. No. 4 (29), pp. 200–204.
- Kranichfeld, V. P. (1911). *V mire idei i obrazov: v 3 t.* [In the World of Ideas and Images, in 3 vols.]. Vol. 1. Saint Petersburg, Tipo-litografiya aktsionernogo obshchestva «Samoobrazovanie». 304 p.
- Maslin, M. A. (2012). A. I. Gercen i russkaya filosofiya [A. I. Herzen and Russian Philosophy]. In *Filosofiya i obshchestvo*. No. 2 (66). 2012, pp. 159–177.
- Mendelsson M. (1934). Gertsen – Prudon – Tolstoy [Herzen – Proudhon – Tolstoy]. In *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 15. Moscow, Akademiya nauk, pp. 282–286.
- Moss, Walter G. (2002). *Russia in the Age of Alexander II, Tolstoy and Dostoevsky*. London, Anthem press Publ. 295 p.
- Rozanova, S. A. (1972). *Tolstoy i Gertsen* [Tolstoy and Herzen]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 303 p.
- Rusanov, A. G. (1937). *Vospominaniya o L'Ve Nikolaeviche Tolstom* [Memories of Leo N. Tolstoy]. Voronezh, Voronezhskoe oblastnoe knigoizdatel'stvo. 190 p.
- Sergeenko, P. A. (1911). *Tolstoy i ego sovremenniki: Ocherki: Gertsen, Nekrasov, Dostoevskii, Turgenev, Leskov, Chekhov, Braian, I. Kronshtadskii, Tolstoy i deti* [Tolstoy and His Contemporaries: Essays: Herzen, Nekrasov, Dostoevsky, Turgenev, Leskov, Chekhov, Brian, I. Kronshtadsky, Tolstoy and the Children]. Moscow, V. M. Sablin. 283 p.
- Slivitskaya, O. V. (2007). Tolstoy i A. Gertsen v protivostoyanii resentimentu [L. Tolstoy and A. Herzen in Opposition to Ressentiment]. In *Trudy ob'edinennogo nauchnogo tsentra problem kosmicheskogo myshleniya*. Vol. 1, pp. 570–623.
- Steiner, L. (2009). Tolstoy, Liberal and Pluralist: On 'Personality' and the Protagonist in "War and Peace". In *Russian History*. Vol. 36. No. 3, pp. 424–442.
- Tolstoy, S. L. (1975). *Ocherki bylogo* [Essays of the Past]. Tula, Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo. 472 p.
- Tsirulev, A. F. (2015). O svoebrazii «istoricheskogo» avtobiografizma A. I. Gertsena i printsipakh tolstovskogo avtobiografizma [On the Originality of A. I. Herzen's "historical" Autobiography and the Principles of Tolstoy's Autobiography]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 3–3 (45), pp. 192–194.
- Vetrinsky Ch. (1908). *Gertsen* [Herzen]. Saint Petersburg, Tipografiya Sankt-Peterburgskogo pechatnogo i izdatel'skogo dela «Trud». 532 p.

Данные об авторе

Геронимус Евгения Михайловна – младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия).

Адрес: 121069, Россия, Москва, ул. Поварская, 25 а.

E-mail: geronimus1999@mail.ru.

Author's information

Geronimus Evgeniya Michailovna – Junior Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Дата поступления: 19.04.2023; дата публикации: 30.06.2023

Date of receipt: 19.04.2023; date of publication: 30.06.2023

ПОЭТИКА ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЭТИКА «СРЕДНЕЙ ЛИНИИ» В РОМАНАХ В. СКОТТА

УДК 821.111-31(Скотт В.). ББК Ш33(4Вел)5-8,44
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.2

Журавлева О. А.

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева
(Самара, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6390-5515>

Аннотация. На рубеже XVIII–XIX вв. аналитическая функция романа, нацеленная на описание нравов современников, распространяется на новую область – историческое прошлое, а сам роман как бы становится одним из жанров исторического исследования. Исторический тип романа неслучайно появляется в Англии, где социальные романы XVIII в. дали импульс интенсивному развитию традиции реалистического изображения действительности. Впервые историческая конкретность, которой не доставало прозе и драме на историческую тематику XVII–XVIII вв., появляется в романах В. Скотта. Новыми оказываются угол зрения, под которым рассматривается частная жизнь, соединение личного и общественного мотивов, концептуальное единство факта и вымысла, тип главного героя, интертекстуальность, детальность повествования.

Предмет статьи – поэтика художественной концепции исторических романов В. Скотта, определенная Г. Лукачем как «средняя линия». Выбор Скоттом «средней линии» в качестве метода построения композиции связывается, во-первых, с его концепцией исторического компромисса, во-вторых, с характерной для эпохи романтизма эпистемологической неопределенностью и понимается как отражение поиска всеобщей связи явлений, стремление к тотальности и синтетичности, свойственные романному мышлению.

Романы Скотта рассматриваются как составная жанровая модель, сочетающая черты авантюрного, рыцарского, готического, семейно-биографического романов, Bildungsroman, исторической хроники и др. Их полиродовая структура обусловлена образом главного героя: сочетающий романтические и реалистические черты, этот герой появляется в связи с развивающимся в эпоху модерна характерно романским представлением об автономии личности как о ценности. Находящаяся в центре повествования неисторическая личность выполняет медиаторскую функцию, композиционно соединяя хронотопы, обеспечивая контакт между вовлеченными в исторический конфликт группировками; ее путешествие, с одной стороны, связано с процессом самопознания, с другой стороны, носит антропологический характер, поскольку включает знакомство с различными представителями общества и движение через исторический и культурный ландшафт страны. Делается вывод о том, что роман Скотта является частью масштабного процесса романизации художественных форм в европейской литературе, своим рождением он обязан трансформации представлений о большой повествовательной форме: ее центром становится «средняя» личность, вокруг которой из разных жанровых форм собирается мир, соразмерный этой личности.

Ключевые слова: исторический роман; романтизм; реализм; Айвенго; Уэверли; В. Скотт; эпистемологическая неопределенность; романизация; личность; модерн

Для цитирования: Журавлёва, О. А. Поэтика «средней линии» в романах В. Скотта / О. А. Журавлева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 140–151.

THE “MIDDLE GROUND” POETICS IN W. SCOTT’S NOVELS

Olga A. Zhuravleva

Samara National Research University (Samara, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6390-5515>

Abstract. At the turn of the 18th–19th centuries, the analytical function of the novel, aimed at describing the mores of contemporaries, extends to a new area – the historical past; and the novel itself, as it were, becomes one of the genres of historical research. It is not by chance that the historical type of novel appears in England, where the social novels of the 18th century gave impetus to the intensive development of the tradition of realistic depiction of life. For the first time, historical concreteness, which was lacking in historical prose and drama of the 17th–18th centuries, appears in the novels of W. Scott. The historical novel combines such new features as the angle of view from which private life is considered, the combination of personal and social motifs, the conceptual unity of fact and fiction, the type of the main character, the intertextuality, and the detailed nature of the narrative.

The object of the study is the poetics of the artistic conception of W. Scott’s historical novels, defined by G. Lukacs as the “middle ground”. Scott’s choice of the “middle ground” as a method of constructing the composition is associated, firstly, with his idea of historical compromise, and secondly, with the epistemic uncertainty characteristic of the era of romanticism. It is seen as a reflection of the search for the universal connection between phenomena and as a striving towards totality and syntheticity typical of novel thinking.

Scott’s novels are considered as a composite genre model that combines the features of an adventure, chivalric, gothic, and biographical novel, a Bildungsroman, a chronicle, etc. Their polycode structure is conditioned by the image of the protagonist: combining romantic and realistic features, this character appears in connection with the idea of the autonomy of the individual as a value which is developed in the era of modernity. The non-historical personality, put in the center of the narrative, performs the mediation function, compositionally connecting chronotopes and providing contact between the groups involved in the historical conflict; their travel, on the one hand, is associated with the process of self-cognition; on the other hand, it is anthropological in nature because it is associated with acquaintance with various representatives of society and movement through the historical and cultural landscape of the country. The author concludes that Scott’s novel is part of a large-scale process of novelization of artistic forms in European literature; it owes its birth to the transformation of ideas about a large narrative form: it focuses on an “average” personality, around which a world commensurate with this personality is assembled from different genre forms.

Keywords: historical novel; romanticism; realism; Ivanhoe; Waverley; W. Scott; epistemic uncertainty; novelization; individual; modernity

For citation: Zhuravleva, O. A. (2023). The “Middle Ground” Poetics in W. Scott’s Novels. In *Philological Class.* Vol. 28. No. 2, pp. 140–151.

Литературоведение приписывает В. Скотту заслугу «открытия» жанра исторического романа («Вальтер Скотт создал, изобрел, открыл или, лучше сказать, угадал эпопею нашего времени – исторический роман» [Белинский 1976: 357]). Исторический роман в той форме, которую мы знаем в качестве классической, не существовал до Скотта, был представлен фрагментарно и не породил традиции, а более ранние экземпляры исторической прозы современников, такие как «Мученики, или Триумф христианской веры» (1809) Шатобриана, оказались заслонены многотомным творчеством Скотта. Авторы недавно вышедшей в свет отечественной мо-

нографии, посвященной исследованию вальтер-скоттовской традиции в русской литературе, подчеркивают, что жанровые принципы, разработанные Скоттом, легли в основу той парадигмы исторического романа, которая оказалась фундаментальной для всей европейской литературы [Творчество Вальтера Скотта в пространстве мировой культуры 2023: 8]. Британо-американская критика отводит Скотту роль одного из основоположников викторианской прозы, подразумевая, что его исторический роман оказал решающее влияние на развитие не только исторического жанра в европейской литературе, но и классического английского романа XIX в.

Критик Ф. Джеффри называет Скотта основоположником «новой школы выдумки» (a new school of invention), автором, который «обогастил английскую литературу тридцатью томами самого живого и оригинального сочинения на столетие вперед» [Jeffrey 1820]. О популярности романов Скотта в викторианской Англии свидетельствует замечание, сделанное в 1859 г. в одной из работ по истории британского романа литературным критиком Д. Мэссоном: «Вы, я уверен, не ожидаете от меня критики романов Уэверли. Мы все их знаем, и мы все наслаждаемся ими» [Masson 2007]. В то же время Дж. О. Хейден отмечает, что «интерес к романам Уэверли почти не снижался на протяжении большей части девятнадцатого века» [Hayden 1970]. Под влиянием романов Скотта викторианский роман оформился как «исторический роман о настоящем», а его описание образа жизни «простых людей» оказало глубокое влияние на последующее развитие прозы [Lodge 1992: 131]. М. МакАливи отмечает, что влияние Скотта на английскую литературу XIX в. было настолько велико, что некоторые романы Скотта стали прообразом вершинной формы викторианской литературы – хроники [McAleavey 2009: 233].

И. Феррис в «The Achievement of Literary Authority» настаивает, что одним из самых значительных достижений Скотта было возвращение роману позиций, которые он утратил после своего расцвета в середине XVIII в. Она заявляет, что романы Уэверли имели огромный успех у критиков и публики отчасти потому, что включали в себя элементы исторического письма и таким образом «утверждали чтение романов в качестве мужской практики», «перемещали роман из сублитературных маргиналий в литературную иерархию» [Ferris 1991: 1]. Из «женского» жанра, ранее представленного творчеством А. Радклиф, М. Эджуорт, Дж. Остин, Скотт создал «мужскую», т. е. «серьезную» в представлении публики того времени, форму художественной литературы путем ассимиляции в своем романе элементов эпоса, рыцарского романа, историографии и ряда других жанров. Полученная модель художественной литературы оказалась многомерной, более сложной и всеобъемлющей, чем раннереалистический роман нравов или *social novel*.

Г. Лукач замечает, что «историческому роману до Вальтера Скотта не хватает именно исторического мышления, другими словами, понимания того, что особенности характера людей вытекают из исторического своеобразия их времени» [Лукач]. До Скотта в литературе использовался преимущественно отвлеченный подход к изображению исторического времени: псевдоисторический роман XVII в. рассматривал историю в качестве формы, но не материала, как некую декорацию, в то время как содержание оставалось современным автору; драма классицизма, изображая исторические события и личность, стремилась найти в них типические черты (характеры), соответственно, ни о какой исторической достоверности не могло быть и речи. В частности, Лессинг, признавая важность исторических сюжетов для драмы, утверждал, что для драматурга история – только репертуар имен, с которым он может обращаться свободно, и не изображение определенной сущности исторически конкретной ситуации является целью исторической драмы, а изображение «вечных» свойств человеческого характера, соответственно, исторические лица могут интересовать драматурга лишь постольку, поскольку они «представляют собой готовые, уже очерченные и широко известные характеры, пластически выявляющие те свойства Человеческой природы, которые драматург намерен изобразить» [Фридлиндер 1957: 138–139].

Скотта нельзя назвать единоличным начинателем жанра, однако предпосылки формирования исторического романа, обозначившиеся в литературе барокко, обретают в его творчестве известную завершенность, послужившую складыванию внутренней меры жанра. Скотт вступил в литературу как «великий объединитель всего, что было сделано до него» [Maxwell 2012: 75]. Его роль – в органичном объединении существовавшей с XVII в. традиции повествования об исторических событиях с принципом историзма, выдвинутого романтизмом, продолжении тенденций, которые были заложены английским романом Просвещения (еще Филдинг называл себя историком буржуазного общества), развитии ряда формальных черт готического романа, соединении исторического факта и художе-

ственного вымысла. Синтетизм его исторической прозы, проявляющийся в усвоении ею разнообразных литературных – авантюрный и семейно-биографический роман, роман воспитания, готика, историческая драма, путешествие – и нелитературных – летопись, историческая справка – традиций, иллюстрирует основное качество романа как формы вообще: активные поглощение и трансформацию разнообразных художественных языков. Это свойство письма Скотта отмечает Бальзак, деля писателей на три условные литературные школы, одну из которых представляют «цельные» авторы, чей ум объедает все, и которые «ищут и лирики, и действия, драмы и оды, полагая, что совершенство требует полного обзора явлений. Эта школа [...] требует изображения мира *таким, каков он есть*: образы и идеи, идея в образе или образ в идее, движение и мечтательность» [Бальзак 1960: 79]. Скотт, если следовать взгляду Бальзака, писатель-электик, поскольку привнес в эпическую литературу такие художественные черты, как широкое изображение национальных обычаев и реальных исторических событий, драматизм действия, новое значение диалога в романе, одним из первых ввел в роман реалистическое изображение пространственно-временного своеобразия людей и отношений между ними в том числе посредством включения в текст прежде невозможных для литературы речевых форм, таких как просторечье и диалекты.

Поиск Скоттом формы, соразмерной новому представлению о человеке, мире, истории, приводит к тому, что поэтика его исторических романов питается сразу несколькими литературными направлениями. Рассмотрим составной родовой характер романов Скотта на примере «Айвенго» (1819). Как и другие исторические романы Скотта, «Айвенго» имеет два сюжета: первый – исторический, заимствующий материал из историографии и выступающий фоном для второго – сюжета частной жизни, в котором в наибольшей степени проявляется связь исторического романа со средневековым *romance*. «Айвенго» черпает «фоновый» сюжет из нейтрального фактического материала – событий истории Англии конца XII в., вражды саксов и норманнов во время правления Ричарда I. Из исто-

риографии переносятся в роман и немногочисленные исторические лица, не становясь, однако, центральными героями повествования. Одним из ведущих является авантюрный мотив путешествия героя и его испытания. Хронотоп дороги, характерный для романа как жанра вообще, играет в романе важную сюжетную роль, выступая местом встреч для представителей разных социальных групп и местом свершения событий. Рыцарская тематика, демонстрация героями сверхчеловеческой доблести, победа над обстоятельствами и мотив любви к прекрасной даме привносят в «Айвенго» дух рыцарского романа. Противопоставление двух женщин – блондинки-девушечки Ровены и экзотической страстной брюнетки Ревекки – связывает роман со средневековым рыцарским романом и романтической традицией. Из «черного романа» заимствован образ противника Айвенго – демонического злодея с готическими чертами. В дополнение к этим основным модусам повествования история еврея Исаака и его дочери Ревекки, образ сэра Ательстана, критический взгляд Скотта на насилие и кровопролитие героического века привносят в книгу сентиментальность, трагедию, комедию, элементы пикарески и сатиру соответственно. При этом обозначенные модусы существуют не в чистом сепарированном виде и могут особым образом накладываться друг на друга, как при взаимодействии сентиментального и трагического в истории Ревекки.

Большинство типичных для литературы первой трети XIX в. художественных форм – путешествие, историография, биография, сказка, исповедь, сатира, эссе, эпопея – за исключением, пожалуй, жанров дневника и романа в письмах, представлены в «Айвенго» в том или ином виде. Этим совмещением разнородного материала, помещением его в подходящую согласно канонам форму Скотт нарушает формальное предписание классицистической эстетики не смешивать художественные модусы. По словам самого автора, его целью было представить «ни рыцарский роман, ни рассказ о современных нравах», скорее «описание людей, а не манер» [Scott 1998: 4]. Это значит, что художественный мир романов Скотта может располагаться где-то между этими двумя полярными точками

спектра словесности, включая в себя различные литературные модусы с целью создания нового языка, адекватного новому взгляду на человека. Важно и то, что Скотт не хотел заявлять о себе как о приверженце ни традиции *novel*, ни традиции *romance* и называл свои произведения «романтической композицией» (*romantic composition*) – понятием, ускользающим от классификации. Само слово «роман» (*novel*) появляется у Скотта с целью обозначить новаторский характер произведений и отмежеваться от предшественников. Только с 1819 г. появляется тенденция указывать жанр – а *romance* – на титульной странице некоторых романов, таких как «Айвенго», «Монастырь» и др.

Художественная стратегия Скотта заключается в адаптации исторического события к формальной модели, заимствованной из романтической (*romance*) традиции. При столкновении вымышленных героев с реальными историческими событиями история сама подвергается обработке творческим сознанием, фикционализируется. Одновременно с этим вымышленные герои занимают место реальных исторических лиц, превращая последних во второстепенных персонажей, происходит включение в текст фольклорных и мифологических образов – в «Айвенго» это Робин Гуд и ведьма Ульрика. Таким образом, роман Скотта не отменяет и не подвергает сомнению условности рыцарского и готического романов, но становится как бы их историзированной, приведенной к эстетическим требованиям модерна версией. Там, где история накладывает формальные ограничения на повествование, Скотт преодолевает эти ограничения посредством включения в текст диалога, драматического действия, концентрации событий. Граница между фактом и вымыслом, исторической реальностью и романтической фантазией пересекается неоднократно и без учета последовательности. Дж. Керр замечает, «если история ниспровергает романтику, то романтика, в свою очередь, изменяет историю, не только смягчая и размывая ее резкие очертания, слегка меняя ее краски, но фактически заново изобретая прошлое, делая из истории новую историю» [Kerr 1989: 17]. В то время как Сервантес «Дон Кихотом» ставит точку в традиции рыцарского романа, Скотт

пытается найти новую компромиссную форму романа о Средневековье и потому сочетает реальное с чудесным на нейтральной территории, где фактический и вымышленный миры проникают друг в друга. Таким образом, роман Скотта, размывая анти-романтический (*anti-romance*), рациональный мир литературы Нового времени, выходит за жанровые границы и открывает новое художественное измерение – синтетическое.

Романы Уэверли открыли возможность органичного и целостного соединения художественного вымысла и исторической достоверности – союз, не представлявший интереса для литературы XVIII в. Так, А. де Виньи, рассуждая о роли факта в искусстве, пишет следующее: «Итак, если повсюду, вплоть до исторических хроник, мы находим следы этой склонности пренебречь достоверным ради идеала, я считаю, что с еще большим основанием мы должны совершенно равнодушно относиться к исторической достоверности при суждении о драматических произведениях: поэмах, романах или трагедиях, которые заимствуют у истории ее знаменитых деятелей. Искусство можно рассматривать лишь в его связи с идеалом прекрасного» [Литературные манифесты западноевропейских романтиков 1980: 152]. Вымысел и факт в романах Скотта составляют нерасторжимое единство и потому, как замечает Б. Г. Реизов, произвести операцию по разделению первого и второго над романами Скотта невозможно [Реизов 1971: 306]. Рубеж XVIII и XIX вв. демонстрирует сдвиг в понимании отношений правды и вымысла, и в романах Скотта, по свидетельствам современников тщательно изучавшего исторические документы, получают воплощение сложные конкретно-исторические отношения между человеком и действительностью, «правдивость колорита» в них является художественным свидетельством об исторической реальности.

Еще У. Годвин утверждал, что роман как тип письма обладает большим потенциалом в изображении человека и действительности, чем историография, и указывал на определенную субъективность исторического жанра, полагая, что «читатель впадает в жалкое заблуждение, если, читая историю, позволит себе вообразить, что читает факты» [Godwin].

Беллетризация истории – это более результативный способ создания нарратива о том, что по существу своему непознаваемо, поскольку способность романиста к обобщению позволяет ему сообщать нечто более глубокое нежели историк, ограниченный отдельным случаем. Роман перед историографическими жанрами имеет то преимущество, что его автор с помощью творческой обработки фактического материала (вымысла) способен наиболее полно постичь историческую действительность и формируемый ею характер. Вымысел, поскольку связан с упорядочиванием и трансформацией элементов реальности, способствует более глубокому постижению смысла исторических событий и придает им большую достоверность в рамках художественного целого произведения, тем самым создавая жизненный облик эпохи и нации. «Настоящая история», – замечает Годвин, – «состоит в том, чтобы обрисовать последовательный, человеческий характер, показать, как действует такой характер при сменяющихся друг друга обстоятельствах, показать, как характер развивается и ассимилирует новые субстанции, и как он распадается посредством катастрофы, в которую он естественным образом ввергается под действием собственной гравитации» [Godwin]. Похожую мысль встречаем у Белинского: «Когда мы читаем исторический роман Вальтера Скотта, то как бы делаемся сами современниками эпохи, гражданами стран, в которых совершается событие романа, и получаем о них, в форме живого созерцания, более верное понятие, нежели какое могла бы нам дать о них какая угодно история» [Белинский 1978: 326]. С этой точки зрения исторический роман оказывается миметичнее историографии, поскольку идет по пути исследования не разрозненных фактов, но их первопричин и связей между отдельными событиями, и не описывает характеры, но создает сложные человеческие образы в их динамике. Соединение фактического материала с вымыслом позволяет роману достичь известной целостности воссоздаваемой исторической эпохи.

Смысл, который сам Скотт вкладывал в понятие «роман» и его преимущества перед историческими жанрами, могут раскрыть его рецензии на современные издания ры-

царских романов, выходявшие в *Edinburgh Review* с 1803 по 1805 гг. Так, в обзоре 1803 г. переводов «Амадиса Галльского» (1508) Скотт рассматривает роман в качестве хранилища культурных обычаев и ценностей: «Популярный роман всегда в определенной степени сохраняет манеры эпохи, в которую он был написан» [Scott 1803: 132]. В рецензии 1805 г. на книгу Дж. Эллиса *Specimens of Early English Romance* (1790) он повторяет мысль о том, что (рыцарский) роман несет уникальное понимание прошлого, которое дополняет собственно историю: «Чтобы составить правильное представление о нашей древней истории... вымысел следует читать наряду с трудами мнимого историка. Первый учит тому, что думали наши предки: как они жили, по каким мотивам действовали и на каком языке говорили; и, достигнув этого глубокого знания их чувств, манер и привычек, мы, конечно, лучше подготовлены к тому, чтобы узнавать от других фактические подробности их летописей. Из романа мы узнаем, какими они были, из истории – что они сделали» [Scott 1805: 388]. Решающий фактор для Скотта здесь – интимность: роман дает то, чего не могут дать верные фактам исторические тексты, – понимание-переживание «чувств, манер и привычек» человека прошлого. Роман предлагает бесценный и уникальный взгляд на структуру чувств прошлого («какими они были»); этот взгляд должен быть объединен с фактической информацией о прошлом («что они сделали»), чтобы создать по-настоящему иммерсивный образ ушедшей эпохи. Этот прием – соединение истории и частной жизни – будет использован Скоттом в качестве формообразующего в его исторических романах.

Роман Скотта представляет собой новую литературную модель, главный принцип построения которой – соединение фактического материала и художественного вымысла, а в ее основе лежит конфликт двух противоборствующих исторических сил на фоне переходной эпохи. Двум сюжетам в романе соответствуют два связанных конфликта – надындивидуальный, выявляющий историческую динамику конфликт между старым порядком и прогрессом и внутренний конфликт главного героя, который оказывается случайным участником исторического конфликта. В. Я. Малкина сре-

ди основных характеристик жанра исторического романа определяет особый тип главного героя: «...частного человека, помимо воли вовлеченного в исторический кризис, поступки которого, обусловленные свободной волей или даже простой случайностью, в итоге способствуют осуществлению исторической необходимости» [Малкина 2008: 88].

В связи с обозначенным сюжетным дуализмом особую роль в композиции романов Скотта играет пограничная ситуация. Она возникает при столкновении двух противоположных формаций – наций и культур («Айвенго», «Обрученные»), религий («Пуритане»), политических партий («Уэверли»), обычаев и взглядов; в «шотландских» романах дополнительно появляется оппозиция экзотического «верха» (Шотландия) и цивилизованного «низа» (Англия) страны. Характер фабулы романов Уэверли определяется этой оппозицией: в основе конфликта лежит противоборство общественных сил, а протагонист, будучи в центре событий, движется в пограничной полосе между двумя сторонами и должен выбрать, к которой из них примкнуть. Поддерживая отношения с обоими лагерями, будучи вхожим в оба мира, герой выполняет посредническую функцию: фабула на «нейтральном материале» его личности и судьбы как бы приводит крайние противостоящие друг другу общественные силы к единому знаменателю.

Вообще говоря, типичный сюжет вальтер-скоттовского романа может быть описан как история англичанина или шотландца с равнин (*Lowlands*), который путешествует на север, в горную местность (*Highlands*), в значимый для национальной истории период, случайным образом принимает участие в ключевых исторических событиях и возвращается домой, измененный приобретенным опытом. Формула Скотта – больше, чем образец авантюрного романа или *Bildungsroman*, поскольку его герой одновременно пускается во внутреннее путешествие к себе и погружается в поток социально-исторических сил, по пути знакомясь с обширными территориями и социальными слоями. Все более удаляясь в ходе своего антропологического путешествия от англо-шотландской границы, герой движется через различные стадии обществен-

ного развития и тем самым устанавливает связь между современностью и героической древностью Британии. Сосуществование в романах различных темпоральностей, отмеченных взаимопроникновением старого и нового, воспроизводит культурный разрыв между традиционным гэльским обществом Шотландии и стоящей на пороге промышленной революции Англией, между якобитами и ганноверцами, а путешествие героя, таким образом, становится способом контакта регионов, сообществ и эпох.

Открытый Скоттом тип героя-медиатора, важнейшие новаторские черты характера которого «в первую очередь обусловлены его постоянным положением между» [Альтшуллер 1996: 16], будет появляться во многих исторических романах первой трети XIX в. Так, Петр Гринев принадлежит двум мирам – дворянскому и разбойничьему, в который попадает после пересечения границы «цивилизованного» и «варварского» миров. Андрий из «Тараса Бульбы» относительно свободно перемещается между казацким лагерем и осаждаемым городом, при этом оппозиция «свой – чужой» здесь приобретает особый сюжетобразующий смысл. Герой-медиатор позволяет автору соединить два основных хронотопа исторического (а позже – приключенческого) романа – «реальный» прозаический мир, служащий отправной точкой для странствий героя, обычно в этом качестве выступает дом, и мир «фантастический», наделенный романтическими чертами, – замок, лес, другая страна и т. п. У Скотта такое композиционное объединение является отражением глобальной художественной концепции «средней линии» (определение Г. Лукача), которая в том числе связывается нами с эпистемологической неопределенностью, характерной для эпохи романтизма.

Так, герой первого исторического романа Скотта Уэверли принадлежит английскому дворянскому роду и с детства находится между двух политических полюсов: его отцом, сторонником вигов, и верным тори дядей. Завязкой романа служит определение героя на службу в Шотландию, и здесь наблюдается проникновение в композицию исторического романа ряда сюжетобразующих мотивов из

romance посредством английского авантюрного романа (Дефо, Филдинг, Смоллетт), таких как путешествие, любовь к прекрасной даме, воспитание героя. Наличие двух миров – реального и идеального – указывает на романтический аспект романов Скотта. Выходец из мира прозаического Уэверли сталкивается с полуфантастическим миром архаического прошлого – равнинной Шотландией, где он примыкает к восстанию горцев, встречает *noble savage* Фергуса, его наделенную экзотической красотой и решительным характером сестру Флору, знакомится с рядом местных обычаев. Однако даже в ранних романах Скотта столкновение двух миров не превращается в конфликт идеала и действительности, характерный для литературы романтизма: напротив, в этом смысле романы Скотта в большей степени наследуют английскому раннереалистическому роману, противопоставлением миров подчеркивая сложный и противоречивый характер исторической действительности.

В предисловии к «Рассказы трактирщика» автор называет личность своего героя «совершенно лишенной интереса для читателя» и пишет следующее: «Уэверли, Браун или Бертрам в “Гае Мэннеринге” и Довел в “Антиквари” – родные братья; они очень приятные и очень бесцветные молодые люди. Мы полагаем, что и этот порок до некоторой степени вытекает из драматического принципа, на котором автор строит свои сюжеты. Его главные герои не столько действуют сами, сколько подвергаются воздействию обстоятельств, и их сходная судьба всегда складывается благодаря вмешательству второстепенных персонажей» [Скотт 1965: 529]. Недостаточная твердость убеждений не позволяет герою ни управлять ходом событий, ни принимать деятельного участия в борьбе и даже побуждает менять сторону конфликта (сам Скотт охотно указывает на «готовность, с какой Уэверли сперва примыкает к партии якобитов, а потом отрекается от нее в 1745 году» [Скотт 1965: 529]). Эта особенность героя осознается автором и даже является художественным приемом, позволяющим достичь определенных целей (недаром Скотт продолжает традицию «говорящих имен» и называет первого из своих героев «Уэверли» (от англ. *waver* – колебаться), т. е. «колеблющийся». Вместо того, чтобы выстраивать композицию

вокруг реальной исторической фигуры, как это делали историческая драма классицизма и барочный псевдоисторический роман, Скотт ставит в центр частное лицо – положительного, но малопримечательного героя «идеалистических» взглядов, преимущественно носителя светской культуры, добропорядочного гражданина, принадлежащего условному среднему классу, как правило, мелкопоместной аристократии («Герой” скоттовских романов – это всегда более или менее заурядный английский дворянин» [Лукач]), что позволяет избежать как его чрезмерной вовлеченности в крупные исторические события, так и полной непричастности к ним, всегда молодого, наивного и неопытного, то есть характер, не определившийся, находящийся на пути становления, «воспитания». Этот невыразительный идущий по срединному пути герой, чья личность принесена в жертву возможности «ввести описание военной резиденции шевалье, подробности сражения при Престоне и т. д.» [Скотт 1965: 529], оказывается идеальным протагонистом, отзываемым на всякое колебание событий, «вроде тростинки, послушной любому ветерку» [Скотт 1965: 530]. Благодаря неопределенности характера, известной пассивности и медиаторству для романиста такой герой оказывается носителем идеальной точки зрения на сложные исторические события, которые с его помощью могут быть показаны полно и разносторонне без насилия над композицией и с включением сцен как общественной, так и частной жизни. Для того чтобы задержать стремление целого к развитию, развернуть перед читателем картину окружающего мира, по словам Гете, «герой романа должен быть пассивным или, во всяком случае, не слишком активным» [Поспелов, Лукач 1935: 799]. Географическая и культурная «невинность» героя, его статус чужеземца в новом пространстве, позволяет Скотту решить проблему изображения повседневности исторической эпохи, становясь поводом для введения как исторического комментария и обширных описаний, так и множества деталей, которые проходят через сознание героя и отраженно, в качестве впечатления, преподносятся читателю, создавая целокупный образ повседневной жизни. Так происходит открытие образа частной незаинтересованной личности в зависимости ее судь-

бы и сознания от хода исторического времени. Несмотря на важность для фабулы исторической ситуации, нервом романа становится не переломный момент в истории нации, но личные перипетии в жизни героя, изображенные в их связи с меняющейся эпохой.

Этим же продиктован отказ Скотта от вывода на первый план крупной исторической личности: наличие такой монолитной фигуры в центре повествования ограничило бы тот широкий круг жизни, к описанию которого стремится автор, наделило бы образы известной дистанцией. В то время как герои эпоса, эти «цельные индивиды, которые блестяще соединяют в себе все то, что рассеяно по частям в национальном характере», имеют право «быть поставленными на вершину и рассматривать важнейшие события в связи со своей индивидуальностью» [Гегель 1973: 245], герои Скотта, даже будучи национально-типическими характерами, не претендуют на поэтическое обобщение, так как являются посредственными представителями прозаической жизни, чье девственное сознание сталкивается с неоднозначной действительностью. Их повседневность не может быть заслонена или подавлена историческими событиями, поскольку те являются только фоном для коллизии частной жизни (ср.: «герой эпопеи есть сама жизнь, а не человек» [Белинский 1978: 305]). Историческая концепция, которой придерживается Скотт, – это, по выражению Лукача, «средняя линия». Эта тенденция отражается как на способе организации сюжета, так и на выборе главного героя, чье социальное положение нельзя назвать иначе как среднее; она позволяет создавать такие образы, которые не овнешнены и не завершены, не являются обобщающими и не совсем равны себе, словом, образы, не лишенные жизненной правды. Выдающийся исторический деятель не может стать центральным героем романа именно потому, что сущность эпохи несравнимо шире его личности и его поступков и может быть извлечена только из повседневной жизни представителя народа. Еще Лессинг указывал на эту способность героя-обывателя вызывать у читателя больший интерес нежели историческая фигура: «Имена принцев и героев могут придать пьесе пышность и величие, но нисколько не способ-

ствуют ее трогательности. Несчастья тех людей, положение которых всего ближе к нашему, естественно, всего сильнее действуют на нашу душу, и если мы сочувствуем королям, то просто как людям, а не как королям» [Лессинг 2017: 520].

Те же демократическая тенденция и стремление к тотальности проявляются в разветвленной системе персонажей. Скотт, не имевший, по выражению Пушкина, «холопского пристрастия к королям и героям», охотно и с равным тщанием изображает представителей разных социальных групп – королей и możенников, трактирщиков и военачальников, крестьян и солдат, торговцев и воров («Король, брат короля, кронпринц, князь церкви, дворянство, магистрат, бюргеры и ремесленники, горцы – все они написаны одинаково уверенной рукой и одинаково метко очерчены» [Эккерман 1986: 255–256]). Разнообразие персонажей приводит к разнообразию речевых форм: известно, что Скотт, хорошо знакомый с говором и фольклором равнинной Шотландии, стремясь к достоверной исторической реконструкции, в своих романах активно воспроизводил диалекты, просторечья и архаизмы. На уровне языка разворачивается исторический конфликт: так, в «Айвенго» диалог Вамбы и Гурта о германских названиях животных (*swine*, *cow*) и норманнских названиях их мяса (соответственно *pork*, *beef*) иллюстрирует конфликт между саксами и норманнами и компромисс, приведший к рождению единого английского языка.

Обращает на себя внимание анонимность, сопровождавшая первые романы Скотта и принесшая ему прозвище “the Great Unknown” – «Великий Неизвестный». Согласно распространенной версии, анонимная публикация романов и сопровождавшие ее догадки о фигуре автора были своего рода маркетинговым ходом, нацеленным на пробуждение у публики интереса к новинкам. Однако, как нам кажется, нежелание указывать свое имя – это в равной степени нарративная стратегия, означающая переход, а затем и порывание со стратегиями предшественников. С помощью этого приема автор исключает себя как реальное лицо из повествования, превращает личный опыт в безличный вымысел и даже делает осторожную

попытку изменить фокализацию. В романе изначально точка зрения находится у автора, но она постепенно покидает его и со временем оказывается в сознании некоторых важных персонажей. Так, в «Айвенго» основной способ повествования – голос автора-рассказчика. Однако по ходу повествования автор-рассказчик позволяет своему голосу перемежаться и заслоняться аргументами, объяснениями и точками зрения центральных персонажей. В частности, образ рыцарства, саксонской и нормандской наций, угнетение евреев во многом формируются с точки зрения, посредством сознания героев. Этот прием позволяет Скотту обнаружить неизбежное столкновение противоположных взглядов на проблему и попытаться привести их к компромиссу. Проблема рыцарства, так или иначе поднимаемая на протяжении всего романа, становится

темой долгого разговора между Айвенго и Ревеккой во время осады замка Фрон де Беф в главе XXIX, где использование внутренней точки зрения играет значительную семиотическую роль. Противоречивость феномена рыцарства вскрывается в тексте с помощью интеллектуального столкновения двух противоположных взглядов на него: романтической позиции Айвенго, идеального рыцаря, и реалистической позиции Ревекки, называющей рыцарство «демоном тщеславия». Однако это столкновение ведет не к ниспровержению одной из точек зрения, но к их примирению, которое здесь выступает метафорой примирения сторон общественного конфликта и, в свою очередь, способствует рождению единой британской нации, в которой находится место даже для угнетенных социальных групп, таких как иудеи.

ЛИТЕРАТУРА

- Альтшуллер, М. Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов / М. Альтшуллер. – СПб : Академический проект, 1996. – 340 с.
- Бальзак, О. де. Собрание сочинений : в 24 т. Т. 24: Литературно-критические статьи / О. де Бальзак ; пер. с фр. Р. Линцер. – М. : Правда, 1960. – С. 70–162.
- Белинский, В. Г. Собрание сочинений : в 9 т. Т. 1: Статьи, рецензии и заметки 1834–1836 / В. Г. Белинский. – М. : Худож. лит., 1976. – С. 734–736.
- Белинский, В. Г. Собрание сочинений : в 9 т. Т. 3: Разделение поэзии на роды и виды / В. Г. Белинский. – М. : Худож. лит., 1978. – С. 294–350.
- Гегель, Г. В. Эстетика : в 4 т. Т. 3 / Г. В. Гегель ; пер. с нем. П. С. Попова. – М. : Искусство, 1973. – 623 с.
- Лессинг, Г. Э. Гамбургская драматургия / Г. Э. Лессинг ; пер. с нем. И. П. Рассадина. – М. : Книга по Требованию, 2017. – 527 с.
- Литературные манифесты западноевропейских романтиков / Собрание текстов, вступ. ст. и общ. ред. А. С. Дмитриева. – М. : МГУ, 1980. – 639 с. – Сер. «Университетская 6-ка».
- Лукач, Г. Исторический роман / Г. Лукач. – Текст : электронный // Литературный критик. – 1937. – № 7, 9, 12; 1938. – № 3, 7, 8, 12. – URL: <http://mesotes.narod.ru/lukacs/hist-roman/histroman-sod.htm> (дата обращения: 09.03.2023).
- Малкина, В. Я. Исторический роман / В. Я. Малкина // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н. Д. Тмарченко. – М. : Издательство Кулагиной ; Intrada, 2008. – С. 87–88.
- Поспелов, Г. Роман / Г. Поспелов, Г. Лукач // Литературная энциклопедия : в 11 т. Т. 9. – М. : ОГИЗ РСФСР ; Госин-т «Сов. энцикл.», 1935. – С. 773–832.
- Реизов, Б. Г. История и вымысел в романах Вальтера Скотта / Б. Г. Реизов // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1971. – Т. XXX, вып. 4. – С. 306–311.
- Скотт, В. Рассказы трактирщика / В. Скотт ; пер. с англ. Л. Ю. Виндт // Собрание сочинений в двадцати томах. Т. 20. – М. ; Л. : Художественная литература, 1965. – С. 527–594.
- Творчество Вальтера Скотта в пространстве мировой культуры : коллективная монография / ред. И. О. Волков. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2023. – 140 с.
- Фридлиндер, Г. М. Лессинг. Очерк творчества / Г. М. Фридлиндер. – М. : Гослитиздат, 1957. – 240 с.
- Эккерман, И. П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / И. П. Эккерман ; пер. с нем. Н. Манн. – М. : Худож. лит., 1986. – 669 с.
- Ferris, I. The Achievement of Literary Authority: Gender, History, and the Waverley Novels / I. Ferris. – Ithaca : Cornell Univ. Press, 1991. – 261 p.
- Godwin, W. Of history and romance / W. Godwin. – URL: www.english.upenn.edu/~mgamer/Etexts/godwin.history.html (mode of access: 09.03.2023). – Text : electronic.
- Hayden, J. O. Introduction. Scott: The Critical Heritage / J. O. Hayden. – New York : Barnes and Noble, 1970. – P. 1–23.
- Jeffrey, F. Ivanhoe: A Romance, By the Author of 'Waverley' / F. Jeffrey // The Edinburgh Review. – Jan. 1820. – Vol. 65. – P. 1–54.
- Kerr, J. Fiction against History: Scott as Storyteller / J. Kerr. – Cambridge : Cambridge UP, 1989. – 151 p.

- Lodge, D. *The Art of Fiction* / D. Lodge. – New York : Viking Penguin, 1992. – 224 p.
- Masson, D. *British Novelists and Their Styles: Being a Critical Sketch of the History of British Prose Fiction* / D. Masson. – Whitefish : Kessinger Publishing, 2007. – 320 p.
- Maxwell, R. *The Historical Novel in Europe, 1650–1950* / R. Maxwell. – Cambridge : Cambridge UP, 2012. – 332 p.
- McAleavey, M. *Behind the Victorian Novel: Scott's Chronicles* / M. McAleavey // *Victorian Studies*. – Winter 2009. – Vol. 61, No. 2. – P. 232–239.
- Scott, W. Rev. of *Amadis de Gaul*, by Garcí Rodríguez de Montalvo, trans. by Robert Southey and William Stewart Rose / W. Scott // *The Edinburgh Review*. – Oct. 1803. – No. 5. – P. 109–136.
- Scott, W. Rev. of *Chronicles of England, France, and the Adjoining Countries, from the Latter Part of the Reign of Edward II to the Coronation of Henry IV*, by J. Froissart, ed. and trans. by T. Johnes / W. Scott // *The Edinburgh Review*. – Jan. 1805. – No. 10. – P. 347–362.
- Scott, W. *Waverley; or, Tis Sixty Years Since* / W. Scott. – Oxford and London : Oxford Univ. Press, 1998.

References

- Altshuller, M. (1996). *Epokha Val'tera Skotta v Rossii. Istoricheskii roman 1830-kh godov* [The Era of Walter Scott in Russia. Historical Novel of the 1830s]. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt. 340 p.
- Balzac, O. de. (1960). *Sobranie sochinenii: v 24 t.* [Collected Works, in 24 vols.]. Vol. 24: Literaturno-kriticheskie stat'i. Moscow, Pravda, pp. 70–162.
- Belinsky, V. G. (1976). *Sobranie sochinenii: v 9 t.* [Collected Works, in 9 vols.]. Vol. 1: Stat'i, retsenzii i zametki 1834–1836. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 734–736.
- Belinsky, V. G. (1978). *Sobranie sochinenii: v 9 t.* [Collected Works, in 9 vols.]. Vol. 3: Razdelenie poezii pa rody i vidy. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 294–350.
- Dmitriev, A. S. (Ed.). (1980). *Literaturnye manifesty zapadnoevropeiskikh romantikov* [Literary Manifestos of Western European Romantics]. Moscow, MGU. 639 p.
- Ekkerman, I. P. (1986). *Razgovory s Gete v poslednie gody ego zhizni* [Conversations with Goethe in the Last Years of His Life]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 669 p.
- Ferris, I. (1991). *The Achievement of Literary Authority: Gender, History, and the Waverley Novels*. Ithaca, Cornell Univ. Press. 261 p.
- Fridlender, G. M. (1957). *Lessing. Ocherk tvorchestva* [Lessing. Essay on Creativity]. Moscow, Goslitizdat. 240 p.
- Gegel, G. V. (1973). *Estetika: v 4 t.* [Aesthetics, in 4 vols.]. Vol. 3. Moscow, Iskusstvo. 623 p.
- Godwin, W. (1797). *Of History and Romance*. URL: www.english.upenn.edu/~mgamer/Etexts/godwin.history.html (mode of access: 09.03.2023).
- Hayden, J. O. (1970). *Introduction. Scott: The Critical Heritage*. New York, Barnes and Noble, pp. 1–23.
- Jeffrey, F. (1820). *Ivanhoe: A Romance, By the Author of "Waverley"*. In *The Edinburgh Review*. Vol. 65, pp. 1–54.
- Kerr, J. (1989). *Fiction against History: Scott as Storyteller*. Cambridge, Cambridge UP. 151 p.
- Lessing, G. E. (2017). *Gamburgskaya dramaturgiya* [Hamburg Dramaturgy]. Moscow, Kniga po Trebovaniyu. 527 p.
- Lodge, D. (1992). *The Art of Fiction*. New York, Viking Penguin. 224 p.
- Lukach, G. (1937; 1938). *Istoricheskii roman* [Historical Novel]. In *Literaturnyi kritik*. No. 7, 9, 12; No. 3, 7, 8, 12. URL: <http://mesotes.narod.ru/lukacs/hist-roman/histroman-sod.htm> (mode of access: 09.03.2023).
- Malkina, V. Ya. (2008). *Istoricheskii roman* [Historical Novel]. In Tamarchenko, N. D. (Ed.). *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii*. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi, Intrada, pp. 87–88.
- Masson, D. (2007). *British Novelists and Their Styles: Being a Critical Sketch of the History of British Prose Fiction*. Whitefish, Kessinger Publishing. 320 p.
- Maxwell, R. (2012). *The Historical Novel in Europe, 1650–1950*. Cambridge, Cambridge UP. 332 p.
- McAleavey, M. (2009). *Behind the Victorian Novel: Scott's Chronicles*. In *Victorian Studies*. Vol. 61, No. 2, pp. 232–239.
- Pospelov, G., Lukach, G. (1935). *Roman* [The Novel]. In *Literaturnaya entsiklopediya: v 11 t.* Vol. 9. Moscow, OGIZ RSFSR, Gosudarstvennyi institut «Sovetskaya entsiklopediya», pp. 773–832.
- Reizov, B. G. (1971). *Istoriya i vymysel v romanakh Val'tera Skotta* [History and Fiction in the Novels of Walter Scott]. In *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*. Vol. XXX. Issue 4, pp. 306–311.
- Scott, W. (1803). Rev. of *Amadis de Gaul*, by Garcí Rodríguez de Montalvo, trans. by Robert Southey and William Stewart Rose. In *The Edinburgh Review*. No. 5, pp. 109–136.
- Scott, W. (1805). Rev. of *Chronicles of England, France, and the Adjoining Countries, from the Latter Part of the Reign of Edward II to the Coronation of Henry IV*, by J. Froissart, ed. and trans. by T. Johnes. In *The Edinburgh Review*. No. 10, pp. 347–362.
- Scott, W. (1998). *Waverley; or, Tis Sixty Years Since*. Oxford and London, Oxford Univ. Press.
- Scott, W. (1965). *Rasskazy traktirshchika* [Tales of My Landlord]. In *Sobranie sochinenii v dvadtsati tomakh*. Vol. 20. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, pp. 527–594.
- Volkov, I. O. (Ed.). (2022). *Tvorchestvo Val'tera Skotta v prostranstve mirovoi kul'tury* [The Work of Walter Scott in the Context of World Culture]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 140 p.

Данные об авторе

Журавлева Ольга Алексеевна – аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева (Самара, Россия).

Адрес: 443086, Россия, Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: zhuravchic@gmail.com.

Дата поступления: 30.03.2023; дата публикации: 30.06.2023

Author's information

Zhuravleva Olga Alekseevna – Postgraduate Student of History and Theory of Literature and Public Relations Department, Samara National Research University (Samara, Russia).

Date of receipt: 30.03.2023; date of publication: 30.06.2023

ЛЕКСИКА ЦВЕТА В «МАРСИАНСКИХ ХРОНИКАХ» Р. БРЭДБЕРИ

Соколова Е. Н.

Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3268-0971>

Аннотация. В статье предпринято комплексное сопоставительное описание лексики цветообозначения в оригинальном тексте романа Р. Брэдли «Марсианские хроники» и его русском переводе. Цель работы заключается в выявлении специфики цветовой картины мира произведения как компонента индивидуально-авторского стиля. Объектом исследования являются цветовые наименования, зафиксированные в оригинальном и переводном текстах романа «Марсианские хроники», предметом анализа – структурно-семантическая организация цветových лексем в пространстве художественного текста, а также лексические трансформации, применяемые в процессе их перевода. В работе используются методы компонентного, контекстуального и сопоставительного анализа текста, статистический метод и метод сплошной выборки. В статье обосновывается, что авторские цветоименования не только служат средством прямой номинации, но и выступают в качестве важного компонента поэтики романа, определяющего его стилистическое своеобразие. Произведению свойственна специфическая цветовая палитра, которая обнаруживает взаимосвязь с ключевыми темами произведения и представлена наиболее частотными в оригинале и русском переводе цветами *бело-черно-голубого ряда*. Цветовые характеристики могут быть выражены именами существительными и прилагательными, глаголами, причастиями и разнообразными по структуре словосочетаниями. Среди сложных обозначений особый интерес представляют образные средства «объектной» номинации цвета, содержащие сравнение на имплицитном уровне. В классическом русском переводе, принадлежащем Л. Л. Жданову, более активны сравнительные конструкции с колористическим компонентом, что связано со стремлением переводчика к максимально адекватной передаче цветových характеристик. Особое внимание уделено принципам перевода авторских окказиональных цветономинаций с использованием различного рода переводческих трансформаций (генерализация, модуляция, компенсация, конкретизация, лексическое добавление, опущение, описательный перевод). Результаты исследования расширяют представления о цветových терминах как специфических элементах художественного текста и могут быть использованы в практике преподавания сопоставительной лексикологии, лингвистического анализа художественного текста, теории перевода.

Ключевые слова: лексика цветообозначения; переводческие трансформации; русский язык; английский язык; художественная литература; эквивалентность; индивидуально-авторский стиль

Для цитирования: Соколова, Е. Н. Лексика цвета в «Марсианских хрониках» Р. Брэдли / Е. Н. Соколова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 152–161.

COLOR VOCABULARY IN “THE MARTIAN CHRONICLES” BY R. BRADBURY

Elena N. Sokolova

Tyumen State University (Tyumen, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3268-0971>

Abstract. The article presents a comparative analysis of color vocabulary in the original and in the Russian translation of the novel by R. Bradbury “The Martian Chronicles”. The aim of the article is to identify the specificity of the color worldview of the novel as a component of the author’s individual style. The scope of research embraces color lexemes used in the original and in the text of translation of the novel, and the object of analysis

includes the structural and semantic organization of color vocabulary in the space of the literary text, as well as the lexical transformations used in the process of their translation. The author employs the methods of component, contextual and comparative text analysis, the statistical method and the method of continuous sampling. The study argues that the authored color nominations serve not only as a means of direct nomination, but also act as an important component of the poetics of the novel, which determines its stylistic specificity. The text has a specific color palette, which is inherently connected with the key themes of the novel and is represented by the recurrent colors of the white-black-blue line in the original and in the translation. The attributes of color can be expressed by nouns, adjectives, verbs and participles, as well as by phrases of various structures. Among the composite nominations, figurative means of "object" color nomination containing an implicit comparison are of particular interest. The classical Russian translation, made by L. L. Zhdanov, tends towards comparative constructions with a color component, due to the translator's desire to convey color characteristics as adequately as possible. The article focuses on the principles of translating the author's individual color nominations using various types of translation transformations (generalization, modulation, compensation, concretization, lexical addition, omission, and descriptive translation). The research results expand the knowledge of color terms as specific elements of a literary text and can be used in the practical teaching of comparative lexicology, linguistic analysis of literary text, and translation theory.

Keywords: color vocabulary; translation transformations; Russian language; English language; fiction; equivalence; individual author's style

For citation: Sokolova, E. N. (2023). Color Vocabulary in "The Martian Chronicles" by R. Bradbury. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 2, pp. 152–161.

Введение

Изучение колористической лексики в аспекте выражения национально-культурной специфики и особенностей авторского идиостиля является одним из актуальных направлений современной лингвистики. Лексика цветообозначения как неотъемлемый компонент картины мира демонстрирует процесс отражения в этническом языковом сознании особенностей цветового восприятия, поэтому «актуальный смысл изучения терминов цвета заключается именно в их осознании как изначальных носителей и инструментов национальных культур и языков» [Кульпина 2002: 28].

Актуальность исследования определяется возросшим научным интересом к проблемам изучения цветовой лексики в лингвокультурологическом аспекте, важностью проведения сопоставительных исследований цветового пространства на материале художественных текстов с целью выявления особенностей индивидуально-авторского стиля и обнаружения универсальных и уникальных черт языковой картины мира. Научная новизна заключается в том, что впервые осуществлен сопоставительный анализ цветолексики романа Р. Брэдли «Марсианские хроники» и его перевода на русский язык, позволивший выявить структурно-семантическую специфику авторских характеристик цвета и способы ее трансляции в процессе перевода.

Целью работы является выявление специфики цветовой картины мира произведения как компонента индивидуально-авторского стиля. Для достижения поставленной цели в работе используются методы компонентного, контекстуального и сопоставительного анализа текста, статистический метод и метод сплошной выборки.

Принципы описания лингвоцветовой картины мира на материале русского и английского языков представлены в работах, «посвященных исследованию семантической структуры цветowych лексем [Бахилина 1975; Брагина 1997; Фомина 1994], их психолингвистическим характеристикам [Василевич, Кузнецова, Мищенко 2007; Фрумкина 1984], поиску цветowych универсалий [Adams, Osgood 1973; Berlin, Kay 1969] и принципов концептуализации цвета [Вежбицкая 1996]. На сегодняшний день лингвистика цвета активно развивается как самостоятельная научная парадигма в языкознании [Кульпина 2002]» [Сokolova 2018: 213–214].

Лингвоцветовое пространство английских и русских художественных текстов XIX–XX вв. становилось объектом сопоставительного описания в аспекте выявления специфики объектных цветономинаций, а также лингвокультурных и идиостилевых характеристик цветовосприятия [Величко 2010; Климовских 2011; Лопатина 2005; Светличная 2003]. На материале произведений

Р. Брэдбери подвергались рассмотрению лексико-стилистические аспекты перевода различного рода реалий, отдельных фразеологизмов, окказиональных и сложных слов [Пашкеева 2012; Черницина 2009].

Традиции и новаторство в художественном мире Р. Брэдбери, анализ творчества писателя с точки зрения столкновения культур с различными ценностями, процессы формирования авторского стиля с позиций рецептивной поэтики и социокультурной динамики, трактовка романа «Марсианские хроники» как символической антиутопии и определение его статуса в современном литературном контексте неоднократно становились объектом исследования в отечественном и зарубежном литературоведении [Маркина 2006; Новикова 1992; Серенков, Громова 2019; McMillan, Palumbo, Sullivan III 2013].

Источниками исследования послужили текст романа Р. Брэдбери «Марсианские хроники» (1950) и его перевод на русский язык Л. Л. Жданова (1965).

В произведении содержится значительное число цветовых обозначений, передающих авторское восприятие мира, в связи с чем актуальным представляется лингвистическое описание комплекса цветономинаций, используемых в романе Р. Брэдбери, как неотъемлемой составляющей авторского идиостиля. Стилистическая многоплановость колористической лексики объясняется ее способностью транслировать ассоциативно-символическую информацию, значимую для понимания частных контекстов. Сопоставительный аспект исследования позволяет выявить как способы передачи цветолексики при переводе, так и те изменения в семантике цветономинаций, которые связаны с национально-культурными различиями в русской и английской цветовых картинах мира и индивидуально-переводческими стратегиями.

Цветовое пространство «Марсианских хроник»

Ставший классикой американской апокалиптической фантастики роман Рэя Брэдбери «Марсианские хроники», в основу которого легли тематические рассказы о колонизации Марса землянами, повествует об общественно значимых проблемах, в том числе об угро-

зе ядерной войны, борьбе с расовой дискриминацией и цензурой.

В оригинальном тексте произведения представлено 588 цветовых обозначений. Русский перевод Л. Л. Жданова, к настоящему времени считающийся классическим, включает 585 цветолексем.

Оригинал и перевод романа «Марсианские хроники» включает полный спектр базовых цветономинаций английского и русского языков. В блоке основных цветов и их оттенков, зафиксированных в оригинале, частотность употребления представлена следующим образом: *blue* (70), *white* (54), *green* (53), *black* (50), *dark* (34), *silver* (23), *yellow* (23), *red* (22), *golden* (20), *pink* (15), *brown* (9), *grey* (8), *pale* (8), *violet* (5), *silvery* (4), *purple* (4), *cobalt* (3), *orange* (3), *snow* (3), *crimson* (2), *ebony* (2), *fiery* (2), *gold* (2), *snowy* (2), *amber* (1), *blond* (1), *bronze* (1), *coppery* (1), *inky* (1), *ivory* (1), *lilac* (1), *pallid* (1), *raven* (1), *rosy* (1), *ruddy* (1), *russet* (1), *sallow* (1), *wax* (1). Количественная репрезентация основных цветообозначений и оттенков в русском переводе Л. Л. Жданова соответствует следующим данным: *голубой* (64), *черный* (59), *белый* (46), *зеленый* (46), *темный* (22), *желтый* (20), *серебристый* (18), *золотой* (17), *розовый* (17), *красный* (15), *серебряный* (10), *бледный* (8), *смуглый* (8), *золотистый* (7), *седой* (6), *серый* (6), *синий* (6), *фиолетовый* (5), *пурпурный* (4), *кобальтовый* (3), *оранжевый* (3), *рубиновый* (3), *светлый* (3), *алый* (2), *белоснежный* (2), *кирпичный* (2), *коричневый* (2), *огненный* (2), *русый* (2), *багровый* (1), *бронзовый* (1), *бурый* (1), *вороненый* (1), *восковой* (1), *каштановый* (1), *лиловый* (1), *румяный* (1), *рыжий* (1), *свинцовый* (1), *эбеновый* (1), *янтарный* (1).

Три цветовых прилагательных сложного семантического наполнения *красочный* (1), *многокрасочный* (1) и *цветной* (3) имеются в русском переводе романа; в оригинале им соответствуют лексемы *colorful* (2) – ‘красочный, яркий’, *colour* (1) и *coloured* (1) – ‘цветной’.

Описание цветовых нюансов в рамках художественной картины мира передается соответствующими аффиксами прилагательных *-ish* / *-оват-* со значением достаточности / недостаточности цвета: *yellowish* (2), / *голубоватый* (1), *желтоватый* (2), *грязновато-серый* (1), *серовато-красный* (1).

Следовательно, специфика цветовой картины мира романа Р. Брэдбери и его русского перевода заключается в приоритетном упо-

треблении базовых цветов бело-черно-голубого ряда, включая оттенки (*white, silver, silvery, snow, snowy, pallid, pale, ivory* (всего 96) / *белый, серебряный, бледный, белоснежный, светлый, седой, серебристый* (всего 93); *black, dark, ebony, raven, inky* (всего 88) / *черный, темный, вороненый, эбеновый* (всего 83); *blue* (70) / *голубой* (64)).

Количественная представленность второстепенных цветов отличается несколько большим разнообразием в русскоязычном переводе Л. Л. Жданова (29 оттенков при 131 случае их употребления). Оригинальный же текст «Марсианских хроник» содержит 27 второстепенных цветономинаций (при 123 случаях их употребления). Разница обусловлена отсутствием цветовых обозначений в оригинале при их наличии в переводном тексте.

Структурная характеристика вторичных цветономинаций

В оригинале романа «Марсианские хроники» и его русском переводе имеется значительный пласт сложных цветоименований, отражающих как авторские интенции, так и переводческие стратегии в процессе передачи цветовых нюансов:

1) сложные цветономинации, передающие интенсивность цветовых характеристик: *matted yellow* (1), *pale blue* (1), *pale white* (1), *soft brown* (1), *sharp yellow* (1), *dark blue* (2), *hot blue* (1) / *бледно-желтый* (1), *грязновато-серый* (1), *ослепительно-белый* (2), *прозрачно-зеленый* (1), *светло-коричневый* (1), *ярко-голубой* (2), *ярко-желтый* (1);

2) двух- или трехкомпонентные названия цветов со сравнительно-конкретизирующим значением: *blue-black* (1), *gray-red* (1), *orange-and-blue* (1), *red-yellow* (1) / *багрово-желтый* (1), *желто-зеленый* (1), *красно-зелено-голубой* (1), *оранжево-голубой* (1), *серовато-красный* (1), *черно-синий* (1);

3) словосложения, представляющие собой соединение цветовых лексем с наименованиями конкретных реалий. Подобного рода языковые единицы, весьма характерные для английского языка, являются выразительной чертой цветового пространства оригинального текста «Марсианских хроник». Указанный тип сложных цветономинаций содержит следующие компоненты, обозначающие конкретные реалии: наименования природных объектов – *moon-white* (1), *moon-colored* (1), *cinnamon-dusty* (1), *pink-stoned* (1); названия ми-

нералов или химических элементов – *blue-agate* (1), *jade-green* (1); *iodine-colored* (1); соматизмы – *blue-throated* (1), *candy-cheeked* (1), *golden-eyed* (1), *red-eyed* (1), *white-limbed* (1), *yellow-limbed* (1); морские термины – *blue-sailed* (1); наименования пищевых продуктов – *pepper-gray* (1). Вышеуказанные объектные цветономинации способствуют максимально реалистичному воссозданию художественных образов, связанных с восприятием цвета. Сходные цветообозначения в русском переводе представлены следующими компонентами: наименования природных объектов – *белопенный* (1), *лунно-белый* (1), *снежно-белый* (1), *пепельно-серый* (1), *розовокаменный* (1); названия минералов/металлов – *аспидно-голубой* (1), *медно-рыжий* (1) и соматизмы – *золотоволосый* (1), *золотоглазый* (1), *огнегрудый* (1), *темнокожий* (2), *белозубый* (2).

Для обозначения многообразных цветовых характеристик в романе Р. Брэдли используются имена существительные, реализующие статический признак цвета, а также глаголы и причастия, отражающие определенную цветовую динамику. В оригинальном тексте обнаруживаются примеры употребления существительных *blackness, blonde, darkness, fire, flame, gloaming, mist, twilight*, глагола *darken*, причастий *darkening, charred, misted, moon-silvered, pinking, reddening, ruby-rimmed, ruby-studded* и др. В русском переводе фиксируются существительные *близна, загар, зарево, зелень, мгла, мрак, огонь, пламя, проседь, сумерки, темнота, тьма, чернота*; глаголы *зазеленеть, побагроветь, побледнеть, порозоветь, посеребрить, посинеть, потемнеть, почернеть, темнеть*; причастия *алеющий, посеребренный, посиневший, почерневший, разрумянившийся, раскрасневшийся* и др.

К цветовому пространству «Марсианских хроник» может быть отнесен комплекс разнообразных по структуре словосочетаний и описательных выражений, связанных с цветовосприятием: сущ. *color/цвет* в Р. п. + сущ. в Р. п. – *color of sand* (1), *color of a cheese* (1), *цвета устриц* (1); сущ. *color/цвет* в Р. п. + прил. в Р. п. + сущ. в Р. п. – *color of forest pools* (1) / *цвета лесных озер* (1); сущ. *color/цвет* в Р. п. + сущ. в Р. п. + сущ. в Р. п. – *color of frog and fern* (1) / *цвета лягушки и папоротника* (1), *color of the sun and sand* (1) / *цвета песка и солнца* (1); сущ. *цвет* в Р. п. + прил./прич. в Р. п. + сущ. в Р. п. – *цвета червонного золота* (1), *цвета расплавленного золота* (1), *цвета йодной настойки* (1);

прил. в Р. п. + сущ. цвет в Р. п. – *песочного цвета* (1); описательное выражение / развернутое сравнение с лексемой *color: color of the deep cool canal water where it ran in shadow* [MCh: 261] и др.

Значительное место в оригинальном и переводном текстах романа «Марсианские хроники» занимают сравнительные конструкции, включающие колористические компоненты. Примечательно, что помимо параллельно используемых сравнительных оборотов *something like old white lace* [MCh: 206] / *нечто подобное старинным белым кружевам* [MX: 211]; *stars flickering like violet eyes* [MCh: 125] / *Звезды мерцали, точно фиолетовые глаза* [MX: 130]; *a map of the World... was gone like a warm, black butterfly* [MCh: 270] / *Карта мира... улетела горячей черной ночной бабочкой* [MX: 275] и др. имеются те, которые присутствуют исключительно в русском переводе, сигнализируя о стремлении переводчика к наиболее точному воспроизведению цветовых образов с учетом этнических историко-культурных коннотаций: *глаза желтые, как золотые монеты* [MX: 8]; *миссис К, словно вылепленная из желтого воска* [MX: 8]; *Они почернели, как головешки* [MX: 82]; *черную, как перец, тыль* [MX: 122]; *На черной как вороново крыло траве* [MX: 160]; *глаза – бездонные черно-синие провалы* [MX: 216]; *Уильямсон был бледен, как полотно* [MX: 248] и др.

Переводческие трансформации при трансляции цветоименований

Отметим, что «при сопоставительном и переводоведческом описании колористической лексики существенно значимым является анализ эквивалентности перевода как при трансляции функционально-ситуативного содержания, так и при передаче семантики языковых единиц» [Соколова 2018: 216].

В переводе «Марсианских хроник» на русский язык, осуществленном Л. Л. Ждановым, представлено 265 случаев эквивалентного перевода цветовой лексики и 25 примеров перевода цветолексем, не имеющих прямых эквивалентов. Кроме того, нами отмечено 32 примера отсутствия цветолексем в оригинале при 27 аналогичных случаях в русском переводе.

Дословный перевод цветолексики представлен в следующих контекстах «Марсианских хроник»: *the green trees* [MCh: 118] / *зелеными деревьями* [MX: 123]; *the black leaves* [MCh: 134] / *черные листья* [MX: 139]; *purple giraffes*

[MCh: 256] / *пурпурные жирафы* [MX: 261]; *the blue Martian ships* [MCh: 205] / *голубые марсианские корабли* [MX: 210]; *the moon-white tiller* [MCh: 209] / *лунно-белый руль* [MX: 214] и др.

Безусловный интерес представляют окказиональные способы передачи цветовой семантики при переводе, которые требуют отдельных комментариев.

Williamson's cheeks were white [MCh: 243] / *Уильямсон был бледен, как полотно* [MX: 248]. Вместо дословного перевода «Щеки... были белыми», который в соответствующем контексте повествования малоинформативен, переводчиком используется выразительное сравнение *бледен, как полотно*. Аналогичный прием реализуется и в примере *Burnt them black* [MCh: 77] / *Они почернели, как головешки* [MX: 82], где дается описание марсиан, пораженных ветряной оспой.

He thought of the rich, inky soil, a soil... black and shiny [MCh: 116] / *он думал о богатой черной почве – ... черной и блестящей* [MX: 121]: в русском варианте реализуется оправданное «упрощение» образного цветообозначения оригинала, при котором переводчик акцентирует внимание на цветовой характеристике изображаемого предмета, который обозначен лексемой *ink* 'чернила'. Чернильный цвет – очень темный (обычно с фиолетовым или черным оттенком), в данном примере – именно с черным оттенком, на что в близком контексте указывает прилагательное *black*. Следует отметить, что перевод английских колорем довольно часто осуществляется без учета денотативного значения по причине неравнозначности культурных коннотаций или же неузуальности эквивалентной лексики (ср. рус. *чернильная почва).

White-limbed cat... [MCh: 101] / *кошек с белыми лапами* [MX: 106]: в указанном фрагменте используется прием описательного перевода (экспликации). Сложное окказиональное прилагательное английского языка *white-limbed* 'белопалый' передается традиционным для русского языка выражением – с белыми лапами.

В контексте *yellow-limbed sun symbols* [MCh: 101] / *желтые круги* – символы солнца [MX: 106] реализуется прием генерализации, при котором окказиональная английская лексема *yellow-limbed* 'желтоконечный' передается узуальной лексемой с более широким

лексическим значением – *желтый*. При аналогичной оригиналу передаче цветовой характеристики в описании символа солнца утрачивается важный компонент его формы – лучистый ореол вокруг солнечного диска. Вероятно, более удачным оказался бы перевод *желтые лучистые круги* – символы солнца, позволяющий с большей точностью сохранить исходную информацию.

Прием генерализации реализуется и в ряде других случаев. Например, *boys with blueagate eyes* [MCh: 133] / ...мальчишки – ... *голубые бусины глаз* [MX: 138]: английская лексема *blueagate* ‘агато-голубой’ передается однословным прилагательным, обладающим более широким значением – голубой; *hanging blue-throated men* [MCh: 167] / *посиневшие висельники* [MX: 172]: сложное причастие английского языка *blue-throated* ‘синегорлый’ транслируется в переводе традиционной лексемой *посиневший*, которая в сочетании с существительным висельник в полной мере передает специфику объекта описания; *ruby-studded lips* [MCh: 208] / *рубиновыми губами* [MX: 213], *ruby-rimmed lips glittered* [MCh: 209] / *рубиновые губы поблескивали* [MX: 214]: в переводе реализуется «упрощение» цветообозначения (с акцентом только на цветовой характеристике), выраженного английскими причастиями *ruby-studded* ‘усыпанный рубинами’ и *ruby-rimmed* ‘обрамленный / окаймленный рубинами’, с некоторой утратой исходного смысла.

With gold coin eyes [MCh: 21] / *С глазами цвета червонного золота* [MX: 26]: словосочетание *золотомонетные глаза* не является узуальным для русского языка, поэтому в переводе используется выражение цвета *червонного золота*, значение которого логически соответствует значению исходной единицы. В данном случае реализуется прием модуляции, способствующий более детальной и образной передаче цветовой характеристики в описании глаз.

Golden shoulders [MCh: 69] / *Золотистый загар* плеч [MX: 74]: использование существительного *загар* в русском переводе (прием смыслового развития) позволяет конкретизировать значение цветолексемы *золотистый* при описании цвета кожи.

Robins will wear their feathery fire [MCh: 254] / *Огнегрудый комочек слетит на забор* [MX: 259]: в русском переводе стихотворения Сары

Тисдейл «*There Will Come Soft Rains*» 1920 г. (интертекстуальное включение), выполненном Л. Ждановым, в результате образного переосмысления появляется авторский неологизм *огнегрудый* при описании малиновки с огненным оперением. В том же переводе стихотворения имеется пример стилистически оправданной лексической замены (конкретизация): *wild plum trees in tremulous white* [MCh: 254] / *цветение слив в белопенных садах* [MX: 259]. Переводчик отдает предпочтение распространенной в русской литературно-художественной традиции XIX–XX вв. цветолексеме *белопенный* ‘напоминающий белую пену (обычно об обильно цветущих деревьях, кустарниках)’ с более узким предметно-логическим значением, чем *белый*.

A machine like a jade-green insect [MCh: 122] / *машина, похожая на желто-зеленое насекомое...* [MX: 127]: ввиду неузуальности лексемы **жадеитово-зеленый* (от минерала жадеит, цвет которого варьируется от синеватого до бледно-зеленого оттенка) в переводе используется сложное цветообозначение *желто-зеленый*, которое в русском языковом сознании более адекватно соотносится с описанием цвета насекомого.

Butterflies of delicate red tissue [MCh: 253] / *бабочки из тончайшей розовой ткани* [MX: 258]: вполне контекстуально оправданной представляется замена в переводе цветového прилагательного *красный* на *розовый*, поскольку розовый цвет в большей мере ассоциируется с нежностью и хрупкостью.

The... black lid of sky cracked in six powdery blue chips [MCh: 117] / *черный небосвод... раскололся на шесть аспидно-голубых осколков* [MX: 122]. В контексте образного описания темного неба во время дождя при переводе прилагательного *blue* осуществляется добавление цветového оттенка (*аспидно-голубой*) для усиления художественного восприятия (аспидный – ‘черно-серый’).

Наиболее показательными в аспекте реализации индивидуальной переводческой стратегии являются случаи добавления цветолексемы в переводе при ее отсутствии в оригинале. Как правило, таким образом компенсируется утраченный смысл, а содержание оригинального текста воспроизводится с большей детальностью и полнотой.

The canopy like a flower petal [MCh: 10] / *балдахин – трепещущий белый лепесток* [MX: 15]: лексическое добавление лексемы белый в составе образного сравнения связано с фактором широкого контекста, поскольку ранее в тексте оригинала уже упоминалось, что балдахин был именно белого цвета.

A black tide flowed... Like a kind of summer molasses it poured... [MCh: 136] / *...нарастал черный прилив. Будто черная патока ползла...* [MX: 141]: недостаточным для передачи эмоциональных ощущений являлся бы дословный перевод словосочетания *summer molasses* – ‘летняя патока’. Известны два основных вида патоки – светлая патока и меласса, черная патока, с которой и сравнивается в указанном контексте черный прилив. Добавление колоремы *черный* способствует усилению воздействия на читателя и компенсации смысла, а повтор слова *черный* в близком контексте приводит к усилению его значения.

The clouds hung oppressively low in the heavens [MCh: 155] / *низко нависали свинцовые тучи* [MX: 160]: переводчик счел возможным ввести уточняющее цветное прилагательное для точной передачи смыслового содержания оригинала. Информация о том, что тучи «нависали угнетающе низко», передана вполне традиционным для русской языковой картины мира словосочетанием *свинцовые тучи* – ‘темно-серые, цвета свинца’. Кажущиеся тяжелыми, они опускаются низко над землей и создают угнетающую атмосферу.

The graveyards...: Green Hill, Moss Town [MCh: 154] / *кладбища...: Зеленый Уголок, Белые Мхи* [MX: 159]: перевод топонима *Moss Town* (семантически – Мшистый Город, в переводе романа – Белые Мхи) осуществляется с учетом национально-языковой специфики в номинации топообъектов. В русской топонимии название *Белые Мхи* представлено достаточно широко. К примеру, одним из ландшафтных памятников природы являются скалы *Белые Мхи* на реке Березовая в Пермском крае. Возможно, переводчику было известно кладбище *Белый Мох* в г. Электрогорске Московской области, которое получило свое название от одноименного озера.

Creatures of... burning tinsel, loam-dwarfs and pepper-elves... [MCh: 167] / *создания из... сверкающей мишуры, глиняные карлики и коричневые*

эльфы [MX: 172]. В оригинале романа упоминается популярная в середине XX в. рождественская художественная керамика – солонки и перечницы в виде эльфов. Хотя фигурки могли быть и коричневыми, тем не менее добавление цветолексемы в переводе ведет к утрате конкретно-контекстуального смысла (ср. *коричневые эльфы* вместо *перечницы-эльфы*).

Одной из реализаций индивидуальной переводческой манеры могут служить примеры отсутствия колоремы в русском переводе при ее наличии в оригинале. В таких случаях речь идет о приеме лексического опущения (компрессии), который предполагает игнорирование при переводе отдельных слов, являющихся, как правило, семантически избыточными.

The sound like a great matted yellow hive of bees [MCh: 253] / *звук, как от огромного... роя пчел* [MX: 258]: вполне оправданным является пропуск в переводе семантически избыточной лексемы *matted yellow* ‘матово-желтый’, употребленной при описании пчелиного роя. Кроме того, в оригинальном тексте в рамках сравнительной конструкции внимание акцентируется не на цвете пчелиного роя, а на звуке, издаваемом пчелами.

White mess of bread dough [MCh: 229] / *бесформенный ком теста* [MX: 234]: опущение лексемы *white* при переводе связано с отсутствием необходимости концентрировать внимание на цвете теста в силу традиций языкового употребления.

The regiments of mice... as... blown gray leaves in an electrical wind [MCh: 252] / *полчища мышей... словно сухие листья, гонимые электрическим веером* [MX: 257]: игнорируя цветное прилагательное *gray*, переводчик добавляет вместо него лексему *сухой*. В результате образное сравнение большого количества движущихся мышей с летящими по ветру сухими, а не серыми листьями становится более точным и художественно выразительным.

Следует отметить, что в оригинальном тексте романа «Марсианские хроники» употребляется значительное число собственных имен с компонентом цветообозначения. При их передаче на русский язык используются традиционные способы: транскрипция *Green City* / *Грин-Сити*; *Red Town* / *Редтаун*; *Black River* /

Блэк-Ривер; транспозиция (*Bluebeard / Синяя Борода*; *Snow White / Белоснежка*), семантический перевод (*Blue Mountains / Голубые горы*; *White House / Белый Дом*; *Red Death / Красная Смерть*) и др.

Идиостиль как система формальных и содержательных лингвистических характеристик произведений конкретного автора характеризуется уникальностью способов языкового выражения. В рамках рассматриваемой проблемы характер творческой личности Р. Брэдбери определяется как собственно цветовыми предпочтениями, так и наличием цветолексем в составе ряда базовых элементов авторского стиля, среди которых могут быть названы перечисления, формирующие ритмическую организацию текста (ряды синонимов / однородные члены предложения / повторы): *wearing golden masks and blue masks and crimson masks* [MCh: 31] / на них были маски – **золотые, голубые, розовые** [MX: 36]; *hair that was brown, red, yellow, black* [MCh: 196] / волосы **каштановые, рыжие, русые, черные** [MX: 201]; *a dozen... blue-sailed... ships floated like blue ghosts, like blue smoke* [MCh: 204] / словно **голубые** призраки, **голубые** дымки скользили **десять-двенадцать... кораблей под голубыми парусами** [MX: 209]; **yellow giraffes, blue lions, pink antelopes, lilac panthers** [MCh: 253] / **желтые жирафы, голубые львы, розовые антилопы, лиловые пантеры** [MX: 258] и др.

Выводы

1. Роману Рэя Дугласа Брэдбери «Марсианские хроники» свойственна особая цветовая палитра, связанная с основными темами произведения и представленная основными цветами *бело-черно-голубого* ряда.

В английском и русском текстах романа преобладающим цветом является *белый* и большинство его оттенков. Белый цвет (цвет дня) ассоциируется с чистотой, божественностью, благородством и праведностью, но может передавать и отрицательную семантику (холод, пустота, неизвестность, смерть). Наиболее часто многочисленные оттенки белого используются в портретных характеристиках персонажей и при описании пейзажа. Как в русской, так и в английской цветовой картине мира черный цвет обладает выраженной

негативной семантикой. В романе «Марсианские хроники» *черный* – это цвет зловещего окружающего мира, смерти и тьмы. Голубой цвет (цвет неба) имеет положительную коннотацию в обоих языках, для большинства европейских народов ассоциируется с единством и свободой, кроме того, может символизировать божественную сущность, загадочность и грусть. В романе данный цветовой термин употребляется при описании марсианского неба, гор, холмов, рек, марсианского песка и кораблей и вполне оправданно входит в блок приоритетных цветов.

2. Сложные цветовые обозначения, представляющие собой соединение цветовых лексем с наименованиями конкретных реалий, достаточно активны как в оригинале, так и в русском переводе (*moon-white, blue-agate, jade-green, white-limbed*; *снежно-белый, перельно-серый, медно-рыжий, белозубый*). Высокой частотностью как в английском, так и в русском языке обладают: сложные номинации, передающие интенсивность цветовых характеристик (*soft brown, sharp yellow, dark blue*; *бледно-желтый, светло-коричневый, ярко-голубой*); сложения двух цветов со сравнительно-конкретизирующим значением (*blue-black / черно-синий, red-yellow / багрово-желтый*).

3. В цветовом пространстве романа выделяется комплекс разнообразных в структурном отношении словосочетаний, связанных с цветовосприятием: *сущ. color/цвет в Р. п. + прил. в Р. п. + сущ. в Р. п. – color of forest pools (1) / цвета лесных озер (1)*.

4. Значительное число сравнительных конструкций, имеющих исключительность в русском переводе, сигнализирует о стремлении переводчика к наиболее точному воспроизведению цветовых образов с учетом этнических историко-культурных коннотаций (*почернели, как головешки; черную, как перец, пыль; на черной, как вороново крыло, траве; бледен, как полотно*).

5. В русском переводе романа фиксируются различные виды трансформаций при передаче колористической лексики, содержащей национально-специфические компоненты культуры: генерализация, модуляция, компенсация, конкретизация, лексическое добавление, опущение, описательный перевод.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахилина, Н. Б. История цветообозначений в русском языке / Н. Б. Бахилина. – М. : Наука, 1975. – 288 с.
- Брагина, А. А. Цветовые определения и формирование новых значений слов и словосочетаний / А. А. Брагина // Лексикология и лексикография. – М. : Наука, 1997. – С. 73–105.
- Брэдбери, Р. Марсианские хроники / Р. Брэдбери ; пер. с англ. Л. Л. Жданова. – М. : ЭКСМО, 2020. – 304 с. – МХ
- Василевич, А. П. Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко. – М. : КомКнига, 2007. – 320 с.
- Вежбицкая, А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия / А. Вежбицкая // Язык. Культура. Познание. – М. : Русские словари, 1996. – С. 231–291.
- Величко, А. А. Коммуникативно-прагматические особенности цветообозначений в текстовом пространстве романов Томаса Гарди : дис. ... канд. филол. наук / Величко А. А. – Ставрополь, 2010. – 224 с.
- Климовских, Ю. А. Цветовая картина мира О. Уайльда: когнитивно-лингвокультурологический подход : дис. ... канд. филол. наук / Климовских Ю. А. – Ставрополь, 2011. – 256 с.
- Кульпина, В. Г. Теоретические аспекты лингвистики цвета как научного направления сопоставительного языкознания : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Кульпина В. Г. – М., 2002. – 31 с.
- Лопатина, Н. Р. Структурно-семантический анализ объектных цветоименований: на материале английского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук / Лопатина Н. Р. – Краснодар, 2005. – 167 с.
- Маркина, Н. В. Художественный мир Рэя Брэдбери: традиции и новаторство : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Маркина Н. В. – Самара, 2006. – 21 с.
- Новикова, В. Г. Фантастическая новелла Рэя Брэдбери : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Новикова В. Г. – Нижний Новгород, 1992. – 19 с.
- Пашкеева, И. Ю. Сложные слова в произведениях Рэя Брэдбери и способы их передачи на русский язык : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Пашкеева И. Ю. – Казань, 2012. – 20 с.
- Светличная, С. Ю. Сравнительные лингвокультурные характеристики цветообозначения и цветовосприятия в английском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Светличная С. Ю. – Пятигорск, 2003. – 186 с.
- Серенков, Ю. С. Рэй Брэдбери: Феномен творческой личности в культуре : монография / Ю. С. Серенков, А. В. Громова. – Новокузнецк : Сибирский государственный индустриальный университет, 2019. – 131 с.
- Словарь русского языка (МАС) : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999.
- Соколова, Е. Н. Лексика цветообозначения в романе Р. Брэдбери «451° по Фаренгейту» и его русском переводе / Е. Н. Соколова // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 20, № 4 (181). – С. 212–221. – <https://doi.org/10.15826/izv2.2018.20.4.077>.
- Фомина, В. С. Семантика цветообозначений как объект исследования и изучения / В. С. Фомина // IV международный симпозиум по лингвострановедению. – М. : Институт русского языка им. А. С. Пушкина, 1994. – С. 230–231.
- Фрумкина, Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа : монография / Р. М. Фрумкина. – М. : Наука, 1984. – 175 с.
- Черницина, Ю. Е. Лексико-стилистические проблемы перевода научно-фантастического текста (на материале переводов произведений Рэя Брэдбери «451° по Фаренгейту», «Август 1999: Земляне», «Февраль 1999: Илла» и «Август 2026: Будет ласковый дождь» на русский язык) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Черницина Ю. Е. – М., 2009. – 19 с.
- Adams, F. M. A cross-cultural study of the meanings of color / F. M. Adams, Ch. E. Osgood // *Journal of cross-cultural psychology*. – 1973. – No. 4 (2). – P. 135–156.
- Berlin, B. Basic Color Terms / B. Berlin, P. Kay. – Berkley and Los Angeles : University of California Press, 1969. – 178 p.
- Bradbury, R. D. *The Martian Chronicles* / R. D. Bradbury. – Garden City : Doubleday, 1950. – 271 p. – MCh
- McMillan, G. *Orbiting Ray Bradbury's Mars: Biographical, Anthropological, Literary, Scientific and Other Perspectives* / G. McMillan, D. E. Palumbo, C. W. Sullivan III. – McFarland, 2013. – 264 p.

REFERENCES

- Adams, F. M., Osgood, Ch. E. (1973). A Cross-Cultural Study of the Meanings of Color. In *Journal of cross-cultural psychology*. No. 4 (2), pp. 135–156.
- Bakhilina, N. B. (1975). *Istoriya tsvetooboznachenii v russkom yazyke* [History of a Color Naming in Russian Language]. Moscow, Nauka. 288 p.
- Berlin, B., Pay, K. (1969). *Basic Color Terms*. Berkley and Los Angeles, University of California Press. 178 p.
- Bradbury, R. (2020). *Marsianskie khroniki* [The Martian Chronicles]. Moscow, EKSMO. 304 p.
- Bradbury, R. D. (1950). *The Martian Chronicles*. Garden City, Doubleday. 271 p.
- Bragina, A. A. (1997). Tsvetovye opredeleniya i formirovanie novykh znachenii slov i slovosochetanii [Color Definitions and Formation of New Word Meanings and Phrases]. In *Leksikologiya i leksikografiya*. Moscow, Nauka, pp. 73–105.
- Chernitsina, Yu. E. (2009). *Leksiko-stilisticheskie problemy perevoda nauchno-fantasticheskogo teksta (na materiale perevodov proizvedenii Reya Bredberi «451° po Farengaitu», «Avgust 1999: Zemlyane», «Fevral' 1999: Illa» i «Avgust 2026: Budet laskovyi dozhd'» na russkii yazyk)* [Vocabulary and Stylistic Problems of Translating a Science Fiction Text (Based on Translations of Ray Bradbury's Works "Fahrenheit 451" "August 1999: Earthlings", "February 1999: Illa" and "August 2026: There Will Come Soft Rains" into Russian Language)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 19 p.
- Evgenyeva, A. P. (Ed.). (1999). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of Russian Language, in 4 vols.]. Moscow, Russkii yazyk, Poligrafresursy.

- Fomina, V. S. (1994). Semantika tsvetooboznachenii kak ob'ekt issledovaniya i izucheniya [Semantics of a Color Naming as Object of a Research and Studying]. In *IV mezhdunarodnyi simpozium po lingvostranovedeniyu*. Moscow, Institut russkogo yazyka im. A. S. Pushkina, pp. 230–231.
- Frumkina, R. M. (1984). *Tsvet, smysl, skhodstvo. Aspekty psikholingvisticheskogo analiza* [Color, Sense, Similarity. Aspects of the Psycholinguistic Analysis]. Moscow, Nauka. 175 p.
- Klimovskikh, Yu. A. (2011). *Tsvetovaya kartina mira O. Uayl'da: kognitivno-lingvokul'turologicheskii podkhod* [Color Picture of the World of O. Wilde: Cognitive and Linguoculturological Approach]. Dis. ... kand. filol. nauk. Stavropol. 256 p.
- Kulpina, V. G. (2002). *Teoreticheskie aspekty lingvistiki tsveta kak nauchnogo napravleniya sopostavitel'nogo yazykoznaniya* [Theoretical Aspects of Linguistics of Color as Scientific Direction of Comparative Linguistics]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow. 31 p.
- Lopatina, N. R. (2005). *Strukturno-semanticheskii analiz ob'ektnykh tsvetonaimenovaniy: na materiale angliiskogo i russkogo yazykov* [Structural-Semantic Analysis of Object Color Names: On Material of the English and Russian Languages]. Dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar. 167 p.
- Markina, N. V. (2006). *Khudozhestvennyi mir Reya Bredberi: traditsii i novatorstvo* [Art World of Ray Bradbury: Traditions and Innovation]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Samara. 21 p.
- McMillan, G., Palumbo, D. E., Sullivan, C. W. III. (2013). *Orbiting Ray Bradbury's Mars: Biographical, Anthropological, Literary, Scientific and Other Perspectives*. McFarland. 264 p.
- Novikova, V. G. (1992). *Fantasticheskaya novella Reya Bredberi* [Fantastic Novel by Ray Bradbury]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Nizhniy Novgorod. 19 p.
- Pashkeeva, I. Yu. (2012). *Slozhnye slova v proizvedeniyakh Reya Bredberi i sposoby ikh peredachi na russkii yazyk* [Complex Words in Ray Bradbury's Works and Ways to Convey Them to Russian Language]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kazan. 20 p.
- Serenkov, Yu. S., Gromova, A. V. (2019). *Rei Bredberi: Fenomen tvorcheskoi lichnosti v kul'ture* [Ray Bradbury: The Phenomenon of a Creative Personality in Culture]. Novokuznetsk, Sibirskii gosudarstvennyi industrial'nyi universitet. 131 p.
- Sokolova, E. N. (2018). Leksika tsvetooboznacheniya v romane R. Bredberi «451° po Farengaitu» i ego russkom perevode [The Colour Vocabulary in Fahrenheit 451 by Ray Bradbury and its Russian Translation]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*. Vol. 20, No. 4 (181), pp. 212–221. <https://doi.org/10.15826/izv2.2018.20.4.077>.
- Svetlichnaya, S. Yu. (2003). *Sravnitel'nye lingvokul'turnye kharakteristiki tsvetooboznacheniya i tsvetovospriyatiya v angliiskom i russkom yazykakh* [Comparative Linguocultural Characteristics of a Color Naming and Color Perception in the English and Russian Languages]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Pyatigorsk. 186 p.
- Vasilevich, A. P., Kuznetsova, S. N., Mishchenko, S. S. (2007). *Naimenovaniya tsveta v indoevropskikh yazykakh: Sistemnyy i istoricheskii analiz* [Names of Color in Indo-European Languages: System and Historical Analysis]. Moscow, Kom-Kniga. 320 p.
- Velichko, A. A. (2010). *Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti tsvetooboznachenii v tekstovom prostranstve romanov Tomasa Gardi* [Communicative and Pragmatic Features of a Color Naming in Text Space of Novels by Thomas Hardy]. Dis. ... kand. filol. nauk. Stavropol. 224 p.
- Vezhbitskaya, A. (1996). *Oboznacheniya tsveta i universalii zritel'nogo vospriyatiya* [Designations of Color and Universal of Visual Perception]. In *Yazyk. Kul'tura. Poznanie*. Moscow, Russkie slovari, pp. 231–291.

Данные об авторе

Соколова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и общего языкознания, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия).

Адрес: 625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6.

E-mail: ensokolova2009@yandex.ru

Author's information

Sokolova Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Russian Language and General Linguistics, Tyumen State University (Tyumen, Russia).

Дата поступления: 30.05.2022; дата публикации: 30.06.2023

Date of receipt: 30.05.2022; date of publication: 30.06.2023

REINTERPRETATION OF FAIRY TALES IN ANNE SEXTON'S POETRY

Anna Z. Atlas

Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3429-3238>

Abstract. The paper focuses on the phenomenon of adaptation of culturally significant texts in the book of poems “*Transformations*” by Anne Sexton, a prominent representative of American confessional poetry. The aim of the study is to identify factors that determine the semantic shift in her reinterpretations of the Brothers Grimm fairy tales. Two types of metatextual elements have been singled out in the course of the study and their pragmatic functions have been thoroughly explored. The analysis shows that metatexts can be incorporated directly in the original sentence of a well-known plot in the form of a current commentary allowing the author to develop the story and to draw the readers' attention to the key moments of the original text. The other type of metatexts is located outside the sentence of a fairy-tale plot; it takes the form of a prologue or a frame consisting of a prologue and an epilogue telling stories of the present time. The text-within-a-text structure allows the reader to draw a parallel between the modern stories in the frame and the adaptations of classical fairy tales embedded within it. This structure gives the readers a key to explicate the potential meaning of a familiar story, questioning their customary views on it. The author studies the relationship between the possibility of inclusion of metatextual elements in reinterpretations and the change of their target audience.

Keywords: reinterpretation; fairy tale; secondary text; American women's poetry; Anne Sexton; Brothers Grimm fairy tales; metatext; metatextual elements; commentary; text within a text

For citation: Atlas, A. Z. (2023). Reinterpretation of Fairy Tales in Anne Sexton's Poetry. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 2, pp. 162–172.

РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК В ПОЭЗИИ ЭНН СЕКСТОН

Атлас А. З.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3429-3238>

Аннотация. В работе рассматривается явление вторичной репрезентации произведений, значимых для социума. Материалом исследования послужила книга стихов «Превращения» Энн Секстон, известной представительницы исповедальной поэзии в американской литературе. Цель статьи – выяснить, за счет чего происходит смысловой сдвиг в ее произведениях, переписывающих и реинтерпретирующих сказки братьев Гримм. Тщательно исследована прагматическая функция двух выявленных типов метатекстовых элементов. Метатексты могут быть инкорпорированы непосредственно в переложение известного сюжета в виде текущего комментария, позволяя автору развертывать историю и фокусировать внимание читателя на ключевых моментах «материнского» текста. Другой тип метатекста расположен за пределами переложения сказочного сюжета в виде прологов или рамочных конструкций с прологом и эпилогом, излагающих истории сегодняшнего дня. Структура «текст в тексте» помогает читателю провести параллель между современными сюжетами в обрамляющей части и пересказываемыми классическими сюжетами внутри нее; она дает ключ к экспликации потенциального смысла привычных историй, подвергая сомнению устоявшиеся взгляды читателя на них. Исследуется взаимосвязь между возможностью включения метатекстовых элементов в реинтерпретации и сменой их целевой аудитории.

Ключевые слова: реинтерпретация; волшебная сказка; вторичный текст; американская женская поэзия; Энн Секстон; сказки братьев Гримм; метатекст; метатекстовые элементы; комментарий; текст в тексте

Для цитирования: Атлас, А. З. Реинтерпретация волшебных сказок в поэзии Энн Секстон / А. З. Атлас. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 162–172.

*“Just as every rewriting of a tale is an interpretation,
so every interpretation is a rewriting”
[Tatar 1992: xxxvii]*

Literature of the final decades of the twentieth century produced a large number of retellings of texts that belong to the canon showing “obsession with evolutionary repetition” [Gandlevsky 1998: 34]. It is culturally central texts, or strong texts, that are open to interpretation by writers, researchers, translators and readers [Cook 1993; Gronas 2001; Maslennikova 2016]. These include fairy tales and myths that serve the purpose of storing and communicating values important for society. When they are appropriated by an author in a situation with a new current agenda, their reinterpretations are often intended to demonstrate one-sidedness of the values that the text conveys and highlight its stereotypes that modern readers are ready to share or to reveal latent meanings lost in the flow of time.

Contemporary writers deal with “the usual themes of the fairy tale under a critical, skeptical perspective, with the intent to cause a disturbance in the viewer and to remind him that fairy tales do not offer any alternative to reality. Their works collide with past interpretations... that force the audience to ask questions and to see the world from new perspectives” [Barsotti 2015: 77], as Susanna Barsotti remarks. Their reinventions of fairy tales [Kérchy 2011] are often characterized, as Thomas Leach qualifies updates of classical texts, “by the overtly revisionary stance toward an original text” [Leitch 2002: 46], which holds true of modern-day reinterpretations of fairy tales. Besides, “reinterpretation initially implies the need for active cooperation on the part of the subject of perception who turns from an outside observer into one of the participants in the dialogue” [Volkova 2009: 178–179]; it “does not so much reconcile contradictions as sharpens the differences of viewpoints on the object of speech” [Volkova 2008: 98–99].

Researchers point to overlapping fairy-tale retellings with fairy-tale criticism at the end of the past century. Stephen Benson, for example, notes “the extraordinary synchronicity... of fiction and fairy-tale scholarship... The concerns of the fiction are variously and fascinatingly close to those of the scholarship” [Benson 2008: 5]. According to Jack Zipes, “since 1980 there has been an inextricable, dialectical development of mutual influence of *all* writers of fairy tales and fairy-tale criticism that has led to innovative fairy-tale in all cultural fields” [Zipes 2009: 122]. Zipes calls these reinterpretations of fairy tales that have to adapt themselves to everchanging conditions “hybrid genres” [Zipes 2006: 3] since new adaptations of fairy tales absorb elements of other genres. In her comprehensive study of parody, Linda Hutcheon points out: “Art forms have increasingly appeared to distrust external criticism to the extent that they have sought to incorporate critical commentary within their own structures in a kind of self-legitimizing short-circuit of the normal critical dialogue” [Hutcheon 1988: 1]. In the paper with the title that speaks for itself, “Parody as criticism”, J. G. Riewald formulates the main point this way: “[Parody] is not a branch of theoretical criticism, but a very special and pleasant type of practical or ‘applied’ criticism, a kind of handicapped close reading” [Riewald 1966: 130].

Discussing the role of commentary, Michel Foucault notes that “commentary rests on the postulate that speech (*parole*) is an act of ‘translation’” [Foucault 1973: xvi–xvii]. It “tries to transmit an old, unyielding discourse seemingly silent to itself, into another, more prolix discourse that is both more archaic and more contemporary... to comment is to admit by definition an excess of the signified over the signifier; a necessary, unformulated remainder of thought that language has left in the shade” [ibid., xvi]. The inevitability of the commentary manifests itself in recognizing unspoken components in an utterance, written or spoken, that need articulating.

Gerard Genette describes metatextuality as “the relationship most often labeled ‘commentary’”. It unites a given text to another, of which it speaks without necessarily citing it. ...This is the *critical* relationship par excellence” [Genette 1997: 4; emphasis in original]. The concept of metatext is widely used in contemporary research, and all the works that discuss it in one way or another refer to Anna Wierzbicka’s classic work “Metatext in the text”. In it, the author examines “metaorganisers” of the monologic text that make it two-voiced. Wierzbicka assumes that the author of a text is like a thoughtful listener of someone else’s speech, who records its content and mentally comments on what he has just heard, and that the author himself can also be the commentator of the text [Wierzbicka 1978: 404]. She refers to M. M. Bakhtin’s words on two hidden voices in the monological utterance: “dialogic relationships are also possible toward one’s own utterance as a whole, toward its separate parts and toward an individual word within it, if we somehow detach ourselves from them, speak with an inner reservation, if we observe a certain distance from them, as if limiting our own authorship or dividing it in two” [Bakhtin 1984: 184]. Wierzbicka identifies the functions that “metatext threads”, as she calls pieces in the monologic text relating to the “meta-voice”, perform. “They clarify the ‘semantic pattern’ of the main text, connect its various elements, reinforce, bind” [ibid.: 421].

Distinguishing metatext, a statement about the statement, within a monologic utterance is connected with the fundamental distinction between object language and metalanguage used to describe the former, that is between the text and the commentary on it [Shaimiev 1996: 80]. Many scholars admit the pragmatic function of metatext. As V. A. Shaimiev argues, “in this case we talk about the reflection in a text of a specific situation of its creating (developing), commenting upon (interpreting) and preparing the addressee for the perception of some particular text. The pragmatic essence of commenting is ultimately a focus on the addressee’s adequate understanding of the text commented upon” [ibid.: 82]. V. A. Lukin specifies that “metatextual elements... serve to switch the recipient over to the text fragments that are most significant from the author’s point of view” [Lukin 2005: 100].

Shaimiev distinguishes at least two types of metatext: inclusive metatext, or intrametatext (when metatextual structures are woven into the main text), and separative one (metatextual structures are in preposition or postposition to the main text, that is are separated from it) [Shaimiev 1996].

The ways metatextual elements are integrated into the book of poems “Transformations” [Sexton 1971a] written by Anne Sexton, a well-known representative of the confessional poetry in the United States, are of considerable interest. Confessional poetry, as its name suggested by M. L. Rosenthal in 1959 in his interview with Robert Lowell, the main figure of this movement [Rosenthal 1960], indicates, deals with examination and revelation of the self. Confessional poetry is the projection of personal disturbances, intense psychological experiences, existential crises, family troubles and sufferings, that is the reflection of “more intimate aspects of life, areas of experience that most of us would instinctively keep from public sight” [Mills 1965: 288].

The most notable confessional poets are Sylvia Plath, W. D. Snodgrass, and Anne Sexton who studied at Boston University under Robert Lowell. Sexton admits, “The poetry is often more advanced, in terms of my unconscious, than I am. Poetry, after all, milks the unconscious. The unconscious is there to feed its little images, little symbols, the answers, the insights I know not of” [Sexton 1971b: 162]. Themes, in particular Sexton’s painful personal experiences, in her poems, “Transformations” including, were often the focus of profound critical analysis [Ostriker 1982; Cronan Rose 1983; Colburn 1991].

The aim of this article is to reveal how, in her transformations of the Grimms’ tales, Sexton used, quite intentionally and explicitly, techniques that stimulate the audience to re-examine their notions about the ideological meaning of the tales she appropriates. In her revisionist fairy tales, the ‘applied’ criticism and hybridity manifest themselves, as it will be shown, in the presence of commentary, or metatext, which takes various forms. Sexton’s poetry book consists of sixteen transformations from the Brothers Grimms’ collection of tales [Grimm 1962]: “Snow White and Seven Dwarfs”, “Red Riding Hood”, “Hansel and Gretel”, “Rapunzel”, “The Twelve Dancing Princesses”, “The Frog Prince”, “The Little Peasant”, “Godfather Death”, “The White Snake”, “Iron

Hans", "Rumpelstiltskin", "Briar Rose" ("Sleeping Beauty"), "Cinderella", "The Maiden Without Hands", "One Eye, Two Eyes, Three Eyes". These tales serve as a ready-made scheme, a starting point for the author's reflections on their meaning, characters and *moralité*, as well as on the problems the poetess faced during her own socialization. Furthermore, fairy tales, with their straightforward trajectory of unfolding events, without digressions, saves the confessional poet from inevitable fixation on herself.

All sixteen transformations have a similar structure. They begin with a prologue that varies in length from one stanza to almost half a poem. The narrator, or rather the *persona* whose narrative voice the reader hears, is "Dame Sexton", "the speaker in this case / ...a middle-aged witch, me... ready to tell you a story or two... to transform Brothers Grimm" [Sexton 1971a: 1; further references to this book are given in brackets]. Both names foreground the *persona's* basic trait: she is a mature and experienced woman who has worldly knowledge. To a great extent, it's her perspective that predetermines frequent appeal to the feminine mind, as well as her angle of seeing classic fairy tales and the target audience, mostly women.

The narrator comes from the twentieth century; brazen wit and contemporary realities and facts suggest it. In the prologue, she discusses current-day social and psychological issues, such as alienation, gender identity, sexual abuse, commodification of women, etc. Dame Sexton declares her intention to transform the Grimms' tales ("Transform? / As if an enlarged paper clip / could be a piece of sculpture" (p. 2). In prologues, Sexton reflects on the universal nature of the phobias and folly these stories contain [Gallagher 1991].

The prologue is followed by retelling a particular tale; it starts with "once", "once upon a time", "there once was", "long ago there was", "in an old time". These are the so-called traditional initial formulas [Roşianu 1967] that serve as signals for readers to move to another level of narration – the fairy-tale world. According to Jerzy Bartmiński, "the use of circulating expressions, which the recipient recognises as 'his' or 'hers', contributes to the actualisation (or even the formation) of a circle of perceptions common to both contacting parties", the

addresser and the addressee [Bartmiński 2005: 204]. Some transformations end with an epilogue in which the narrator returns from the fairy-tale world back to the real one.

In the course of the presentation of the "mother" text [Lotman 1992a: 153], in this case a particular fairy-tale story, the poetess Anne Sexton delegates to the narrator, Dame Sexton, the right to make remarks while she is telling her story. These remarks are an example of intrametatext since they are made not from outside the fairy-tale narrative (prologue or epilogue) but from inside. They are often accompanied by direct address, its addressee being either the reader: "Next came the ball, as you all know. / It was a marriage market" (p. 54; emphasis added); "But *oh, my friends*, in the end you will dance the fire dance in iron shoes" (p. 5) or the narrator herself: "But I get ahead of my story" (p. 76); "But I digress" (p. 95). This running commentary facilitates the unfolding of the story and draws readers' attention to their willingness to share universally shared judgements, stereotypes or expectations about fairy tales:

"They [Rapunzel and the prince] lived happily as you might expect / proving that mother-me-do / can be outgrown" (p. 42);

"[Cinderella] planted that twig on her mother's grave / and grew a tree where a white dove sat. / ...*The bird is important, my dears, so heed him*" (p. 54); "Cinderella went to the tree and cried. ... / My turtledove, / send me to the prince's ball! / ...So she went. *Which is no surprise*" (p. 56).

The metatextual commentary can take the form of a maxim, a judgement of an experienced person – "a middle-aged witch", "a dame":

"On his [poor soldier's] way to the castle / he met an old old woman. / *Age, for a change, was of some use.* / ...She told him not to drink a drop of wine / and gave him a cloak that would make / him invisible when the right time came" (p. 90); "I am a dwarf. / ...and no child will ever call me Papa. ...Without reward the dwarf would not spin. / Give me your first-born and I will spin. / ... [The queen offered the dwarf] all the kingdom / but he wanted only this / a living being / to call his own. / *And being mortal / who can blame him?*" (p. 20);

“No, Cinderella, said the stepmother, / you have no clothes and cannot dance. / *That’s the way with stepmothers*” (p. 55).

The intrametatext can also take the form of a comment by the narrator that presents a critical judgement on the characters and their actions:

“Then he [the wolf] put on her nightdress and cap / and smuggled down into the bed. / *A deceptive fellow*” (p. 77);

“There was once a miller / with a daughter lovely as a grape. / ...she could / spin gold out of common straw. / The king... locked her in a room full of straw / and told her to spin it into gold / or she would die like a criminal. / *Poor grape with no one to pick. / Luscious and round and sleek. / Poor thing. / To die and never see Brooklyn*” (p. 18);

“Beware, beware, [the dwarfs] said. / ...but the queen came, / Snow White, *the dumb bunny*, / opened the door / and she bit into a poison apple” (p. 8).

The “metatextual thread”, or intrametatext, can be easily extracted from the story being told without affecting its core content. However, this type of metatext has a pragmatic meaning: it is a brief note in the margin made in passing that helps readers to go further into the story as it unravels and draws their attention to its key points. With them, Sexton sets the accents needed for the explication of the story’s meaning.

The separative metatext in Sexton’s reinterpretations takes the form of a prologue preceding the fairy-tale retelling; in some of them, it embraces a prologue and an epilogue that frame the embedded fairy-tale narrative. Everyday stories told in prologues and epilogues are set in modern time and abound in contemporary realities; they are also provided with a moral. This type of metatext reveals parallels between the fairy-tale world and everyday reality and highlights the idea of repetition and similarity (situations, events, etc.). In this way, the structure of poems makes the meaning of classic fairy tales, as the author of “Transformations” sees it, more transparent: the separative metatext promotes interpretation.

In the prologue to “Cinderella”, four contemporary stories about different people of different professions – plumber, nursemaid, milkman and charwoman – are told. Each time

readers are reminded that they heard the story before:

You always read about it:

the plumber with twelve children
who wins the Irish Sweepstakes.
From toilets to riches.

That story.

Or the nursemaid,
some luscious sweet from Denmark
who captures the oldest son’s heart.
From diapers to Dior.

That story.

Or a milkman who serves the wealthy,
eggs, cream, butter, yogurt, milk,
the white truck like an ambulance
who goes into real estate
and makes a pile.
From homogenized to martinis at lunch.

Or the charwoman
who is on the bus when it cracks up
and collects enough from the insurance.
From mops to Bonwit Teller.

That story. (p. 53)

In the prologue, there is a fourfold reference to “that story”. While in everyday communication the deictic pronoun “that” points at something distant in space and time, in poetry it “points to objects and phenomena present in one’s mental image or memory” [Kovtunova 1986: 42]. Together with the address to the reader “You always read about it”, “that story” implies that readers should keep a familiar story in their memory even though it is not named. Though the idiom “from rags to riches” summarizing the idea of magical transformations that happened to Cinderella is not mentioned by Sexton, she plays variations on it, which helps to revive the original fairy tale’s concept:

“from toilets to riches”
“from diapers to Dior”
“from homogenized to martinis at lunch”
“from mops to Bonwit Teller”

Four contemporary anecdotes in the prologue (about a plumber winning the lottery, a nursemaid capturing the oldest son, a charwoman winning the lawsuit and a milkman taking advantage of the situation) are followed by retelling the tale of Cinderella who marries Prince. Sexton emphasizes that her story of success is not different from the other four. All of them reflect a similar situation: its characters acquire a higher status without effort, not because of their professional skills, but because of happy coincidence or cunning tricks.

The frame construction in "Transformations", as it is typical of "text within a text" [Lotman 1992a: 155] structure, seeks to characterize the text it incorporates. The idea of doubling inherent in it brings to the fore the idea of repetitiveness of situations presented in the embedding and embedded texts because of the limited set of life scenarios.

In her versions of classic Grimms' fairy tales, Sexton changes the target audience from children, as the title of precedents, "Die Kinder- und Hausmärchen", suggests, to adults. Targeting the needs of this audience allows the narrator to enlarge or problematize those aspects of tales that relate to adult sphere, to try to answer 'childish' questions of a 16-year-old boy who is "each of us":

Attention,
my dears,
let me present to you this boy.
He is sixteen and he wants some answers.
He is each of us.
I mean you.
I mean me.
It is not enough to read Hesse
and drink clam chowder
we must have the answers.
The boy has found a gold key
and he is looking for what will open. ...
He turns the key.
Presto!
It opens this book of odd tales
which transform the Brothers Grimm.
Transform?
As if an enlarged paper clip
could be a piece of sculpture.
(And it could.) (p. 2)

The shift to a new addressee makes the integration of commentary, both inclusive and separative, within a fairytale reinterpretation potentially possible. The narrator, sometimes in a rather sharp and ironic way, expresses her non-participation in maintaining long-established myths and tries to refute certain truths. As Vladimir Jankélévitch observes, "In every assertion there is a possibility of error that will willingly walk us around if we allow our minds to rush readily for truths. ...Hence the analytical... nature of irony: ...it forces them [false truths] to reveal flaws that without it would remain unnoticed. Irony vividly illuminates nonsense, leads absurdity to self-denial" [Jankélévitch 2004: 74].

Dame Sexton, the ironic narrator, often following the black-and-white logic of fairy tales for children, reverses accepted human values. Thus, female beauty, in her opinion, can verge on cruelty: "[women] pretty enough, but with hearts like blackjacks" (p. 54). After her stepmother is punished and dances her death dance in white-hot iron shoes, Snow White looks at her reflection in the mirror as if nothing happened: "referring to her mirror / as women do" (p. 9). The narrator draws attention to the callous behaviour of women in situations that are dramatic for other women, the stepmother's and to her dreadful fate in this case, that will boomerang on them:

Beauty is a simple passion,
but oh my friends, in the end
you will dance the fire dance in iron shoes. (p. 5)

In the reinterpretation of "One-Eye, Two-Eyes, Three-Eyes" about three sisters, the eldest of whom has one eye, the youngest three eyes, and the middle one two eyes, like all people do, for which she is abused by her sisters and mother, the narrator makes a harsh comment on charity, often fake, for the poor and the disabled: people get into character, bear their cross eagerly and expect praise for this:

[The parents of]
the somehow deficient,
the somehow maimed...
have bizarre thoughts...
and admire their trophy.
They turn a radish into a ruby.
They plan an elaborate celebration.
They warm to their roles.
They carry it off with a positive fervor. ...

The club-footed boy
wearing his shoe like a flat iron.
The idiot child,
a stuffed doll who can only masturbate.
The hunchback carrying his hump
like a bag of onions...
*Oh how we treasure
their scenic value.* (pp. 60–61)

The practice of ameliorating some tough issues of original folkloric sources as well as conventions of literary fairy tales become the target for the author's irony as well. In "Transformations", situational irony and grotesque expose cruelty and violence inherent in folklore. They accentuate unattractive features of positive characters' personalities that as a rule remain in the shadow since long ago they turned into abstract concepts of the good. Negative characters, in contrast, get sympathy from the *persona*. Thus, the system of values is either inverted or questioned:

The huntsman and the grandmother and Red
Riding
Hood
sat down by his corpse [of the wolf] and had a meal
of wine and
cake. (p. 79)

The wicked queen was invited
to the wedding feast
and when she arrived there were
red-hot iron shoes...
clamped upon her feet.
First your toes will smoke
and then your heels will turn black
and you will fry upward like a frog,
she was told.
And so she danced until she was dead,
a subterranean figure,
her tongue flicking in and out
like a gas jet.

*Meanwhile Snow White held court,
rolling her china-blue doll eyes open and shut
and sometimes referring to the mirror
as women do.* (p. 9)

Some elements of fairy-tale poetics are also ridiculed. In "Cinderella", the down-to-earth comment of the *persona* "Next came the ball, as you

know. / It was a marriage market" (p. 54) deprives the ball in Prince's palace, the culminating event of the fairy tale, of any romantic aura typical of the original text. The reader to whom the narrator refers is invited to see the roles heroines perform in a new way: they are an object of purchase and sale at the ball.

Such an indispensable narrative convention of fairy tales as happy ending [Lotman 1992b: 231] – the protagonists' wedding that serves as a pledge that they will live happily ever after – also becomes an object of irony. E. N. Kovtun rightfully remarks, "Children are not confused by the inconsistency of fairy-tale logic with the logic of everyday life" [Kovtun 1999: 139]. The shift to adult target audience allows the author of "Transformations" to suggest a rationalistic perspective: after all, "life is not... a magic fairy tale with a guaranteed happy ending" [Alker 1987: 410]. In her reinterpretation of Cinderella's story, Sexton writes beyond the ending and offers a sequel: she describes the virtual life scenario of the protagonists after their marriage. It does not look like a fairy tale: nappies, household chores, tiffs and quarrels over trifles, food shortages, senility and so on. She paints the other, unsightly, side of life that Cinderella and Prince Charming, two exhibits in a "museum case", never get to know within the fairy-tale limits. In doing so, Sexton adds meanings that the fairy-tale convention of happy ending excludes:

Cinderella and the prince
lived, they say, happily ever after,
like two dolls in a museum case
never bothered by diapers or dust,
never arguing about the timing of an egg,
never telling the same story twice,
never getting a middle-aged spread,
their darling smiles pasted on for eternity.
Regular Bobbsey Twins.
That story. (p. 57)

The storyteller exposes real details of which adult readers know not by hearsay and which fairy tales gloss over. As a result, by the end of the story the refrain "That story" acquires, apart from its function of appeal to the well-known fairy tale, an evaluative one: "that story", that happy life after the wedding, that happy ending.

On the whole, the author sticks to the poetics of happy ending: half of the tales in “Transformations” end the same way as in their precedents – with their heroines’ marriage. However, this institution is viewed by the author as one that deprives a person of an eventful life and makes her feel trapped (“box”, “blue coffin”, “blue funk”, “prison”):

So, of course,
they were *placed in a box*
and painted identically blue
and thus passed their days
living happily ever after –
a kind of coffin,
a kind of blue funk.

Is it not? (p. 15)

[The prince] kissed Briar Rose
and she woke up crying:
Daddy! Daddy!
Presto! She's *out of prison!* (p. 110)

Cinderella and the prince
Lived, they say, happily ever after,
like two *dolls in a museum case.* (p. 57)

As stories of initiation about acquiring a new social status, fairy tales reflect the constraints that society imposes on women's searches from childhood and the patterns of behaviour it sets for new generations of young female readers who remain captives within these patterns. Sexton emphasises the compliant, puppet-like nature of fairy-tale heroines: their lives cannot be controlled by them; therefore, these young women never grow up, there is no development or *Bildung* for them.

Some important features of Sexton's reinterpretations of well-known fairy tales can be highlighted. Unlike many other reinterpretations

of fairy tales undertaken during the second wave of feminism when the authors experimented with plot, motifs, actors, etc. (see more [Atlas 2015]), the narrative line of “mother” texts, the Grimms' fairy tales, is not altered by Sexton in “Transformations”. On the contrary, the author consistently adheres to the original narrative plotline, thereby emphasising its unchanging course, which does not allow the heroines of the tales to act on their own: they are predetermined to fill the slots in the original plot on and on.

At the same time, leaving the plot of textual precedents unchanged, Sexton gives the *persona* of “Transformations” sufficient freedom to comment on “mother” texts. The tone of her “meta-voice”, now ironic, now sarcastic or satirical, differs from the consistent epic tone of the Grimm Brothers' narrator. These comments made both outside the retelling of classical fairy tales (in prologues and epilogues) and within it enhance the possibility of interpreting them.

Thus, the types of metatext discussed above, inclusive and separative ones, can be viewed as a way of making the author's presence exposed, revealing her rationalist attitude to classical fairy tales, and giving the reader a code that helps to explicate their potential meaning. These metatextual elements are pragmatically tuned towards the intended addressee, towards an adequate, from the point of view of the author, perception of the “mother” text by contemporary audience in the spirit of revisionist thinking.

Rewriting and reinterpretation of fairy tales demonstrate willingness of writers to question, in the context of a new social agenda, value relations that these tales, with their set of truths anchored in the collective consciousness, communicate. What is essential here is writers' reflection on the coincidence or non-coincidence of their own axiology and the value system of cultural tradition represented by textual precedents.

ЛИТЕРАТУРА

Атлас, А. З. Вторичный текст: вариативность использования элементов повествования текста-источника / А. З. Атлас // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2015. – № 175. – С. 5–16.

Бартминьский, Е. По поводу лордовской концепции формулы / Е. Бартминьский // Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике : пер. с польского. – М. : Индрик, 2005. – С. 395–404.

Вежбицка, А. Метатекст в тексте / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста. – М. : Прогресс, 1978. – С. 402–421.

Волкова, П. С. Реинтерпретация в свете философии искусства: к постановке проблемы / П. С. Волкова // Теория и практика общественного развития. – 2009. – № 2. – С. 170–182.

Волкова, П. С. Феномен реинтерпретации: опыт осмысления (на материале современного искусства) / П. С. Волкова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 78. – С. 96–102.

- Гандлевский, С. М. Литература² (литература в квадрате) / С. М. Гандлевский // Поэтическая кухня : [сб. очерков, эссе о литературе]. – СПб. : Пушк. дом, 1998. – С. 29–35.
- Гронас, М. Безымянное узнаваемое, или канон под микроскопом / М. Гронас // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 51. – С. 68–88.
- Ковтун, Е. Н. Поэтика необычайного: художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа. – М. : Изд-во МГУ, 1999. – 307 с.
- Ковтунова, И. И. Поэтический синтаксис / И. И. Ковтунова ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1986. – 206 с.
- Лотман, Ю. М. Происхождение сюжета в типологическом освещении / Ю. М. Лотман // Избранные статьи : в 3 т. Том 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн : Александра, 1992б. – С. 224–242.
- Лотман, Ю. М. Текст в тексте / Ю. М. Лотман // Избранные статьи : в 3 т. Том 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн : Александра, 1992а. – С. 148–160.
- Лукин, В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум / В. А. Лукин. – М. : Изд-во «Ось-89», 2005. – 560 с.
- Масленникова, Е. М. «Сильный» текст и реинтерпретируемость / Е. М. Масленникова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: филология. – 2016. – № 2. – С. 283–288.
- Олкер, Х. Р. Волшебные сказки, трагедии и способы изложения мировой истории / Х. Р. Олкер // Язык и моделирование социального взаимодействия : сб. статей : пер. / сост. В. М. Сергеева и П. Б. Паршина ; общ. ред. В. В. Петрова. – М. : Прогресс, 1987. – С. 408–440.
- Рошияну, Н. Традиционные формулы сказки (на материале румынского и восточнославянского фольклора) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Рошияну Н. – М., 1967. – 27 с.
- Шаймиев, В. А. Композиционно-синтаксические аспекты функционирования метатекста в тексте / В. А. Шаймиев // Русский текст. – 1996. – № 4. – С. 80–91.
- Янкевич, В. Ирония. Прощение / В. Янкевич ; пер. с фр. и послесл. В. В. Большакова, Б. М. Скуратова ; примеч. В. В. Большакова [и др.]. – М. : Республика, 2004. – 334 с.
- Anne Sexton: Telling the Tale / ed. by S. E. Colburn. – Ann Arbor : Univ. of Michigan Press, 1991. – 421 p.
- Bakhtin, M. Problems of Dostoevsky's Poetics (Theory and History of Literature, Vol. 8) / M. Bakhtin ; ed. and transl. by C. Emerson ; introduction by W. C. Booth. – Minneapolis, London : Univ. of Minnesota Press, 1984. – 384 p.
- Barsotti, S. The Fairy Tale: Recent Interpretations, Female Characters and Contemporary Rewriting. Considerations About an 'Irresistible' Genre / S. Barsotti // Journal of Theories and Research in Education. 2015. – No. 10 (2). – P. 69–80.
- Benson, S. Contemporary Fiction and the Fairy Tale / S. Benson. – Waine : Detroit State UP, 2008. – 216 p.
- Cook, A. Canons and Wisdoms / A. Cook. – Philadelphia : Univ. of Pennsylvania Press, 1993. – 213 p.
- Cronan Rose, E. Through the Looking Glass: When Women Tell Fairy Tales / E. Cronan Rose // The Voyage In: Fictions of Female Development / ed. by E. Abel, M. Hirsch and E. Langland. – Hanover and London : UP of New England, 1983. – P. 209–227.
- Foucault, M. The Birth of the Clinic: An Archaeology of Medical Perception / M. Foucault ; transl. from the French by A. M. Sheridan Smith. – NY : Pantheon Books, 1973. – 215 p.
- Gallagher, B. The Expanded Use of Simile in Anne Sexton's "Transformations" / B. Gallagher // Anne Sexton: Telling the Tale / ed. by Steven E. Colburn. – Ann Arbor : The Univ. of Michigan Press, 1991. – P. 257–262.
- Genette, G. Palimpsests: Literature in the Second Degree / G. Genette ; transl. by C. Newman and C. Doubinsky. – Lincoln, NE : Univ. of Nebraska Press, 1997. – 490 p.
- Greene, G. Changing the Story: Feminist Fiction and the Tradition / G. Greene. – Bloomington and Indianapolis : Indiana UP, 1991. – 303 p.
- Grimm J., Grimm W. Die Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm / J. Grimm, W. Grimm. – Berlin : Kinderbuchverlag, 1962. – 456 S.
- Hutcheon, L. A Theory of Parody: The Teachings of Twentieth-Century Art Forms / L. Hutcheon. – NY : Methuen, 1988. – 168 p.
- Leitch, Th. Twice-Told Tales: Disavowal and the Rhetoric of the Remake / Th. Leitch // Dead Ringers: The Remake in Theory and Practice / ed. by J. Forrest and L. R. Koos. – Albany : State Univ. of New York Press, 2002. – P. 37–62.
- Mills, R. J., Jr. Contemporary American Poetry / R. J. Mills, Jr. – New York : Random House, 1965. – 262 p.
- Ostriker, A. The Thieves of Language: Women Poets and Revisionist Mythmaking / A. Ostriker // Signs. – 1982. – Vol. 8, No. 1. – P. 68–90.
- Postmodern Reinterpretations of Fairy Tales: How Applying New Methods Generates New Meanings / ed. by A. Kérchy. – Lewiston, NY : Edwin Mellen Press, 2011. – 520 p.
- Riewald, J. G. Parody as Criticism / J. G. Riewald // Neophilologus. – 1966. – No. 50. – P. 125–148.
- Rosenthal, M. L. The Modern Poets: A Critical Introduction / M. L. Rosenthal. – New York : Oxford University Press, 1960. – 228 p.
- Sexton, A. The Art of Poetry XV / A. Sexton // Paris Review. – 1971b. – No. 52. – P. 159–191.
- Sexton, A. Transformations / A. Sexton. – Boston : Houghton Mifflin Co., 1971a. – 111 p.
- Tatar, M. Off With Their Heads! Fairy Tales and the Culture of Childhood / M. Tatar. – Princeton : Princeton UP, 1992. – 332 p.
- Zipes, J. Relentless Progress: The Reconfiguration of Children's Literature, Fairy Tales, and Storytelling / J. Zipes. – New York : Routledge, 2009. – 208 p.
- Zipes, J. Why Fairy Tales Stick: The Evolution and Relevance of a Genre / J. Zipes. – London : Routledge, 2006. – 352 p.

REFERENCES

- Alker, H. R. (1987). Volshebnye skazki, tragedii i sposoby izlozheniya mirovoi istorii [Fairy Tales, Tragedies and World Histories]. In Petrov, V. V. (Ed.). *Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeistviya: sb. statei*. Moscow, Progress, pp. 408–440.
- Atlas, A. Z. (2015). Vtotchinyi tekst: variativnost' ispol'zovaniya elementov povestvovaniya teksta-istochnika [Rewriting Culturally Central Texts: Selection of Narrative Elements from Textual and Fine Arts Precedents]. In *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. No. 175, pp. 5–16.
- Bakhtin, M. (1984). *Problems of Dostoevsky's Poetics* (Theory and History of Literature, Vol. 8) / ed. and transl. by C. Emerson; introduction by W. C. Booth. Minneapolis, London, Univ. of Minnesota press. 384 p.
- Barsotti, S. (2015). The Fairy Tale: Recent Interpretations, Female Characters and Contemporary Rewriting. Considerations About an 'Irresistible' Genre. In *Journal of Theories and Research in Education*. Issue 10. No. 2, pp. 69–80.
- Bartmiński, J. (2005). Po povodu lordovskoi kontseptsii formuly [On Lord's Concept of Formula]. In *Yazykovoi obraz mira: ocherki po etnolingvistike*. Moscow, Indrik, pp. 395–404.
- Benson, S. (2008). *Contemporary Fiction and the Fairy Tale*. Wayne, Detroit State UP. 216 p.
- Colburn, S. E. (Ed.). (1991). *Anne Sexton: Telling the Tale*. Ann Arbor, The Univ. of Michigan Press. 421 p.
- Cook, A. (1993). *Canons and Wisdoms*. Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Press. 213 p.
- Cronan Rose, E. (1983). *Through the Looking Glass: When Women Tell Fairy Tales*. In Abel, E., Hirsch, M. and Langland, E. (Eds.). *The Voyage In: Fictions of Female Development*. Hanover and London, UP of New England, pp. 209–227.
- Foucault, M. (1973). *The Birth of the Clinic: An Archaeology of Medical Perception* / transl. from French by A. M. Sheridan Smith. NY, Pantheon Books. 215 p.
- Gallagher, B. (1991). The Expanded Use of Simile in Anne Sexton's "Transformations". In Colburn, S. E. (Ed.). *Anne Sexton: Telling the Tale*. Ann Arbor, The Univ. of Michigan Press, pp. 257–262.
- Gandlevsky, S. M. (1998). Literatura² (literature v kvadrate) [Literature² (Literature Squared)]. In *Poeticheskaiya kukhnya: sb. ocherkov, esse o literature*. Saint Petersburg, Pushkinskii dom, pp. 29–35.
- Genette, G. (1997). *Palimpsests: Literature in the Second Degree* / transl. by C. Newman and C. Doubinsky. Lincoln, NE, Univ. of Nebraska Press. 490 p.
- Greene, G. (1991). *Changing the Story: Feminist Fiction and the Tradition*. Bloomington and Indianapolis, Indiana UP. 303 p.
- Grimm J., Grimm W. (1962). *Die Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm*. Berlin, Kinderbuchverlag. 456 p.
- Gronas, M. (2001). Bezymyannoe uznavaemoe, ili kanon pod mikroskopom [The Unnamed Recognizable, or Canon under the Microscope]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 51, pp. 68–88.
- Hutcheon, L. (1988). *A Theory of Parody: The Teachings of Twentieth-Century Art Forms*. NY, Methuen. 168 p.
- Jankélévitch, V. (2004). *Ironiya. Proshchenie* [Irony. Forgiveness] / transl. by V. V. Bolshakov. Moscow, Respublika. 334 p.
- Kérchy, A. (Ed.). (2011). *Postmodern Reinterpretations of Fairy Tales: How Applying New Methods Generates New Meanings*. Lewiston, NY, Edwin Mellen Press. 520 p.
- Kovtun, E. N. (1999). *Poetika neobychninogo: khudozhesvennye miry fantastiki, volshebnoi skazki, utopii, pritchi i mifa* [Poetics of the Extraordinary: The Fictional Worlds of Fantasy, Fairy Tale, Utopia, Parable, and Myth]. Moscow, Izdatel'stvo MGU. 307 p.
- Kovtunova, I. I. (1986). *Poeticheskii sintaksis* [Poetic Syntax]. Moscow, Nauka. 206 p.
- Leitch, Th. (2002). Twice-Told Tales: Disavowal and the Rhetoric of the Remake. In Forrest, J and Koos, L. R. (Eds.). *Dead Ringers: The Remake in Theory and Practice*. Albany, State Univ. of New York Press, pp. 37–62.
- Lotman, Yu. M. (1992a). Tekst v tekste [Text Within a Text]. In *Izbrannyye stat'i: v 3 t. Vol 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury*. Tallinn, Aleksandra, pp. 148–160.
- Lotman, Yu. M. (1992b). Proiskhozhdenie syuzheta v tipologicheskom osveshchenii [The Origin of Plot in the Light of Typology]. In *Izbrannyye stat'i: v 3 t. Vol 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury*. Tallinn, Aleksandra, pp. 224–242.
- Lukin, V. A. (2005). *Khudozhestvennyi tekst: osnovy lingvisticheskoi teorii. Analiticheskii minimum* [Literary Text: The Essentials of Linguistic Theory. Analytical Minimum]. Moscow, Izdatel'stvo «Os'-89». 560 p.
- Maslennikova, E. M. (2016). «Sil'nyi» tekst i reinterpretiruemost' [«Strong» Text and Interpretability]. In *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: filologiya. No. 2, pp. 283–288.
- Mills, R. J., Jr. (1965). *Contemporary American Poetry*. New York, Random House. 262 p.
- Ostriker, A. (1982). The Thieves of Language: Women poets and Revisionist Mythmaking. In *Signs*. Vol. 8. No. 1, pp. 68–90.
- Riewald, J. G. (1966). Parody as Criticism. In *Neophilologus*. No. 50, pp. 125–148.
- Rosenthal, M. L. (1960). *The Modern Poets: A Critical Introduction*. New York, Oxford University Press. 228 p.
- Rosianu, N. (1967). *Traditsionnye formuly skazki (na materiale rumynskogo i vostochnoslavyanskogo folklora)* [Traditional Tale Formulas (in Romanian and East Slavic Folklore)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 27 p.
- Sexton, A. (1971a). *Transformations*. Boston, Houghton Mifflin Co. 111 p.
- Sexton, A. (1971b). The Art of Poetry XV. In *Paris Review*. No. 52, pp. 159–191.
- Shaimiev, V. A. (1996). Kompozitsionno-sintaksicheskie aspekty funktsionirvaniya metateksta v tekste [Compositional and Syntactic Aspects of Metatext Functioning in the Text]. In *Russkii tekst*. No. 4, pp. 80–91.
- Tatar, M. (1992). *Off With Their Heads! Fairy Tales and the Culture of Childhood*. Princeton, Princeton UP. 332 p.
- Volkova, P. S. (2008). Fenomen reinterpretatsii: opyt osmysleniya (na materiale sovremennogo iskusstva) [Phenomenon of Re-Interpretation: Experience of Reflection (Based on the Material of Contemporary Art)]. In *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. No. 78, pp. 96–102.
- Volkova, P. S. (2009). Reinterpretatsiya v svete filozofii iskusstva: k postanovke problemy [Re-Interpretation in the Light of Philosophy of Art: Problem Statement]. In *Teoriya i praktika obshchestvenno razvitiya*. No. 2, pp. 170–182.

Wierzbicka, A. (1978). Metatekst v tekste [Metatext in the Text]. In *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Issue VIII: Lingvistika teksta. Moscow, Progress. pp. 402–421.

Zipes, J. (2006). *Why Fairy Tales Stick: The Evolution and Relevance of a Genre*. London, Routledge. 352 p.

Zipes, J. (2009). *Relentless Progress: The Reconfiguration of Children's Literature, Fairy Tales, and Storytelling*. New York, Routledge. 208 p.

Данные об авторе

Атлас Анна Залмановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения, Институт иностранных языков, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 191186, Россия, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48.

E-mail: anna_atlas@mail.ru.

Author's information

Atlas Anna Zalmanovna – Candidate of Philology, Associate Professor of English Language and Cultural Studies Department, Foreign Languages Institute, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia).

Дата поступления: 02.09.2022; дата публикации: 30.06.2023

Date of receipt: 02.09.2022; date of publication: 30.06.2023

УДК 821.112.2(436)-3. ББК Ш33(4Авс)63-4
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.2

BERNHARD AND JELINEK: THE POETICS OF “ENDLESS TIRADES”

Vera V. Kotelevskaya

Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2650-7462>

Abstract. The article compares the poetics of two Austrian writers, Thomas Bernhard (1931–1989) and Elfriede Jelinek (born 1946) in terms of its performativity and musicality. The expression “*literature of endless tirades*” appears for the first time in the obituary written by Jelinek in memory of Thomas Bernhard, who died of an incurable disease (sarcoidosis). This text can also be considered as a manifest of Jelinek’s own poeology. The metaphor of the writer’s “body-factory”, forced to generate text continuously to go on living, put forward by Jelinek in relation to Bernhard, is considered by the author of this article as a key to the interpretation of the “sequential” (C. Marten) style of two Austrian authors. Rejecting the verisimilitude and narrative coherence of realism, Bernhard and Jelinek replace “the order of mimesis” (C. Prendergast) by linear-compositional coherence, imitating the forms of jazz improvisation, baroque polyphony, or the technique of Wagner’s “endless melody”. A comparative analysis of their prose, essays and some dramas has revealed the following common features of style: 1) mannerism as a reflection of the modernist hermetic tradition, as well as a style that allows resisting the pop culture, with its requirement in relation to a work of art to be easily understandable and comfortable for the reader; 2) preference of theatre and music, reflected in the performativity of the texts; 3) conceptualization of the world as the baroque *theatrum mundi*; 4) tragicomic worldview; 5) ambivalent representation of the fragment and the whole, death and life through the dialectics of destruction and figuration, often in the form of *parodia sacra*; 6) existential interpretation of silence versus speech as death versus postponement of death respectively; 7) creation of quasi-musical prose, in which the rhythmic-syntactic and compositional principles are emphasized; 8) deliberate exaggeration of the histrionic nature of fiction world and language; 9) self-reflexivity of literary form. These poetological features make it possible to reveal a kind of “elective affinities” (Goethe) of the two Austrian writers, and to interpret their poetics of “endless tirades” as a result of an intense search for the lost classical integrity of form and meaning, which can be resurrected in the 20th – early 21st century only in the form of grotesque.

Keywords: Thomas Bernhard; Elfriede Jelinek; Austrian literature of 20th – early 21st century; mannerism; modernism; postmodernism; intermediality; performativity and musicality of fiction

For citation: Kotelevskaya, V. V. (2023). Bernhard and Jelinek: The Poetics of “Endless Tirades”. In *Philological Class.* Vol. 28. No. 2, pp. 173–185.

БЕРНХАРД И ЕЛИНЕК: ПОЭТИКА «БЕСКОНЕЧНЫХ ТИРАД»

Котелевская В. В.

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2650-7462>

Аннотация. В статье сопоставляется поэтика двух австрийских писателей, Томаса Бернхарда (1931–1989) и Эльфриды Елинек (р. 1946), с точки зрения воплощенной в ней перформативности и музыкальности. Выражение «литература бесконечных тирад» звучит в некрологе, написанном Елинек в память об умершем от неизлечимой болезни (саркоидоза) Томасе Бернхарде. Этот текст можно считать также программным выражением собственной поэтологии Эльфриды Елинек. Метафора «тело-фабрики» писателя, вынужденного непрерывно порождать текст, чтобы продолжать жить, выдвинутая Елинек в отношении Бернхарда, берется нами в качестве интерпретативного ключа к истолкованию «секвенциального» (К. Мартен) стиля двух австрийских авторов. Отказываясь от характерных для реализма жизнеподобия и повествовательной связности, Бернхард и Елинек замещают «миметический порядок» (К. Прендергаст) линейно-композиционной связностью, подражая формам джазовой импровизации, барочной полифонии, технике «бесконечной мелодии» Вагнера. Сравнительный анализ их прозы, эссеистики и некоторых драм позволил выявить следующие общие стилевые черты:

1) маньеризм как отображение модернистской герметической традиции, а также стиль, позволяющий противостоять поп-культуре с ее требованием по отношению к литературному произведению быть понятным и комфортным для читателя; 2) предпочтение сценических искусств и музыки, отобразившееся в перформативности текстов; 3) концептуализация мира как барочного *theatrum mundi*; 4) трагикомическое мироощущение; 5) амбивалентная репрезентация фрагмента и целого, смерти и жизни посредством диалектики разрушения и оцельнения, нередко в форме *parodia sacra*; 6) экзистенциальное понимание молчания и речи как соответственно смерти и отсрочки смерти; 7) создание квазимузыкальной прозы, в которой усилено ритмико-синтаксическое и композиционное начало; 8) гипертрофия искусственности художественного мира и языка; 9) саморефлексивность художественной формы. Данные поэтологические признаки позволяют выявить своеобразное «избирательное сродство» двух австрийских писателей, а их поэтику «бесконечных тирад» интерпретировать как результат напряженных поисков утраченной классической целостности формы и смысла, которая может быть воскрешена в XX – начале XXI вв. лишь в форме гротеска.

Ключевые слова: Томас Бернхард; Эльфрида Елинек; австрийская литература XX века; маньеризм; модернизм; постмодернизм; интермедальность; перформативность; музыкальность прозы

Для цитирования: Котелевская, В. В. Бернхард и Елинек: поэтика «бесконечных тирад» / В. В. Котелевская. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 173–185.

BERNHARD UND JELINEK: DIE POETIK „DER ENDLOSEN SUADEN“

Vera V. Kotelevskaya

Südliche Föderale Universität (Rostow am Don, Russland)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2650-7462>

Exposé. Im vorliegenden Beitrag wird die Poetik österreichischer Schriftsteller:innen, nämlich die von Thomas Bernhard (1931–1989) und Elfriede Jelinek (*1946) im Hinblick auf ihre Performativität und Musikalität verglichen. Über die „Literatur der endlosen Suaden“ schrieb Elfriede Jelinek in einem Nachruf für den an der „Todeskrankheit“ Sarkoidose verstorbenen Thomas Bernhard. Dieser Text lässt sich auch als ein programmatischer Ausdruck von Jelineks eigener Poetologie interpretieren. Ihre in Bezug auf Bernhard gewählte „Leib-Fabrik“-Metapher des Schriftstellers, der gezwungen ist, unaufhörlich einen Text zu produzieren, um weiterleben zu können, soll hier als interpretativer Schlüssel zur Deutung des „sequenziellen“ Stils (C. Marten) der beiden österreichischen Autor:innen verstanden werden. Indem sie realistische Glaubwürdigkeit und erzählerische Kontinuität ablehnen, ersetzen sie eine „mimetische Ordnung“ (C. Prendergast) durch eine linear-architektonische Kohärenz und imitieren dabei bald die Formen der Jazz-Improvisation, bald die der barocken Polyphonie oder Wagners Technik der „endlosen Melodie“. Eine vergleichende Analyse ihrer Prosa, Essays und einiger Dramen ergab folgende Gemeinsamkeiten der beiden Poetiken: 1) Manierismus als Ausdruck der hermetischen Tradition der Moderne sowie als Gegenstil zur Popkultur mit ihrer Forderung, dass ein literarisches Werk für die Leserschaft verständlich sei und Rezeption mühelos sein möge; 2) Vorliebe für darstellende Künste und Musik, die eine ausdrückliche Performativität ihrer Texte bedingt; 3) Weltbild, das auf barockes *Theatrum Mundi* zurückgeht; 4) tragikomische Weltsicht; 5) ambivalente Repräsentation von Fragment und Ganzem, Tod und Leben durch die Zerstörung- und Totalität-Dialektik, oftmals als *parodia sacra*; 6) existentielle Deutung von Schweigen vs. Sprechen als Metaphern der Todesbedrohung vs. Todesverschiebung; 7) Herstellung einer musikähnlichen Prosa durch den inflationären Einsatz von rhythmisch-syntaktischen und textuell-architektonischen Elementen; 8) hypertrophierte Künstlichkeit von fiktiver Welt und Sprache selbst; 9) Selbstreflexivität der Erzählform. Diese poetologischen Merkmale erlauben es uns, eine Art von *Wahlverwandtschaften* zwischen diesen österreichischen Schriftsteller:innen auszumachen und ihre Poetik der „endlosen Suaden“ als Ergebnis einer intensiven Suche nach der verlorenen klassischen Totalität von Form und Sinn zu interpretieren, die im 20. und frühen 21. Jahrhundert nur in der grotesken Form wiederauferstehen kann.

Schlüsselwörter: Thomas Bernhard; Elfriede Jelinek; österreichische Literatur des 20. Jahrhunderts; Manierismus; Moderne; Postmoderne; Intermedialität; Performativität und Musikalität der Prosa

Einleitung

Im Nachruf auf Thomas Bernhard scheint Elfriede Jelinek bei ihrem Landsmann den gleichen Habitus diagnostiziert zu haben, den Walter Benjamin einst bei Marcel Proust festgestellt hat [Jelinek (1989) 2019]. Laut Benjamin habe der französische Erforscher des Phänomens der „*mémoire involontaire*“, der sein ganzes Leben lang an Asthma litt, sein Leiden „sehr planvoll in seinen Dienst gestellt“ und sei zu „einem vollendeten Regisseur seiner Krankheit“ geworden [Benjamin 1977: 323]: „Dieses Asthma ist in seine Kunst eingegangen, wenn nicht seine Kunst es geschaffen hat. Seine Syntax bildet rhythmisch auf Schritt und Tritt diese seine Erstickungsangst nach. Und seine ironische, philosophische, didaktische Reflexion ist allemal das Aufatmen, mit welchem der Alpdruck der Erinnerungen ihm vom Herzen fällt.“ [ibid.].

Tatsächlich sind fast alle Bernhards Protagonisten von der gleichen „Erstickungsangst“ befallen¹. In gleicher Weise wird auch die komplexe Syntax, die mit vielen Bandwurmsätzen überlastet ist, zu einem Fortatmens- und Fort- – sowie Über- – lebensmittel². Eine solche hypotaktische Schreibweise zeichnet Bernhards Werke aus und veranlasst immer wieder – wegen ihrer Erkennbarkeit sowie suggestiver Wirkung – zu Stilisierungen und Parodien³. Bernhards Manie für kaskadenförmige Tirade hat den Überfluss der Schachtelsätze in seinen Texten verursacht [Eyckeler 1995; Betten 1998: 169–190; Betten 2011: 63–80]. Elfriede Jelinek entwickelt diesen extravaganten Stil, eine Art modernen Manierismus, zu einer noch raffinierteren Virtuosität als es ihrem unfreiwilligen Sarkasmuslehrer Thomas Bernhard, diesem „Übertreibungskünstler“, eigen war [Schmidt-Dengler 1997].

Im vorliegenden Beitrag versuche ich diesen Stil in seinen existentiellen und poetologischen Dimensionen als eine quasimusikalische „sequenzielle Poetik“ zu skizzieren und zu

interpretieren. C. Marten bezeichnet Bernhardsche Poetik als „sequenzielle“, damit meint sie unterschiedliche architektonische, typographische und mikrobiologische Aspekte [Marten 2020]. Sie analysiert den Aufbau von Bernhards Prosa und betont den Zusammenhang zwischen Schriftbildlichkeit und Erzählstil. Obwohl ich Martens Thesen zustimme, möchte ich hier auf die *rhetorisch-performativen* und *musikalischen* Aspekte von Bernhards und Jelineks Poetik im Detail eingehen.

Dass diese Texte „musikalischen Prinzipien verpflichtet“ und „als Sprachpartituren zu klassifizieren“ sind [Janke 2015: 43], ist längst zur Genüge bewiesen. Die Musikähnlichkeit wird von Forscher:innen meist metaphorisch interpretiert, als intermediale Analogie zwischen ästhetischen und konstruktiven Prinzipien zweier Künste, die sich jedoch in ihren semiotischen Grundzügen unterscheiden [Wolf 1999; Janke 2015; Löffler 2018]. Ich vertiefe mich in Elfriede Jelineks Dialog mit Bernhards Poetik und untersuche eventuelle Ähnlichkeiten zwischen den beiden Denk- und Sprachstilen, um die Spuren der *Wahlverwandtschaften* sichtbar zu machen.

Darüber hinaus gehe ich dem kulturgeschichtlichen Hintergrund ihres sprachlichen Manierismus nach. Ich betrachte die meisterhaft gestaltete Text-Kohärenz als ein dichterisches Verfahren, dem Welt- und Wertzerfall zu widerstehen. Es geht bei Bernhard u.a. um Zerfall des Körpers. Manierismus gilt also als ein stilistisches Verfahren, das erlaubt in einer komplizierten künstlerischen Form die verlorene Ganzheit des Weltbilds wiederzugewinnen. Daher wird hier die Dialektik von Sprache und Schweigen, von Fragment und Totalität, von Natur und Gesellschaft thematisiert. Sprechen/Schreiben wird als eine existentielle Form der Ich-Findung interpretiert.

Meine Vorgehensweise basiert auf Prinzipien und Methoden der Komparatistik, intermedialer Poetik und Narratologie, die es ermöglichen, die Interdependenz der Sprache und Existenzproblematik in Thomas Bernhards und Elfriede Jelineks Texten zu erforschen.

¹ Wie Thomas Bernhard selbst leiden seine Hauptfiguren an Lungenkrankheiten. Der Schriftsteller starb an Sarkoidose (der Ich-Erzähler im Roman „Beton“ leidet auch an Sarkoidose und hat Angst, zu ersticken oder zu erfrieren).

² Stellenweise, wie in „Geher“, „Ja“, „Wittgensteins Neffe“, „Korrektur“, „Das Kalkwerk“, „Beton“, „Der Untergeher“, „Auslöschung“, erstreckt sich ein Satz über fast eine ganze Seite.

³ Als Beispiele können der Roman „Die Murau Identität“ von Alexander Schimmelbusch, „Krivoklat oder Ein österreichisches Kunstidyll“ von Jacek Dehnel oder Werke des berühmten polnischen Theaterregisseurs Krystian Lupa dienen.

Hermetische Tendenz der literarischen Moderne

Im Hinblick auf die Alltagssprache, die darauf abzielt, Kommunikation zu fördern, macht Bernhards und Jelineks sprachliches Verhalten das Verständnis problematisch. „Besteht ein Satzgefüge aus mehreren, auf unübersichtliche Weise ineinandergeschobenen Gliedsätzen, haben wir es mit dem berühmterberichtigten deutschen Schachtelsatz zu tun – lang, wirr und unverdaulich wie ein vielfach verknöteter Bandwurm“ [Sanders 1986: 148f]. Aber die paradoxe dichterische Logik – zumal seit der späten Moderne – zielt geradezu auf die erschwerte Sprachwahrnehmung, da die Sprache der Massenmedien, Pop-Kultur und Trivilliteratur sich darum bemüht, transparent und leserfreundlich, sozusagen *friendly* gegenüber dem Publikum zu sein. Es sei hier an V. Schklovskijs Begriff „ostranenije“ (Verfremdung) oder an C. Dahlhaus' Hermeneutik der Neuen Musik erinnert. Die Hauptfrage Dahlhaus' ist rhetorisch: Ob die Neue Musik eigentlich „verständlich“ sein muss [Dahlhaus 1986]. Undurchlässigkeit der neuen musikalischen Logik ist laut Dahlhaus mit der Unklarheit der spekulativen Philosophie vergleichbar, weil sowohl die Neue Musik als auch die Metaphysik gegen *common sense* machtlos sind.

Es gibt viele Beispiele für den hermetischen Stil in der modernen Literatur, man denke an Joyce, Eliot, Beckett oder Celan. Erwähnenswert ist auch der berühmte Interpret der Neuen Musik, der *negative Dialektiker* Theodor Wiesengrund Adorno, für den die Konstruktion der komplexen mehrstufigen Passagen zu einer Art Provokation des von der Konsumgesellschaft erzeugten oberflächlichen Philisterdenkens wurde. Für diese modernen Denker und Dichter sind solche Urelemente der klassischen Ästhetik wie Symmetrie, Klarheit, mimetische Repräsentation, Kohärenz und Totalität irrelevant oder zumindest fraglich.

Indem Samuel Beckett das dunkelste Werk der literarischen Moderne, Joyces „Finnegans Wake“, deutet, weist er auf eine Äquivalenz zwischen Form und Sinn dieses seltsamen „Work in Progress“ hin: „Here form is content, content is form. You complain that this stuff is not written in English. It is not written at all. It is not to be read – or rather it is not only to be read. It is to be

looked at and listened to. His writing is not about something; it is that something itself. <...> When the sense is sleep, the words go to sleep. <...> When the sense is dancing, the words dance.“ [Beckett 1985: 51–52].

Diese hermetische Tendenz ist nicht nur für den quasimusikalischen Diskurs Bernhards sowie Jelineks kennzeichnend, sondern macht auch das Hauptthema ihrer poetologischen Reflexionen aus, etwa Jelineks Essay „Das Parasitärdrاما“: „Das Parasitärdrاما ist tatsächlich nicht ohne seinen Wirt, das Ereignis, den Zustand, die Katastrophe, egal, es ist nicht ohne zu verstehen, es ist nicht ohne, es zu verstehen, aber was soll man da denn verstehen? Ich will ja gar nicht, dass man versteht. Im Normaldrاما sprechen Personen, die der oder die oder sonstwer sind, als wären die sie selber. Da ich aber nicht weiß, wie Menschen miteinander sprechen, lasse ich, nein, nicht Blumen sprechen, lasse ich alles sprechen, wofür ich Platz finde und was mir selbst wieder Platz einräumt.“ [Jelinek 2011].

Gerade auf dieselbe Proustesque „Literatur der endlosen Suaden“ [Jelinek 2019: 11], in der das (Sprach)körperliche und das Existentielle untrennbar sind (und nur in der apropos die Autorin selbst, eine „widerwillig Nichtlebende“, existieren kann) [Jelinek 2011], weist Jelinek hin, wenn sie im Nachruf („Der Einzige und wir, sein Eigentum“, 1989) Bernhards dichterisches Verfahren beschreibt: „[Bernhard] hat seinen kranken Körper geschrieben und sich in ihm festgeschrieben, als ob er seinen Atem, um den der Kranke immer schon hat kämpfen müssen, in der Fabrik seines Leibes jeden Tag hätte wieder neu herstellen müssen. Es ist ja kein Zufall, dass dieser Dichter ein Dichter des Sprechens (nicht des Schreibens) war. Die Erfahrung des in der frühen Jugend schon Lungenkranken hat ihm die großen Tiraden seines Werkes abgerungen: Ich spreche, also bin ich. Und solange ich spreche, bin ich nicht tot.“ [Jelinek 2019: 11].

Es ist nicht übertrieben zu sagen, dass die Schriftstellerin in dieser Passage auch ihr eigenes poetologisches Programm definiert, zumindest was den existenziellen Zusammenhang zwischen Sprechen/

Schreiben und Leben betrifft⁴. Ich möchte auf einige Aspekte dieser Aussage eingehen. Beachtenswert sind hier wenigstens drei Deutungen von Jelineks *Leib-Fabrik*-Metapher.

Leib-Fabrik und Sisyphos-Arbeit des Sprechens

Erstens meint wohl Jelinek in ihrer Aussage die fast mechanische, ununterbrochene sowie unermüdliche Bemühung, die man braucht, um einen Text herzustellen, d.h. im Bernhardschen Sinne, um zu atmen und zu sprechen (selbst wenn man den biographischen Ansatz ignoriert und demnach annimmt, dass diese Anstrengungen nicht der Autor selbst, sondern vielfältige Bernhards alter Egos unternehmen müssen). Die „Fabrik“ bzw. den Herstellungsprozess zu stoppen, bedeutet sich sterben zu lassen. Man muss Sätze unaufhaltsam aneinanderreihen, wie in einem Märchen (z.B. in der Rahmenhandlung von „Tausendundeiner Nacht“), in dem die Hauptfigur, sobald sie ihr Erzählvermögen und ihre Kräfte erschöpft, zugrunde gehen soll. Es ist kein Zufall, dass Scheherazade und besonders das Motiv des fortwährenden Erzählprozesses sehr populär in der modernen und postmodernen Literatur, von Marcel Proust bis John Barth, sind. Vergleichbar ist auch der Beckettsche Appell „you must go on“ in „The Unnamable“, wobei die Bewältigung des Schweigens die Todesverschiebung bedeutet: “I don't know, that's all words, never wake, all words, there's nothing else, you must go on, that's all I know, they're going to stop, I know that well, I can feel it, they're going to abandon me, it will be the silence, for a moment, a good few moments, or it will be mine, the lasting one, that didn't last, that still lasts, it will be I, you must go on, I can't go on, you must go on, I'll go on, you must say words, as long as there are any, until they find me, until they say me. [...] it will be I, it will be the silence, where I am, I don't know, I'll never know, in the silence you don't know, you must go on, I can't go on, I'll go on.” [Beckett o. J.: 407–408].

Für Becketts und Bernhards Erzählhaltung gilt wohl Albert Camus' Sisyphus-Arbeit-Metapher. Die rhetorische Performanz der Selbstinszenierungen, die ihre Protagonisten unaufhaltsam narzisstisch aufführen, ist die einzige Form der Selbsterfahrung und -erfindung. Wie Becketts Molloy, Malone oder der Unnamable, Watt oder Murphy machen Bernhards Figuren, diese modernen gescheiterten Parzivals, eine parodistische Pilgerreise zum transzendentalen Haus, um ihren Gral niemals zu gewinnen (vgl. Ulliots Ausdruck „the quest to fail“ in: [Ulliot 2011]). Beispielsweise kann Bernhards Protagonist Rudolf sein musikwissenschaftliches Werk über Felix Mendelssohn Bartholdy nicht vollenden („Beton“, 1982); Wertheimer im Roman „Der Untergeher“ (1983) scheitert als Klavierspieler und Geisteswissenschaftler; Roithamer in „Korrektur“ (1975) tötet durch sein architektonisches Projekt seine geliebte Schwester, obwohl er den Kegelbau für sie entwirft und errichtet (sobald sie dieses „Kunstbauwerk“ besucht, wird sie krank und stirbt bald darauf).

Alle Protagonisten von Bernhard haben einen utopischen Traum, der sie zwingt, ständig darüber zu reflektieren, während sie sich immer weiter von der gelungenen Verwirklichung dieses Traums entfernen. Auffallend ist, dass sie ihre *idée fixe* pausenlos im Selbstgespräch artikulieren müssen. Ihr Diskurs reproduziert sich wie ein unterbrechungsfreier Betrieb. Das Schweigen heißt für sie Tod.

Der vergebliche Versuch, ein schriftstellerisches Schweigen zu brechen, ist in einem Kalkwerk-Bild repräsentiert („Das Kalkwerk“, 1970). Dieser abgeschiedene stilgelegte Betrieb, in dem sich Bernhards Protagonist Konrad mit seiner Frau niedergelassen hat, verkörpert die Unmöglichkeit weiterzuleben und -zuschreiben. Konrad kann nicht seine Studie über das Gehör abschließen, obwohl er unaufhörlich etwas niederschreibt. Doch alle Notizen werden von ihm vernichtet, und

⁴ Vgl. in Jelineks Essay „Das Schweigen“: „Ich lebe allein für mich, und ich lebe nur in meiner Schrift, die umso unerschöpflicher ist, als ich es bin, der sie aus sich herausholt. Die Vergessenen haben wenigstens für ein bisschen Sonne auf einem Berg oder ein bisschen Regen in einem Gesicht gelebt, nur ich, ich lebe nicht, für nichts. Ich schöpfe. Ich lebe nicht. Die Sonne ist nichts für mich. Der Wind ist nichts für mich, und der Regen ist ganz besonders nichts für mich.“ [Jelinek 2000].

er tötet letztlich seine Frau, in der er, verbittert, die größte Bedrohung für seine Studie sieht. Der Romandiskurs wuchert ohne Ende: Die Konrads lesen sich gegenseitig Novalis und Kropotkin vor, die Ehefrau ist ständig gezwungen verschiedene Wörter und Phrasen auszusprechen, um ihren Mann bei seinen Sprach- und Gehörforschungen zu unterstützen, und alle Ereignisse im Kalkwerk werden nicht vom Ich-Erzähler mitgeteilt, sondern von den unzuverlässigen Narratoren Fro und Wieser beckettartig berichtet. Diese endlosen Verzweigungen und Vermehrungen von Passagen erzeugen eine erstickende lineare Struktur, als würde die polyphonisch variierende Geschichte nie enden – so wie Konrads Studie nie abgeschlossen sein wird.

Die Absurdität dieses Erzählmodells besteht darin, dass weder das Stoppen noch das Fortsetzen des Sprechens zum Erfolg führt. Hier ist das Sisyphus-Modell von Kafka/Camus erkennbar. Die Vergeblichkeit jeglichen Sprechens in dieser absurden Wirklichkeit ist unter anderem durch die verlorene Ganzheit des Welt-, Mensch- und Wahrheitsverhältnisses bedingt. Wie „beim Bau der Chinesischen Mauer“ in Kafkas Erzählung funktioniert im (Auf)bau des Diskurses von Bernhard das „System des Teilbaues“ (Kafka), da der Ich-Erzähler nicht wissen kann, wohin seine Rede führen und wie sie enden muss. Demnach soll eine „sequenzielle Poetik“ die Fragmentierung und Absurdität des Ich- und Weltbildes ausgleichen.

Schweigen als Todesbedrohung: ruinieren und reanimieren

Bernhards und Jelineks Diskurs ist vom gesteigerten Sinn für das Tragikomische geprägt. Ihre Hauptfiguren oder Ich-Erzähler(innen) nehmen die Wirklichkeit als eine fast religiöse *Passion* oder eine Art *Parodie sacra* wahr⁵, was ihre Werke nicht gerade zu einer angenehmen, problemlosen Lektüre macht. Eines der Leitmotive ihrer Texte ist die *Zergliederung*, buchstäblich sowie figurativ.

Es geht sowohl um körperliche als auch um stilistische Implikationen. In Jelineks Romanen und Stücken geht es oft um Traumata, brutalen Mord mit Verstümmelung und die Auferstehung der Toten (vgl. z.B. Jelineks „Gespensterroman“ „Die Kinder der Toten“, 1995). Der Körper wird als ein entfremdetes Objekt der entsakralisierten Opferung repräsentiert. So wie ein entfremdeter, in der Konsumgesellschaft verdinglichter Körper zerstückelt werden muss, als würde er an der postindustriellen Eucharistie teilnehmen, so wird der Satz in Teile zerlegt und dann von der Autorin wie ein Zombie in einen ornamentalen Wurm-Text zusammengefügt und wiederbelebt.

Ein solcher karnevalesker – im Bachtinschen Sinne – Ritus, an dem der lebende Leichnam der Schauspielerin teilnimmt, wird im Stück „Erlkönigin“ (1999) („Macht nichts: Eine kleine Tragödie des Todes“, 1. Teil) inszeniert: „Eine berühmte Burgschauspielerin, die tot ist, wird soeben dreimal um das Burgtheater herumgetragen. Sie sitzt im Sarg. Die Knochen stehen ihr überall heraus. Ab und zu schneidet sie sich ein Stück Fleisch heraus und wirft es ins Publikum. Hinter ihr, auf die Fassade des Burgtheaters, die mit einer riesigen Leinwand verhängt ist, werden, ebenso riesig, Amateur-Ferienfilme aus dem ländlichen Raum, mit fröhlichen Menschen in Tracht oder Badekleidung, projiziert.“ [Jelinek 2004: 7].

Dies ist die erste Bühnenanweisung des Monodramas, dessen einzige Heldin eine tote Schauspielerin ist. Ihr Monolog kreist mit assoziativen Wortketten um Themen, die für jede Künstlerin und jeden Künstler schmerzhaft sind: Sein und Schein, Kunst und Gesellschaft, Talent und Kapital, Dichtung und Wahrheit. Ihr Post-Mortem-Monolog wird als die einzige Möglichkeit dargestellt, Wahrheit über sich selbst zu sagen, obwohl sie nicht an die Möglichkeit der Wahrheit, einschließlich der existentiellen Wahrheit glaubt. Diese makabre Selbstinszenierung ist von poetologischer Selbstreflexion begleitet: „Ich ruhe mich jetzt

⁵ Vgl. die Symbolik der Todsünde in Jelineks Romanen: Ehebruch und Lust („Liebhaberinnen“, „Lust“, „Klavierspielerin“), Gier („Michael“, „Liebhaberinnen“, „Gier“), Neid („Neid“), Hochmut (das Metamorphieren des Genie-Kults in „Klavierspielerin“).

aus. Ich habe mich immer in mir ausgeruht, indem ich unermüdlich nachdachte: Wie dies oder jenes gestalten? Wie mache ich das? Wie stelle ich das dar? Was für Gestalten könnte ich sein? <...> Egal. <...> Egal was. <...> Die Dichter müssen immer erst schauen, wie die Menschen sich verhalten. Dann erst können sie über sie schreiben. Da schreibe ich mich gleich selbst.“ [ibid.: 29].

In Jelineks und Bernhards Poetik ist das barocke *Theatrum Mundi* – mit seiner Ambivalenz von Tragödie und Burleske, *Vanitas* und *Carpe diem*, mit seiner ausdrücklichen Selbstreflexivität – erkennbar. Alle diese Merkmale haben Bernhards ambivalente makabre Leitmotivik verursacht. Man findet bereits in seiner Lyrik die Leitmotive wie *Zerstörung* vs. *Auferstehung* und *Erlösung* (vgl. beispielsweise die Stellen: „Zerfall mein Gott“; „ich bin zerstört / zerschunden schon mit Kraut... / ich bin zerstört in dieser Zeit“; „Sterben wie ein zertretener Wurm, ohne Bestand, / Sterben wie die Amsel, die vom Rad der Hochbahn zerquetscht wird“; „die Kontinente zur Staub zerfallener Seelen“; „diesen aufgerissenen Himmel im Mund“; „Herr, der mein Glied zerstört“; „in unserem fleische der zerfallenen Sommer“; „...Schnee, / der unsere Gesichter zerreißt“ usw.). Doch während in Gedichten („in hora mortis“, „Ave Vergil“) das lyrische Ich auf Erlösung hofft, haben die Figuren seiner Theaterstücke und Romane diese Hoffnung verloren, und das Opfer wird ohne Erlösung erbracht.

Dieses expressionistisch anmutende thematische Repertoire ist kennzeichnend für Bernhards Werk. Es ist in dem „unermüdlichen“ performativen Schreiben/Sprechen realisiert. Das Bild eines „sequenziellen“ Redeflusses wird typografisch im „Psalm“ verkörpert, der im 21. Band seiner Werkausgabe, der Gedichte enthält, großformatig ohne ein einziges Satzzeichen gedruckt ist [Bernhard 2015: 257–262]. Jelinek und Bernhard thematisieren die existenzielle Bedeutung der Stimme bzw. des Schweigens.

Die existentielle Semantik des Schweigens als einer Todesbedrohung korrespondiert mit dem Problem der Erzähl- und Stilform in der literarischen Moderne sowie Postmoderne. „Literatur der endlosen Suaden“ lässt sich also mit dem typisch modernen Topos der

„potenziellen Unendlichkeit“ des „wohl gar nicht vollendbaren“ Romans [Blumenberg 2001: 65] in Zusammenhang bringen. Bezeichnend ist, dass H. Blumenberg, indem er auf Jean Paul, Kafka, Beckett oder Musil verweist (u.a. auf Musils repräsentatives Zitat: „Die Geschichte dieses Romans kommt darauf hinaus, dass die Geschichte, die in ihm erzählt werden soll, nicht erzählt wird.“), die (Un)möglichkeit des modernen Romans durch einen ironischen Realitätsbezug und eine gesteigerte Selbstreflexion der Gattung erklärt, sodass „die Unmöglichkeit des Erzählens selbst ihre Darstellung findet.“ [ibid.: 69].

Die besprochenen poetologischen und stilistischen Merkmale sind nicht nur für den Roman, sondern auch für alle (post)modernen literarischen Genres kennzeichnend, die von der Hybridisierung und Metafiktionalität betroffen sind. Im Bühnenessay „Das Schweigen“ spricht Jelinek das Thema der Unmöglichkeit an, zugleich aber doch der Unvermeidbarkeit des Schreibens, selbst wenn dieses dem Schweigen (keiner Mitteilung) über Robert Schumann gewidmet ist („Ich muss mir dieses Werk abringen, weil es mich sogar im Schlaf noch würgt.“) [Jelinek 2000]. Vgl.: „Schumann sollte in meiner Schrift, die da kommen sollte, sozusagen das Kommendste überhaupt werden. Doch dann kam er nicht. Auch nicht als ein Teil von mir. Das schon gar nicht. Er kam einfach nicht. Da war nichts zu machen. Vielleicht hatte ich mich in der Ankunftszeit geirrt.“ [ibid.]. Also „der Durchbruch durch eine Mauer unverständigen Schweigens“ [ibid.] wird mithilfe des ununterbrochenen sowie unermüdlichen selbstreflexiven Sprechens erzielt. Dieses Erzählverfahren ist den beiden Autor:innen gemeinsam und lässt eine *Wahlverwandtschaft* des Stils von Bernhard und Jelinek feststellen.

Selbstreflexive Performanz: Sprechen/Schreiben/Tippen

Eines der Hauptthemen vieler Texte von Jelinek („rein GOLD“, „Neid. Privatroman“, „Musik“, „Schweigen“, „Zur Schubert“, „Das Parasitärdrama“) ist die Reflexion über die Textherstellung. Vgl. in „rein GOLD“: „jetzt tippe ich, tippe ich und tippe ich, endlose Sätze, endlose Seiten, endlose Bits und Bytes, endlos,

man sieht nicht, warum, aber: da ist es!, dafür kann ich jetzt nicht mehr aufhören <...>. Will weitermachen.« [Jelinek 2013: 45–46f].

Diese poetologische Reflexion kann sich durch unterschiedliche explizite Leit- und Nebenmotive manifestieren, allerdings erhält sie ein unentbehrliches Grundelement, und zwar die Idee der „parasitären“ Vermehrung des Textes, der in seiner expansiven Ausdehnung zur vielstimmigen unbegrenzten Wirklichkeit wird. Dieses Prinzip ist mit anderen Worten in „Das Schweigen“ aphoristisch ausgedrückt: „Ich lebe nur in meiner Schrift“ (oder ebenda: „Ich schöpfe. Ich lebe nicht.“) [Jelinek 2000]. Hierdurch wird Text zu einer Art substituiertem Autorin-Leib bzw. imaginärer Leib-Fabrik, die „wieder neu herstellen“ muss [Jelinek 2019: 11].

Für Bernhards Werk ist solche fortwährende Vermehrung des selbstreflexiven Textes gleichermaßen konstitutiv [Eyckeler 1995; Honold 2018: 437–444]. Sein dichterisches Verfahren ist mit dem von Jelinek vergleichbar nicht nur durch die textuelle Selbstinszenierung, sondern auch durch die Thematisierung dieser Nur-im-Text-Existenz (vgl.: [Riedle 1999: 137–145; Lücke 2009: 164–170]). Typisch für beide ist auch, dass ein schriftstellerisches oder künstlerisches Scheitern der Hauptfigur thematisiert wird. Schweigen bzw. *Page blanche* wird zum Sujet der fiktionalen Werke oder Essays (vgl.: [Solibakke 2019: 199–214]).

In Bernhards Roman „Beton“ geht es um ein musikwissenschaftliches Buch über Felix Mendelssohn Bartholdy, mit dem Rudolf, die Hauptfigur, sich schon 10 Jahre lang beschäftigt. Aber es gelingt ihm nicht einmal den ersten Satz aufzuschreiben. Dieses Buch existiert nur in seinem Kopf als eine *idée fixe* und *raison d'être*.

Trotz der verwirrenden Bemerkung „schreibt Rudolf“, schreibt Rudolph nicht, sondern spricht, und zwar theatralisch, künstlich. Lautes Lachen, Gehen von Ecke zu Ecke und hoch und runter in seinem leeren Haus wie auf einer leeren, halbdunklen Bühne... Rudolfs inneres Monodrama ist auswendig gelernt, rhythmisch rezitiert und letztlich vor das innere Gericht gestellt. Auch die Syntax zeugt von der Künstlichkeit seiner Reden: Der Satzbau hier ist wie in der Arie, man muss richtig atmen und intonieren, mit allen

Absenkungen und Anhebungen, Abstufungen und Fragmentierungen des Rhythmus, mit Wiederholungen und Variationen. Rudolph erstickt, er ist todkrank, daher sind ihm solche Arien-Passagen nur mit großer Mühe möglich.

Diese Passagen konstruiert Bernhard in „Beton“ (ebenfalls in anderen Romanen) zugleich als direkte und indirekte Rede, als Selbstgespräche ohne einen einzigen Zuhörer. Den Effekt der virtuoson Durcharbeitung erzeugen auch die Zusammenfassungen am Ende dieser Passagen, die die persönliche Erfahrung des Ich-Erzählers barockartig zum allmenschlichen Los erheben (daher die Vorliebe für die Pronomen wie „man“ oder „wir“, z.B.: „Wir müssen allein und von allen verlassen sein, wenn wir eine Geistesarbeit angehen wollen!“ [Bernhard 2006: 8]). In dieser Suche nach Gesetzmäßigkeiten steht Bernhard Tolstoj, Proust und Musil nahe, obwohl er sie alle in der abstrahierenden Entfremdung von der Weltgeschichte und persönlichen Geschichten weit hinter sich gelassen hat.

Obwohl die Rahmenhandlung (jemand schreibt das Buch über einen Komponisten) keinen Darstellungsgegenstand hat und die Erzählung nur um Rudolfs Reflexion über die Unmöglichkeit seines Buches bzw. über vielfältige Hindernisse (z.B.: [ibid.: 7–49]) kreist, wird das intellektuelle Scheitern des Protagonisten schließlich durch ein ganz anderes schriftstellerisches Projekt ausgeglichen. Er verfasst einen fiktionalen Text, und zwar die tragische Geschichte eines unglücklichen deutschen Ehepaars. Damit wird sein eigentliches musikwissenschaftliches Scheitern durch die Beschreibung des fremden Unglücks sublimiert. Diese Strategie zeigt darüber hinaus eine Hinwendung der Hauptfigur vom Bloß-Künstlerischen ab zum Erlebbaren, zum Leben selbst hin, und schützt ihn letztlich vor dem Selbstmord.

Aber immerhin finden Bernhards Helden ihre Erlösung nicht im Leben selbst, sondern in der Reflexion darüber. Die Schrift gilt für sie als Todesverschiebung oder „Selbstmordverschiebung“ und verbindet damit Ontologie mit Poetologie [Voica 2008: 237]. In Bezug auf J. Derridas Hermeneutik der Schrift („Die Schrift und die Differenz“, 1972) interpretiert M. Janner Bernhards Werke als

sublimierte „Grabschriften“. Sie thematisieren, so Janner, „die Notwendigkeit einer Negation des Lebens als literarische Selbstextinktion, um in eine bessere, verschriftlichte Daseinsform übersiedeln zu können.“ [Janner 2003: 35]. Also laut Derrida sind „die Bücher stets Bücher des *Lebens* (ihr Archetyp wäre das *Buch des Lebens*, das der Gott der Juden führt) oder des *Überlebens* (ihr Archetyp wären die Todesbücher, die die Ägypter führten).“ [Derrida 1972: 119f]. Tatsächlich verschiebt Rudolf in „Beton“ immer wieder, indem er musikalischen Stoff sammelt und studiert und sowohl den Anfang als auch das Ende seines Mendelssohn-Bartholdy-Buches aufschiebt, an Sarkoidose leidend⁶ auch seinen eigenen Tod.

Solange seine Studie sich nur im Kopf entfaltet, solange das Entwurfsstadium andauert und der letzte Punkt nicht festgelegt ist, muss der Protagonist weiterleben – und lebt wirklich weiter (vgl. Beckettsches Leitmotiv „you must go on“). Das Unvermögen, sein perfektes Kunstwerk oder ein totales Buch, „ein Buch über Alles <...> über das ganze Mögliche“ zu vollenden [Bernhard 2004: 147], führt Bernhards Protagonisten zur Selbsterstörung (aus diesem Grund bringen sich Walter M. in „Amras“, Roithamer in „Korrektur“, Wertheimer in „Der Untergeher“ um).

Bemerkenswert ist, dass dieses Problem der Textentfaltung, von dem Jelineks Erzählerin stets so besessen ist, und das für Bernhards Figuren meistens sowohl dringend als auch unlösbar ist, von beiden Autor:innen vortrefflich gemeistert wird. Während die Protagonistinnen und Protagonisten scheitern, wird der sequenzielle Text gestaltet.

Jelinek als Autorin ist so außerordentlich produktiv wie eben Bernhard seinerzeit. G. Riedle äußert sich scharf in ihrem Beitrag „Mehr, mehr, mehr!“, zwar mit einer beißenden Ironie: „Elfriede Jelinek *schreibt* keine Bücher, sie schreibt Bücher *voll*. Und das ist ein entscheidender Unterschied. Denn einmal handelt es sich um einen generativen und das andere Mal um einen *dekorativen* Akt. Ersterer findet draußen in Natur statt, letzterer drinnen in der Kultur. <...> Das Bücher vollschreiben geht – zumal mit dem Computer – wie von selbst. Ganz automatisch.

<...> Denn Wort ergibt Wort (und nicht mehr und nichts weniger), Satz multipliziert Satz, es rasseln die Assoziationsketten <...> Vorhänge, Schlösser, Schleier, Gehäuse, Häuser, Eigenheime, Eigenheiten – in diesem Teekesselchen machen die Wörter gemeinsame Sache.“ [Riedle 1997: 137–138f].

Die Sehnsucht nach einer unermesslichen und unersättlichen Häufung der Worte und Sätze drückt sich bei Bernhard und Jelinek durch die unermüdliche Arbeit einer Art Denkens- bzw. Schreibmaschine aus. Es geht um die zweite Deutung von Jelineks Leib-Fabrik-Metapher im Nachruf auf Thomas Bernhard: „Ich bin kein Naturmensch, ich war nie ein Naturmensch, ich ließ mich niemals zu einem solchen Naturmenschen zwingen.“ [Bernhard 2006: 46]. Für beide österreichischen Autor:innen soll alles Natürliche zum Künstlichen werden. Das gilt zunächst für die Demythologisierung der Natur und des Natürlichen als einer gesellschaftlichen Konvention. Die soziale Existenz wird bei ihnen als ein industriellartiger Vorgang und der Mensch als eine Art Maschine angesehen. (Vgl. Bernhards „Der Untergeher“, „Beton“, „Das Kalkwerk“ bzw. Jelineks „Michael“, „Die Klavierspielerin“, „Lust“, „Gier“, „Ein Sportstück“.) Der romantische Genie-Kult metamorphiert im Zeitalter „der Reproduzierbarkeit“ zur Fabrik des Erfolges, während seine Apologeten zu Opfern ihrer eigenen „krankhaften Sucht zur Perfektion“ werden [ibid.: 73].

Thomas Bernhards „Leib-Fabrik“ wird unter anderem in seinem „aggressiven“ Gebrauch der Schreibmaschine verkörpert [Marten 2020: 98]. Karl Ignatz Hennetmair beschreibt sein Tippen als „Maschinengewehrfeuer“ [ibid.]. In dieser Metapher sieht C. Marten die akustischen, architektonischen, mechanischen und syntaktisch-linearen Aspekte der Bernhardschen „sequenziellen“ Schreibweise. Seit 1971, als die Erzählung „Gehen“ erscheint, werden die „Endlossätze“ [ibid.: 218] zu „Marke Bernhard“ und kennzeichnen seinen Manierismus: „Auch dieses Stilmerkmal lässt sich jedoch auf die zunehmende Virtuosität auf dem Instrument oder vielleicht noch eher auf dem Willen, die eigene Textbaukunst auszustellen, zurückzuführen: Durch das unaufhörliche Zusammenfügen

⁶Wie Bernhard selbst.

von Textbausteinen aus dem immer weiter anwachsenden Repertoire werden die Sätze gleichsam *automatisch* länger.“ [ibid.].

Elfriede Jelinek, die oftmals die Maschine-Metapher verwendet⁷, transformiert in „rein GOLD“ Wagnersche Idee der zyklischen Zeitbewegung des Nibelungen-Mythos einerseits in Marxsche ökonomische Metapher der unendlichen Zirkulation des Kapitals, andererseits in den überdauernden Wortwechsel von Wotan und Brünnhilde sowie in den synchronen Tippen-Vorgang. Also wird die sequenzielle Poetik in der Äquivalenz zu Wagners „unendlicher Melodie“ durchgesetzt.

Ihren Bühnenssay hat Elfriede Jelinek 2013 im Rahmen des 200. Geburtstagsjubiläums von Richard Wagner veröffentlicht. Im Anhang gibt es nebst dem für Jelineks Werke typischen Quellenverzeichnis eine Zeile: „Rein Gold entstand auf Anregung der Bayerischen Staatsoper München“ [Jelinek 2013: 223]. Somit wird die Verbindung dieses Werkes mit Musik, und zwar Wagnermusik deklariert. Der Bühnenssay ist als Wechsel der seitenlangen Monologe von Wotan und seiner Tochter Brünnhilde gestaltet. Die Nibelungensage, nach deren Motiven Wagner seine musikdramatische Tetralogie komponiert hat, ist in Jelineks Werk bereits im Ganzen verwirklicht mit Ausnahme der endgültigen eschatologischen Ereignisse („Götterdämmerung“), obwohl sie im Verlauf des Diskurses antizipiert und interpretiert sind. Für Jelinek, wie z.B. für Brecht, wird die bekannte (intertextuelle) Geschichte zu einem Anlass, die verzweigte sowie kulturell und medial vielschichtige Reflexion über die gegenwärtige Wirklichkeit darzustellen und damit das sogenannte „Parasitärndrama“ zu erzeugen. Deshalb aktualisiert Jelinek den ganzen Reichtum der sprachlichen Idiomatik, kulturellen Anspielungen, die ihren Text offen machen. Vgl.: „Interdependenzen leuchten auf und werden wieder verwischt, bis die Spur sich verliert, zusätzlich verunklart von Sprachspielen um Assonanzen, die Wagners Stabreime aufgreifen, transformieren, parodieren. Alliterationen und andere Stilfiguren werden durchgespielt wie Kinderabzählverse, bis der Sinn der

ursprünglichen Mitteilung zur Unkenntlichkeit verfremdet und der Zusammenhang ausgeblendet ist. Das Verfahren imitiert mit sprachlichen Mitteln, was die Musik in Imitation, Umkehrung, Krebs, Krebsumkehrung, Fortspinnung, Kontrastierung von Melodien oder harmonisch in Modulationen durchspielt, als wolle Jelinek ein Äquivalent liefern zu Wagners Technik der Kunst des Übergangs.“ [Vill 2013: 74].

Th. W. Adorno hat in seinem „Versuch über Wagner“ (1952) auf die „Kristallisation einer autonomen, sprachähnlichen Logik“ der Wagnerschen Musik hingewiesen [Adorno 1986: 32]. Nietzsche in „Der Fall Wagner“ (1888) hat auch die rhetorische sowie zu literarische Eigenschaft von Wagners Musikdramen kritisiert. Wagnersche Leitmotive, so Adorno, „verbinden sich zu einer Art Pseudogeschichte.“ [ibid.: 48]. Die Handlung ist statisch („das Nichts ist geschehen“) [ibid.: 37]. Er spricht über den „Stillstand der Zeit“ und „die Zerlegung“ des musikalischen Materials in „kleinste Motivbestandteile“ [ibid.: 84; 47]. Das vergleicht er in seiner „Drastik und Fasslichkeit“ mit Kino- und Reklammmusik, in der „das Leitmotiv einzig noch Helden oder Situationen anmeldet, damit sich der Zuschauer rascher zurechtfindet“ [ibid.: 44]. Noch ein Zitat: „Das Neue ist zugleich das Alte: im Neuen erkennt es sich wieder und wird leicht auffassbar“ [ibid.: 67]. Alle diese Merkmale von Wagners Musikdramen sind auch für Jelineks performative Schreibweise verwendbar. Während bei Wagner „Versprachlichung der Musik“ durchgesetzt ist [Adorno 1978: 661], wird bei Jelinek eine Musikalisierung der Sprache verwirklicht.

Also muss die dritte Deutung der Leib-Fabrik-Metapher davon ausgehen, dass die sowohl pragmatische als auch existentielle Situation („solange ich spreche, bin ich nicht tot“) neue ästhetische Form und Sinn zur Folge hat.

Schlussfolgerung

Das zentrale Anliegen dieses Beitrags, poetologische und existentielle Aspekte Bernhards und Jelinek quasimusikalischer „sequenzieller“ Poetik zu skizzieren und zu interpretieren, wurde anhand unterschiedlicher Bedeutungen der „Leib-Fabrik“-Metapher in ihren Texten behandelt.

⁷ Das gilt sowohl für ihre Essayistik, z.B. „Die tote Musik-Maschine: Epitaph für Wurstl“, „Schreiben müssen (in memoriam Otto Breicha)“ als auch für fiktionale Werke („Sportstück“, „Michael“, „O Wildnis, O Schutz vor ihr“).

Dadurch lassen sich diese Bedeutungen wie folgt darstellen. Das Sprechen der Hauptfigur kann man nicht abbrechen, also der Text vermehrt sich dann durch unweigerliche Wiederholungen der Worte sowie Wortgefüge, gleichartige grammatische und syntaktische Strukturen. So entfaltet sich der Textkörper nicht so sehr durch eine referentielle Vielfalt, die normalerweise für einen Realitätsbezug verantwortlich ist [Prendergast 1986], sondern durch kombinatorische und architektonische Stilmittel. Diese Schreibweise ist mit Jazz-Improvisationen oder labyrinthartigen barocken Musikstücken, oder schließlich Wagnerscher „unendlicher Melodie“ vergleichbar. Eine kurze musikalische Phrase muss durchgeführt und ausgearbeitet werden, damit aus ihren vielfältigen Variationen und Inversionen eine neue musikalische Semantik und Struktur hergestellt werden kann. Jelinek schreibt über Bernhards musikartige „Technik der Wiederholung“, die in „rhythmischer Gliederung“ einer „ununterbrochenen Sinusschwingung“ ähnlich ist, deren „musikalischer Gesetzmäßigkeit sich niemand entziehen konnte, selbst wenn alles schon hundertmal gesagt war“ [Jelinek 2019: 11].

Die vergleichende Analyse ermöglichte es, die Ähnlichkeiten zwischen Bernhards und Jelineks Denk- und Sprachstilen aufzudecken, das sind nämlich:

– stilistischer Manierismus, der einerseits die moderne hermetische Tendenz entwickelt

und die verlorene Ganzheit des Weltbilds wiederzugewinnen ermöglicht, andererseits eine Stilform des Widerstands gegen die oberflächliche Unterhaltungskultur der postindustriellen Konsumgesellschaft ist;

– Vorliebe für darstellende Künste und Musik, die eine ausdrückliche Performativität ihrer Texte bedingt;

– Wirklichkeit als barockes *Theatrum Mundi*;

– tragikomische Weltsicht;

– ambivalente Repräsentation von Fragment und Totalität bzw. Tod und Leben durch die Zerstörung- und Vollendung-Dialektik, in der die *Parodie sacra* der Eucharistie erkennbar ist;

– existentielle Deutung von Schweigen und Sprechen als Todesbedrohung bzw. Todesverschiebung;

– Herstellung einer musikähnlichen Prosa durch die übertriebene Bedeutung von rhythmisch-syntaktischen und textuell-architektonischen Elementen;

– Künstlichkeit der dichterischen Sprache, die u.a. in der Leib-Fabrik-Metapher des Dichters verkörpert ist;

– Selbstreflexivität der Erzählform.

All diese poetologischen Merkmale erlauben es, eine *Wahlverwandschaft* Bernhards und Jelineks sichtbar zu machen. Diese Poetik „der endlosen Sueden“ spiegelt intensive Suchen nach Harmonie wider, die in der Kunst des späten 20. – frühen 21. Jahrhunderts meist nur in der grotesken Form möglich ist.

ЛИТЕРАТУРА

Adorno, Th. W. Musik, Sprache und ihr Verhältnis im gegenwärtigen Komponieren / Th. W. Adorno // Adorno Th. W. Gesammelte Schriften: Musikalische Schriften I–III. Bd. 16. Hrsg. von R. Tiedemann. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1978. – S. 649–664.

Adorno, Th. W. Versuch über Wagner / Th. W. Adorno // Adorno Th. W. Die Musikalischen Monographien. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1986. – S. 7–148.

Beckett, S. Dante... Bruno. Viko... Joyce / S. Beckett // Critical Essays on James Joyce / ed. by B. Benstock. – Boston, Mass. : G.K. Hall & Co, 1985. – P. 45–56.

Beckett, S. Three Novels: Molloy, Malone Dies, The Unnamable / S. Beckett. – New York : Grove Atlantic Inc., Kindle Edition (o. J.).

Benjamin, W. „Zum Bilde Proust“ / W. Benjamin // Benjamin W. Gesammelte Schriften. Bd. II. 1 / Hrsg. von R. Tiedemann und H. Schweppenhäuser. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1977. – S. 310–323.

Bernhard, Th. Amras / Th. Bernhard // Bernhard Th. Werke. – Bd. 11 von 22 / Hrsg. von M. Huber und W. Schmidt-Dengler. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2004.

Bernhard, Th. Beton / Th. Bernhard // Bernhard Th. Werke. – Bd. 5 von 22 / Hrsg. von M. Huber und W. Schmidt-Dengler. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2006.

Bernhard, Th. Gedichte / Th. Bernhard // Bernhard Th. Werke. – Bd. 21 von 22 / Hrsg. von M. Huber und W. Schmidt-Dengler. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2015.

Betten, A. „Kerkerstrukturen. Thomas Bernhards syntaktische Mimesis“ / A. Betten // Rhetorik und Sprachkunst bei Thomas Bernhard / Hrsg. von J. Knape und O. Kramer. – Würzburg : Königshausen & Neumann, 2011. – S. 63–80.

- Betten, A. Thomas Bernhards Syntax: Keine Wiederholung des Immergleichen / A. Betten // Deutsche Grammatik – Thema in Variationen. Festschrift für Hans-Werner Eroms zum 60. Geburtstag / Hrsg. von K. Donhauser und L. M. Eichinger. – Heidelberg : Universitätsverlag Winter, 1998. – S. 169–190.
- Blumenberg, H. Wirklichkeitsbegriff und Möglichkeit des Romans (1964) / H. Blumenberg // Blumenberg H. Ästhetische und metaphorologische Schriften: Auswahl und Nachwort von Anselm Haverkamp. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2001. – S. 47–73.
- Dahlhaus, C. „Warum ist neue Musik so schwer verständlich?“ Plädoyer für ein historisches Verständnis / C. Dahlhaus // Zeugen des Wissens / Hrsg. von M. Maier-Leibnitz. – Mainz : Hase und Koehler, 1986. – S. 939–956.
- Derrida, J. / J. Derrida. – Die Schrift und die Differenz. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1972. – 451 S.
- Eyckeler, F. Reflexionspoesie: Sprachskepsis, Rhetorik und Poetik in der Prosa Thomas Bernhards / F. Eyckeler. – Berlin : Erich Schmidt, 1995. – 293 S.
- Honold, A. Erzählstruktur / A. Honold // Bernhard-Handbuch: Leben – Werk – Wirkung / Hrsg. von M. Huber und M. Mittermayer (unter Mitarbeit von B. Judex). – Stuttgart : J. B. Metzler, 2018. – S. 437–445.
- Janke, P. Musik als „reinste und gläsernste Abstraktion“. Kompositionen, Texte für Kompositionen und Libretti von Elfriede Jelinek / P. Janke // Österreichische Musik-Zeitschrift: Ein Europäisches Forum. – 2015. – Jg. 70. – Heft 5. – S. 43–52.
- Janner, M. Der Tod im Text: Thomas Bernhards Grabschriften. Dargestellt anhand von frühen Erzählversuchen aus dem Nachlaß, der Lyrik und der späten Prosa / M. Janner. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 2003. – 348 S.
- Jelinek, E. Das macht nichts: Eine kleine Tragödie des Todes / E. Jelinek. – Reinbek bei Hamburg : Rowohlt Taschenbuch, 2004. – 91 S.
- Jelinek, E. Das Parasitär drama / E. Jelinek. – 2011. – URL: <https://www.elfriedejelinek.com/> (mode of access: 20.01.2023). – Text : electronic.
- Jelinek, E. Das Schweigen / E. Jelinek. – 2000. – URL: <https://www.elfriedejelinek.com/> (mode of access: 20.01.2023). – Text : electronic.
- Jelinek, E. „Der Einzige und wir, sein Eigentum“ / E. Jelinek // Elfriede Jelinek und Thomas Bernhard: Intertextualität – Korrelationen – Korrespondenzen / Hrsg. von P. Reinert und C. Götzke. – Berlin ; Boston : De Gruyter, 2019. – S. 11–16.
- Jelinek, E. rein GOLD: ein Bühnenssay / E. Jelinek. – Reinbek bei Hamburg : Rowohlt, 2013. – 223 S.
- Löffler, S. „Ich bin ja ein musikalischer Mensch“: Thomas Bernhard und die Funktion der Musik in seinem literarischen Werk / S. Löffler. – Wien ; Köln ; Weimar : Böhlau, 2018. – 325 S.
- Lücke, B. www.todsuede.com: Lesarten zu Elfriede Jelineks Neid / B. Lücke. – Wien : Praesens, 2009. – 263 S.
- Marten, C. Bernhards Baukasten: Schrift und sequenzielle Poetik in Thomas Bernhards Prosa / C. Marten. – Berlin ; Boston : de Gruyter, 2020. – 400 S.
- Prendergast, C. The order of Mimesis: Balzac, Stendhal, Nerval, Flaubert / C. Prendergast. – Cambridge : Cambridge University Press, 1986. – 304 p.
- Riedle, G. „Mehr, mehr, mehr!“ Zu Elfriede Jelineks Verfahren der dekorativen Wortvermehrung / G. Riedle // Text + Kritik. – 1999. – Heft 117. – S. 137–145.
- Sanders, W. Gutes Deutsch – Besseres Deutsch: Praktische Stillehre der deutschen Gegenwartssprache / W. Sanders. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1986. – 237 S.
- Schmidt-Dengler, W. Der Übertreibungskünstler. Studien zu Thomas Bernhard / W. Schmidt-Dengler. – Wien : Sonderzahl, 1997. – 125 S.
- Solibakke, K. Schweigen der Zeichen: Bernhards Beton und Jelineks Schweigen / K. Solibakke // Elfriede Jelinek und Thomas Bernhard: Intertextualität – Korrelationen – Korrespondenzen / Hrsg. von P. Reinert und C. Götzke. – Berlin ; Boston : De Gruyter, 2019. – S. 199–214.
- Ullyot, J. The Medieval Presence in the Modernist Literature. The Quest to Fail / J. Ullyot. – New York : Cambridge University Press, 2015. – 275 p.
- Vill, S. Von Rheingold zu Rein Gold. Intertexte aus Richard Wagners „Der Ring des Nibelungen“ in Elfriede Jelineks Bühnenssay / S. Vill // JELINEK[JAHRE]BUCH. – 2013. – S. 73–89.
- Voica, A. Selbstmordverschiebung. Zu Thomas Bernhards Schreibverhalten im Prosawerk: PhD Thesis / A. Voica. – Berlin, 2008. – 275 S.
- Wolf, W. The Musicalization of Fiction: A Study in the Theory and History of Intermediality / W. Wolf. – Amsterdam ; Atlanta : Rodopi, 1999. – 272 p.

REFERENCES

- Adorno, Th. W. (1978). Musik, Sprache und ihr Verhältnis im gegenwärtigen Komponieren. In Adorno, Th. W. *Gesammelte Schriften: Musikalische Schriften I–III*. Bd. 16. Hrsg. von R. Tiedemann. Frankfurt am Main, Suhrkamp, pp. 649–664.
- Adorno, Th. W. (1986). Versuch über Wagner. In Adorno, Th. W. *Die Musikalischen Monographien*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, pp. 7–148.
- Beckett, S. (1985). Dante... Bruno. Vico... Joyce. In Benstock, B. (Ed.). *Critical Essays on James Joyce*. Boston, Mass., G.K. Hall & Co., pp. 45–56.
- Beckett, S. Three Novels: Molloy, Malone Dies, The Unnamable. Grove Atlantic Inc., New York, Kindle Edition (o. J.).
- Benjamin, W. (1977). „Zum Bilde Proust“. In Benjamin, W. *Gesammelte Schriften*. Bd. II. 1. Hrsg. von R. Tiedemann, H. Schweppenhäuser. Frankfurt am Main, Suhrkamp, pp. 310–323.
- Bernhard, Th. (2004). Amras. In Bernhard, Th. *Werke*. Bd. 11 von 22. Hrsg. von M. Huber, W. Schmidt-Dengler. Frankfurt am Main, Suhrkamp.

- Bernhard, Th. (2006). Beton. In Bernhard, Th. *Werke*. Bd. 5 von 22. Hrsg. von M. Huber, W. Schmidt-Dengler. Frankfurt am Main, Suhrkamp.
- Bernhard, Th. (2015). Gedichte. In Bernhard, Th. *Werke*. Bd. 21 von 22. Hrsg. von M. Huber, W. Schmidt-Dengler. Frankfurt am Main, Suhrkamp.
- Betten, A. (2011). „Kerkerstrukturen. Thomas Bernhards syntaktische Mimesis“. In Knappe, J. u. Kramer O. (Hrsg.). *Rhetorik und Sprachkunst bei Thomas Bernhard*. Würzburg, Königshausen & Neumann, pp. 63–80.
- Betten, A. (1998). Thomas Bernhards Syntax: Keine Wiederholung des Immergleichen. In Donhauser, K. u. Eichinger, L.M. (Hrsg.). *Deutsche Grammatik – Thema in Variationen. Festschrift für Hans-Werner Erms zum 60. Geburtstag*. Heidelberg, Universitätsverlag Winter, pp. 169–190.
- Blumenberg, H. (2001). Wirklichkeitsbegriff und Möglichkeit des Romans (1964). In Blumenberg, H. *Ästhetische und metaphorologische Schriften: Auswahl und Nachwort von Anselm Haverkamp*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, pp. 47–73.
- Dahlhaus, C. (1986). „Warum ist neue Musik so schwer verständlich?“ Plädoyer für ein historisches Verständnis. In Maier-Leibnitz, M. (Hrsg.). *Zeugen des Wissens*. Mainz, Hase und Koehler, pp. 939–956.
- Derrida, J. (1972). *Die Schrift und die Differenz*. Frankfurt am Main, Suhrkamp. 451 p.
- Eyckeler, F. (1995). *Reflexionspoesie: Sprachskepsis, Rhetorik und Poetik in der Prosa Thomas Bernhards*. Berlin, Erich Schmidt. 293 p.
- Honold, A. (2018). Erzählstruktur. In Huber, M., Mittermayer, M. (Hrsg.). *Bernhard-Handbuch: Leben – Werk – Wirkung (Unter Mitarbeit von Bernhard Judex)*. Stuttgart, J. B. Metzler, pp. 437–445.
- Janke, P. (2015). Musik als „reinste und gläsernste Abstraktion“. Kompositionen, Texte für Kompositionen und Libretti von Elfriede Jelinek. In *Österreichische Musik-Zeitschrift: Ein Europäisches Forum*. Jg. 70. Heft 5, pp. 43–52.
- Janner, M. (2003). *Der Tod im Text: Thomas Bernhards Grabschriften. Dargestellt anhand von frühen Erzählversuchen aus dem Nachlaß, der Lyrik und der späten Prosa*. Frankfurt am Main, Peter Lang. 348 p.
- Jelinek, E. (2004). *Das macht nichts: Eine kleine Tragödie des Todes*. Reinbek bei Hamburg, Rowohlt Taschenbuch. 91 p.
- Jelinek, E. (2011). Das Parasitär drama. URL: <https://www.elfriedejelinek.com/> (mode of access: 20.01.2023).
- Jelinek, E. (2000). *Das Schweigen*. URL: <https://www.elfriedejelinek.com/> (mode of access: 20.01.2023).
- Jelinek, E. (2019). „Der Einzige und wir, sein Eigentum“. In Reinert, P., Götze, C. (Hrsg.). *Elfriede Jelinek und Thomas Bernhard: Intertextualität – Korrelationen – Korrespondenzen*. Berlin, Boston, De Gruyter, pp. 11–16.
- Jelinek, E. (2013). *rein GOLD: ein Bühnenessay*. Reinbek bei Hamburg, Rowohlt. 223 p.
- Löffler, S. (2018). „Ich bin ja ein musikalischer Mensch“: *Thomas Bernhard und die Funktion der Musik in seinem literarischen Werk*. Wien, Köln, Weimar, Böhlau. 325 p.
- Lücke, B. (2009). www.todsuende.com: *Lesarten zu Elfriede Jelineks Neid*. Wien, Praesens. 263 p.
- Marten, C. (2020). *Bernhards Baukasten: Schrift und sequenzielle Poetik in Thomas Bernhards Prosa*. Berlin, Boston, de Gruyter. 400 p.
- Prendergast, C. (1986). *The order of Mimesis: Balzac, Stendhal, Nerval, Flaubert*. Cambridge, Cambridge University Press. 304 p.
- Riedle, G. (1999). „Mehr, mehr, mehr!“ Zu Elfriede Jelineks Verfahren der dekorativen Wortvermehrung. In *Text + Kritik*. Heft 117, pp. 137–145.
- Sanders, W. (1986). *Gutes Deutsch – Besseres Deutsch: Praktische Stillehre der deutschen Gegenwartssprache*. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 237 p.
- Schmidt-Dengler, W. (1997). *Der Übertreibungskünstler. Studien zu Thomas Bernhard*. Wien, Sonderzahl. 125 p.
- Solibakke, K. (2019). Schweigen der Zeichen: Bernhards Beton und Jelineks Schweigen. In Reinert, P., Götze, C. (Hrsg.). *Elfriede Jelinek und Thomas Bernhard: Intertextualität – Korrelationen – Korrespondenzen*. Berlin, Boston, De Gruyter, pp. 199–214.
- Ullyot, J. (2015). The Medieval Presence in the Modernist Literature. *The Quest to Fail*. New York, Cambridge University Press. 275 p.
- Vill, S. (2013). Von Rheingold zu Rein Gold. Intertexte aus Richard Wagners Der Ring des Nibelungen in Elfriede Jelineks Bühnenessay. In *JELINEK[JHR]BUCH*, pp. 73–89.
- Voica, A. (2008). *Selbstmordverschiebung. Zu Thomas Bernhards Schreibverhalten im Prosawerk: PhD Thesis*. Berlin. 275 p.
- Wolf, W. (1999). *The Musicalization of Fiction: A Study in the Theory and History of Intermediality*. Amsterdam, Atlanta, Rodopi. 272 p.

Данные об авторе

Котелевская Вера Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной литературы, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия).

Адрес: 344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.

E-mail: vkotelevskaya@sfsedu.ru.

Author's information

Kotelevskaya Vera Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Russian and Foreign Literature Department, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia).

THE DEMYTHOLOGIZATION LANGUAGE IN E. JELINEK'S NOVEL "THE CHILDREN OF THE DEAD"

Galina V. Kuchumova

Samara National Research University (Samara, Russia)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8699-0484>

Abstract. The article deals with the language of demythologization of the Austrian woman-writer Elfriede Jelinek which she uses to describe the mythologized reality of the late 20th century. The research is carried out on the material of the novel "The Children of the Dead" (1997), well-known for its most daring language experiments. The aim of the study is to identify the specific features of the language of Jelinek, aimed at deconstructing socio-cultural myths. As an "apocalyptic critic", Jelinek harshly and mercilessly demolishes the modern myths of public consciousness, relying on the theoretical constructions of French philosophers (R. Barthes, J. Baudrillard). Implementing the procedure of deconstruction – i.e. relieving the mythological structures of their deadening linguistic shell – Jelinek uses in her creative practice the mechanisms of estrangement, thus exposing the false ideological nature of the word. Jelinek destroys the word, breaks and distorts it, builds bizarre word formations and creates complex semantic patterns. The themes of the Holocaust, Nazism, and totalitarianism of modern visual strategies of power, vividly presented in the language of the novel, are included in many discourses, accompanied by new media perspectives. The deconstruction of mythologized structures in the novel is carried out in the field of language games and in new unexpected contexts. The favorite linguistic means of Jelinek include metabola, grotesque, oxymoron, occasionalisms, simile, conceptual metaphors, metaphorical experiments with the text and others. All this multitude of stylistic figures in the novel is used to perform the super-task of demythologization. The "emotional cleansing", as in the perception of high culture, is replaced by Jelinek with a more effective "critical catharsis", which allows the reader to take a sobering position in relation to the demystified reality. The specific language of the novel is aimed at destroying the stereotypical language structures, at resuscitating the receptive acuity of man in the new iconic reality of the late 20th century.

Key words: language practice; Elfriede Jelinek; the novel "The Children of the Dead"; modern myths; demythologization; deconstruction; Holocaust theme; metabola; grotesque; oxymoron; conceptual metaphor; occasionalisms

For citation: Kuchumova, G. V. (2023). The Demythologization Language in E. Jelinek's Novel "The Children of the Dead". In *Philological Class*. Vol. 28. No. 2, pp. 186–193.

ЯЗЫК ДЕМИФОЛОГИЗАЦИИ В РОМАНЕ Э. ЕЛИНЕК «ДЕТИ МЕРТВЫХ»

Кучумова Г. В.

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева
(Самара, Россия)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8699-0484>

Аннотация. В статье рассматривается язык демифологизации австрийской писательницы Эльфриды Елинек для описания мифологизированной реальности конца XX века. Исследование проводится на материале романа «Дети мертвых» (1997), отмеченного наиболее смелыми языковыми экспериментами. Цель исследования – выявить специфику языка Елинек, направленную на деконструкцию социокультурных мифов. Елинек как «апокалиптический критик» жестко и беспощадно обрушает современные мифы общественного сознания, опираясь на теоретические построения французских мыслителей (Р. Барт, Ж. Бодрийяр). Осуществляя процедуру деконструкции, то есть разрушения мифологических структур от их мертвящей языковой оболочки, Елинек в своей художественной практике использует механизмы остранения, тем самым вынуждает слово обнаружить свой ложный идеологический характер. Елинек разрушает слово, ломает и коверкает его, выстраивает причудливые словообразования, создает сложные смысловые рисун-

ки. Темы Холокоста, нацизма, тоталитаризма современных визуальных стратегий власти, ярко представленные в языке романа, проигрываются во многих дискурсах, сопрягаются с новыми массмедийными ракурсами. Деконструкция мифологизированных структур в романе осуществляется в поле языковых игр и в новых неожиданных контекстах. Излюбленными языковыми средствами Елинек выступают метабола, гротеск, оксюморон, окказионализмы, сравнения, концептуальные метафоры, метаязыковая игра с текстом и другие. Весь этот ансамбль стилистических фигур в тексте романа работает на сверхзадачу демифологизации. «Эмоциональное очищение», как при восприятии высокой культуры, Елинек заменяет более действенным «критическим катарсисом», что позволяет читателю занять отрезвляющую позицию по отношению к демистифицированной реальности. Специфический язык романа Елинек направлен на разрушение застывших языковых структур, на реанимацию рецептивной остроты человека в новой знаковой реальности конца XX века.

Ключевые слова: языковая практика; Эльфрида Елинек; роман «Дети мертвых»; современные мифы; демифологизация; деконструкция; тема Холокоста; метабола; гротеск; оксюморон; концептуальная метафора; окказионализмы

Для цитирования: Кучумова, Г. В. Язык демифологизации в романе Э. Елинек «Дети мертвых» / Г. В. Кучумова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 186–193.

DIE SPRACHE DER ENTMYTOLOGISIERUNG IN E. JELINEK'S ROMAN „DIE KINDER DER TOTEN“

Galina V. Kuchumova

Nationale Forschungsuniversität Samara (Samara, Russland)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8699-0484>

Exposé. Im Fokus der vorliegenden Forschung liegt die Sprache der österreichischen Autorin Elfriede Jelinek. Jelineks Romane zeichnen sich durch „freche“ Sprachexperimente aus und verstehen sich als Überwindung der künstlich erschaffenen Mythen der Gegenwart. Jelinek dekodiert in kräftigen Farben die soziokulturellen Mythen im öffentlichen Bewusstsein aufgrund der theoretischen Konstruktionen französischer Philosophen (R. Barthes, J. Baudrillard).

Das Anliegen des Beitrags zielt darauf ab, die Spezifik Jelineks Sprachpraxis im Roman „Die Kinder der Toten“ aufzudecken. Bei der Dekodierung greift Jelinek zu Wirkungsweisen und Mechanismen der Verfremdung. Der dabei entstehende Verfremdungseffekt zwingt das Wort, seinen falschen ideologischen Inhalt zu entdecken. Die Autorin spielt mit dem Wort, sie bricht das Wort, verdreht es, baut bizarre Wortbildungen auf und schafft komplexe semantische Neubildungen.

Im Roman werden Holocaust, Nationalsozialismus und visuelle Machtstrategien thematisiert, die in verschiedenen Diskursen und aus neuen massenmedialen Perspektiven dargestellt sind. Die Dekonstruktion der mythologisierten Strukturen im Roman erfolgt im Sprachspielen und in unerwarteten Kontexten.

Die von Jelinek bevorzugten Sprachmittel sind Metabole, Grotteske, Oxymoron, Neubildungen, Vergleiche, konzeptionelle Metaphern und andere. Dieser Katalog von stilistischen Figuren im Roman zielt auf die Dekonstruktion von künstlich erschaffenem Denkmuster ab.

Die emotionale Entspannung, so eine Art Katharsis, ersetzt Jelinek durch eine wirksamere „kritische Katharsis“, die es dem Leser ermöglicht, eine ernüchternde Haltung gegenüber der entmythologisierten Realität einzunehmen. Die spezifische Sprache von Jelinek trägt dazu bei, die die Wahrnehmungsschärfe des Menschen wieder zu vermögen.

Schlüsselwörter: Die Sprache der Entmythologisierung; Elfriede Jelinek; Roman „Die Kinder der Toten“; moderne Mythen; Dekonstruktion; Holocaust; Metabole; Grotteske; Oxymoron; konzeptionelle Metapher; Neubildungen

Einleitung

Der Gegenwartsroman der neuen Jahrhundertwende ist geprägt von einer produktiven Strategie in der Literatur, die sozialen und kulturellen Mythen der Konsumgesellschaft im System der Machtstrukturen und neuen Informationstechnologien zu decodieren. Die Demythologisierung erfordert also eine spezifische Sprache.

Der vorliegende Artikel befasst sich mit der Sprache der Demythologisierung der österreichischen Autorin Elfriede Jelinek (geb. 1946, Nobelpreis für Literatur, 2004). Ihre Schreibweise ist ein öffentlicher intellektueller Schock, der darin besteht, provokativ zu handeln, um auf die in der Konsumgesellschaft vorhandenen „kulturellen Verzerrungen“ aufmerksam zu machen. Jelinek offenbart die Wirkungsmechanismen einer mythologisierten Sprache in der massenmedialen Realität. In der Massenkultur wird die Sprache zu einem Instrument ideologischer Klischees und dabei dominiert die virtuelle Realität über die natürliche Welt des Menschen. Die Massenmedien transformieren die realen historischen und Lebensereignisse eines Menschen in das Schauspiel (*theatrum mundi*, the Society of the Performance, die Welt der Simulationen).

Die Demontage der Mythen von *theatrum mundi* verwirklicht Jelinek anhand der theoretischen Konstruktionen vom französischen Philosophen Roland Barthes (1915–1980). R. Barthes betrachtet die Mythen der Konsumkultur als ein ikonisches Sprachsystem: „Ein Mythos ist eine Sprache, die nicht sterben will. Ein Mythos ist also ein sekundäres modellierendes Zeichensystem, das in das primäre modellierende System der natürlichen Sprache eingebettet ist und kann deswegen auf dieses primäre System stets bezogen sein und darauf parasitieren“ [Barthes 1996: 259]. Jeder Text in der Kultur (Fotografie, Film, Reportage, Sportschauspiel, Werbung) ist ein Träger einer mythischen Bedeutung, da die suggestive Kraft von Mythen grenzenlos ist. Barthes These über den „Mythos“ als eine Einheit von falscher Bedeutung wird vom französischen Philosophen Jean Baudrillard (1929–1970) mit dem Begriff *Simulacrum* auf der ontologischen Ebene erläutert. Die unkontrollierbare Vermehrung von *simulacrum* in der Kultur führt

dazu, dass die existenzielle Situation extrem verzerrt ist. Dabei wird der Mensch in eine simulative Realität eingefügt und sein Leben wird von Zeichen bestimmt [Baudrillard 2000].

Die von französischen Denkern durchgeführte Demontage der mythologisierten Struktur der Konsumkultur überträgt Jelinek auf die Sprachebene. Zu Recht bemerkt sie: „<...> was ich kritisiere, ist immer die Sprache“ [Zenke 1991: 13]. „Ich lasse die Sprache ihren falschen ideologischen Charakter entlarven“ [Belobratov 2005: 233]. Dabei verwendet Jelinek den Vernichtungseffekt, der eine Dimension von der Wahrheit schafft (G. Marcuse). Sie meint, dass die „Literatur nach Auschwitz“ die üblichen Mittel der Vernichtung bereits erschöpft hat und nun im stärkeren Register des Schrecklichen und Obszönen „funktionieren“ muss [Epstein 2004: 507].

Im Fokus unserer Forschung befindet sich der Roman von Elfriede Jelinek „Kinder der Toten“ (1997). In diesem *opus magnum* kulminiert die Autorin die literarische Erinnerungsarbeit und übt die Kritik am nationalen Unschuldsmythos. Im Roman „Kinder der Toten“ beschreibt sie das monströse Totenreich. Dem kollektiven Massenmord der Nazis (Holocaust) stellt Jelinek die vielen kleinen Todesfälle im Alltag gegenüber. Jelinek erzählt über die Kinder der Toten, über Folge- und Fernwirkungen auf die Nachgeborenen. „<...> so leben wir in einer Lagergemeinschaft mit Körpern, Brillen, Zähnen, Koffern, Puppen, Plüschteddys von Fremde, ohne dass uns das etwas nützen oder schaden würde ... Wie sagen wir es unseren Kindern. Die sind jetzt im Sand und spielen. Und die Kinder der Toten? Die wandern, ein anderer wüster Sand, durch den Sand und werden gerecht, gerechnet“ [Jelinek 1997: 606].

Die Romanhandlung ist aus zahlreichen Perspektiven dargestellt und die Stimme der Autorin löst sich in einer allgemeinen Kakophonie auf. Der bunte Redestrom der Romanfiguren wird von der kritischen Perspektive der Erzählfigur stets unterbrochen. Das Genre des Romans ist schwer zu definieren: keine eigentliche Grundfabel, „reduzierte“ Romanfiguren, die von mimetischen Strategien weit distanzierte Erzählstruktur, die verschwommenen Grenzen des Zeitraums. In der Genrediskussion wird Jelineks Roman in der Tradition des späten Gothik Novels (Horror-Vampir-Films) [Dunker 2003: 141], als „Gespenstergeschichte zur österreichischen

Identität“ oder als einen grotesken Abstieg der Protagonisten ins Totenreich interpretiert [Birkmeyer 2006: 305]. Im Roman handelt es sich um apokalyptische Skizzen im Thriller-Genre oder um so eine Art „Der Untergang Europas“ in Jelineks Interpretation. Der Roman endet mit der apokalyptischen Drift.

Der Roman zeigt ein allegorisches Bild: die Toten, die sowohl den Opfern als auch Tätern entsprechen, auferstehen und vermischen sich mit den Alpenpensionsgästen in einem Alptraum-Szenario. Der Leerlauf dominiert über die Macht der Handlung. Die letzten Textpassagen des Romans kennzeichnen den Plot, die Vernichtung von allen, als letzten Akt der menschlichen Komödie, einer pervertierten Schöpfung. Der Titel des Romans zeigt die Merkmale des Oxymorons und lässt eine doppelte Übersetzung zu: 1. ein toter Körper erzeugt ein neues Leben und 2. unter der toten Mutter wird das (tote) Heimatland gemeint.

Die Romanhandlung entfaltet sich ausschließlich im Bereich der Sprachspiele (im Sinne von Ludwig Wittgenstein, 1889–1951). Jelineks Sprache ist neu, frisch und frech, wie ein surreales Kaleidoskop von Bildern, sinnlosen Ereignissen, fantastischen und absurden Gestalten, vom Ekelhaften und Obszönen. Die Worte fliegen aus ihren lexikalischen Nestern heraus. In neuen Wortbildungen und ungeheuren Grotesken verbindet Jelinek das Unverbundene. Die Maximen, Sprichwörter, Phraseologismen und Sprachklischees werden neu geordnet und neu interpretiert. Das metasprachliche Textspiel, die Kunst der Hyperbel und Parodie – all das funktioniert im Text des Romans, um die Mythen zu dekonstruieren.

Die Sprache im Roman wird zum Träger des traumatischen Gedächtnisses der Nazi-Vergangenheit, das in der Hyperrealität der Gegenwart auch heute existiert. Die Blut-und-Boden-Ideologie des NS-Regimes und das Thema Holocaust werden auf die Konsumkultur projiziert, die von visuellen Machtstrategien total bestimmt wird [Kuchumova 2019]. Die häufige Verwendung des persönlichen Pronomens „wir“ im Roman weist auf die kollektive Schuld von Österreich, dem ersten Opfer der Nazi-Ideologie hin.

Das zu analysierende Sprachmaterial des Romans zeigt, dass das Thema der Vergangenheit und Gegenwart mit Hilfe von sprachlichen und konzeptionellen Metaphern expliziert wird. So

„umarmt“ die konzeptionelle Metapher „*Holocaust – menschliches Haar*“ den gesamten Romankorpus, oszilliert sich stets im Text und kommt am Ende an die Oberfläche. Das Thema des Holocaust zeigt sich durch die Gestalt vom Haar (die Haare wachsen überall aus dem Boden, bedecken die Stühle im Hotelrestaurant „Alpenrose“, füllen die Zimmer bis oben aus, ersticken die Hotelgäste) und durch lexikalische Wiederholungen (Haare, Zähne, gebrochene Brille, abgelaufene Schuhe, Kinderspielzeuge, alte Koffer und andere Dinge).

So leben wir in einer Lagergemeinschaft mit Körpern, Brillen, Zähnen, Koffern, Puppen, Plüschteddys von Fremde, ohne dass uns das etwas nützen oder schaden würde [Jelinek 1997: 606].

Die von den Bergen abgestiegene und alles auf seinem Weg zermahlte Schneelawine bezieht sich auf die Idee eines lawinenartigen Informationsstroms. Die Schneelawine entblößt die an vielen Stellen aufgetauchten menschlichen Haare.

Wir graben weiter, die stählernen Schaufeln wühlen sich voran und stoßen auf ein Zeichen: Haar. Menschliches Haar. Es ist einfach zuviel Haar da [Jelinek 1997: 665].

Innerhalb der thematischen Rahmen vom Holocaust gibt es eine bunte Mischung: eine Vielzahl von Zeitungstexten, Werbespots, TV-Stimmen, Fragmente von Gesprächen, Episoden aus Fernsehsendungen, Serien, Interviews mit populären Massenmedienfiguren. Die stilistische Methode der *Cut-up-Montage* zeigt sich hier in der spontanen und willkürlichen Verbindung von Zeitungs- oder Textausschnitten im Spiel mit Präzedenznamen. Die Zitatmontage aus dem Leben von *theatrum mundi* wird wie ein Film reproduziert. Jelinek lässt also die Massentechniken imitieren, um ihre mythologischen „Schalen“ zu zerstückeln.

Im Geiste der barocken Allegorie „Tanz des Todes“ entmystifiziert Jelinek das Leben eines Bürgers in der Konsumgesellschaft. Die drei Romanfiguren fungieren als Mittler zwischen Leben und Tod. Sie sind Tote, die den Zugang zur Welt der Lebenden erlangen können. Die „reduzierten“ Romanfiguren sind nur mit Namen, ihren verstümmelten Körpern und Fragmenten surrealer Lebensweise markiert [Kotelevskaya 2008: 39]. Die Körper der Toten erweisen sich als Feld der Desartikulation von Gesellschaftskritik in Form einer Parodie auf die Triade der Slogans

«Sport, Sex, Konsum» (O. Huxleys, *Diese neue wunderbare Welt*). Nun mischen sich die „drei Toten“ unter den Urlaubern der österreichischen Pension „Alpenrose“ ein, um ins wirkliche Leben zurückzukehren. Edgar Stranz, Skifahrer des österreichischen Nationalteams, starb bei einem Autounfall und nun treibt er Sport und ist sexuell aktiv. Karin Frenzel, eine infantile und von ihrer brutalen Mutter unterdrückte Frau, bei einem Busunfall gestorben, ist vom Einkaufen besessen. Die Philosophiestudentin Gudrun Bichler, die sich aus Prüfungsangst die Pulsadern aufgeschnitten hatte, wird hier in den Alpen sexuell süchtig.

Die drei Toten realisieren sich als eine Art Funksender und Empfänger verschiedener Diskurse (z. B. sportlich, gastronomisch, sexuell) [Gladilin 2012]. Die Realität gleicht hier einem schimmernden blauen TV-Bildschirm, in dem das gesamte Imperium von leeren Zeichen und Simulationen zu sehen ist. Die Abwesenheit eines Menschen in der simulativen Realität wird durch die Anwesenheit seines Körpers ausgeglichen, der aber deformiert, zerstückelt und defekt ist. Das Bild des zerfallenden Fleisches zeigt eine absolute Physiologie und eine Masse, die nicht mehr vergeistigt werden kann.

Die grotesken Romanfiguren mit dem Ichverlust sind eigentlich Medienfiguren mit holografischem Effekt, bei dem ein vollständig dreidimensionaler Eindruck entsteht. Sie bewegen sich in verschwommenen Grenzen zwischen Aufzeichnung und Rekonstruktion eines Wellenfeldes. Dabei entsteht oft eine Oberflächendeformation wie in der Computergrafik, bei der ein Absturz manchmal zum Verlust einzelner Körperteile führt. Zum Beispiel zerfällt das Bild eines menschlichen Gesichts in Pixeln wie ein Steinschlag in den Bergen. Die Gesichtszüge verschwimmen und sogar „entgleisen“, *die Züge zum endgültigen Entgleisen gebracht haben* [Jelinek 1997: 524]. Hier verwirklicht Jelinek die Dekonstruktion der Körperlichkeit als eine der Methoden der metaphorischen Vorstellung von der Dekonstruktion der Persönlichkeit in der simulierten Realität.

Die Leere im Roman wird durch verschiedene Sprachmittel übertragen. Im Roman wird operiert mit einer Fülle rhetorischer Mittel, und zwar: Alliterationen, Assonanzen, Vergleiche,

sowie Paronymie *teilnehmender Anteil* (322), Pleonasmus *die wesentlichen Wesenheiten* (93), Oxymoron *das Mass des Masslosen* (120), Kontamination *Geschlechtsbeisszangen* (114), *Golfkriegfrisur, in Bezug auf den Golfkrieg* (111), das Absurde *Ein Kind, das an einer Art Galgen schwimmen lernt, schreit auf und greift aus sich heraus* (249), sowie anatomische, gastronomische, sportliche Metaphern.

Der Roman „Kinder der Toten“ hat eine vielschichtige und stilistisch komplizierte Textur. Im Erzählten fehlt eine chronologische Relation (Achronie), verschiedene Ereignisse koexistieren synchron im Erzählfluss. Die als „Vergegenkunft“ (Vergangenheit/Gegenwart/Zukunft) geformte Zeit wird in Bildern von Eis, Schneesturm, Schneelawinen dargestellt. Die Romanfiguren treten als Repräsentanten einer archaischen Phase des menschlichen Bewusstseins auf. Es gibt keine strikte Trennung von Theomorphem, Anthropomorphem und Zoomorphem. Dazu ist die Fülle an anatomischen, zoomorphen Metaphern, Okkasionalismen und Komposita, grotesken und absurden Figuren, die Jelinek in seinem Roman konstruiert, um die übermäßige Realität von Zeichen zu demonstrieren. So buchstabiert Jelinek das schreckliche Alphabet des Entsetzens und erläutert es gleichzeitig.

Die Grenzen zwischen den organischen und unorganischen Formen sind gelöscht und so entsteht eine besondere Stoffwechselsituation. Die Verwendung des Stoffwechselprinzips des Sehens führt zu einer mythischen Denkweise zurück, wenn die Sprache jenes primitive Daseinstufe weitergab. Die Metabol wird bei Jelinek als Leitkategorie der geistigen Umnachtung deklariert [Vorotnikova 2013: 76]. Das traditionelle Verständnis von Metabol als „allerlei Veränderungen, die jeden Aspekt der Sprache betreffen“ [Dubois, Edeline 1986: 56], erläutert der Literaturforscher Michail Epstein. Die Metabole wird von ihm als „ein Bild behandelt, das nicht in zwei Hälften geteilt wird, durch direkte und übertragene Bedeutung, durch das beschriebene Objekt und die angezogene Ähnlichkeit, es ist ein Bild einer doppelten und zugleich einheitlichen Realität“ [Epstein 1988: 58].

Das mythische Paradigma wird heute in einem neuen Szenario zurückgegeben. Die Einheit des Wesens wird in der Konsumwelt durch eine neue Einheit von Simulationen/

Ersatzformen ersetzt. Das Leben erscheint als ein riesiges Computerspiel, in dem es endlose Wiederholungen und Reversibilität gibt. Einige Textbeispiele: Mensch als ein Stein: *zu dem Stein, der wir selbst sind* (13). Mensch als ein Baum *Vom Bäumchen Karin zu früh die Blätter abfallen lassen* (80). Mensch als ein Sportgerät: *Er und sein Gestell gehören zusammen, denn darauf soll sein Wesen zum Schein gebracht werden* (133). Mensch als ein Fisch: *Die Frauen waren immer schon sein Element, in dem er schweifwedelnd herumgeschwommen ist* (277).

Zu nennen ist auch die ästhetische Figur Prosopopöie, wenn ein vernunftloses Wesen als ein vernünftiges handelt und das Leblose sich als lebendiges Wesen zeigt. Im Roman werden Dinge, Gegenstände, Räume zu einer Fortsetzung des Menschen. Ein gutes Beispiel: *Die Felswände schauen auf den Gasthof herab. Die Touristen schauen zu den Felswänden auf* (63).

Die Verwendung realisierter Metaphern (und anderer Arten von Tropen) im Roman, um die mythologisierte Realität zu beschreiben, erzeugt einen grotesken Effekt. So verbindet Jelinek die Sprache von Auschwitz und die Sprache des Fernsehens in einer monströsen Groteske [Dunker 2003: 147]. Die Auschwitz-Topoi werden durch das Fernsehen und den Geschlechtsdiskurs markiert. In Jelineks Roman sind die Öfen von Konzentrationslagern ihrer Wirkung nach mit dem Fernsehschirm zu vergleichen. Das Motiv erreicht seinen Höhenpunkt gegen Ende des Buches *im muffeligen Ofen des Fernsehens* (606). TV und die Muffelöfen von Auschwitz werden miteinander verschränkt [Schanze 2006: 169]. Das Fernsehen wird zum Ort der Vernichtung, der aber gleichzeitig in seinem Licht, dem *blau flimmernden Tabernakel* (246), einen sakralen Ort darstellt, in dem die Toten im Feuer von Auschwitz fortexistieren. Dieses Alptraumbild im Roman zeigt die Macht der neuen Bild-Medien, die nicht der Repräsentanz und der Wiedergabe von Wirklichkeit, sondern der Konstruktion und Manipulation eines Betrachters dienen. *Das Bild auf dem Bildschirm beweist ja, dass wir nicht echt sein können: Es hat das Licht am Höhleneingang ersetzt* (452).

Der TV-Bildschirm wirkt im Roman als so eine Art Matrix, die die Menschen in einen tiefen Schlaf eintauchen lässt. *Die Leute haben Teller an ihren Häusern angebracht, um auch diese Nacht wieder gründlich auszumelken, Stimmen und Bilder wie aus einem Euter in ihre Wohnung rinnen zu lassen, und die*

ersten Kainszeichen flammen bereits auf (249). Die simulativen Lebensformen, so Jelinek, führen in die Kultur der Steinzeit. Das Versteinern von Menschen vermittelt psychologisch genau den Zustand geistiger Unbeweglichkeit („Fossilien“). *Hinter der Stirn sind die Gedenksteine aufgehäuft, doch es steht dort nichts geschrieben. Alle Inschriften sind gelöscht, spätestens seit dem Sommer, da die letzten Menschentransporte ausgerückt sind <...> und hergetrieben in einen hölzernen See aus Baracken ohne Fenster* (143–144).

Die Groteske von Jelinek zeigt auch blasphemische Formen. Im Geschlechtsakt von Gudrun und Edgar sind ihre Körper den Eisenbahnwagen ähnlich, die nach Auschwitz fahren. Die „Körper rucken und quietschen in den Kupplungsgelenken“. Die „Körper der Liebenden sind wie Eisenbahnwaggons“. Das von der Nazi-Politik pervertierte Motto „Arbeit macht frei“ am Tor von Auschwitz wird in den Sexualitätsdiskurs überführt: „Nicht Arbeit hat diese junge Schwester freigemacht, sondern ein Auszubildender, den wiederum noch keine Gesellenprüfung freigemacht hat, sodaß er in die Öffentlichkeit hätte entlassen werden dürfen“ (247).

Im Roman verwendet Jelinek noch weitere Stilmittel, und zwar, die *ad hoc* gebildeten Okkasionalismen als einmalige Wortneuschöpfungen. Die Expressivität solcher sprachlichen Gelegenheitsbildungen zeigt sich darin, dass sie eine emotional-evaluative, inhaltliche Belastung haben und erstarrte Sprachformen und Sprachklischees zerstören können. Die auf der Metaphorisierung basierenden okkasionalen Komposita im Roman sind zahlreich. Die Komposita eignen sich dazu, einen vielschichtigen Sachverhalt ganz knapp, in einem einzigen Wort ausdrücken zu können. In *linguistic studies* gilt also das Kompositum als „syntaktisches Parallelkonstrukt“ [Fleischer 1971: 326] oder als ein Mikrosyntaxis“ [Benvenist 1974: 241]. Zu nennen sind auch die zahlreichen Komposita mit sogenannten Verschiebungen. Individuelle Verschiebungen bei Jelinek werden durch die Nominierung von syntaktischen Konstruktionen erstellt: *Gudrun-draußen-vor-der-Tür sieht sich jetzt im Anschnitt schräg von hinten, was ist denn in sie gefahren?* (165), *Ein Engelsturz, der sich nur endlich aufrappelt und in einer Hecht-in-Aspikontrolle durch die Glasglocke wirft* (109), *Hänsel-Gretel-Spur* (341). Sie beziehen sich auf W. Borcherts Geschichte „Draussen vor der Tür“, Äsops Fabel und Grimms Märchen.

Zusammenfassung

Es gibt noch „ein weites Feld“ von Stil- und Sprachmittel, Tropoi und Wortneubildungen, die sprachliche Praxis von Jelineks Dekonstruktion von Mythen veranschaulichen können. Das macht es schwierig, sie deutlich zu klassifizieren. Mit einer reichen Palette Sprachinstrumentarium zerstört Elfriede Jelinek die ideologischen Konstruktionen und Mythen der Konsumkultur. Jelinek versetzt sie in die

Zone des Schrecklichen und des Obszönen, ins Spielfeld von verschiedenen Diskursen und in ganz unerwartete Kontexte. Die Dekonstruktion der mythologischen Strukturen im Roman „Die Kinder der Toten“ kulminiert also nicht bei der emotionalen Katharsis, sondern bei der kritischen. Die kritische Distanz ermöglicht dem Leser, eine kalte und ernüchternde Haltung gegenüber der entmystifizierten Realität einzunehmen.

ЛИТЕРАТУРА

- Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт ; пер. с фр. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Издательская группа «Прогресс» ; Универс, 1994. – 729 с.
- Барт, Р. Мифологии / Р. Барт ; пер., вступ. ст. и коммент. С. Н. Зенкина. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – 287 с.
- Белобратов, А. В. Эльфрида Елинек: «Я ловлю язык на слове...»: интервью с Э. Елинек / А. В. Белобратов. – URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2005/7/ya-lovlyu-yazyk-na-slove.html>. – Текст : электронный.
- Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; под ред. Ю.С. Степанова. – М. : Прогресс, 1974. – 256 с.
- Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр ; пер. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.
- Воротникова, А. Э. Поэтика памяти и забвения в романе Э. Елинек «Дети мертвых» : монография / А. Э. Воротникова. – Воронеж : Воронежский гос. пед. ун-т, 2013. – 164 с.
- Гладилин, Н. В. Постмодернистские решения гендерной проблематики в романах Эльфриды Елинек 1989–2000 гг. / Н. В. Гладилин // Вестник МГЛУ. – 2012. – Вып. 22 (655). – С. 94–111.
- Дебор, Г. Общество спектакля / Г. Дебор. – М. : Логос, 2000. – 184 с.
- Дюбуа, Ж. Общая риторика / Ж. Дюбуа, Ф. Эделин [и др.] ; пер. с фр. Е. Э. Разлоговой, Б. П. Нарумова. – М. : Прогресс, 1986. – 391 с.
- Котелевская, В. В. «Редуцированный» персонаж Эльфриды Елинек в «обществе спектакля» / В. В. Котелевская // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2008. – № 2. – С. 30–40.
- Кучумова, Г. В. Немецкоязычный роман рубежа XX–XXI вв.: Проблема Другого : монография / Г. В. Кучумова – Самара : САМАРАМА, 2019. – 216 с.
- Эпштейн, М. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков / М. Эпштейн. – М. : Советский писатель, 1988. – 416 с.
- Эпштейн, М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук / М. Эпштейн. – М. : Новое литературное обозрение, 2004. – 864 с.
- Jelinek, E. Die Kinder der Toten / E. Jelinek. – Reinbek bei Hamburg : Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1997. – 667 S.
- Birkmeyer, J. Elfriede Jelinek. Tobsüchtige Totenwache / J. Birkmeyer // Eke Norbert Otto, Steinecke Hartmut (Hrsg.). Shoah in der deutschsprachigen Literatur. – Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2006. – S. 302–310.
- Dunker, A. Die anwesende Abwesenheit. Literatur im Schatten von Auschwitz / A. Dunker. – München : Wilhelm Fink Verlag, 2003. – 333 S.
- Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Gegenwartsprache / W. Fleischer. – Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1971. – 326 S.
- Schanze, H. Fernsehmythen – Mythologie des Fernsehens / H. Schanze // Alte Mythen – Neue Medien / hrsg. von Yasmin Hoffmann, Walburga Hülk, Volker Roloff. – Heidelberg : Universitätsverlag Winter, 2006.
- Zenke, Th. Ein Langstreckenlauf in die Heimat / Th. Zenke // Elfriede Jelinek / hrsg. von Kurt Bartsch, Günter A. Höfler. – Graz : Literaturverlag Drosche, 1991. – Bd. I. – S. 187–183.

REFERENCES

- Bart, R. (1994). *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow, Izdatel'skaya gruppa «Progress», Univers. 729 p.
- Bart, R. (1996). *Mifologii* [Mythology]. Moscow, Izdatel'stvo im. Sabashnikovoykh. 287 p.
- Baudrillard, J. (2000). *Simvolicheskii obmen i smert'* [Symbolic Exchange and Death]. Moscow, Dobrosvet. 387 p.
- Belobratov, A.V. (2005). *El'frida Elinek: «Ya lovlyu yazyk na slove...»: interv'y u s E. Elinek* [Elfriede Jelinek: "I Catch My Tongue at a Word...": Interview with E. Jelinek]. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2005/7/ya-lovlyu-yazyk-na-slove.html>.
- Benveniste, E. (1974). *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics]. Moscow, Progress. 256 p.
- Birkmeyer, J. (2006). Elfriede Jelinek. Tobsüchtige Totenwache. In Eke Norbert Otto, Steinecke Hartmut (Hrsg.). *Shoah in der deutschsprachigen Literatur*. Berlin, Erich Schmidt Verlag, pp. 302–310.
- Debor, G. (2000). *Obshchestvo spektaklya* [Society of the Spectacle]. Moscow, Logos. 184 p.
- Dubois, J., Edelin, F. et al. (1986). *Obshchaya ritorika* [General Rhetoric]. Moscow, Progress. 391 p.

- Dunker, A. (2003). *Die anwesende Abwesenheit*. Literatur im Schatten von Auschwitz. München, Wilhelm Fink Verlag. 333 p.
- Epstein, M. (1988). *Paradoxy novizny: O literaturnom razvitii XIX–XX vekov* [Paradoxes of Novelty: On the Literary Development of the 19th–20th Centuries]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 416 p.
- Epstein, M. (2004). *Znak probela: O budushchem gumanitarnykh nauk* [The Sign of the Gap: About the Future of the Humanities]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 864 p.
- Fleischer, W. (1971). *Wortbildung der deutschen Gegenwartsprache*. Leipzig, VEB Bibliographisches Institut. 326 p.
- Gladilin, N. V. (2012). Postmodernistskie resheniya gendernoi problematiki v romanakh Elfriedy Elinek 1989–2000 gg. [Post-modern Solutions to Gender Issues in the Novels of Elfrieda Jelinek 1989–2000]. In *Vestnik MGLU*. Issue 22 (655), pp. 94–111.
- Jelinek, E. (1997). *Die Kinder der Toten*. Reinbek bei Hamburg, Rowohlt Taschenbuch Verlag. 667 p.
- Kotelevskaya, V. V. (2008). «Redutsirovannyi» personazh Elfriedy Elinek v «obshchestve spektaklya» [The “Reduced” Character of Elfriede Jelinek in the “Society of the Spectacle”]. In *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. No. 2, pp. 30–40.
- Kuchumova, G. V. (2019). *Nemetskoyazychnyi roman rubezha XX–XXI vv.: Problema Drugogo* [German-Language Novel of the Turn of the 20th–21st Centuries: The Problem of Another]. Samara, SAMARAMA. 216 p.
- Schanze, H. (2006). Fernsehmythen – Mythologie des Fernsehens. In von Yasmin Hoffmann, Walburga Hüll, Volker Roloff (Hrsg.). *Alte Mythen – Neue Medien*. Heidelberg, Universitätsverlag Winter.
- Vorotnikova, A. E. (2013). *Poetika pamyati i zabveniya v romane E. Elinek «Deti mertvykh»* [Poetics of Memory and Oblivion in E. Jelinek's Novel “Children of the Dead”]. Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 164 p.
- Zenke, Th. (1991). Ein Langstreckenlauf in die Heimat. In von Kurt Bartsch, Günter A (Hrsg.). *Elfriede Jelinek. Höfler der Universität Graz, Literaturverlag Drosche*. Bd. I, pp. 187–183.

Данные об авторе

Кучумова Галина Васильевна – доктор филологических наук, профессор,
Самарский национальный исследовательский университет имени академика
С. П. Королева (Самара, Россия).

Адрес: 443086, Россия, Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: gal-kuchumova@mail.ru.

Author's information

Kuchumova Galina Vasilievna – Doctor of Philology, Professor, Samara
National Research University (Samara, Russia).

Дата поступления: 16.01.2023; дата публикации: 30.06.2023

Date of receipt: 16.01.2023; date of publication: 30.06.2023

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

УДК 378.147:81'23. ББК Ш100.6+Ч448.024
ГРНТИ 14.35.07. Код ВАК 5.8.2

DIAGNOSTICS OF UNIVERSITY STUDENTS' LINGUA-COMMUNICATIVE CULTURE

Olga M. Osyanova

Orenburg State University (Orenburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1846-5378>

Anna V. Osyanova

Orenburg State University (Orenburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8885-2731>

Abstract. Well-grounded diagnostics of students' lingua-communicative culture plays an extremely important role in competence-based university education as it serves as the main index of the teaching methods efficiency and determines the tendencies and dynamics of the pedagogical process. The article aims to substantiate the significance and feasibility of the methods of diagnostics of the students' lingua-communicative culture in the context of teaching different university subjects. The study is based on the combination of theoretical and empirical methods of investigation, pedagogical experiment and statistical procedures. The theoretical methods are represented by a systemic analysis of Russian and foreign scholarly papers and projects. The empirical methods include observation, interview, questioning and diagnostic methods. The article presents an original procedure of diagnostics of the students' lingua-communicative culture including three stages: organization, evaluation and generalization (discussion). The first stage has resulted in a set of concrete diagnostic methods and statistical procedures relevant to the evaluation of emotive, cognitive, operational and reflexive lingua-communicative culture components selected on the basis of axiological, cognitive, praxeological and reflexive criteria and their indicators demonstrating changes in the students' knowledge, communicative skills, intersubject relations and self-evaluation in the course of the education process. At the second and third stages, the study has identified and tested the diagnostic methods and statistical procedures performing diagnostic and evaluative functions (observation, interview, questioning, control and evaluation of lingua-communicative skills, diagnostics of personal traits and empathic abilities, expert evaluation and self-assessment, and statistical procedures). At the generalization stage, the authors assessed the efficiency of the method of diagnostics of the students' lingua-communicative culture. The article argues that the use of the three-stage diagnostic method guarantees adequate evaluation and facilitates positive dynamics of the level of the students' lingua-communicative culture within the frames of the competence-based education process.

Keywords: lingua-communicative culture; three-stage diagnostic method; diagnostic methods; statistical procedures; intersubject relations; self-assessment

For citation: Osyanova, O. M., Osyanova, A. V. (2023). Diagnostics of University Students' Lingua-Communicative Culture. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 2, pp. 194–204.

ДИАГНОСТИКА ЛИНГВОКОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТА

Осиянова О. М.

Оренбургский государственный университет (Оренбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8885-2731>

Осиянова А. В.

Оренбургский государственный университет (Оренбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8885-2731>

А н н о т а ц и я. Обоснованная диагностика лингвокоммуникативной культуры студента играет чрезвычайно важную роль в компетентностно-ориентированном вузовском образовании, поскольку служит основным показателем эффективности методов обучения, определяет тенденции и динамику педагогического процесса. Статья нацелена на обоснование значимости и целесообразности методики диагностики лингвокоммуникативной культуры студентов в контексте преподавания различных учебных дисциплин в университете. Исследование основано на интеграции теоретических и эмпирических методов исследования, педагогического эксперимента и статистических процедур. Теоретические методы представлены системным анализом научных трудов российских и зарубежных ученых. Эмпирические методы включают наблюдения, интервью, анкетирование и диагностические методы исследования. В статье представлена оригинальная трехэтапная методика диагностики лингвокоммуникативной культуры студента, включающая организационный, контрольно-оценочный и результативный (обобщающий) этапы. Результатом первого этапа стал набор конкретных диагностических методов и статистических процедур, релевантных для оценки эмотивного, когнитивного, операционального и рефлексивного компонентов лингвокоммуникативной культуры, отобранных на основе аксиологического, когнитивного, прагматического и рефлексивного критериев и их показателей, фиксирующих изменения в знаниях студента, его коммуникативных умениях, межсубъектных отношениях и самооценке в процессе обучения. На втором и третьем этапах исследования были определены и апробированы диагностические и статистические методы, выполняющие диагностическую и контрольно-оценочную функции (наблюдение, опрос, анкетирование, контроль и оценка лингвокоммуникативных умений, диагностика личностных качеств и эмпатийных способностей, экспертные оценки и самооценки, статистические процедуры). На обобщающем этапе оценивалась эффективность методики диагностики лингвокоммуникативной культуры студентов. В статье доказывается, что использование трехэтапной методики диагностики обеспечивает адекватную оценку и способствует положительной динамике уровня лингвокоммуникативной культуры студентов в рамках компетентностно-ориентированного образовательного процесса.

Ключевые слова: лингвокоммуникативная культура; трехэтапная методика диагностики; методы диагностики; статистические процедуры; межсубъектные отношения; самооценка

Для цитирования: Осиянова, О. М. Диагностика лингвокоммуникативной культуры студента / О. М. Осиянова, А. В. Осиянова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 194–204.

Introduction

The modern stage of social evolution has demonstrated a growing interest in the multidimensional phenomenon of communication which has become the object of study in various scientific fields including sociology, anthropology, philosophy, political science, cultural studies, linguistics and pedagogics. Today, communication can serve as an instrument for solving various social problems,

promote mutual understanding and cooperation with people regardless of their national, religious or social background. Personal adaptation and fulfillment within the social environment call for the ability to interact effectively and here success is determined in many respects by the lingua-communicative culture.

It's apparent that the lingua-communicative culture of a speaker (even a native speaker) can't be developed independently in the process of

socialization. On the contrary, it is always an object of purposeful formation taking place throughout the speaker's education. The educational process of a high school functions as a very important step in the formation of the lingua-communicative culture regarding either a native or a foreign language. Modern standards of competency-based professional education are aimed at the development of communicatively aware and open-minded people who are able to hold negotiations, stand their ground, discuss and take collective decisions, prevent work conflicts, create an atmosphere of emotional balance and mutual understanding with people of various backgrounds. Here emerges the problem of lingua-communicative culture formation, which we regard as the basic component of student's studies within a competency-based university education.

Theoretical framework

Lingua-communicative culture synthesizes the process of complex perception, it reflects and activates culturally relevant categories on a verbal level [Osiianova, Temkina 2018; Osiianova, Osiianova 2020]. From the pedagogical point of view lingua-communicative culture is an integrative dynamic personality feature, which manifests itself in the process of verbal communication. It is based on a system of values and self-reflection, knowledge of cultural practices and behavior, lingua-communicative skills (orientation, speech, analysis, creative, reflexive, techno-informational) providing a creative nature of context specific verbal communication. Lingua-communicative culture is expressed through adequate comprehension, sensible self-assessment and positive perception of communication partners. It serves as a development exponent of verbal activity subjects. Lingua-communicative culture is based on a Subject-Subject pattern of personal interrelations, forming an ability to coordinate and correlate one's actions with the Other [Osiianova 2017].

The analysis of current and recent theoretical research and practice of teaching verbal communication both in Russia and abroad reveals several approaches presented in linguistic, psychological and pedagogical papers:

- rhetorical;

- socio-psychological, based on active methods and group work;

- cultural, directing attention to different aspects of speech perfection and communicative culture;

- and communicative, represented by different strategies of communicative competence formation (P. J. Cooper, N. I. Formanovskaya, J. Hartley, M. L. Knapp, D. Leeds, E. I. Passov, W. M. Rivers, V. V. Safonova, J. Sheils, H. G. Widdowson, J. T. Wood) [Cooper 2011; Formanovskaya 2002; Hartley 2002; Knapp 2014; Leeds 2000; Passov 1991; Rivers 2003; Safonova 2004; Sheils 1983; Widdowson 2011; Wood 2016].

The following means and conditions for student's lingua-communicative culture formation within university educational process as text activity in a foreign language, verbal educational situations, a choice of pedagogically valuable content of studying, teacher's attitude to a student as a subject of verbal activity, actualization of students' reflexive activity, forcing of subject-subject relations have been experimentally proved by the researches.

Despite the theoretical knowledge about specific features, structure and particular ways of lingua-communicative culture improvement, the problem of student's lingua-communicative culture diagnosis has not been solved yet and needs theoretical investigation and experimental verification.

The problem of lingvo-communicative culture diagnosis

Appropriate diagnostics plays an extremely important role as it serves as the main index of teaching methods effectiveness, determines trends and pedagogical process dynamics. Our observations confirm that student assessment methods and techniques used in educational process do not often concern personality development. They are focused mainly on practical language aspects and leave aside the subject of communication and the communicators themselves.

The aim of the current study is to determine the methodology of student's lingua-communicative culture diagnostics and prove its appropriateness in the course of teaching different subjects within the educational university process.

Methods of diagnostics

The term “diagnostics” originates from the Greek word *diagnosticos* which means *the ability to discriminate*. In our research the selection of methods for student’s lingua-communicative culture diagnosis involves working out the procedure of discrimination between student’s knowledge, skills, relations and personality features testifying their level of lingua-communicative culture. For this reason, lingua-communicative culture diagnostics within a university educational process involves several operations. They include testing, verification, evaluation of statistical data accumulation and their further analysis, essential for the subsequent promotion of lingua-communicative culture formation. The research was held at five faculties of Orenburg State University (OSU) (Philology, Architecture and Construction, Economics and Finances, Mathematics and Information Technologies, Institute of Innovations in Social Sciences and Humanities and Mass media). 463 OSU students of the 1st–4th year and 67 OSU teachers acting as experts took part in the experimental verification of lingua-communicative culture diagnostic methodology.

The selection of methodology for student’s lingua-communicative culture diagnostics has required a set of methods and tools for obtaining quantitative and qualitative characteristics of the phenomenon under study as well as adequate results evaluation [Borytko 2006; Osianova, Osianova 2020]. Thus, at different stages of the research we have used a suite of specially designed diagnostic methods and statistical procedures with diagnostic, test and evaluation functions (observation, interviewing, questioning, discussion, student’s self-report, analysis, etc.). The use of complementary diagnostic methods and procedures together with mutual testing let us accurately define the student’s lingua-communicative culture dynamics at every stage of the experiment. This also enables to determine the effectiveness of the selected educational technologies.

Three-stage diagnostic methodology

The elaboration of methodology for student’s lingua-communicative culture diagnostics has been divided into three stages: design (organizational stage), test and evaluation

(actualizing stage) and generalizing (results stage).

Design (organizational stage). This is a stage where the content and the conditions of diagnostics are being determined. At this stage we specify the structure of lingua-communicative culture, analyze the content of its structural components, select criteria and exponents for the diagnostics of the phenomenon under study. Theoretical studies and factor analysis have proved that lingua-communicative culture integrates in its content the axiological unity of the following four components:

- emotive – a person’s value orientations;
- cognitive – verbal and non-verbal communication awareness, speech etiquette,
- operational – lingua-communicative skills, mental operations;
- reflexive – personality abilities to self-study and self-assessment in the process of verbal activity.

Factor analysis data lets us conclude that the emotive factor has had the greatest impact on lingua-communicative culture formation (32,56% of the dispersion). The next determined factor, which is not connected with the first one, is the cognitive factor. Its share has constituted 20% of the dispersion. The reflexive factor has turned out to be the third in order of importance (15,88%). The fourth is the activity factor with a dispersion of 11,24%. Quantitative factor analysis data was obtained on the basis of interviewing and students’ answers of the author’s questionnaire.

For the purpose of lingua-communicative culture dynamics assessment four criteria have been developed, reflecting the changes in all its components: axiological, cognitive, praxeological and reflexive. The criteria determined the adequate selection of diagnostic methods within educational process. Consequently, the students’ knowledge, skills, relations and self-assessment were determined to be the main indicators of lingua-communicative culture formation (Table 1).

Table 1 – Criteria and indicators of students’ lingua-communicative culture (LCC)

LCC criteria	LCC exponents	LCC indicators
Axiological	– culture value awareness as a means of verbal activity; – LCC motives formation awareness; – awareness of subject-subject relations in LCC; – mastering of person’s value orientations system (ideals, life goals, believes, principles)	– they think over the conversation content in advance
		– they are not afraid to show doubts in their rightness
		– they listen to an interlocutor carefully and actively
		– they do not use directive tone
		– they consider interlocutor’s temperament
		– they suppose that the communication success depends on appearance and manners
		– they suppose that the communication success depends on the previous communication experience
		– they suppose that the communication success depends on culture degree
Cognitive	– knowledge of nature and social world; – knowledge of language system and language of non-verbal communication; – knowledge of speech culture and behavior, the ability to use it properly according to person’s value orientations systems	– they get LCC knowledge in the educational process
		– they get LCC knowledge in their families
		– they get LCC knowledge in subcultures
		– they get LCC knowledge from the Internet, books, mass media
Praxeological	– the skill to listen to a partner and hear him/her, to hold a discussion, to convince a partner; – the skill to control the relations, find out various ways of verbal expression, foreseeing consequences; – the skill to understand partner’s mood, feel empathy; – the skill to overcome the feeling of being mistaken while giving one’s opinion	– they choose ways of verbal communication due to the situation
		– they listen to other’s opinion and change their minds
		– they persist on their point of view
		– they follow a different point of view
		– they perform an unprepared speech in a new place
		– they argue, proving their point of view
Reflexive	– abilities to self-analysis and self-esteem in verbal activity and LCC; – preference of positive evaluation	– they analyze causes of their communication success and failures
		– they find out negative points in interlocutor’s position
		– they find out positive points in interlocutor’s position

Based on the purpose of the current research, there have been selected the following diagnostic methods to estimate the OSU student’s initial level of lingua-communicative culture no matter what faculty students studied. Among them there were various questionnaires and interviews, ranking, lingua-communicative skills and overall culture evaluation; the Delphi method; self-assessment, e.g. “Teacher-Student Interrelation”, “Communication and Leadership Ability Assessment” (V. I. Andreev), “Evaluate Your Conversation Behavior” (J. I. Rogov); student’s learning process observations; experimental diagnostic methods, modified to suit the aims

of the study; communicative skills test by L. Mikhelson and Y. Gilbukh; “My Interaction Tactics” by N. Vlasova; lingua-communicative skills assessment by N. Gorlova; personality and empathy test by V. V. Boiko.

Test and evaluation (actualizing) stage. Test and evaluation (actualizing) stage of lingua-communicative culture diagnosis presupposes the use of the selected methods mentioned above throughout the preliminary and formative stages of the experiment. In order to increase the reliability of various questionnaire techniques and to control the validity of the student’s responses, modern statistical methods were used

for processing the outcomes. Much attention has been given to the creation of a comfortable environment fostering free expression of the student's opinions in conditions of anonymity. To increase the student's interest in the diagnostic study, discussions were held about its relevance and practical significance.

A relevant diagnostic data about students' initial lingua-communicative culture level was obtained due to the results of the questionnaire assuming to answer multiple-choice or open-ended questions. Here are some of them: *Where in your opinion is it possible to get information about lingua-communicative culture? Are the conditions for dialogue with a teacher and students, for participation in team and group work created at your lectures and practical classes? What is the most common purpose of your communication with other people? What are the most common obstacles of your communication with other people? What makes your communication with other people successful? What is your behavior to unpleasant people if you have to communicate with them? Do you analyze reasons of your communication success/failures? How do you assess your lingua-communicative culture level?*

Based on the results of the questionnaire surveys, valuable diagnostic material was received regarding the initial level of the student's lingua-communicative culture. The questions were designed to determine the development of different components of lingua-communicative culture, during which, each component was analyzed separately according to axiological, cognitive, praxeological and reflexive criteria and their indicators.

The large number of responses received has enabled evaluation of the current state of the emotive lingua-communicative culture component, indicating the extent to which the respondents were conscious of cultural values. These questionnaire surveys showed that the educational process (from 92% to 25%, with an average of – 69% of respondents) was the main source of knowledge of the student's lingua-communicative culture. The initial diagnostics also highlights that insufficiency of education (from 12% to 55% with an average of – 37,1% of respondents), low social status (26,1%), bad character and manners of partners (28%), as a rule, undermines lingua-communication. The highest percentage according to these indicators

was noted among students of Architecture and Construction, Economics and Finances, Mathematics and Information Technologies faculties, the 4th year students of Institute of Innovations in Social Sciences and Humanities and Mass media, which undoubtedly requires consideration in the course of their professional training. Most respondents do not value self-expression, nor doubt their righteousness, nor attempt to comprehend and evaluate the interlocutor and themselves. Experimental survey data has confirmed the assumption that all lingua-communicative culture components need to be improved, with reflexive and activity-focused ones requiring particular attention.

Diagnostic data of students' reflexive ("Evaluate Your Conversation Behavior" by J. I. Rogov) and communicative skills (communicative skills test by L. Mikhelson and Y. Gilbukh, "My Interaction Tactics" by N. Vlasova; lingua-communicative skills assessment by N. Gorlova) pointed out difficulties in abilities to perceive and evaluate oneself and interlocutor objectively, respond to criticism adequately, meaningfully choose language means, tone and style of communication, take into account interlocutor's experience, interests and needs. The difficulties experienced by students in the educational process are also related to the insufficient level of lingua-communicative skills: to perform an unprepared speech in a new place (77,3%), ask questions to a speaker in an unfamiliar situation (51,1%), to make a report at a scientific conference (34,7%), argue, proving one's point of view (14,1%). Moreover, the use of the set of communicative skills diagnostic methods highlights that these difficulties are equally noted by both students of humanities (from 50 to 85%), economic and mathematical faculties (from 92 to 83%) regardless of the educational stage.

Ranking of knowledge and skills, necessary for effective professional communication, demonstrates that the vast majority of university students primarily needs knowledge about speech and behavior culture. Next is the ability to choose verbal communication strategies relevant to a given situation. The third place is taken by foreign language awareness and native speaker's culture.

Thus, the results of the initial students' lingua-communicative culture diagnostics has

determined the main tasks of the research work, in which we include didactics, organization and methodology of the experiment aimed at its formation.

Generalizing (results stage). This stage of diagnosis is focused on collecting verifiable data on quantitative and qualitative lingua-communicative culture progress. In order to monitor and evaluate the student's knowledge, skills and personal qualities, a suite of pedagogical diagnostics methods, selected at the design stage, have been used. Furthermore, during different language-related classes, e.g. Foreign Language, Russian Language and Speech Culture, etc., a wide range of activities has been used, such as dictations followed by creative tasks, complex text analysis, multiple-choice tasks, transcoding information, etc. They have served to diagnose both language and communicative knowledge and skills.

Thus, during Written Speech Practice classes with philology students the teacher working with an article asked students to write a dictation and then render the article in a written form. After that students participated in a subject-centered problem-solving discussion following the given plan and fulfilled a creative task supporting it with a presentation or a short video. Using the content of the language-related class students were suggested such problem-solving tasks as: *Who is a hero for you? Who are heroes in the real life? Is sales mania a disease? Why do people are fond of sales? Why is healthy eating getting so popular today?* The teacher's observation and testing proved that such a system of creative tasks has improved lingua-communicative skills development. Participation in group or team work, subject-centered problem-solving has helped estimate the changes in student interaction and the quality of interrelation.

In the process of solving group and team tasks the teacher asked students to express directly subjective opinions of the participants and exchange their impressions. Within the discussion the recommendations for correcting verbal activity and mastering reflexive skills were made. At foreign language classes with students of different faculties 5 groups of methods for developing and assessment lingua-communicative skills were widely used ("Interview", "Information Bank", "Search for

a Pair", "Coordination of Actions", "Discussion Game"). The methods had a common task – each student, having at first a small piece of information, in the course of interaction with other students of the group had to obtain the information from the "collective bank" to acquire the necessary knowledge. Lingua-communicative skills assessment by N. Gorlova helped expert teachers evaluate the following lingua-communicative skills: to start and hold communication, ask and answer questions, avoid dominating in communication, etc.

So, the level of the student's lingua-communicative culture was evaluated with the help of special diagnostic techniques. The students have to demonstrate a certain outcome, which can be noticed through their classroom activity: giving a comment, reporting, discussing, taking a decision, role-play and dramatization.

For example, using the "Aquarium" technique which resembles a theatrical performance, "students-actors" of Philology Faculty and Institute of Innovations in Social Sciences and Humanities and Mass media within the content of different subjects (History of Foreign Literature, Rhetoric, Philological Text Analysis, Law, Russian History) according to the teacher's assignment represent the situation, meanwhile "students-spectators" act as critics and experts who observe, explain, evaluate what they see. The teacher also observes and analyzes the content of the dialogue as well as the lingua-communicative skills demonstrated. The "Aquarium" technique together with subject-centered problem solving was widely used by teachers of Architecture and Construction and Mathematics and Information Technologies faculties in the course of teaching Mathematics and IT-technologies, Career management in professional activity, Architecture design. Personality and empathy test by V. V. Boiko, "Communication and Leadership ability Assessment" by V. I. Andreev and the Delphi method were used to estimate students' progress in lingua-communicative skills and personal qualities mastery. Thus, in the course of teaching different subjects the students' lingua-communicative culture has been assessed and improved.

The obtained data once analyzed has allowed either to fix the progress and successful achievement of the target result, or to start

correction based on a developed plan. In order to provide practical focus of the pedagogical process and guarantee proper diagnosis, active, interactive or problem-based learning activities were incorporated. Thus, the use of variable methods of monitoring and evaluation has made it possible to conduct a comparative diagnosis of student's lingua-communicative culture level at different stages of experimental work.

Since the ability to evaluate oneself and the Other plays an important role in the formation of lingua-communicative culture, particular attention has been paid to the diagnosis of the student's reflexive skills. Taken both as a method and means of reflection of a foreign language student's progress, a lingua-communicative portfolio has been developed [Shkerina, Chelovechkova 2015]. The lingua-communicative reflection portfolio is a personal paper that allows a student independently evaluate his or her lingua-communicative culture level, learn to assess adequately his or her learning progress, see the goal of lingua-communicative culture mastering and build an individual route for its continuous improvement. The lingua-communicative reflection portfolio includes specially designed materials on self- and teacher-assessment of students' achievements demonstrating their lingua-communicative culture level. These materials also help analyze the progress of lingua-communicative culture constituent parts. Furthermore, the lingua-communicative reflection portfolio serves as a means for students to analyze their impressions, attitudes, reflections and achievements related to their individual educational route of lingua-communicative culture mastery. Thus, we have designed a reflection portfolio to be used as an open, dynamic system containing all the necessary tools for diagnosing and assessing knowledge, skills and experience of lingua-communicative culture mastery. The students participating in the experiment with the lingua-communicative reflection portfolio highly appreciated its role as a means of maximizing individualization of the process of lingua-communicative culture mastery, as well as a "stimulus to further improvement", "an assistant in evaluation of one's merits and drawbacks", and "a means of verification of one's knowledge and skills". The analysis of self-assessment lingua-

communicative reflection portfolio sheets at the formative stage of the experiment proved that students (98,7%) assess their achievements adequately.

Results

The set of diagnostic procedures implemented throughout the students' lingua-communicative culture formation experiment have been used for evaluation of their lingua-communicative skills ("Teacher-Student Interrelation" by V. I. Andreev, "Evaluate Your Conversation Behavior" by J. I. Rogov, "My Interaction Tactics" by N. Vlasova, lingua-communicative skills assessment by N. Gorlova, the Delphi method) and personality quality dynamics ("Communication and Leadership Ability Assessment" by V. I. Andreev, personality and empathy test by V. V. Boiko, various questionnaires, interviews and self-assessment).

Communicative skills test by L. Mikhelson and Y. Gilbukh modified to suit the aims of the study proved the positive dynamics in basic students' lingua-communicative skills reflecting their subjective position: to respond to criticism adequately (the skill increased from 47% to 83%), respond to hurting or provoking behavior competently (the skill increased from 18% to 33%).

Positive dynamics in lingua-communicative culture development has manifested itself through the development of student's skills in applying his or her knowledge in accordance with a certain communicative situation, interacting with a partner, regulating relationship, finding out various ways of verbal self-expression, standing their ground, planning a discourse and managing it, creating emotional comfort in communication, assessing one's participation in communication adequately and giving preference to positive assessment of a partner. Reliability of the results has been verified by certain statistical procedures (Student's t-criterion, Wilcoxon's W-criterion, G-Signs criterion) [Sidorenko 2007].

The following indicators were used to evaluate the qualitative lingua-communicative culture changes according to criteria of four lingua-communicative culture components (emotive, cognitive, operational and reflexive):

AI – average indicator;

TGI – total growth indicator – the difference between the initial and the final value of indicators;

$TGI = AI(f) - AI(i)$, where $AI(f)$ stands for the final indicator value and $AI(i)$ – for the initial indicator value;

IGR – indicator growth rate – reflects qualitative indicator growth;

$$IGR = AI(f) / AE(i)$$

Table 2 – Lingua-communicative culture qualitative development dynamics

Lingua-communicative culture components	Control group				Experimental group			
	AI(i)	AI(f)	TGI	IGR	AI(i)	AI(f)	TGI	IGR
Emotive	44,4	49,0	4,6	1,10	45,0	63,4	18,4	1,40
Cognitive	38,9	42,6	3,7	1,09	43,9	53,9	10,0	1,22
Operational	45,2	51,6	6,4	1,14	45,8	64,9	19,1	1,42
Reflexive	30,8	31,8	1,5	1,03	31,7	48,6	16,9	1,53

The methodology developed for lingua-communicative culture diagnosis made it possible to identify and evaluate personal qualities students managed to develop within the experiment. Students' self-assessment determined 5 personal qualities with the following ranking: independence (100%), purposefulness (86%), activity (63%), ability to handle emotions (50%), ability to convince (47,7%).

The appropriateness of the methodology for student's lingua-communicative culture diagnosis applied in the course of teaching different subjects has been proven by the results of the longitude experiment carried out throughout the educational process of Orenburg State University.

Conclusions

The results of the study have brought us to the conclusion that student's lingua-communicative culture as an integrative dynamic personality feature which is expressed through adequate comprehension, sensible self-assessment and positive perception of communication partners needs a set of specific diagnostic methods and statistical procedures relevant to the complex evaluation of its components (emotive, cognitive, operational and reflexive).

The suggested methodology for students' lingua-communicative culture diagnosis is based on three consecutive stages (design, test and evaluation, generalization) and a set of specially developed criteria (axiological, cognitive, praxeological, reflexive) with their indicators.

It has implemented a set of variable diagnostic (observation, interviewing, questioning, lingua-communicative skills testing, diagnostics of personal qualities and empathic abilities) and statistical methods (Student's t-criterion, Wilcoxon's, W-criterion, G-Signs criterion), as well as self-assessment and the Delphi-method gained diagnostic, test and evaluative functions. Statistical procedures are aimed to control the validity of the data and processing the outcomes. The selected methods used throughout the preliminary and formative stages of the experiment ensure determining the dynamics in different components of student's lingua-communicative culture within the comparative diagnosis, evaluation of statistical data accumulation and their further analysis.

The use of the complementary diagnostic methods in the context of teaching different university subjects has provided for the adequate lingua-communicative culture level diagnosis in competency-based education. Methodology stated the importance of self-esteem in diagnosis and development of students' reflexive skills, personality qualities and emphatic abilities. Specially designed self-esteem sheets of lingua-communicative reflection portfolio, questionnaires and personal qualities ranking has become a significant means for adequate lingua-communicative culture diagnosis and improvement.

The appropriateness of the suggested methodology has been proven by the results of the experiment which manifest themselves in lingua-communicative skills and personality

qualities positive dynamics. They confirm the universal character and a total effect of the methodology which ensures adequate evaluation of students' lingua-communicative knowledge and skills, personality qualities and effectiveness of the educational technologies (group and team work, subject-centered problem-solving).

The implementation of the suggested methodology in the context of teaching different university subjects requires a special teachers training for their acquisition of diagnostic

methods, developing their lingua-communicative culture competence and readiness to lingua-communicative culture formation.

The research described in the article does not cover all the aspects of the given problem. Further studies can be connected with specifying certain diagnostic methods for lingua-communicative culture evaluation based on the content of separate disciplines including: Humanities, Science or Economics all in a native tongue or a foreign language.

ЛИТЕРАТУРА

- Борытко, Н. М. Диагностическая деятельность педагога / Н. М. Борытко. – М. : Издательский центр «Академия», 2006. – 288 с.
- Осиянова, А. В. Методика диагностики лингвокоммуникативной культуры студента в образовательном процессе высшей школы / А. В. Осиянова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6, № 2 (19). – С. 169–172.
- Осиянова, А. В. Опыт формирования лингвокоммуникативной культуры в образовательном процессе вуза : монография / А. В. Осиянова, В. Л. Темкина. – Оренбург : ОГУ, 2018. – 167 с.
- Осиянова, О. М. Технологический аспект формирования лингвистической компетенции студентов : монография / О. М. Осиянова, А. В. Осиянова. – Оренбург : ОГУ, 2020. – 178 с.
- Пассов, Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е. И. Пассов. – М. : Просвещение, 1991. – 223 с.
- Сафонова, В. В. Коммуникативная компетенция: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях / В. В. Сафонова. – М. : Еврощкола, 2004. – 236 с.
- Сидоренко, Е. В. Методы математической обработки в психологии / Е. В. Сидоренко. – СПб. : Речь, 2007. – 220 с.
- Формановская, Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. – М. : Русский язык, 2002. – 216 с.
- Шкерина, Л. В. Портфолио как средство мониторинга профессиональных компетенций студента – будущего бакалавра-педагога / Л. В. Шкерина, И. Ю. Человечкова // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. – 2015. – № 2 (32). – С. 107–111.
- Cooper, P. J. *Communication for the Classroom Teacher* / P. J. Cooper, C. Simonds. – Boston : Allyn & Bacon, 2011. – 352 p.
- Hartley, J. *Communication, Cultural and Media Studies: The Key Concepts* / J. Hartley, E. Rennie. – Cape Town : Routledge, 2002. – 346 p.
- Knapp, M. L. *Interpersonal Communication and Human Relationships* / M. L. Knapp, A. L. Vangelisti. – Pearson, 2014. – 464 p.
- Leeds, D. *The 7 Powers of Questions: Secrets to Successful Communication in Life and at Work* / D. Leeds. – Tarcher Perigee, 2000. – 320 p.
- Osiyanova, A. V. *Maker-Technology as a Means of Student Philologist Linguistic Competence Formation and Diagnosis* / A. V. Osiyanova. – Text : electronic // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2020. – Vol. 83: PhR 2019 Philological Readings. – P. 311–319. – URL: <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2020.04.02.34> (mode of access: 16.05.2021).
- Rivers, W. M. *Communication Naturally in a Second Language: Theory and Practice in Language Teaching* / W. M. Rivers. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 180 p.
- Sheils, J. *Communication in the Modern Language Classroom* / J. Sheils. – Strasbourg (France) : Council of Europe Press, 1983. – 235 p.
- Widdowson, H. G. *Teaching Language as Communication* / H. G. Widdowson. – Oxford : Oxford University Press, 2011. – 168 p.
- Wood, J. T. *Communication Mosaics: An Introduction to the Field of Communication* / J. T. Wood. – Cengage Learning, 2016. – 400 p.

REFERENCES

- Borytko, N. M. (2006). *Diagnosticheskaya deyatel'nost' pedagoga* [Teacher's Diagnostic Activity]. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya». 288 p.
- Cooper, P. J., Simonds, C. (2011). *Communication for the Classroom Teacher*. Boston, Allyn & Bacon. 352 p.
- Formanovskaya, N. I. (2002). *Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskii podkhod* [Verbal Communication: Communicative Pragmatic Approach]. Moscow, Russkii yazyk. 216 p.
- Hartley, J., Rennie, E. (2002). *Communication, Cultural and Media Studies: The Key Concepts*. Cape Town, Routledge. 346 p.

- Knapp, M. L., Vangelisti, A. L. (2014). *Interpersonal Communication and Human Relationships*. Pearson. 464 p.
- Leeds, D. (2000). *The 7 Powers of Questions: Secrets to Successful Communication in Life and at Work*. Tarcher Perigee. 320 p.
- Osiyanova, A. V. (2017). *Metodika diagnostiki lingvokommunikativnoi kul'tury studenta v obrazovatel'nom protsesse vysshei shkoly* [Methods of Student's Lingvo-communicative Culture Diagnosis in Educational Process of High School]. In *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*. Vol. 6. No. 2 (19), pp. 169–172.
- Osiyanova, A. V. (2020). Maker-Technology as a Means of Student Philologist Linguistic Competence Formation and Diagnosis. In *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. Vol. 83: PhR 2019 Philological Readings, pp. 311–319. URL: <https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2020.04.02.34> (mode of access: 16.05.2021).
- Osiyanova, A. V., Temkhina, V. L. (2018). *Opyt formirovaniya lingvokommunikativnoi kul'tury v obrazovatel'nom protsesse vuz* [Experience of Lingvo-Communicative Culture Formation in the High School Educational Process]. Orenburg, OGU. 167 p.
- Osiyanova, O. M. Osiyanova, A. V. (2020). *Tekhnologicheskii aspekt formirovaniya lingvisticheskoi kompetentsii studentov* [Technological Aspect of Students' Linguistic Competence Formation]. Orenburg, OGU. 178 p.
- Passov, E. I. (1991). *Kommunikativnyi metod obucheniya inoyazychnomu govoreniyu* [Communicative Method of Learning Foreign Language Speaking]. Moscow, Prosveshchenie. 223 p.
- Rivers, W. M. (2003). *Communication Naturally in a Second Language: Theory and Practice in Language Teaching*. Cambridge, Cambridge University Press. 180 p.
- Safonova, V. V. (2004). *Kommunikativnaya kompetentsiya: sovremennye podkhody k mnogourovnevnomu opisaniiyu v metodicheskikh tselyakh* [Communicative Competence: Modern Approaches to Multi-step Description in Methodological Aims]. Moscow, Evroshkola. 236 p.
- Sheils, J. (1983). *Communication in the Modern Language Classroom*. Strasbourg (France), Council of Europe Press. 235 p.
- Shkerina, L. V., Chelovechkova, I. Yu. (2015). Portfolio kak sredstvo monitoringa professional'nykh kompetentsii studenta – budushchego bakalavra-pedagoga [Portfolio as a Means of Monitoring the Professional Competencies of a Student – a Future Bachelor-Teacher]. In *Vestnik KGPU im. V. P. Astafeva*. No. 2 (32), pp. 107–111.
- Sidorenko, E. V. (2007). *Metody matematicheskoi obrabotki v psikhologii* [Statistic Methods in Psychology]. Saint Petersburg, Rech'. 220 p.
- Widdowson, H. G. (2011). *Teaching Language as Communication*. Oxford, Oxford University Press. 168 p.
- Wood, J. T. (2016). *Communication Mosaics: An Introduction to the Field of Communication*. Cengage Learning. 400 p.

Данные об авторах

Осиянова Ольга Михайловна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка, Оренбургский государственный университет (Оренбург, Россия).

Адрес: 460018, Россия, Оренбург, пр-т Победы, 13.

E-mail: olos7@rambler.ru.

Осиянова Анна Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка, Оренбургский государственный университет (Оренбург, Россия).

Адрес: 460018, Россия, Оренбург, пр-т Победы, 13.

E-mail: ossa15@rambler.ru.

Author's information

Osiyanova Olga Mikhailovna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of Department of English Philology and Methods of Teaching English, Orenburg State University (Orenburg, Russia).

Osiyanova Anna Vladimirovna – Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Department of English Philology and Methods of Teaching English, Orenburg State University (Orenburg, Russia).

Дата поступления: 24.01.2022; дата публикации: 30.06.2023

Date of receipt: 24.01.2023; date of publication: 30.06.2023

ALGORITHM OF LANGUAGE EDUCATION AT NON-LINGUISTIC UNIVERSITY**Elena N. Makarova**

Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4439-5521>**Nadezhda A. Goncharova**

Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3193-5864>

Abstract. The article presents an analysis of the characteristics of teaching “Professional foreign language” to Master’s students in a non-linguistic university. It contains a review of Russian and foreign literature on the organization and methodological support for educational process and discusses ways of improving professionally-oriented foreign language communicative competence of non-linguistic Master’s students. On the basis of the survey and oral interview answers of 1st year Master’s students who specialize in economics, the authors present a “portrait” of a Master’s degree student, analyze their learning needs, demands and experience of using English in professional activity, and determine the degree of necessity for oral and written English language skills in the process of solving professional tasks. The results of the study have confirmed the low level of both oral and written English proficiency of the respondents. The students found listening and speaking tasks to be most difficult, whereas reading and writing were rated among less challenging tasks. The analysis has demonstrated that the majority of the respondents (67%) have never used English for completing their professional tasks. 36% have experienced difficulties when applying for a job or solving professional problems in the workplace, caused by their inability to carry out oral or written communication in English. The results of the survey show that all English language skills (writing, reading, listening, and speaking) are in high demand for about 30% of master’s students, including both employees working for international and for the Russian medium-sized and large companies. No statistical correlation between the workplace of the respondents (international or Russian company) and their experience in using English for completing professional tasks was found. The article also presents a language training plan, consisting of a business game, digital story and cooperative learning method, each of which is aimed at meeting Master’s students’ needs, revealed in the survey. The implementation of the plan may allow developing Master’s students’ professional foreign language communicative competences by participating in various activities and events including Youth Economic Forum.

The results obtained can serve as a stepping stone for a further detailed study of the ways to increase motivation to learn a foreign language in the circumstances when the demand for its usage at workplace is relatively low.

Key words: professional foreign language; Master’s students; professionally-oriented foreign language communicative competence; non-linguistic university; survey

For citation: Makarova, E. N., Goncharova, N. A. (2023). Algorithm of Language Education at Non-Linguistic University. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 2, pp. 205–219.

ТЕХНОЛОГИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБУЧЕНИЯ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Макарова Е. Н.

Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4439-5521>

Гончарова Н. А.

Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3193-5864>

А н н о т а ц и я . В статье представлен анализ специфики преподавания дисциплины «Профессиональный иностранный язык» магистрантам в неязыковом вузе. Представлен обзор российской и зарубежной литературы по вопросам содержания и методического обеспечения образовательного процесса, проанализированы особенности формирования и совершенствования профессионально ориентированной коммуникативной компетенции у магистрантов-нелингвистов. На основе анкетирования и интервьюирования магистрантов экономических специальностей первого года обучения и анализа полученных в ходе анкетирования и устного интервью данных об использовании ими иностранного языка в профессиональной деятельности составлен «портрет» магистранта экономического вуза, проведен анализ востребованности английского языка в процессе решения магистрантами профессиональных задач, выявлены их потребности в получении знаний, навыков и умений по профилю дисциплины «Профессиональный иностранный язык». Результаты исследования подтвердили низкий уровень владения магистрантами как устной, так и письменной английской речью. Респонденты, участвующие в опросе, объективно оценивают свой уровень сформированности иноязычной коммуникативной компетенции: данные самооценки их знаний, навыков и умений совпали с оценками преподавателей, работающих в группах испытуемых. Наибольшую трудность при освоении дисциплины «Профессиональный иностранный язык» у опрошенных студентов вызвали задания по аудированию и говорению, а к числу наименее сложных заданий респонденты отнесли чтение и письмо. Анализ показал, что большая часть магистрантов (67%) никогда не использовали английский язык для решения профессиональных задач. 36% участников эксперимента, осознающих важность владения профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетенцией, испытывали затруднения при приеме на работу или на рабочем месте, вызванные неумением осуществлять устную или письменную коммуникацию на английском языке. Результаты анкетирования показали, что все навыки владения английским языком (письмо, говорение, чтение и восприятие на слух) являются востребованными у третьей части магистрантов, специализирующихся в области экономики, среди которых оказались сотрудники как международных, так и российских средних и крупных компаний. Статистическая взаимосвязь между местом работы респондентов и их опытом использования английского языка для решения профессиональных задач выявлена не была. В статье также представлен план обучения, включающий технологию деловой игры, образовательную технологию цифрового рассказа и технологию обучения в сотрудничестве, каждая из которых направлена на удовлетворение потребностей магистрантов, выявленных в ходе опроса. Их внедрение в процесс обучения позволит эффективнее развивать коммуникативную компетенцию путем участия студентов в различных мероприятиях на иностранном языке, например, в Евразийском экономическом форуме молодежи.

Полученные результаты могут стать основой для детального изучения проблемы повышения мотивации к изучению иностранного языка в условиях, когда спрос на применение языковых знаний, навыков и умений в профессиональной деятельности является сравнительно низким.

К л ю ч е в ы е с л о в а : профессиональный иностранный язык; магистранты; профессионально ориентированная иноязычная коммуникативная компетенция; неязыковой вуз; анкетирование

Для цитирования: Макарова, Е. Н. Технологии лингвистического обучения в неязыковом вузе / Е. Н. Макарова, Н. А. Гончарова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 205–219.

Introduction

The current political and economic situation has an impact on all spheres of society. The changes which are taking place contribute to the revision of the content and educational activities in higher education. In the context of internationalization of universities and export of Russian education, which continue to be significant trends in the development of educational environment, the need for foreign language skills of both teachers and students remains high [Nikolaev 2022]. The results of the earlier research confirm students' understanding of the prospects of using English in their future professional activities [Makarova 2022]. The issue of the necessity and demand for English language knowledge and skills of Master's students in changing conditions remains open and needs further study.

The aim of the article is to give a brief description of the process of teaching the discipline "Professional foreign language" to Master's students in a non-linguistic university, to present a "portrait" of a Master's student majoring in economics, to reveal learning needs and demands for professional English language skills from students' point of view, to analyze the level of their English usage in professional activities and to work out a training plan based on the use of modern approaches to teaching English.

Research novelty: this article, based on the survey among Master's students, provides a "portrait" of a modern Master's degree student from the point of view of the use of the English language in the professional sphere. The survey helped identify the problematic areas in the students' use of the foreign language and work out a training plan that includes the modern methods and techniques of language teaching relevant for Master's students. Analysis of the needs of Master's students, majoring in Economics, for professional foreign language knowledge and skills was carried out for the first time.

Literature review

The findings of the studies on the development of professionally-oriented foreign language communicative competence, presented in both

the Russian and international scientific works of recent years, show that modern authors apply a systematic approach to the research of this issue: the content of professional foreign language training is discussed, principles of organizing the educational process are described, traditional and newly introduced methods and approaches are analyzed. A brief review of the literature on the study of the issue under consideration is given below.

In the discussion of the content of professional foreign language Master's degree programs, much attention is paid to the selection of teaching materials. Most researchers and educators express the opinion that their value, primarily professional and scientific, remains the main criterion in the selection of teaching materials [Idilova 2018]. M. V. Solodikhina and A. A. Solodikhina write about the necessity of referring to real scientific and technological problems when creating assignments for a Master's class [Solodikhina, Solodikhina 2019].

A review of the discussion on the organization of Master's students educational process allows us to outline two main issues. Firstly, it is the organization of students' independent work, the importance of which in the process of Master's training has been increasing. Its proper organization is vital: at present, the development of the ability to independently gain knowledge and apply it in professional field for any specialist is essential. The significance of effective organization of Master students' independent activity is also determined by a limited number of classroom hours allocated to foreign language training compared to Bachelor's degree programs, which leads to the limited intensiveness of the learning process. Undoubtedly, organization of Master's student independent work should not be focused on checking the tasks completed by students. According to M. I. Balikoeva and V. P. Rubaeva, the organization of students' independent work in a foreign language training can be efficient only in case of active interaction between all the participants of the educational process, including academic supervisors of the students, who work in the major discipline-based departments. The results of the authors' approbation of the experimental methodology based on the interdisciplinary approach confirm the possibility

of high effectiveness of students' independent work for formation and improvement of their professional and communicative skills if properly organized [Balikoeva, Rubaeva 2016]. Secondly, researchers discuss the issue of the importance of establishing a relationship between Master's students and professional communities. Cooperation with representatives of professional and scientific associations aimed at improving the quality of professional training can undoubtedly become an effective form of organizing Master's students' education [Elsakova 2020; Chervonnyy 2018; Kokanova et al. 2020]. Development of their innovation skills, including cooperation with representatives of real economy, can become more effective with the application of knowledge, skills and abilities acquired in the process of learning a foreign language, especially the skill of professionally oriented reading.

The key role is traditionally played by the selection of methods and educational technologies allowing effective foreign language training of Master's students. The latest works on educational technologies discuss improving the use of both, well-known and new interactive teaching methods. O. A. Egorova writes about introduction of case-study method in teaching a professionally-oriented foreign language to students majoring in the field of natural sciences. According to the author, case modeling is not only an effective tool for developing critical thinking and increasing motivation level, but also a way to improve competitiveness of future Master's degree graduates, as cases can be used by potential employers as tasks for job placement [Egorova 2021]. M. V. Solodikhina and A. A. Solodikhina also present evidence of the effectiveness of a case-study method, claiming that its use helps increase students' critical thinking skills. The authors prove this effectiveness on the example of a set of STEM cases (Science + Technology + Engineering + Mathematics), noting that their use in the teaching/learning process contributes to the increasing of students' motivation and interest [Solodikhina, Solodikhina 2019]. One of the most important forms of educational process optimizing, concerning professional foreign language training, is the simulation of Master's students' future professional environment and work-place communication

situations [Atamanova et al. 2015, Denisenko et al. 2021]. Among widely used methods of professional foreign language training is creation of presentations, as well as tasks aimed at developing students' ability to lead a debate. These two belong to the most important elements of foreign language communicative competence [Zelenina, Kolesova 2018]. Development of oral communicative skills which are necessary to meet professional needs of Master's students can be reached in the process of discussing and debating professional topics, as well as modelling communicative situations, relating to students' future professional activities. Tasks of this type also contribute to the development of soft skills, which in recent years have been of key significance for the university graduates' employment. The introduction of the latest information technologies into the educational process and their widespread usage are recognized by the scientific and pedagogical community and are considered to be an effective means of creating productive learning environment. Electronic portfolio (E-portfolio), electronic diary (Online Diary), role play and business games are listed among less popular but no less effective methods in a foreign language training [Doghonadze, Zoranyan 2021; Voronova 2018]. Among the effectively proven ones is also digital storytelling, which is widely used for the development of foreign-language communicative competence in the bachelor's degree programs, but has not yet found extensive implementation in Master's students' training. Modern authors also discuss ways of improving foreign language listening comprehension methods, which, within Master's Degree course, have their own characteristics connected with students' professional and academic individual needs. These needs can be satisfied with learning activities, both in and out of the classroom. As it has been mentioned above, one of the distinctive features of modern educational process is the increasing role of students' independent work. Access to various educational Internet resources and online platforms gives students an opportunity to independently develop such a traditionally difficult skill as listening comprehension [Idilova 2018]. Distance learning during the pandemic showed potential and certain benefits of digital learning, among which is the possibility of

Master's students' distance support allowing to apply a differentiated approach to the training of each learner [Semushina 2020]. At the same time, modern researchers and educators emphasize the fact technological innovations cannot bring the desired results without implementation of pedagogical innovations and adaptation to the challenges of the university teachers themselves [Bakhmanova, Olshevskaya 2022]. However, it shouldn't be forgotten that only joint efforts and the active role in the learning process of Master's students themselves, will contribute to the implementation of the holistic principle in teaching foreign languages. That is why the demand for English language knowledge and skills in Master's students' working environment and the experience of English use in professional activities, is relevant to study.

To sum up, the main trends in teaching foreign language to Master's students include: 1) selection of proper teaching materials related to scientific and professional interests of these students; 2) use of simulation assignments imitating real communication situations at work; 3) improving students' ability to work independently; 4) interdisciplinary approach; 5) introducing technological innovations and extensive use of digital technologies in the learning process; 6) teacher professional development aimed at adapting teaching strategies to the digital environment and Master's students' professional and scientific needs. Among the teaching methods which have proved their effectiveness and have demonstrated widespread use in professional English language teaching and learning are the use of business game, which allows Master's students to work as a team on some task and promotes their interaction; cooperative learning, which is also based on group work and gives students an opportunity to work together to maximize both their own and other students' learning; and research based learning, when students are involved in real research projects, which demands development of search skills to find relevant information in a foreign language, as well as possession of writing or presentation skills.

Materials and methods of the research

In order to achieve the research objectives, the survey and oral interviewing of 102 first year

Master's students of Ural State University of Economics were conducted. All the respondents studied professional foreign language in the groups of the authors of the research.

The survey contained 31 open- and closed-ended questions including multiple-choice ones, and allowed to outline the "portrait" of a contemporary Master's student and get information about his/her needs for English language knowledge, and experience in English usage in his/her professional activities. Answers to the survey questions also allowed to clarify Master's students' understanding of the importance and necessity of developing professional foreign language communicative competence. The answers received were supplemented with the respondents' views and opinions given during oral interviews, carried out by the authors of the research. Quantitative and qualitative data analysis methods were used in processing the received answers. The data obtained served as a basis for developing a language training plan, which consists of three groups of tasks and includes three educational methods, namely business game method, digital storytelling technology and cooperative learning method.

Results of the study

The respondents, as mentioned above, were 102 first-year Master's students majoring in economics. 87% of them are full-time Master's students, the remaining 13% are part-time students. 39% of the respondents are men, 61% are women. The age structure of the survey participants is the following: 78% belong to 22–23-year-old age group, 11% are between 31 to 40 years old, 6% are Master's students aged from 24 to 30, and 6% of the respondents belong to the category of over 40.

The analysis of the answers to the block of questions related to the Master's student's occupation allows to present the data on their employment. All the students have some work experience, but 18% of the respondents at the time of the survey conducting were either looking for a job or were on maternity leave. Of the remaining 82%, 40% of the respondents work for state-owned enterprises, while 60% are private sector employees. Table 1 presents the distribution of respondents by the type of enterprise they work for:

Table 1 – Distribution of Master’s students by the type of the company they work for

Enterprise type	Large international company (over 1,000 employees)	Large Russian company (over 1,000 employees)	Medium Russian company (between 500–1,000 employees)	Small enterprise (less than 500 employees)
Number of respondents (percentage)	12%	35%	26%	27%

Only 12% of the respondents work for international companies. Most of the respondents work for the Russian companies with the range of employees from less than 500 up to more than 1,000. One can suggest that those working for international companies are more in need for possessing English language knowledge and skills.

The next block of questions in the survey concerns the respondents’ experience in learning English (both at school and at university), as well as their self-assessment of the knowledge and skills acquired as a result of this experience. The answers to these questions allow to make a “linguistic portrait” of the Master’s students who took part in the survey.

The mother tongue for the absolute majority of the respondents is Russian, 7 people pointed out that their native language was Tatar (2 people), Kyrgyz (1), Ukrainian (2), Azerbaijani (1) and Hebrew (1). However, these 7 Master’s students mentioned that they know Russian equally well. 2% of students didn’t learn English at either school or university, 4% learnt English

as a foreign language at school only. The remaining respondents took an English course at both school and university. 12% of these respondents improved their English language skills additionally (private classes with a tutor, internships in English-speaking countries, work abroad, reading professional literature). 85% of the students had a break in their studies: 20% had a 1-year break, 60% – 2 or 3 years, 10% of the respondents had from 4 to 9-year break in learning the language, and 10% had more than 10-year period of non-developing their English language skills (Table 2). The process of foreign language communicative competence development for 20% of the respondents can be called continuous; for more than half of the respondents the break is relatively small and amounts to 2 or 3 years. As the majority of the students continue learning English within professional foreign language course after a short period of time, one can assume that they acquire new material and develop language skills on the ground of the knowledge gained during their Bachelor’s degree studies.

Table 2 – Distribution of respondents according to the criterion “Duration of a break in learning English”

Length of a break in learning English	1 year	2–3 years	4–9 years	Longer than 10 years
Number of respondents (percentage)	20%	60%	10%	10%

However, 20% of Master’s students have a long break in regular English language studies: from 4 to 10 years and even longer. All of them belong to the group of part-time students, who graduated from the university from 4 to 15 years ago.

The analysis of self-assessment of knowledge and skills, which were possessed by the students before studying discipline “Professional foreign language” within the framework of the Master’s program, is presented in Table 3.

Table 3 – Distribution of respondents by criterion
 “Self-assessment of knowledge and skills in English”

Self-assessment	Oral speech	Written speech
excellent	1 person	1 person
good	18 people	20 people
average	26 people	26 people
below average	33 people	21 people
bad	20 people	30 people
lack of knowledge and skills	4 people	4 people

More than half of the respondents chose the criteria “below average” or “poor” to assess both oral and written skills. This group includes both students with a short and long break in learning English. Only 25% of the respondents, in their opinion, have an “average” command of English. The subjective assessment of their English proficiency coincides with the one given by the authors conducting professional English language classes in the test groups: the authors' observations confirm the accuracy of students' assessment of their English proficiency. The results agree with the data presented in the work of P. S. Minakova et al. [Minakova et al. 2019]: the test conducted to determine the level of English proficiency of 120 Master' students majoring engineering, proved that most of the subjects spoke English at a low level. In spite of the fact, that the comparison of self-assessment data and objective assessment based on the tests is not completely correct, the data from literature sources confirm that the level of both written and oral foreign language communication skills of non-linguistic Master's students remains low [Semushina 2020]. More than half of the respondents chose the criteria of “below average” or “poor” to assess their oral and written proficiency. This group contains both part-time students with a long break in learning English and those who graduated from the university a year ago. The group containing the fewest number of respondents (not considering 4 students with lack of English language knowledge and skills) assessed their English level as good and even excellent (1 person). The analysis shows that most of these respondents have taken additional English language training in the forms mentioned above (private classes with a tutor, internships in English-speaking countries, etc.).

The distribution of the responses considering the level of oral and written English communication skills can be compared with the results obtained by O. M. Sherekhova. In her article she presents the results of the survey conducted with the participation of Master's students majoring in law, who take the course “Foreign language in the field of professional communication”. The aim of the survey was to determine the level of Master's students' confidence in English writing skills (namely their ability to put their knowledge into practice, for example, when writing a scientific article in English or an abstract to it). The results of the students' self-assessment, presented in the article, are the following: 30% of the respondents considered themselves not to be very confident in their English writing skills, 29% gave the answer «completely unconfident» [Sherekhova 2022: 155]. Students' self-assessment of written language skills presented in Table 3 is close to the results given in the work by O. M. Sherekhova. 29% of the respondents rated themselves as “poor” in writing skills, 21% – assessed their skills to be “below average” (Table 3). As for the speaking skills, the results do not differ considerably: though fewer students find their oral speech to be “bad”, more respondents consider it to be on a below average level.

The analysis of the aspects of learning English (speaking, listening, writing, and reading) that present the greatest difficulty for 97 out of 102 respondents (4 students with “lack of English knowledge” didn't answer the question, 1 student answered that “not a single aspect of learning English is difficult for me”) shows that speaking and listening comprehension were considered by the students to be the most difficult (70% and 75% correspondingly). Reading and writing were found to be the least challenging. L. V. Sidorova,

E. K. Timofeeva, P. N. Zhondorov present the results of entrance test, including four main types of speech activity, aimed at analyzing the level of formation of students' foreign language communicative competence. The findings showed that while the level of students' reading skills proved to be at an average level, the levels of the other three types of speech activities (speaking, listening, writing) were quite low [Sidorova et al. 2021]. These objective data agree with the self-assessment by Master's students majoring in economists, who referred the reading skill to the least difficult. Our findings are also close to the results of self-assessment of English speaking and writing skills by non-linguistic Master's students presented by Z. Akbari [Akbari 2016]. The author claims that 70% of respondents participating in his survey, confirmed having good English reading skills, compared to 42% of learners who thought they were proficient in listening comprehension, and 35% who thought they had the ability of speaking English.

The analysis of the answers to the block of questions about students' experience in the use of English in professional environment shows that only 23% of the respondents have had such experience (Table 4). The assumption that most of them work for large international companies was not confirmed: 50% of the respondents who have used or use English in professional activities, work for large or medium-sized Russian companies (the remaining 50% work

for large international companies). Among the situations at work, where these 23% of the respondents could or can apply their English language knowledge and skills the following were mentioned: reading professional literature and technical documentation; its translation into Russian; business correspondence; business meetings; communication with foreign employees, managers and clients; video conferences and participation in them; "survival" in business trips abroad. 67% of the respondents have never had any experience in using written or spoken English language for completing their professional tasks. This, however, does not mean that their professional activities do not involve use of English. The analysis of the data, presented in Table 4, shows that 36% of Master's students (13% more in comparison with 23% of respondents who use their English knowledge and skills) have faced or are facing situations when using English is necessary for fulfilling their duties (including reading professional literature, negotiations, communication with customers, correspondence with partners and clients, preparing presentations, writing reports, listening to lectures, working with computer programs). Negative answers to the question "Have you ever had any experience in using English in your professional activities?" were accompanied by such comments as "unfortunately", "not yet", "the knowledge of English is welcomed".

Table 4 – Distribution of the respondents' answers to the questions about the demand for foreign language skills in their professional environment.

Question	Yes	No
Does your occupation involve use of English?	36%	67%
Have you ever had any experience in using English in your professional activities?	23%	77%

The analyses demonstrate that all language skills (writing, reading, listening, and speaking) are in demand. Reading foreign literature and English-language resources, as well as conducting meetings and negotiations ranked first in the list of students' needs. Overall, it can be concluded that only about one-third of Master's students realize the necessity to speak English at the workplace. The survey answers prove, that even employees of international

companies can perform their professional duties without possessing professionally-oriented communicative foreign language competence.

The students' answers to the questions aimed at revealing their negative professional experience related to the lack of proper English language knowledge and skills show that 15% of the respondents got rejected at work or when looking for a job because they lacked sufficient English language skills. 13% of the respondents

were unable to obtain a higher position for the same reason and felt uncomfortable in their professional environment. Among the comments to these responses, the most typical are the following: "I did not understand foreign lecturers in professional training", "I felt out of place at negotiations", "I couldn't have a dialogue with foreign partners at an exhibition", "I did not get an internship at an international company", "I did not understand the tasks to be performed", "I did not understand the interlocutor". The total number of the respondents who have had a negative experience and, as a result, are aware of the significance of English language knowledge in achieving professional success, is also close to one-third.

Discussion

The respondent's answers, given in the survey and oral interviews serve as the basis for developing a plan aimed at improving foreign language professional competence of Master's students, majoring in economics. Identifying Master's students' needs, teaching methods and approaches which allow to meet them in the course of professional foreign language teaching, have been chosen. As more than 50% of the respondents demonstrate a low level of foreign language proficiency, and only 1/3 of them realize benefits of foreign knowledge and skills for completing their professional tasks, it can be assumed that the level of Master's students' motivation to learn a professional foreign language is low. This was proved during the oral interviews. Therefore, teaching methods, aimed at raising Master's students' motivation to learn a professional foreign language is considered to be significant. This need for positive attitude to the process of learning a foreign language can be satisfied by a business game which can be also aimed at meeting Master's students' professional needs. Then, the need for developing speaking skills, which are, judging by the answers of the majority of the respondents, the most difficult for them to develop. It can be satisfied by creating a digital story, containing oral component. Alongside with the improving monological form of oral speech, this technology also helps develop Master's students' professional competence (if the topic is relevant) and digital competence. The final teaching method, offered as part of the

training plan, is aimed at improving students' reading and writing skills, which, though considered less difficult in comparison with speaking and listening, are most demanded (the respondents mentioned their need for reading professional foreign literature and corresponding with clients). These, as well as research skills, which are essential for Master's students, can be developed through writing scientific papers. Apart from this, as the respondents included making presentations on professional topics in the list of activities, they perform at work, the results of the research can be presented orally at university conferences and scientific events. This type of activity can also help expand students' experience in foreign language communication and improve not only monological, but dialogical forms of speech as well as listening comprehension skills, considered to be extremely difficult by the respondents. Each of the three teaching methods, allowing to solve a wide range of problems, arising in the process of teaching professional foreign language to Master's students, is presented below in more detail.

1. Firstly, we suggest introducing in the process of learning English at Master's level various game activities. The use of games as a teaching method in foreign language training actualizes the creative component of professional activity, which is so demanded when making non-standard decisions in any professional field, including economics. Application of games at different stages of foreign language teaching contributes to the realization of the developmental potential of a foreign language. Games are also proved to successfully simulate real professional communicative situations, appropriate language behavior in which is the goal of the professional foreign language course. While playing games individual characteristics of each student, no matter what his or her level of proficiency in English is, are taken into account. Besides, introduction of game-based learning into the educational process may help create a relaxed atmosphere, which will facilitate the students' willingness to demonstrate and apply their professional knowledge, skills and abilities, no matter if their English language level is sufficient or not. Getting positive emotions, especially in first-year Master's students' groups can also be a way to increase motivation to learn

a foreign language [Tsyganova et al. 2021]. To increase the effectiveness of English language training at the initial stage we suggest using a business game. The business game allows students to analyze specific work situations with participating of a wide range of “specialists”. This gives a possibility to involve in a business game every Master’s student, regardless of their level of proficiency in English. Interaction of students during a business game, which is a prerequisite for finding ways to solve a common problem, also contributes to the development of foreign language communication skills. Possible topics of business games, including online business games for students are widely presented and discussed in numerous publications [Grijalvo et al. 2022; Huang et al. 2022].

2. At the second stage we propose to use such an educational technology as digital storytelling. This is an individual assignment, the purpose of which is to create a professional profile of a Master’s student in English using modern digital technologies. The professional profile includes information about the student’s professional experience and professional skills, as well as the description of his/her achievements related to professional activities. Along with this information, a student can share any personal information that can contribute to better understanding of his/her professional goals, including character traits and hobbies that reveal personality traits and allow first year Master’s students to get to know each other better. Work at this stage contributes to the development of the ability to organize students’ independent work, improve English language and communication skills, as well as to the improvement of their digital skills.

3. The third stage is based on the implementation of such instructional method as “learning in cooperation” and is aimed at their involvement in research activities. The educational environment of a university of economics offers Master’s students a wide range of activities, participating in which they can realize their research potential and improve their language skills. Research-based learning technologies in the process of English language training in a university environment are widely used [Pirozhkova 2021]. They include participation in research conferences or research

paper contests, for example the Youth Economic Forum “Multipolar World in the Focus of the New Reality” held in April 2023. Participation in such events covers two activities: oral presentation and article writing. Considering Master’s students’ different levels of English proficiency, it seems reasonable to unite several students into research groups of 3 people. The convergence of the research interests of the participants in one and the same group will compensate for the difference in their language training. Students with low English proficiency can realize their potential by searching for and processing information, or preparing presentation slides or research paper results for publication; intermediate English speakers can also contribute to the preparatory work for a project by doing more advanced tasks in a foreign language, such as writing an abstract or doing primary editing of a machine translation; a high level English speaker can contribute to the research project by doing more advanced work in a foreign language, for example presenting the project results in front of the audience. Participating in and preparing for a research contest helps improve several competencies: professional, research and foreign language communication competence. Besides, working in a research group a Master’s student with any level of foreign language proficiency has an opportunity to realize his/her creative potential and improve soft skills such as teamwork and ability to conduct a constructive dialogue to achieve a common goal. Moreover, participating in international events, allows students to get a unique chance to develop intercultural communicative competence, which remains among the key competences which a modern young professional must possess in order to adapt in modern professional environment.

11 Russian and foreign universities, including universities of Azerbaijan, Belarus, Kazakhstan, Uzbekistan, Kirgizia and Tajikistan are co-organizers of the 2023 Youth Economic Forum “Multipolar World in the Focus of the New Reality”, which is held annually at Ural State University of Economics. Participation of foreign students and guests implies Russian MA students’ ability to communicate in English. Competing within Forum international contests implies not only presenting the project in English, but also answering questions and participating in

a scientific discussion. According to the survey of bachelor students who took part in the Youth Economic Forum in 2021, creating a research project and presenting it allowed them to see the prospects for further research, to feel themselves part of the international youth scientific environment, as well as to develop foreign language communication skills [Makarova, Ochilova 2021].

Thus, we believe that three teaching methods we have chosen, such as business game, digital story and cooperative learning present an original algorithm of professional linguistic education of MA students' majoring in economics. It can be an effective tool to improve their professional foreign language communicative competence. Consistent compliance of the three methods ensures creation of a friendly learning atmosphere, realization of individual professional and creative potential of each student. It also allows all the students to reveal their research and language learning potential despite MA students' different level of English language proficiency.

Conclusion

The discipline "Professional foreign language" for Master's students majoring in economics is aimed at developing skills obtained during foreign language training in the bachelor's degree programs, and to master the professionally-oriented foreign language competence.

In modern literature the issue of improving teaching and learning quality within professional English language training is actively debated. Along with the content of training, issues of organizing the educational process, an important characteristic of which should be cooperation with professional communities and productive independent students' work, are discussed. Both the use of traditional methods and the introduction of the newest information and communication technologies, capable of accelerating the pace of learning activities, require an active position of a university teacher. The significance of teacher's role has increased due to the limited number of classroom hours allocated to the development of professionally-oriented communicative competence of Master's students.

The results of the survey, conducted in the Ural State University of Economics, allowed to present the portrait of a Master's student. Both full-time and part-time Master's students have work experience, the absolute majority was working during the surveying and interviewing process. 61% of the respondents work for large or medium-sized Russian companies. Only 12% of the students, who are considered potentially to be in most need for English language knowledge, work for international companies. The native language for the overwhelming majority of the respondents is Russian. 80% of master students, who participated in the survey, have had a short (from one to three years) break in the process of developing their language skills. The remaining 20% have had a longer break (from 4 to 10 years and longer). There has not been found any statistical correlation between the length of this break and the level of students' English language proficiency, as well as between the place of work of the respondents (international or Russian company) and their experience in using English in professional environment.

The analysis of the answers to the survey questions given by Master's students proved that the majority of them started learning the professional foreign language without having acquired the necessary knowledge, skills and abilities during their Bachelor's English language training. The respondents proved to be aware of the problems that hinder the efficiency of the learning process: their self-assessment of the English language proficiency level agreed with the assessment of the teachers working in the respondents' groups. The students rated listening and speaking skills as the most challenging aspects of learning professional English. We conclude that low level of oral and written foreign language skills makes it difficult to improve foreign language communicative competence within the limited period of study. The results also demonstrate that 67% of Master's students have had no experience in using English in their professional activities. It doesn't mean though that their English skills are not in demand. 36% of the respondents have found themselves in situations where the use of English was necessary either for new employment or the successful completion of professional tasks. However, only a third of the students realize

the need and areas of practical application of professional English knowledge and skills. This result poses the problem of finding ways to increase students' motivation to learn a foreign language at present. Absence of possibilities to use English language knowledge and skills can lead to students' loss of interest and poor academic performance. The further study of the ways to increase the motivation to learn English can become the subject of further research. Identifying Master's students' needs for developing foreign language skills allowed

to introduce a 3-component language training plan. Such algorithm combines such teaching methods as game-based learning, digital storytelling technology and cooperative learning. Their implementation will allow to solve a number of problems, including motivating students with different level of English language proficiency. Introducing the algorithm will also help students with the need for foreign language knowledge and skills to complete their professional tasks, develop professionally-oriented foreign language competence.

ЛИТЕРАТУРА

Баликоева, М. И. Организация самостоятельной работы магистрантов по иностранному языку в рамках профессионально-ориентированного обучения / М. И. Баликоева, В. П. Рубаева // Мир науки. – 2016. – Т. 4, № 3. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/18PDMN316.pdf> (дата обращения: 15.02.2023).

Бахматова, Т. Г. Востребованность и результативность инновационных образовательных технологий: результаты качественного исследования / Т. Г. Бахматова, А. А. Ольшевская // Известия Байкальского государственного университета. – 2022. – Т. 32, № 2. – С. 415–422. – DOI: 10.17150/2500-2759.2022.32(2).415-422.

Воронова, Е. Н. Образовательные технологии с применением ИКТ и интернета в обучении иностранному языку в вузе / Е. Н. Воронова // Перспективы науки и образования. – 2018. – № 3 (33). – С. 347–350.

Денисенко, Ф. Н. Моделирование ситуаций профессиональной коммуникации в обучении иностранному языку магистрантов инженерных специальностей / Ф. Н. Денисенко, О. Н. Финогенова // Russian Journal of Education and Psychology. – 2021. – Т. 12, № 5. – С. 66–85. – DOI: 10.12731/2658-4034-2021-12-5-66-85.

Егорова, О. А. Специфика моделирования и использования кейсов при обучении английскому языку магистрантов естественно-научных факультетов / О. А. Егорова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2021. – № 2 (155). – С. 50–54.

Зеленина, Л. Е. Отбор методического материала для обучения магистрантов ведению научной дискуссии на иностранном языке / Л. Е. Зеленина, Е. М. Колесова // Педагогическое образование в России. – 2018. – № 5. – С. 87–91. – DOI: 10.26170/po18-05-13.

Идилова, И. С. Личностный подход при формировании умений аудирования у магистрантов в неязыковом вузе / И. С. Идилова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2018. – № 2 (796). – С. 164–176.

Коканова, Е. С. Из опыта работы базовой кафедры переводческой компании в Северном (Арктическом) федеральном университете / Е. С. Коканова, М. В. Берендяев, Н. Ю. Куликов, А. С. Епимахова // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2020. – Т. 9, № 33. – С. 96–109. – DOI: 10.18720/HUM/ISSN2227-8591.33.08.

Макарова, Е. Н. Развитие фонетических навыков у студентов неязыкового вуза в эпоху глобализации / Е. Н. Макарова // Гуманитарно-педагогические исследования. – 2022. – Т. 6, № 2. – С. 19–28. – DOI: 10.18503/2658-3186-2022-6-2-19-28.

Минакова, П. С. Формирование профессиональных иноязычных коммуникативных компетенций у магистрантов технических направлений / П. С. Минакова, Н. А. Роговая, Л. А. Шегай // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2019. – № 1 (233). – С. 69–77.

Николаев, В. К. Экспорт образования в вузах России в условиях новой реальности / В. К. Николаев // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31, № 2. – С. 149–166. – DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-2-149-166.

Семушина, Е. Ю. Использование дистанционных технологий для осуществления дифференцированного подхода к обучению студентов вуза иностранному языку / Е. Ю. Семушина. – Текст : электронный // Современные проблемы науки и образования. – 2020. – № 5. – URL: <https://science-education.ru/article/view?id=30089> (дата обращения: 15.02.2023). – DOI: <https://10.17513/spno.30089>.

Сидорова, Л. В. Развитие иноязычной коммуникативной компетенции у магистрантов неязыковых вузов / Л. В. Сидорова, Е. К. Тимофеева, П. Н. Жондоров // Перспективы науки и образования. – 2021. – № 6 (54). – С. 242–256. – DOI: 10.32744/pse.2021.6.16.

Солодихина, М. В. Развитие критического мышления магистрантов с помощью STEM-кейсов / М. В. Солодихина, А. А. Солодихина // Образование и наука. – 2019. – Т. 21, № 3. – С. 125–153. – DOI: 10.17853/1994-5639-2019-3-125-153.

Червонный, М. А. Наставничество, практики освоения профессиональных действий и профессиональные контакты для выпускников физико-математического факультета: результаты эмпирического исследования / М. А. Червонный // Научно-педагогическое обозрение. – 2018. – № 4 (22). – С. 215–225. – DOI: 10.23951/2307-6127-2018-4-215-225.

Шерехова, О. М. Формирование академической грамотности у магистрантов в процессе изучения иностранного языка в сфере профессиональной коммуникации / О. М. Шерехова // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31, № 5. – С. 150–166. – DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-5-150-166.

Akbari, Z. The study of EFL students' perceptions of their problems, needs and concerns over learning English: the case of MA paramedical students / Z. Akbari // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2016. – Vol. 232. – P. 24–34. – DOI: 10.1016/j.sbspro.2016.10.006.

Atamanova, I. V. An educational technology for developing professionally-oriented EFL communicative competence: its acmeological potential / I. V. Atamanova, S. A. Bogomaz, N. V. Kozlova, V. I. Kashirina // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2015. – Vol. 200. – P. 236–242. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.08.058.

Doghonadze, N. Development of soft skills while teaching English to master's students / N. Doghonadze, M. Zoranyan // *Journal of Education in Black Sea Region*. – 2021. – Vol. 6, No. 2. – P. 137–147. – DOI: 10.31578/jrebs.v6i2.238.

Elsakova, R. Z. Retrospective analysis of future masters' training for professional communication in the scientific community / R. Z. Elsakova // *Bulletin of the South Ural State University. Series: Education. Educational sciences*. – 2020. – Vol. 12, No. 2. – P. 73–81. – DOI: 10.14529/ped200207.

Grijalvo, M. Computer-based business games in higher education: A proposal of a gamified learning framework / M. Grijalvo, A. Segura, Y. Núñez // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2022. – Vol. 178. – P. 121597. – DOI: 10.1016/j.techfore.2022.121597.

Huang, Y. Applying a business simulation game in a flipped classroom to enhance engagement, learning achievement, and higher-order thinking skills / Y. Huang, L. Silitonga, T. Wu // *Computers & Education*. – 2022. – Vol. 183. – P. 104494. – DOI: 10.1016/j.compedu.2022.104494.

Makarova, E. International research activities and harmonious development of student's personality / E. Makarova, H. Ochilova // *E3S Web of Conferences*. – 2021. – Vol. 291. – P. 05039. – DOI: 10.1051/e3sconf/202129105039.

Pirozhkova, I. Higher education for sustainable development: research-based learning (the case of the Ural State University of Economics) / I. Pirozhkova // *E3S Web of Conferences*. – 2021. – Vol. 296. – P. 08024. – DOI: 10.1051/e3sconf/202129608028.

Tsyganova, L. V. Game technologies as a means of increasing the educational motivation of university students / L. V. Tsyganova, Y. V. Zubkova, N. V. Bystrova [et al.] // *Propositos y Representaciones*. – 2021. – Vol. 9, No. S1. – P. 808. – DOI: 10.20511/pyr2021.v9nSPE1.808.

REFERENCES

Akbari, Z. (2016). The Study of EFL Students' Perceptions of Their Problems, Needs and Concerns over Learning English: The Case of MA Paramedical Students. In *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 232, pp. 24–34. DOI: 10.1016/j.sbspro.2016.10.006.

Atamanova, I. V., Bogomaz, S. A., Kozlova, N. V., Kashirina, V. I. (2015). An Educational Technology for Developing Professionally-Oriented EFL Communicative Competence: Its Acmeological Potential. In *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 200, pp. 236–242. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.08.058.

Bakhmatova, T. G., Olshevskaya, A. A. (2022). Vostrebovanost' i rezul'tativnost' innovatsionnykh obrazovatel'nykh tekhnologii: rezul'taty kachestvennogo issledovaniya [Demand for and Efficiency of Innovative Educational Technologies: Results of Qualitative Study]. In *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 32, No. 2, pp. 415–422. DOI: 10.17150/2500-2759.2022.32(2).415-422.

Balikoeva, M. I., Rubaeva, V. P. (2016). Organizatsiya samostoyatel'noi raboty magistrantov po inostrannomu yazyku v ramkakh professional'no-orientirovannogo obucheniya [Organization of Master's Students Self-Guided Work in Foreign Languages within the Context of Profession-Oriented Education]. In *Mir nauki*. Vol. 4, No. 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/18PDMN316.pdf> (mode of access: 15.02.2023).

Chervonyi, M. A. (2018). Nastavnichestvo, praktiki osvoeniya professional'nykh deistvii i professional'nye kontakty dlya vypusknikov fiziko-matematicheskogo fakul'teta: rezul'taty empiricheskogo issledovaniya [Mentorship, Practices of Mastering Professional Actions and Professional Contacts for the Graduates of the Physics and Mathematics Faculty: The Empirical Study Results]. In *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie*. No. 4 (22), pp. 215–225. DOI: 10.23951/2307-6127-2018-4-215-225.

Denisenko, F. N., Finogenova, O. N. (2021). Modelirovanie situatsii professional'noi kommunikatsii v obuchenii inostrannomu yazyku magistrantov inzhenernykh spetsial'nostei [Modeling of International Communication Situations in Teaching a Foreign Language for Master's Degree Students of Engineering Specialties]. In *Russian Journal of Education and Psychology*. Vol. 12, No. 5, pp. 66–85. DOI: 10.12731/2658-4034-2021-12-5-66-85.

Doghonadze, N., Zoranyan, M. (2021). Development of Soft Skills While Teaching English to Master's Students. In *Journal of Education in Black Sea Region*. Vol. 6, No. 2, pp. 137–147. DOI: 10.31578/jrebs.v6i2.238.

Egorova, O. A. (2021). Spetsifika modelirovaniya i ispol'zovaniya keisov pri obuchenii angliiskomu yazyku magistrantov estestvenno-nauchnykh fakul'tetov [Peculiarities of Modelling and Use of Cases in the Process of English Language Teaching of Masters' Degree Students in Sciences Departments]. In *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 2 (155), pp. 50–54.

Elsakova, R. Z. (2020). Retrospective Analysis of Future Masters' Training for Professional Communication in the Scientific Community. In *Bulletin of the South Ural State University. Series: Education. Educational sciences*. Vol. 12, No. 2, pp. 73–81. DOI: 10.14529/ped200207.

Grijalvo, M., Segura, A., Núñez, Y. (2022). Computer-Based Business Games in Higher Education: A Proposal of a Gamified Learning Framework. In *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 178, p. 121597. DOI: 10.1016/j.techfore.2022.121597.

Huang, Y., Silitonga, L., Wu, T. (2022). Applying a Business Simulation Game in a Flipped Classroom to Enhance Engagement, Learning Achievement, and Higher-Order Thinking Skills. In *Computers & Education*. Vol. 183, p. 104494. DOI: 10.1016/j.compedu.2022.104494.

Idilova, I. S. (2018). Lichnostnyi podkhod pri formirovaniu umenii audirovaniya u magistrantov v neyazykovom vuze [Personal Approach in the Formation of Listening Skills of Undergraduates in a Non-language University]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*. No. 2 (796), pp. 164–176.

Kokanova, E. S., Berendyaev, M. V., Kulikov, N. Yu., Epimakhova, A. S. (2020). Iz opyta raboty bazovoi kafedry perevodcheskoi kompanii v Severnom (Arkticheskoy) federal'nom universitete [Pattern of Partnership: The Joint Department of the Translation Company at the Northern (Arctic) Federal University]. In *Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze*. Vol. 9. No. 33, pp. 96–109. DOI: 10.18720/HUM/ISSN2227-8591.33.08.

Makarova, E. N. (2022). Razvitie foneticheskikh navykov u studentov neyazykovogo vuza v epokhu globalizatsii [The Development of Phonetic Skills in Students of Non-linguistic University in the Era of Globalization]. In *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya*. Vol. 6. No. 2, pp. 19–28. DOI: 10.18503/2658-3186-2022-6-2-19-28.

Makarova, E., Ochilova, H. (2021). International Research Activities and Harmonious Development of Student's Personality. In *E3S Web of Conferences*. Vol. 291, p. 05039. DOI: 10.1051/e3sconf/202129105039.

Minakova, P. S., Rogovaya, N. A., Shegai, L. A. (2019). Formirovanie professional'nykh inoyazychnykh kommunikativnykh kompetentsii u magistrantov tekhnicheskikh napravlenii [Professional Foreign Communication Competence Training in Master's Degree Students Studying Engineering]. In *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya*. No. 1 (233), pp. 69–77.

Nikolaev, V. K. (2022). Eksport obrazovaniya v vuzakh Rossii v usloviyakh novoi real'nosti [Export of Education in Universities of Russia in the Conditions of New Reality]. In *Vyshee obrazovanie v Rossii*. Vol. 31. No. 2, pp. 149–166. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-2-149-166.

Pirozhkova, I. (2021). Higher Education for Sustainable Development: Research-Based Learning (the Case of the Ural State University of Economics). In *E3S Web of Conferences*. Vol. 296, p. 08024. DOI: 10.1051/e3sconf/202129608024.

Semushina, E. Yu. (2020). Ispol'zovanie distantsionnykh tekhnologii dlya osushchestvleniya differentsirovannogo podkhoda k obucheniyu studentov vuza inostrannomu yazyku [Distant Technologies for Implementation of a Differentiated Approach to Teaching Foreign Language to University Students]. In *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. No. 5. URL: <https://science-education.ru/article/view?id=30089> (mode of access: 15.02.2023). DOI: <https://10.17513/spno.30089>.

Sherekhova, O. M. (2022). Formirovanie akademicheskoi gramotnosti u magistrantov v protsesse izucheniya inostrannogo yazyka v sfere professional'noi kommunikatsii [Academic Literacy Development among Master's Degree Students in the Process of Studying a Foreign Language in Professional Communication]. In *Vyshee obrazovanie v Rossii*. Vol. 31. No. 5, pp. 150–166. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-5-150-166.

Sidorova, L. V., Timofeeva, E. K., Zhondorov, P. N. (2021). Razvitie inoyazychnoi kommunikativnoi kompetentsii u magistrantov neyazykovykh vuzov [The Development of Foreign-Language Communicative Competence in Undergraduates of Non-linguistic Universities]. In *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. No. 6 (54), pp. 242–256. DOI: 10.32744/pse.2021.6.16.

Solodikhina, M. V., Solodikhina, A. A. (2019). Razvitie kriticheskogo myshleniya magistrantov s pomoshch'yu STEM-keisov [Development of Critical Thinking of Undergraduates with the Help of STEM-cases]. In *Obrazovanie i nauka*. Vol. 21, no. 3, pp. 125–153. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-3-125-153.

Tsyganova, L. V., Zubkova, Y. V., Bystrova, N. V., Kutepova, L. I., Kutepov, M. M. (2021). Game Technologies as a Means of Increasing the Educational Motivation of University Students. In *Propositos y Representaciones*. Vol. 9. No. S1, p. 808. DOI: 10.20511/pyr2021.v9nSPE1.808.

Voronova, E. N. (2018). Obrazovatel'nye tekhnologii s primeneniem IKT i interneta v obuchenii inostrannomu yazyku v vuze [Educational Technologies with the Use of ICT and the Internet in the Teaching of Foreign Language in Higher Education]. In *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. No. 3 (33), pp. 347–350.

Zelenina, L. E., Kolesova, E. M. (2018). Otorb metodicheskogo materiala dlya obucheniya magistrantov vedeniyu nauchnoi diskussii na inostrannom yazyke [The Selection of Methodological Material for Teaching Undergraduates to Conduct a Scientific Discussion in a Foreign Language]. In *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. No. 5, pp. 87–91. DOI: 10.26170/po18-05-13.

Данные об авторах

Макарова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой делового иностранного языка, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62/45.

E-mail: makarovayn@mail.ru.

Author's information

Makarova Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Business Foreign Languages Department, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia).

Гончарова Надежда Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент
кафедры иностранных языков, Уральский государственный экономический
университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62/45.

E-mail: nadini325x@yandex.ru.

Goncharova Nadezhda Anatolievna – Candidate of History, Associate
Professor of Foreign Languages Department, Ural State University of Economics
(Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 16.03.2023; дата публикации: 30.06.2023

Date of receipt: 16.03.2023; date of publication: 30.06.2023

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

УДК 821.161.1-3(Пришвин М. М.). ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,44
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ М. М. ПРИШВИНА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ (ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «М. М. ПРИШВИН В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ» (3–4 ФЕВРАЛЯ 2023 Г.)

Попова Г. Н.

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина (Елец, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-9835-361X>

Трубицина Н. А.

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина (Елец, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1694-8459>

А н н о т а ц и я . В обзоре представлены итоги Всероссийской научной конференции «М. М. Пришвин в контексте современного гуманитарного знания», посвященной 150-летию со дня рождения писателя. Конференция состоялась при поддержке фонда «История Отечества» и включена в План основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 150-летия со дня рождения М. М. Пришвина. В работе конференции приняли участие пришвиноведы из Москвы, Санкт-Петербурга, Барнаула, Сургута, Воронежа, Орла, Ярославля, Старого Оскола, Липецка, Ельца, том числе молодые ученые. Итоги конференции способствуют появлению новых и расширению уже сложившихся традиций в пришвиноведении с учетом современных научных подходов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : М. М. Пришвин; научная конференция; художественное наследие; гуманитарное знание; поэтика прозы

Для цитирования: Попова, Г. Н. Творческое наследие М. М. Пришвина в контексте современного гуманитарного знания (итоги Всероссийской научной конференции «М. М. Пришвин в контексте современного гуманитарного знания» (3–4 февраля 2023 г.) / Г. Н. Попова, Н. А. Трубицина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 220–225.

**M. M. PRISHVIN'S CREATIVE HERITAGE IN THE CONTEXT OF
MODERN HUMANITARIAN KNOWLEDGE
(RESULTS OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE "M. M. PRISHVIN IN
THE CONTEXT OF MODERN HUMANITARIAN KNOWLEDGE"
(FEBRUARY 3–4, 2023)**

Galina N. Popova

Bunin Yelets State University (Yelets, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-9835-361X>

Natalia A. Trubitsina

Bunin Yelets State University (Yelets, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1694-8459>

Abstract. The review presents the results of the All-Russian scientific conference "M. M. Prishvin in the context of modern humanitarian knowledge", dedicated to the 150th anniversary of the writer's birth. The conference was supported by the "History of Motherland" fund and included in the Plan of main events for the preparation and holding of the celebration of the 150th anniversary of the birth of M. M. Prishvin. The conference was attended by scholars-specialists in Prishvin studies from Moscow, St. Petersburg, Barnaul, Surgut, Voronezh, Orel, Yaroslavl, Sary Oskol, Lipetsk, Yelets, including young scholars, graduate students, and master's students. The conference outcomes contribute to the emergence of new and expansion of existing traditions in Prishvin studies taking into account modern scientific approaches.

Key words: M. M. Prishvin; scientific conference; artistic heritage; humanitarian knowledge; poetics of prose

For citation: Popova, G. N., Trubitsina, N. A. (2023). M. M. Prishvin's Creative Heritage in the Context of Modern Humanitarian Knowledge (Results of the All-Russian Scientific Conference "M. M. Prishvin in the Context of Modern Humanitarian Knowledge" (February 3–4, 2023). In *Philological Class*. Vol. 28. No. 2, pp. 220–225.

В 2023 году российское научное сообщество отмечает 150-летие со дня рождения М. М. Пришвина. Получивший широкое признание как «певец природы» и детский писатель, в настоящее время Пришвин интересен читателям и исследователям его наследия как натурфилософ, национальный мыслитель, отразивший в своем творчестве и многотомном дневнике историю страны и народа сквозь призму экзистенциального самочувствия.

Елецкий край является малой родиной М. Пришвина и чтит память своего выдающегося земляка. В 50-х годах XX века в Елецком государственном университете имени И. А. Бунина начала складываться научная школа пришвиноведения, уже более 40 лет проводятся международные, всероссийские и межреги-

ональные научные мероприятия, посвященные творческому наследию М. Пришвина. На базе Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина 3–4 февраля 2023 года состоялась научная конференция «М. М. Пришвин в контексте современного гуманитарного знания», участниками которой стали отечественные и зарубежные исследователи.

Работа осуществлялась в рамках пленарного заседания и четырех научных секций: «Философско-мировоззренческие контексты творчества М. М. Пришвина», «Поэтика прозы Михаила Пришвина», «Творчество Михаила Пришвина: лингвистический аспект», «Художественное наследие Михаила Пришвина: фольклорно-этнографический и педагогический аспекты».

Пленарное заседание открыла профессор *Н. В. Борисова* (Елец, ЕГУ им. И. А. Бунина) докладом «Русский мир в творческом наследии Михаила Пришвина». Исследуя художественное наследие и дневниковые записи писателя, она приходит к выводу, что русский мир у Пришвина – это пестрый коллективный портрет русского народа, его души, наивной, легкой, страдающей, сочувствующей, но главное – не знающей и не желающей знать срединного бытия.

Кандидат филологических наук, член союза писателей России *Е. С. Твердислова* (Иерусалим) выступила с сообщением «Пришвин как “детский писатель”», по-новому проанализировав пришвинские произведения для детского чтения, отметив их семантическую многослойность, глубокую философичность и притчевый характер. Профессор *И. А. Есаулов* (Москва, Литературный институт им. А. М. Горького, МГИМО) за основу своего исследования «“Рассмотреть христианское основание русской литературы” [Пришвин 1995: 129] (М. М. Пришвин): наша задача» взял размышления М. Пришвина о религиозном контексте отечественной словесности, высказываемые писателем как в художественном творчестве, так и в многотомном Дневнике. Опираясь на авторитет Пришвина, *И. А. Есаулов* развивает концепцию соотношения духовно-религиозных смыслов и своеобразия их художественного воплощения, учитывая сложность и противоречивость духовных исканий художника слова.

Завершил пленарное заседание доклад профессора *Е. А. Поповой* (Липецк, ЛГПУ им П. П. Семенова-Тян-Шанского). Ее выступление было посвящено произведениям М. М. Пришвина о малой родине, которые представляют собой прецедентные тексты региональной направленности и входят в Провинциальный (Липецкий) сверхтекст.

Секция 1. «Философско-мировоззренческие контексты творчества М. М. Пришвина».

Открытие многотомного пришвинского Дневника инспирировало научный интерес к философско-мировоззренческим контекстам творчества писателя. Все представленные на первой секции доклады обладают повышенной актуальностью и научной новизной. Профессор *Н. А. Дворяшина* (Сургут, СурГУ) в до-

кладе «Нам дана директива: “будьте как дети – М. М. Пришвин о религии детства», исходя из признания художника «Фокус современности – в детях» [Пришвин 2013: 668], исследует феномен детства как средоточие ключевых вопросов бытия и творчества.

Сообщение профессора *Н. Н. Иванова* (Ярославль, ЯГПУ им. К. Д. Ушинского) «Лесной царь М. Пришвин: Запад и Восток в культурном мифотипе писателя» касалось влияния на художника Запада и Востока в контексте онтологических и эстетических поисков русского неореализма. Были раскрыты тесные и плодотворные связи мироощущения и творчества Пришвина с мифом, что позволило увидеть совсем другие, нежели было принято считать ранее, мировоззренческие и эстетические ориентиры писателя.

Взгляд современного философского и политического сообщества на творчество М. М. Пришвина отразил в своем докладе «Михаил Пришвин в контексте социально-политических дискуссий современной России: между консерватизмом и либерализмом» доцент НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора *Б. К. Кнорре* (Москва, ВШЭ).

Вопросы о месте и роли человека во Вселенной, его связи с космосом, о человеческом существовании в структуре космических процессов, равно как и идея Всеединства, преобразования мира усилиями личности, нашли отражение в сообщении кандидата филологических наук *О. А. Ковыришиной* (Липецк, ЛГПУ им П. П. Семенова-Тян-Шанского). В своей работе «М. М. Пришвин и идеи русского космизма» автор приходит к выводу, что ответы, которые дает писатель в своих художественных произведениях и дневниковой прозе, коррелируют с открытиями русских космистов – *Н. Ф. Федорова*, *В. И. Вернадского*, *В. Н. Муравьева*.

Размышления о связи творчества М. М. Пришвина с предшественниками-философами продолжила в своем докладе «В. В. Розанов и М. М. Пришвин: преемственность размышлений учителя и ученика о русском человеке и России на переломе эпох» профессор *И. Г. Минералова* (Москва, МПГУ). В предлагаемом исследовании она рассматривает особенности

воплощения В. Розановым в «Апокалипсисе нашего времени» и М. Пришвиным в «Мирской чаше» сути происходящего в России, анализирует характер парафразирования розановских идей и образов в повести Пришвина.

Большой интерес и многочисленные вопросы вызвала работа профессора А. М. Подоксенова (Елец, ЕГУ им. И. А. Бунина) на тему «Пришвин и Сталин: тайна прототипа чекиста Сутулова в романе “Осударева дорога”». А. М. Подоксенов последовательно доказывает, что в образе сурового чекиста Сутулова Пришвин художественно отражает не только идейно-политические особенности эпохи, но и специфические черты поведения, характерный стиль мышления и стереотипы речи И. В. Сталина.

Доклад «М. М. Пришвин о социалистическом реализме: в контексте дискуссий 1930-х годов», подготовленный профессором А. В. Святославским (Москва, МПГУ) и профессором О. В. Богдановой (Санкт-Петербург, Русская христианская гуманитарная академия), посвящен размышлениям М. Пришвина о попытках внедрения в литературный процесс творческого метода социалистического реализма. Показано, что, несмотря на кажущуюся близость некоторых из принципов соцреализма Пришвину, он негативно относится к самому факту насаждения свыше художественного метода и к ряду его положений. Приведены размышления Пришвина о собственном понимании реализма.

Профессор А. В. Скитерских (Елец, ЕГУ им. И. А. Бунина) в работе «Культурная память о М. Пришвине в Ельце: акторы, тексты, практики коммеморации» исследует практики коммеморации Михаила Пришвина в Ельце. Связь писателя и философа с городским пространством сохраняет себя в периодической активности многочисленных акторов. Развитие новых социальных практик коммуникации приводит к появлению новых способов и форм памяти о писателе.

Секция 2. «Поэтика прозы Михаила Пришвина».

Не менее интересными и дискуссионными были доклады второй секции о поэтике прозы М. М. Пришвина. Доцент Е. Р. Боровская (Москва, МГПУ) в докладе «Образ художника в “Мирской чаше” М. М. Пришвина» предста-

вила повесть как произведение о художнике, отражающем свою эпоху, раскрыла в мультимедийной презентации инновационные, практически значимые для построения курса по творчеству писателя материалы.

Доклад, предложенный профессором Н. Ф. Злобиной (Москва, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет), «Образ и символика пути в очерках М. М. Пришвина “За волшебным колобком”» дает полное представление об особенностях путевых заметок писателя. Автор последовательно доказывает, что символика пути у Пришвина связана не с достижением конечного пункта путешествия, а с поиском «настоящего», истинного смысла жизни.

Повышенный научный интерес и активное обсуждение вызвал доклад старшего научного сотрудника Е. Ю. Кнорре (Москва, ИМЛИ РАН) «“Человек смиряется и на другого смотрит: как другой живет” [Пришвин 2007: 10] Мотив преодоления войны в дневниках М. М. Пришвина периода Первой и Второй мировых войн». В докладе реконструируется мотив преодоления войны как часть ненаписанной «Книги войны» Михаила Пришвина. Как и в дневниках о Первой и Второй мировых войнах, мышлению, делящему мир на «своих» и «чужих», Пришвин противопоставляет интуицию родственного внимания – откровения лица «другого»: «Я за человека стою, у меня голубое знамя неба» [Пришвин 1994: 288].

Продолжением темы стало сообщение «Крестонесение любви: образ Ляли на страницах “военных” дневников М. М. Пришвина» Н. А. Меркурьевой (Орел, Центр чтения Орловской областной научной универсальной публичной библиотеки им. И. А. Бунина). В докладе на материалах Дневника М. М. Пришвина 1941–1945 гг. рассматривается проблема преодоления войны как феномена, враждебного человеческой свободе, силой любви. Любовь воспринимается как сила рождающая и утверждается образом Ляли (Валерии Дмитриевны Пришвиной). Война преодолевается любовью, которая понимается как совместное крестонесение.

Доцент Т. И. Скрипникова (Воронеж, ВГАУ) рассмотрела в своей работе «“Окаянные дни” Ивана Бунина и дневниковые записи Миха-

ила Пришвина 1919–1920 годов: восприятие истории» схожие художественные мотивы (окаянства, революционного хаоса, вождизма и др.), объединившие разных по идиостилю писателей.

Доклад «Образ Выговского края в книге очерков М. М. Пришвина “В краю непуганых птиц”» доцента *Н. А. Трубициной* (Елец, ЕГУ им. И. А. Бунина) затронул проблему художественного воплощения топографического понятия «Край» в путевых очерках писателя. Автор приходит к выводу, что природные и культурные локусы Выговского края у Пришвина получают свое «лицо», а в ряде случаев мифологизируются и символизируются, становясь парадигматическими ресурсами Карельского текста.

Доклад профессора *Е. А. Худенко* (Барнаул, АлтГПУ) «Беломоро-Балтийский канал глазами М. М. Пришвина: очерк “Отцы и дети”» посвящен анализу реализации у Пришвина одной из базовых мифологем советской эпохи – мифологемы перековки. Очерк не входит ни в одно из известных собраний сочинений и издавался при жизни писателя лишь однажды. Часть материалов очерка стала основой для будущего романа «Осударева дорога».

Секция 3. «Творчество Михаила Пришвина: лингвистический аспект».

Особое внимание творчеству М. Пришвина уделили ученые-лингвисты. Все доклады отличались научной новизной полученных выводов и актуальностью методологических подходов. В работе «Особенности функционирования некоторых фразеологических оборотов библейской этимологии в текстах М. М. Пришвина» доцента *Г. Н. Абреимовой* (Елец, ЕГУ им. И. А. Бунина) были изучены структурно-семантические преобразования фразеологических оборотов библейской этимологии в творчестве писателя.

Доцент *Н. А. Бородина* (Елец, ЕГУ им. И. А. Бунина) в своем докладе «Вокализации тетеревов в индивидуально-авторской картине мира М. Пришвина» на материале прозаических текстов и дневниковых записей Пришвина рассмотрела средства номинации вокализаций птиц. В индивидуально-авторской картине мира писателя наряду со звукоподражаниями, существительными и глагольными формами, в содержательной

структуре которых содержится сема «звук», используются и словесные имитации.

Профессор *О. В. Марьина* (Барнаул, АлтГПУ) в работе «Диалогичность как способ построения повествования в поэме М. М. Пришвина “Фацелия”» проанализировала функцию диалога в произведении. *О. В. Марьина* отметила, что повествование строится как асимметричный диалог между лирическим героем и авторами цитируемых текстов.

Использование элементов публицистического стиля в дневниковой прозе М. Пришвина на разных языковых уровнях рассмотрела доцент *В. А. Телкова* (Елец, ЕГУ им. И. А. Бунина). В центре внимания автора – наиболее яркие черты публицистического стиля, проявляющиеся в композиционно-синтаксической структуре текста дневников писателя.

Доцент *А. Н. Чумаков* (Старый Оскол, БелГУ) в докладе «Артефактная метафора как языковой инструмент реализации авторской философии М. М. Пришвина» проанализировал артефактную метафорику как часть образной системы писателя, инструмент объединения различных сфер бытия в авторской философии. Рассмотренные метафорические высказывания предлагают творческое преобразование мировоззренческих и культурных стереотипов, становятся средством осмысления различных социальных и экзистенциальных проблем.

Секция 4. «Художественное наследие Михаила Пришвина: фольклорно-этнографический и педагогический аспекты».

Работа последней секции началась с доклада «Географические указания в творчестве М. М. Пришвина» аспиранта Российской академии народного хозяйства и государственной службы *С. А. Абрамова* (Орел, РАНХиГС). В работе сделана попытка объяснить юридическую природу понятия «географическое указание» и его взаимосвязь с литературной деятельностью на примере творчества М. М. Пришвина. В сообщении доцента *Ю. В. Артемовой* (Елец, ЕГУ им. И. А. Бунина) «Изучение художественного наследия М. М. Пришвина на основе технологий проблемного обучения» предлагаются конкретные технологии, усиливающие эффективность образовательного процесса в школе и вузе, обосновывается целесообразность при-

менения современных цифровых, мультимедийных технологий.

Профессор А. А. Дякина (Елец, ЕГУ им. И. А. Бунина) в докладе «Медиапрочтение елецких страниц биографии Михаила Пришвина» рассматривает вопросы, связанные с новым форматом прочтения произведений писателя. На примере «елецких страниц» пришевского творчества представлены технологии использования современных медиаресурсов, позволяющих адаптировать классические тексты под запросы «цифровой» аудитории.

Доцент С. А. Ломакина (Елец, ЕГУ им. И. А. Бунина) в своем выступлении «Проблематика творчества М. М. Пришвина в рамках обзорного изучения наследия писателя в 11 классе» обратилась к проблеме изучения пришевского творчества в выпускном классе общеобразовательной школы. Автор объясняет,

каким образом на уроке-обзоре ученик становится участником предметного и межпредметного взаимодействия, открывающего ему путь к постижению смысла текста М. Пришвина.

Итоги конференции были подведены на круглом столе. Была принята резолюция, в которой отмечается необходимость формирования единого информационного пространства, сопровождающего проекты, направленные на изучение и популяризацию творческого наследия писателя.

Все участники конференции отметили необходимость сохранения многолетней традиции – проведения юбилейной конференции в Ельце, на родине писателя, которая будет способствовать появлению новых и расширению уже сложившихся традиций с учетом современных научных подходов в исследовании творчества М. М. Пришвина.

ЛИТЕРАТУРА

- Пришвин, М. М. Дневники: 1914–1917 гг. / М. М. Пришвин. – СПб. : Росток, 2007. – 608 с.
 Пришвин, М. М. Дневники. 1918–1919. Книга вторая / М. М. Пришвин. – М. : Московский рабочий, 1994. – 383 с.
 Пришвин, М. М. Дневники. 1920–1922. Книга третья / М. М. Пришвин. – М. : Московский рабочий, 1995. – 334 с.
 Пришвин, М. М. Дневники. 1944–1945 / М. М. Пришвин. – М. : Новый хронограф, 2013. – 944 с.

REFERENCES

- Prishvin, M. M. (2007). *Dnevniky: 1914–1917 gg.* [Diaries: 1914–1917]. Saint Petersburg, Rostok. 608 p.
 Prishvin, M. M. (1994). *Dnevniky. 1918–1919* [Diaries. 1918–1919]. Book 2. Moscow, Moskovskii rabochii. 383 p.
 Prishvin, M. M. (1995). *Dnevniky. 1920–1922* [Diaries. 1920–1922]. Book 3. Moscow, Moskovskii rabochii. 334 p.
 Prishvin, M. M. (2013). *Dnevniky. 1944–1945* [Diaries. 1944–1945]. Moscow, Novyi khronograf. 944 p.

Данные об авторах

Попова Галина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературоведения и журналистики, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина (Елец, Россия).

Адрес: 399770, Россия, Липецкая область, Елец, ул. Коммунаров, 28.
 E-mail: gpopova@bk.ru.

Трубицина Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературоведения и журналистики, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина (Елец, Россия).

Адрес: 399770, Россия, Липецкая область, Елец, ул. Коммунаров, 28.
 E-mail: trubicina-nat@mail.ru.

Дата поступления: 16.02.2023; дата публикации: 30.06.2023

Author's information

Popova Galina Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Literary Criticism and Journalism, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia).

Trubitsina Natalya Alekseevna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Literary Criticism and Journalism, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia).

Date of receipt: 16.02.2023; date of publication: 30.06.2023

«ШЕВЕЛИ МОЗГОВОЙ ИЗВИЛИНОЙ».

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: МОКИЕНКО В. М., СИДОРЕНКО К. П. КРЫЛАТЫЕ СЛОВА ДИЛОГИИ ИЛЬИ ИЛЬФА И ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВА («ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ» И «ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕНОК»): СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК. СПБ.: ИЗД-ВО РГПУ ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА, 2021. 312 С.

Никитин О. В.

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

Праведников С. П.

Курский государственный университет (Курск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9900-0876>

А н н о т а ц и я . В аналитическом материале представлен научно-критический обзор нового направления современной лексикографии, связанного с созданием экспериментальных словарей, в частности, разбирается книга В. М. Мокиенко и К. П. Сидоренко «Крылатые слова дилогии Ильи Ильфа и Евгения Петрова («Двенадцать стульев» и «Золотой теленок»)». Авторы издания собрали и прокомментировали свод устойчивых сочетаний, цитат, литературных образов, афористических выражений, восходящих к текстам знаменитых романов. Актуальность данного источника обусловлена высоким уровнем цитируемости текста дилогии, активным использованием авторского интертекста в современной публицистике и интернет-пространстве XXI в. Констатируется, что В. М. Мокиенко и К. П. Сидоренко предприняли успешную попытку лексикографирования крылатого наследия великих советских сатириков. Отмечается, что с помощью эвристических возможностей описательного метода ученые выявили и проанализировали около одной тысячи оригинальных текстовых единиц различной степени употребительности, экспрессивности, структуры и функционального статуса. В качестве достоинства книги указывается на наличие пристатейных комментариев историко-культурного и лингвистического характера, объясняющих спорные моменты текста и позволяющих читателю использовать художественные аллюзии как средство актуальной коммуникации. Материал словаря подтверждает тезис авторов о том, что произведения И. Ильфа и Е. Петрова до сих пор не утратили злободневности, оригинальности в использовании языковых средств. Их воспроизведение в современном дискурсе является колоритной приметой речевой блогосферы, построенной на парадоксах, юморе и эрудиции. В статье содержится полемика с авторами словаря по поводу критериев выделения крылатых слов и способов их комментирования. Примеры, взятые из публицистической, художественной, научной литературы последних лет, свидетельствуют о том, что объемный поток цитат и их интертекстовых дериватов можно объяснить внутренним мощным ассоциативным потенциалом, отлично вписавшимся в языковую картину мира русского человека XXI века.

Ключевые слова: И. Ильф; Е. Петров; «Двенадцать стульев»; «Золотой теленок»; фразеография; словарь-справочник; крылатые слова; литературный образ; интертекстуальность; лингвистический эксперимент

Для цитирования: Никитин, О. В. «Шевели мозговой извилиной». Рецензия на книгу: Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Крылатые слова дилогии Ильи Ильфа и Евгения Петрова («Двенадцать стульев» и «золотой теленок»): словарь-справочник. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 312 с. / О. В. Никитин, С. П. Праведников. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 226–233.

**“RACK YOUR BRAINS”:
A REVIEW OF THE BOOK BY MOKIENKO V. M., SIDORENKO K. P. (2021) POPULAR
EXPRESSIONS IN ILYA ILF AND EVGENII PETROV’S DILOGY
 (“THE TWELVE CHAIRS” AND “THE GOLDEN CALF”):
AN EXPLANATORY DICTIONARY**

Oleg V. Nikitin

Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

Sergey P. Pravednikov

Kursk State University (Kursk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9900-0876>

Abstract. The research paper presents a scientific and critical view on the modern lexicographic tradition of compiling experimental dictionaries; in particular, it analyzes the book by V. M. Mokienko and K. P. Sidorenko “Popular Expressions of Ilya Ilf and Evgenii Petrov’s Dilogy (“The Twelve Chairs” and “The Golden Calf”)”. The authors of this publication have collected and commented on a set of stable expressions, quotations, literary images, and aphoristic expressions used in the texts of the famous novels. The urgency of this source of material can be attributed to the high citation index of the dilogy texts and the active use of the authored intertext in modern journalism and in the Internet space of the 21st century. It is stated that Mokienko and Sidorenko have made a successful attempt to compile a dictionary of the popular phrases in the heritage of the great Soviet satirists. The review notes that using the heuristic potential of the descriptive method, the scholars have singled out and analyzed about one thousand original text units of varying degrees of use, expressiveness, structure and functional status. As a merit of the book, it is indicated that the dictionary contains article-by-article comments of historical, cultural and linguistic nature and references to real facts that allow the reader to use artistic allusions as elements of real communication. The material of the dictionary confirms the authors’ thesis that the texts by Ilf and Petrov have not yet lost their urgency and originality in the use of linguistic means. Their reproduction in modern discourse is a vivid sign of blogging culture, based on paradoxes, subtle humor and erudition. The article presents a dispute with the authors of the dictionary about the criteria for the selection of popular expressions and the ways of commenting on them. The examples taken from journalistic texts, fiction, and scientific literature of recent years indicate that the large flow of quotations and their intertext derivatives can be explained by an internal powerful associative potential that perfectly fits into the linguistic worldview of the Russian-speaking person of the 21st century.

Keywords: I. Ilf; E. Petrov; “The Twelve Chairs”; “The Golden Calf”; phraseography; explanatory dictionary; popular expressions; literary image; intertextuality; linguistic experiment

For citation: Nikitin, O. V., Pravednikov, S. P. (2023). “Rack Your Brains”: A Review of the Book by Mokienko V. M., Sidorenko K. P. (2021) Popular Expressions in Ilya Ilf and Evgenii Petrov’s Dilogy (“The Twelve Chairs” and “The Golden Calf”): An Explanatory Dictionary. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 2, pp. 226–233.

Современная фразеография – едва ли не самая живая, энергично развивающаяся отрасль филологии, которая объединяет книжное прошлое с настоящим, где место культурной традиции в массовой аудитории сужается до ремейков, бульварных романов, ток-шоу и «модных приговоров» актерствующей эли-

ты, часто лишенных эстетического вкуса и правильной речи – той, что некогда звучала со страниц литературных произведений и со сцены. В этом отношении словарь В. М. Мокленко и К. П. Сидоренко нащупывает пока еще не до конца утраченную область словесного искусства – чувствовать краски языка,

образно говорить и знать художественную культуру, к которой, безусловно, можно отнести «Двенадцать стульев» и «Золотого тельца» И. Ильфа и Е. Петрова. Эти книги стали символами эпохи, а потому их сюжетные линии и герои, так понятные читателю, и естественный «авантюрный» язык вышли далеко за границы романов и рассыпались сотнями цитат-каламбуров в СМИ и разножанровой литературе.

Феномен активной жизни афоризмов из русской классики в современной компьютерной эпохе и явился поводом для наблюдений В. М. Мокиенко и К. П. Сидоренко над цитатами и литературными образами «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца», которые до сих не были подробно описаны в словарях (нам известно пока одно издание [Душенко 2011: 298–307], в котором содержатся выборки крылатых слов из произведений И. Ильфа и Е. Петрова). Популярность же «великого комбинатора» в бытовом сознании, в журналистской практике, в интернет-общении настолько высока, что многие ресурсы активно используют выражения далеких 20-х годов XX века. Следует согласиться с учеными, что известности произведениям прибавили «киноверсии романов» [Мокиенко, Сидоренко 2021: 3], которые сделали знаменитыми персонажей И. Ильфа и Е. Петрова, а реплики их героев вошли в золотой фонд фразеологии. В. М. Мокиенко и К. П. Сидоренко трактуют крылатые слова расширительно, понимая под ними «восходящие к текстам И. Ильфа и Е. Петрова слова и устойчивые словосочетания, цитаты, литературные образы, пословицы, поговорки, афористические высказывания, фразеологизмы, получившие употребление за рамками источника» [Там же].

К числу достоинств книги следует отнести полезные историко-культурные и лингвистические справки о словах, персоналиях и явлениях, представленных в крылатых выражениях и нуждающихся в пояснении. Например, фамилию одного из главных героев, Воробьянинова, авторы интерпретируют в примечании так: «Имя, фамилия и прозвище персонажа романа – намеренно ироничны, совмещая в себе сразу 3 наименования представителей животного мира: воробья (*Воробьянинов*), его

противника – кошки (*Куса*) и лошади, ибо *Ипполит* (греч. Ἰππόλυτος) – мужское имя, буквально означающее “распрягающий коней”» [Там же: 46].

Некоторые из авторских ремарок представляют собой краткие научные исследования происхождения тех или иных слов, прозвищ, предметов, событий. Так, довольно подробно говорится о смысле имени и фамилии *Остап Бендер* [Там же: 165], доминантами в речевом поведении которого являются «авантюренность, эффектность, экстравертированность» [Магонова 2018: 152]. Познавательно и убедительно звучит содержательный рассказ об истории возникновения и бытования на русской почве выражения *блюдечко с голубой каемочкой* [Там же: 17–18], выходящий, собственно, за рамки жанра словаря и демонстрирующий отличные лингвистические способности его авторов, знатоков славянской лексикологии и диалектологии.

Однако остались пока не осмысленными имена и фамилии других героев, запомнившихся читателям: *Авессалом Изнуренков* [Там же: 7], *инженер Брунс* [Там же: 101]. Очевидно, что писатели не случайно дарили им такие необычные, звонкие прозвания, вызывающие некоторые ассоциации и потому нуждающиеся в компетентном лингвистическом и даже историческом обследовании. Что касается имени *Авессалом* (в переводе с иврита «отец мира»), то оно, безусловно, связано с библейским сюжетом о «самом красивом мужчине в царстве», одержимом ложными амбициями и тщеславием. Прототипом его называют журналиста, острослова, автора фельетонов и карикатур Михаила Глушкова (1896–1938), знакомого И. Ильфа и Е. Петрова, работавшего в газете «Гудок» и журналах «Чудак», «Смехач» и «Крокодил». Он придумал фразу, вложенную писателями в уста Бендера – «ключ от квартиры, где деньги лежат». Кроме того, М. Глушков был азартным игроком в карты. «Когда роман вышел, Глушков узнал себя в Изнуренкове и очень обрадовался» [Корсаков 2018].

Упомянутый инженер Брунс (в переводе с французского *brune* «коричневый») действительно существовал. В газете «Маленькие одесские новости» от 15 (2) августа 1914 года вышла заметка «Заккрытие “Брунса”», в кото-

рой говорилось: «По распоряжению г. одесского градоначальника, вчера был закрыт один из самых популярных ресторанов в Одессе “Брунс” – Дерибасовская ул., дом Вагнера. Ресторан этот был открыт в 1850 г. официантом-греком Николаем. Заведовала рестораном некая Каролина Фишер, которая затем вышла замуж за инженера Генриха Брунса <...> Брунс скоро разбогател и недавно уступил ресторан своему зятю австрийско-подданному А. Фишеру» [Закрытие... 1914]. Но на этом история возможных прототипов героя не заканчивается. В 1931 г. в подмосковном поселке Клязьма И. Ильф купил с коллегами дачу. Там же до революции располагались четыре дачных участка Брунсов. В статье «12 Брунсов» приводятся и другие интересные предположения о том, кого могли изобразить писатели под таким загадочным псевдонимом: от Катаева до... писательницы Веры Брунс-Сироткиной [Парамонов 2020].

Такие комментарии необходимы для анализа функций интертекстов, погружают читателя в ироническое повествование, делают понятными авторские парадоксы и намеки. В. М. Мокиенко и К. П. Сидоренко как будто почувствовали неумный писательский темперамент, фантазию, соединившие подзабытые реалии советского быта с именами и явлениями разных эпох и народов. И. Ильф и Е. Петров наделили своих героев такими феноменальными речевыми способностями, богатством и полифонизмом ономастикона, что разгадывать его придется еще не одному поколению филологов.

В толковании имен и других текстовых реалий, ставших крылатыми выражениями, следует соблюсти определенный баланс, ведь словарь задумывался не как *источниковедческий* или *литературоведческий комментарий* к художественному тексту, а как собрание афоризмов (в широком смысле термина), получивших реализацию в новых коммуникативных условиях. Но все же краткие справки о прототипах героев (сравните: такое дается авторами в статье об *Остате Бендере* и отсутствует в других случаях – *Авессалом Изнуренков*, *Варфоломей Коробейников*, *Ляпис-Трубецкой*, *Полесов* и т. п.), думается, были бы не лишними с точки зрения понимания сюжетных линий и ономастических трансформаций.

В «Большом словаре цитат и крылатых выражений» К. В. Душенко тоже встречаются фразеологические реминисценции И. Ильфа и Е. Петрова с редкими интертекстами, которые не совпадают с примерами рецензируемой книги, но позволяют с иного ракурса посмотреть на употребление крылатого выражения. Так, любопытно, что *великий комбинатор* у К. В. Душенко иллюстрируется цитатой из «Судебных речей» А. Я. Вышинского 1953 г. [Душенко 2011: 299], а у В. М. Мокиенко и К. П. Сидоренко примерами из сети Интернет 2010-х гг. [Мокиенко, Сидоренко 2021: 37]. Фраза *графиня изменившимся лицом бежит к пруду* имеется в обоих словарях: у В. М. Мокиенко и К. П. Сидоренко широко представлены примеры и способы семантизации, у К. В. Душенко, напротив, этого нет, но приведен источник происхождения – телеграмма Н. Е. Эфроса в газету «Речь» от 3 ноября 1910 г. [Душенко 2011: 304]. Мы видим разные подходы к лексикографированию интертекста, в чем-то взаимодополняющие.

В книге К. В. Душенко есть текстовые идиомы, отсутствующие у В. М. Мокиенко и К. П. Сидоренко, например, такие: *участник концессии* [Душенко 2011: 299]; *кустарь-одиночка с мотором* [Там же: 300] – из главы 14 «Двенадцати стульев» (ср.: у В. М. Мокиенко и К. П. Сидоренко: *зусар-одиночка с мотором* [Мокиенко, Сидоренко 2021: 65] – из главы 28 «Двенадцати стульев»); *борец за идею* [Душенко 2011: 300] – из главы 11 «Двенадцати стульев» (ср.: у В. М. Мокиенко и К. П. Сидоренко: *идейный борец за денежные знаки* [Мокиенко, Сидоренко 2021: 97] – из главы 14 «Золотого тельца») и т. д.

Жанр аналитического обзора предполагает и определенную долю критической оценки подготовленного авторами материала. В нашем случае она сведется скорее к размышлениям о том, что хотелось бы видеть в таких трудах. Перед нами необычный лексикографический источник. По сути, это словарь-справочник афористических интертекстов, реализованных в живом (чаще всего даже не книжном, а разговорно-бытовом и жаргонном) языке интернет-аудитории. К сожалению, перечня источников современных цитат в книге нет. Среди примеров есть фрагменты научных статей, серьезная публицистика, неформальное общение в чатах, дневники, журналистские расследования.

Как нам представляется, авторы диалогии употребляют многие слова прежде всего потому, что они ритмически созвучны общей текстовой стилистике и создают особое настроение вне зависимости от семантики: «... В Старгород вошел молодой человек лет двадцати восьми <...> В руке молодой человек держал астролябию» [Мокиенко, Сидоренко 2021: 12]. Ученые поясняют: «**Астролябия** – один из старейших приборов для определения широты <...>. Его классической основой служит “тарелка” – круглая деталь с высоким бортом и подвесным кольцом для точной нивелировки прибора относительно горизонта. Возможно, аллюзия на авантурный характер Остапа Бендера и его дальнейшие приключения в романе» [Там же: 12]. Сам факт продажи на рынке провинциального города астрономического прибора уже необычен, вызывает невольную улыбку и само звучание слова¹.

Кажется натяжкой то, что в круглой детали в основе астролябии усматривается «аллюзия на авантурный характер Остапа Бендера и его дальнейшие приключения в романе» [Там же: 12], равно как сомнительной предстает и информация, опирающаяся на осмысление романа «Золотой теленок» с позиций «номадологии» (на наш взгляд, неоправданно многие крылатые слова иллюстрируются примерами весьма спорного «номадологического» наполнения – 22 случая). Образец иллюстрации к словарной статье

БЮСТИК ЖУКОВСКОГО:

«КОГДА ПОДНЯЛАСЬ ЛУНА И ЕЕ МЯТНЫЙ СВЕТ ОЗАРИЛ МИНИАТЮРНЫЙ БЮСТИК ЖУКОВСКОГО...», – пишут Ильф и Петров. И далее: «НА МЕДНОЙ ЕГО СПИНЕ МОЖНО БЫЛО ЯСНО РАЗОБРАТЬ НАПИСАННОЕ МЕЛОМ КРАТКОЕ РУГАТЕЛЬСТВО». Медных и каменных жуков с письменами на спинке – скарабеев – носили древние египтяне. Скарабей олицетворяли бога Ра, а на груди умершего жук указывал на реинкарнацию (В. Лебедько,

Возможно, было бы более правильным воспользоваться ресурсами Национального корпуса русского языка или, по крайней мере, привлечь материалы из научной периодики. Так, задав в строке поиска *бюстик Жуковского*, быстро получаем результат: искомое словосочетание использовано в заголовке статьи Е. Е. Анисимовой «“Когда луна поднялась (слова в цитате переставлены автором этого научного сочинения – О. Н., С. П.) и ее мятный свет озарил миниатюрный бюстик Жуковского...”»: “Жуковский код” в романе И. Ильфа и Е. Петрова “Двенадцать стульев”» [Анисимова 2013: 68–79]. Убеждены, что исследование балладного романтизма крупного русского поэта, сатирически переосмысленного и «травестийно» примененного И. Ильфом и Е. Петровым к деталям советского быта 1920-х гг. [Там же: 68], ближе и нужнее читателю и потребителю научной продукции, чем символика ритуалов, пропущенная сквозь призму постмодернистского сознания.

В качестве приложения к такому необычному с точки зрения использования и интерпретации лексикографическому материалу полезно дать филологическую статью, исследующую рецепцию афоризмов в медийной аудитории XXI в. – явление интертекста в языке разных эпох. Один из авторов, К. П. Сидоренко, писал об этом отдельно (см., например: [Сидоренко 2018]). Ясно, что похожие работы могут появляться и становятся все более актуальными в публицистической практике (см., например: [Петухов 2019]), а детали советского быта, так великолепно обыгранные И. Ильфом и Е. Петровым, активно изучаются лингвистами и литературоведами [Одесский, Фельдман 2015]. Читателю было бы интересно начать или завершить знакомство с «энциклопедией цитат» филологическим или социолингвистическим очерком о самом феномене интертекстов в XXI веке применительно к романам И. Ильфа и Е. Петрова как явлению массовой культуры, влияющей на формиро-

¹ Здесь уместно вспомнить деда Шукаря, персонажа шолоховского романа «Поднятая целина», который употреблял незнакомые слова, понимая их по-своему на основании одному ему известных и понятных ассоциаций (цитируем фрагмент из главы XVIII второй книги): «Дед Шукарь выслушал свою благоверную с нескрываемым презрением, под конец возмущенно фыркнул: – Ты начисто одурела, старая астролябия! Ты что же хочешь, чтобы я весь свой авторитет растерял? <...> Понятно тебе, старая апробация?» [Шолохов 1978: 497].

вание речевой практики и шире – языковой картины мира нашего времени.

Глубокое и добросовестно проведенное исследование все же рождает отдельные вопросы. Так, хотелось бы увидеть более строгий подход к критериям трактовки крылатых слов, чем это сделано в «Предисловии». Не было бы лишним обозначение границ понятия и указание на принципы отбора материала. Возможно, в этом случае у пользователя не возникали бы некоторые вопросы. Является ли отдельно взятое слово крылатым, например существительное *кефир* [Мокиенко, Сидоренко 2021: 107], иллюстрируемое ответом на кроссворд? Или устаревшее *орало* [Там же: 163], взятое отдельно от выражения *союз меча и орала*? Как проявлена их афористичность? Считается ли слово крылатым, если отмечено только в составе сканворда, например лексема *бортмеханик* [Там же: 19]? Такое же сомнение возникает и по отношению к именам собственным (например, *Мечников* [Там же: 135], *Тезоименитский* [Там же: 236]) в случае их единичного использования в составе сканворда. Какова степень из «нарицательности»? Приведем иллюстрацию из словаря:

– к статье **МЕЧНИКОВ**:

• в составе сканворда.

Вопрос: МЕЧНИКОВ у Ильфа и Петрова. 6 букв.

Ответ: МОНТЕР.

(www.scanword.info <2015>) [Там же: 135].

В словаре есть примеры, представляющие собой обычные фразеологизмы, авторами которых не являются И. Ильф и Е. Петров, например: *дуба дал* [Там же: 78–79], *ноги протянул* [Там же: 153–154].

Иногда комментарий вызывает сомнение и желание подискутировать. Так, в сноске к статье **КОНРАД КАРЛОВИЧ МИХЕЛЬСОН** [Там же: 114] авторы указывают на возможную связь этого имени с личностью педагога, знатока русской фразеологии и лексикографа Морица Ильича Михельсона. Такая ремарка допустима, но следует учесть, что дореволюционная Россия знала и других людей с этой фамилией – геофизика и метеоролога, военачальника в звании генерал-лейтенанта. А в советское время самым известным, пожалуй, был предприниматель Л. А. Михельсон, поскольку на его заводе в Москве в 1918 г. было

совершено покушение на В. И. Ленина. Понятно желание авторов-филологов «притянуть» любимое и в научном смысле весьма достойное имя к раскрытию образа. По сути же, в таких случаях мы имеем дело с проникновением в художественный мир писателей, но как он был устроен, чьи мысли, имена они включали в сюжетные линии – реальные прототипы или придуманные, мы достоверно не знаем. В таких случаях стоит быть более аккуратным в догадках. Этот вариант трактовки, признаемся честно, мы бы охотно разделили с авторами словаря, если бы были найдены и обоснованы хоть какие-то фактические зацепки или доказательства связи И. Ильфа и Е. Петрова с известным лексикографом.

При словарной статье **QUASI UNA FANTASIA (КВАЗИ УНО ФАНТАЗИЯ)** [Мокиенко, Сидоренко 2021: 106] комментарий был бы уместен, поскольку латинская фраза сопровождается русской транскрипцией, где невооруженным глазом наблюдается графическое несоответствие. Не помешало бы пояснение, что для многих современных русских читателей латинское числительное *ita* воспринимается только как *ипо* благодаря фильму М. Захарова «Формула любви» и звучавшей в нем песне в исполнении дуэта А. Абдулов – С. Фарада (*ипо momento*).

К сожалению, текст не свободен от мелкого технического брака. Так, на с. 41 и с. 44 приводится одно и то же примечание (к словарным статьям **ВСТАВАЙТЕ, ГРАФ, ВАС ЗОВУТ ИЗ ПОДЗЕМЕЛЬЯ** и **ВДОВА ГРИЦАЦУЕВА**). Есть примеры нарушения алфавитной последовательности подачи материала.

Произведения И. Ильфа и Е. Петрова, как показали В. М. Мокиенко и К. П. Сидоренко, получили второе рождение и стали колоритной приметой коммуникации, породили немало собственно языковых новаторств, вписались неповторимой сатирической неологией в стилистическое пространство XXI века и своими контрастами с литературной нормой и приемами «речевого манипулирования» послужили «основой текстовой экспрессии, стимулируют возникновение потока цитат из диалогии и их интертекстовых дериватов, обладающих мощным живым ассоциативным потенциалом» [Мокиенко, Сидоренко 2021: 4]. А это значит, что «Двенадцать стульев» и «Зо-

лотой теленок», несмотря на «отрицательный материал», оказались не только словесно гениальными текстами, но и образами времени, умело обыгрываемыми и трансформируемыми в речевой практике XXI века. Анализируемое издание нам памятно и как удачный лексикографический опыт описания извест-

ных текстов с лингвокультурологической стороны: В. М. Мокиенко и К. П. Сидоренко раскрыли стилистический потенциал образной речи, разомкнули временные и социальные границы афористичности, сделали ее предметом компетентного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимова, Е. Е. «Когда луна поднялась и ее мятный свет озарил миниатюрный бюстик Жуковского...»: «Жуковский код» в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» / Е. Е. Анисимова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2013. – № 1 (21). – С. 68–79.

Душенко, К. В. Большой словарь цитат и крылатых выражений: 13300 цитат и крылатых выражений из области литературы, истории, политики, науки, религии, философии и популярной культуры / К. В. Душенко. – М.: Эксмо, 2011. – 1215 с.

[Б. и.] Закрытие «Брунса». – Текст : электронный // Маленькие одесские новости. – 15 (2) августа 1914 г. – URL: <http://starosti.ru/article.php?id=43114> (дата обращения: 19.02.2023).

Корсаков, Д. Евгений Петров: «Можно сказать, что “12 стульев” мы писали кровью» / Д. Корсаков. – Текст : электронный // Комсомольская правда. – 8 января 2018. – URL: <https://www.kp.ru/daily/26777.1/3812499/> (дата обращения: 19.02.2023).

Магонова, А. В. Языковая личность Остапа Бендера в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» / А. В. Магонова // *Linguistica Juvenis*. – 2018. – № 20. – С. 144–153.

Мокиенко, В. М. Крылатые слова дилогии Ильи Ильфа и Евгения Петрова («Двенадцать стульев» и «Золотой теленок») / В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. – 312 с.

Одесский, М. П. Миры И. А. Ильфа и Е. П. Петрова: Очерки вербализованной повседневности / М. П. Одесский, Д. М. Фельдман. – М.: РГГУ, 2015. – 293 с.

Парамонов, В. 12 Брунсов / В. Парамонов. – Текст : электронный // Пушкино сегодня. – 12 ноября 2020 г. – URL: <https://pushkino.tv/news/kray-rodnoy/171691/> (дата обращения: 19.02.2023).

Петухов, С. Остап Бендер как объект исследований / С. Петухов. – Текст : электронный // Коммерсант. – 8 июля 2019 г. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4025421> (дата обращения: 11.02.2023).

Сидоренко, К. П. «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» в цитировании (из интертекстовых наблюдений над дилогией И. Ильфа и Е. Петрова) / К. П. Сидоренко // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2018. – № 4 (85). – С. 74–83. – <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2018-4-85-9>

Шолохов, М. А. Поднятая целина. Судьба человека / М. А. Шолохов. – М.: Худож. лит., 1978. – 654 с.

REFERENCES

Anisimova, E. E. (2013). «Kogda luna podnyalas' i ee myatnyi svet ozaril miniatyurnyi byustik Zhukovskogo...»: «Zhukovskii kod» v romane I. Il'fa i E. Petrova «Dvenadsat' stul'ev» [“When the Moon Rose and Cast Its Minty Light on the Miniature Bust of Zhukovsky...”: “Zhukovsky Code” in I. Ilf and E. Petrov’s “The Twelve Chairs”]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 1 (21), pp. 68–79.

Dushenko, K. V. (2011). *Bol'shoi slovar' tsitat i krylatykh vyrazhenii: 13300 tsitat i krylatykh vyrazhenii iz oblasti literatury, istorii, politiki, nauki, religii, filosofii i popul'yarnoi kul'tury* [A Large Dictionary of Quotations and Popular Expressions: 13300 Quotations and Popular Expressions from the Field of Literature, History, Politics, Science, Religion, Philosophy and Popular Culture]. Moscow, Eksmo. 1215 p.

Korsakov, D. (2018). Evgenii Petrov: «Mozhno skazat', chto “12 stul'ev” my pisali krov'yu» [Evgenii Petrov: “We Can Say That We Wrote “The Twelve Chairs” in Blood”]. In *Komsomol'skaya pravda*. 8 January. URL: <https://www.kp.ru/daily/26777.1/3812499/> (mode of access: 19.02.2023).

Magonova, A. V. (2018). Yazykovaya lichnost' Ostapa Bendera v romane I. Il'fa i E. Petrova “Dvenadsat' stul'ev” [Language Personality of Ostap Bender in Novel by I. Ilf and E. Petrov “The Twelve Chairs”]. In *Linguistica Juvenis*. No. 20, pp. 144–153.

Mokienko, V. M., Sidorenko, K. P. (2021). *Krylatye slova dilogii Il'i Il'fa i Evgeniya Petrova («Dvenadsat' stul'ev») i «Zolotoi telenok»* [“Popular Expressions of the Dilogy by Ilya Ilf and Evgeny Petrov (“Twelve Chairs” and “Golden Calf”)]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena. 312 p.

Odessky, M. P., Feldman, D. M. (2015). *Miry I. A. Il'fa i E. P. Petrova: Ocherki verbalizovannoi povsednevnosti* [Worlds of I. A. Ilf and E. P. Petrov: Essays on Verbalized Everyday Life]. Moscow, RGGU. 293 p.

Paramonov, V. (2020). 12 Brunsov [The Twelve Brunses]. In *Pushkino segodnya*. 12 November. URL: <https://pushkino.tv/news/kray-rodnoy/171691/> (mode of access: 19.02.2023).

Petukhov, S. (2019). Ostap Bender kak ob'ekt issledovaniia [Ostap Bender as an Object of Research]. In *Kommersant*. 8 July. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4025421> (mode of access: 11.02.2023).

Sholokhov, M. A. (1978). *Podnyataya tselina. Sud'ba cheloveka* [Virgin Soil Upturned. The Fate of Man]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 654 p.

Sidorenko, K. P. (2018). «Dvenadtsat' stul'ev» i «Zolotoi telenok» v tsitirovanii (iz intertekstovykh nablyudenii nad dilogiei I. Il'fa i E. Petrova) [“The Twelve Chairs” and “The Golden Calf” in Quoting (From Intertextual Observation over the Dilogy by I. Ilf and E. Petrov)]. In *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4 (85), pp. 74–83. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2018-4-85-9>.

Zakrytie «Brunsa» [Closing of “Bruns”]. (2014). In *Malen'kie odesskie novosti*. 15 (2) August. URL: <http://starosti.ru/article.php?id=43114> (mode of access: 19.02.2023).

Данные об авторах

Никитин Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия).

Адрес: 185910, Россия, Петрозаводск, пр-т Ленина, 33.

E-mail: olnikitin@yandex.ru.

Праведников Сергей Павлович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, декан филологического факультета, Курский государственный университет (Курск, Россия).

Адрес: 305000, Россия, Курск, ул. Радищева, 33.

E-mail: spprav618@mail.ru.

Authors' information

Nikitin Oleg Viktorovich – Doctor of Philology, Professor of Department of the Russian Language, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

Pravednikov Sergey Pavlovich – Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language, Dean of Philological Faculty, Kursk State University (Kursk, Russia).

Дата поступления: 27.04.2023; дата публикации: 30.06.2023

Date of receipt: 17.04.2023; date of publication: 30.06.2023

УДК 821.161.1-1(Рыжий Б.). ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,445
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

**«ОБЛАКА ПОКА НЕ ПОБЛЕДНЕЛИ...»
(РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ «БОРИС РЫЖИЙ: ИССЛЕ-
ДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ» / ПОД РЕД. Н. Л. БЫСТРОВА И Т. А. АРСЕНОВОЙ. М.;
ЕКАТЕРИНБУРГ: КАБИНЕТНЫЙ УЧЕНЫЙ, 2022. 448 С.)**

Подлубнова Ю. С.

Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5210-0861>

А н н о т а ц и я . Рецензия посвящена коллективной монографии «Борис Рыжий: исследования и материалы», вышедшей под редакцией Н. Л. Быстрова и Т. А. Арсеновой. (М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый). При том что Б. Б. Рыжий – на сегодняшний день один из наиболее изученных поэтов рубежа XX–XXI вв., авторы монографии предпринимают попытку обозначить новые аспекты в исследовании творчества уральского поэта. Это касается и выявления онтологических констант в поэзии Б. Б. Рыжего, и обозначения образных рядов и интертекстуальных контекстов, и исследования метрики, и поиска и снабжения научными комментариями материалов, имеющих прямое отношение к поэту, но не опубликованных ранее или опубликованных в малодоступных источниках. Монография во многом фиксирует сдвиг в исследованиях жизни и творчества поэта к все большему изучению биографических и историко-литературных контекстов, их екатеринбургского пласта.

Ключевые слова: русская поэзия рубежа XX–XXI веков; уральская поэзия; Борис Рыжий; биографические контексты

Д л я ц и т и р о в а н и я : Подлубнова, Ю. С. «Облака пока не побледнели...» (Рецензия на коллективную монографию «Борис Рыжий: исследования и материалы» / под ред. Н. Л. Быстрова и Т. А. Арсеновой. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2022. 448 с.) / Ю. С. Подлубнова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 234–239.

**“THE CLOUDS HAVE NOT GOT WHITE YET...”
(REVIEW OF COLLECTIVE MONOGRAPH
"BORIS RYZHY: RESEARCH AND MATERIALS" /
EDITED BY N. L. BYSTROV AND T. A. ARSENOVA. MOSCOW;
EKATERINBURG: KABINETNYI UCHENYI, 2022. 448 P.)**

Yulia S. Podlubnova

Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5210-0861>

Abstract. The review is devoted to the collective monograph "Boris Ryzhy: Research and Materials" published by N. L. Bystrov and T. A. Arsenova. (Moscow; Ekaterinburg; Kabinetnyi Uchenyi). Despite the fact that Ryzhy is currently one of the most well-studied poets of the turn of the 20th–21st centuries, the authors of the monograph make an attempt to discover new aspects in the study of the work of the Ural poet. This also applies to the identification of ontological constants in the poetry of Ryzhy and the designation of figurative series and intertextual contexts, and the study of metrics and the search and supply of scientific comments on materials that are directly related to the poet but have not been previously published or were published in inaccessible sources. The monograph largely captures the shift in the study of the life and work of the poet towards a deeper study of biographical and historical-literary contexts, and their Ekaterinburg layer in particular.

Keywords: Russian poetry at the turn of the 20th–21st centuries; Ural poetry; Boris Ryzhy; biographical contexts

For citation: Podlubnova, Yu. S. (2023). "The Clouds Have Not Got White Yet..." (Review of Collective Monograph "Boris Ryzhy: Research and Materials" / edited by N. L. Bystrov and T. A. Arsenova. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyi Uchenyi, 2022. 448 p.). In *Philological Class*. Vol. 28. No. 2, pp. 234–239.

Фигура и творчество Б. Б. Рыжего изучаются и дискутируются уже более 20 лет, начиная со времени его трагического ухода из жизни или, если подходить более детально, со времен вхождения в литературу – первых газетных публикаций, редакторских комментариев к ним, интервью и проч. За эти 20 с лишним лет вышли книги, собравшие практически все написанное поэтом, мемуары о нем, большое количество статей и различного рода откликов¹. Все это сделало Б. Б. Рыжего одним из самых обсуждаемых авторов в пространстве постсоветской поэзии. Сюда же стоит добавить еще один несомненный факт: стихи Б. Б. Рыжего читают сегодня не только интеллектуалы, но и те, кто не особо интересуется поэзией или интересуется поэзией «народного извода». Насколько весома эта народная любовь в разговоре о статусе поэта, судить сложно, но так или иначе она свидетельствует о пролонгированной востребованности его наследия, живом интересе к нему. Составители коллективной монографии, предлагаемой нами к рассмотрению, Т. А. Арсенова и Н. Л. Быстров полагают, что «в недалеком будущем благодаря сегодняшним учителям-словесникам этот поэт сможет занять законное место в ряду, условно говоря, "новых классиков" наравне, например, с А. Тарковским, Ю. Левитанским, А. Кушнером, И. Бродским, Т. Кибировым, Б. Кенжеевым, И. Ждановым, В. Сошной и др.» [Арсенова 2021]. О выстроенном

ряде и фигурах «новых классиков» можно и нужно спорить, но важно сейчас, скорее, другое – а именно фиксация масштабности рефлексий, касающихся Б. Б. Рыжего, давно уже ставшего, как обозначила Е. В. Изварина, легендой [Изварина 2008]. Новая коллективная работа при таких вводных не может не декларировать необходимость поиска неочевидных решений среди того, что уже проговорено и интерпретировано.

И еще одна необходимая преамбула. Выход коллективной монографии, посвященной жизни и творчеству Б. Б. Рыжего, уже второй по счету за последние семь лет (после «Борис Рыжий: поэтика и художественный мир» [Борис Рыжий: поэтика и художественный мир 2015]) или третьей, если учитывать авторскую монографию «Внутренний мир и миры Бориса Рыжего» Ю. В. Казарина [Казарин 2018], как всякое подобное издание, в разговоре о поэте фиксирует, как минимум, два основополагающих момента. Во-первых, состояние изученности его биографии и творческого наследия. Во-вторых, сдвиги в рецепции поэта, которые так или иначе влияют на определение его места в пространстве отечественной поэзии. И в том и в другом случае, вопреки кажущейся исчерпанности разговора о предмете, есть что обсуждать.

Итак, монография «Борис Рыжий: исследование и материалы» поделена на две части – исследование поэтического наследия (10 параграфов разных авторов) и материалы к биографии

¹ См. наиболее полный обзор источников: [Арсенова 2021].

поэта (стихотворения, интервью, исследовательские комментарии). Каждая часть решает свои задачи, но вместе они свидетельствуют о стремлении обозначить нечто новое в пространстве тех смыслов, которые сложились вокруг Б. Б. Рыжего.

При этом аналитическую часть в целом сложно называть новаторской, здесь много знакомого и прописного Б. Б. Рыжего. Например, «жизненные и ментальные основания этики и эстетики Бориса Рыжего», которые обозначает И. И. Плеханова, хорошо известны по исследованиям Ю. В. Казарина. «Переживания, побуждающие к творчеству, безрадостные: боль свидетеля катастрофы, мука беспомощности, безволие. Трагическое чувство жизни открывает не ее напряжение, остроту или же экзистенциальный абсурд, но бесперспективность, безнадежность, даже вину за привязанность к ней» [Борис Рыжий: исследования и материалы 2022: 18] – эти и другие соображения, опирающиеся на формулу Р.-М. Рильке «с красоты начинается ужас», открывают монографию, чтобы в статье Н. Л. Быстрова, также развивающей тему «безобразного» как «прекрасного» и выводящей к общим основаниям эстетики поэта, превратиться в истолкование одного из самых известных стихотворений Б. Б. Рыжего «Так гранит покрывается наледью...». Однако Н. Л. Быстров сомневается в наследовании Б. Б. Рыжим оптики и установок Р.-М. Рильке (вот он долгожданный новый поворот), несколько корректируя содержание эстетического прозрения уральского поэта: «Что должен переживать субъект, чтобы оно открылось ему именно как “прекрасное”? Возможно, это и есть “черное горе”, если мы представим, что именно оно способно быть “заместителем” эстетического чувства – не просто как состояние души (воля к сопереживанию, уязвленность ужасом жизни и т. п.), не только как свободно избранная нравственная позиция, но как особая настроенность сознания, “расширяющего” свои границы для того, чтобы “вместить” то трагически “прекрасное”, что скрывается в “безобразном»» [Борис Рыжий: исследования и материалы 2022: 119–120].

К исследованиям И. И. Плехановой и Н. Л. Быстрова идейно-тематически примыкают рассуждения А. А. Семиной, Д. А. Клубничкиной и др., которые рассматривают концепты вечности и красоты и мотив духов-

ной инициации в поэзии Б. Б. Рыжего. «Самое хрупкое, ненадежное и эфемерное оказывается у Рыжего в большей мере причастным к вневременному и вечному, нежели то, что обременено рефлексией о времени, смертности и вечности, а тем более – то, что на эту вечность претендует» [Борис Рыжий: исследования и материалы 2022: 238], – пишет, например, А. А. Семина, затрагивая феноменологию мортального и обращаясь к анализу образного ряда некоторых стихотворений.

Собственно, как показывает монография, наиболее эффективная стратегия высвечивания новых смыслов на фоне обширных исследований предшественников-рыжеведов – именно работа на макроуровнях, то есть анализ образов, мотивов, метрических и ритмических рисунков и т. д., и в первую очередь тех, что прежде оказывались вне зон внимания исследователей. В этом убеждают два параграфа, написанных О. В. Зыряновым, который тщательно рассмотрел лермонтовский претекст у Б. Б. Рыжего и интертекстуальные связи стихотворения «С антресолей достану “ТТ”...», а также два параграфа авторства Т. А. Арсеновой, созвучных друг другу, поскольку один посвящен фотографическому зрению поэта, а второй, написанный в соавторстве с А. С. Темляковой, – кинооптике элегических стихотворений. «Особое решение получает и кардинальный вопрос-дилемма о соотношении оригинальности и интертекстуальности поэзии Рыжего» [Борис Рыжий: исследования и материалы 2022: 124], – обозначает исследовательскую задачу О. В. Зырянов. «“Стихотворение-фотография” оказывается результатом концептуального завершения визуального сообщения как художественного произведения» [Борис Рыжий: исследования и материалы 2022: 197], – утверждает Т. А. Арсенова, опирающаяся на солидный теоретический базис: от идей Р. Барта и С. Зонтаг до теории экфрасиса С. Н. Зенкина. «Приемы поэтической “кинооптики” участвуют не только в организации визуального плана стихотворений Б. Рыжего, почти буквальная “зримости” их сюжетов и ситуаций для читателя, но и в решении той индивидуальной метапоэтической задачи Рыжего, что не без самоиронии была сформулирована им в стихотворении 1997 г. – найти “слово поэзии, что убивает мрак»» [Борис Рыжий: исследования и материалы 2022: 231], – продолжает Т. А. Арсенова вместе с А. С. Темляковой.

Наиболее проблемной зоной в аналитическом блоке монографии видится рамочно-контекстуальная, предполагающая выстраивание механизмов соотношения поэзии Б. Б. Рыжего с практиками предшественников и современников. Самые точные, хотя абсолютно не новые и не исчерпывающие, формулировки здесь принадлежат О. В. Зырянову, утверждающему, что «есенинское начало дополняется у Рыжего влиянием балладно-песенной традиции советской эпохи и в некоторых случаях, как уже отмечалось, восприятием творческой манеры С. Гандлевского» [Борис Рыжий: исследования и материалы 2022: 55], и затем упоминающего про М. Ю. Лермонтова и Г. В. Иванова (стоит заметить, что все больше отходит на второй план еще столь значимый в 2000-е гг. разговор о советских реалиях и контекстах у поэта²). В параграфе авторства Е. В. Иваниловой встречаем нетривиальное и по-своему содержательное сравнение Б. Б. Рыжего и Д. А. Пригова: «В процитированном выше стихотворении Рыжего именно *милицианеры* распознают в лирическом герое поэта. Они устаивают “пьяного Рыжего Борьку” звания первого в городе поэта» [Борис Рыжий: исследования и материалы 2022: 86]. Однако в целом имена современников, затрагиваемых в аналитическом блоке монографии, вызывают вопросы и недоумение, поскольку среди них нет Д. Г. Новикова, О. В. Дозморова, В. В. Пуханова, Д. Л. Быкова, Е. Н. Фанайловой и др. авторов, с которыми в случае Б. Б. Рыжего сложно не увидеть поколенческие, контекстуальные и подчас эстетические переклички.

Некоторое игнорирование поэтических связей и параллелей отчасти объясняется содержанием предыдущего труда составителей монографии, а именно сборника (фактически монографии) «Борис Рыжий: поэтика и художественный мир» (2015), который открывался разделом, посвященным интертекстуальности поэзии уральского автора и включенности ее в различные контексты. И все же имена целого ряда современников Б. Б. Рыжего и здесь остались за кадром, как в некотором

роде была проигнорирована в обоих компендиумах (да и не только в них, стоит сетовать на рыжеведение в целом) довольно обширная литературно-критическая рефлексия последних 20 лет, детально описывающая пространство современной поэзии.

Вторая часть монографии, получившая название «Материалы», в обозначенных контурах поиска неочевидного представляется наиболее интересной и продуктивной. Здесь размещен и откомментирован Т. А. Арсеновой целый ряд стихотворений Б. Б. Рыжего, сохранившихся в архивах А. В. Кузина. Некоторые из них публиковались лишь единожды в екатеринбургской прессе, еще при жизни автора, другие увидели свет на страницах посмертных сборников, а несколько текстов и вовсе приводятся в книге впервые. Особую текстологическую и, возможно, феноменологическую ценность публикации придает тот факт, что тексты помещены в монографию в виде рукописных и машинописных страниц. Мы видим почерк поэта, то, как он работал над текстами и в каком-то смысле – как мыслил внутри текста.

В этой же части проведено ювелирное исследование литературного дебюта поэта и опровергнуто повсеместно тиражирующееся утверждение (Ю. В. Казарин, И. З. Фаликов и др.), что первая поэтическая публикация Б. Б. Рыжего состоялась на страницах «Российской газеты». Т. А. Арсенова нашла ее в екатеринбургской газете «Доверие» (1992), имеющей подзаголовок «российская газета».

Наконец, в этой части собраны и откомментированы интервью поэта, «десять выступлений в прессе» с 1994 по 2000 гг., в целом дающих представление о том, как формировался автобиографический миф, столь значимый для Б. Б. Рыжего. Как утверждает Т. А. Арсенова, первое интервью поэта (которое, кстати, не переиздавалось) становится «ключом» «к тем позднейшим выступлениям Рыжего в местной и столичной печати, которые целиком выдержаны в ракурсе авторского мифа, уже тогда с восторгом воспринятого читательской аудиторией» [Борис Рыжий: исследования и материалы 2022: 292].

² См., например: [Машевский 2001; Тагильцев 2005].

Кропотливая работа по сборке екатеринбургских контекстов, несомненно, работает на географическую локализацию Б. Б. Рыжего, во многих аспектах игнорировавшуюся в прежние годы или сводившуюся лишь к рассмотрению мифа о «лихом» Вторчермете в поэзии уральского автора. Тем не менее именно сейчас можно говорить о том, что новые рецепции Б. Б. Рыжего, как правило, редуцируют петербургскую составляющую автобиографического мифа (в монографии она сведена к минимуму) и в некотором роде вымывают географизм из московской составляющей, имея в виду под Москвой только условный центр, принявший поэта, публиковавший его тексты и давший ему премию. Б. Б. Рыжий конца 2010-х – начала 2020-х гг. – все больше поэт, кровно связанный с Екатеринбургом, активно присваивающим его через мемориальные мероприятия, академические инициативы и паутину контекстов.

Думается, оправданно беспокойство Е. В. Ивановой, заметившей, что на фестивале «Остров 90-х», который в 2016 г. проводил ориентированный на столичную повестку «Ельцин Центр», в зале, названном в честь поэта, «говорили о прозе,

изменениях в языке и первых негосударственных литературных премиях – о многих значимых явлениях литературного процесса, но не о поэзии. Дискуссия о стихах 1990-х, о пересмотре роли поэта и поэзии в эти годы велась двумя этажами ниже, и имя Бориса Рыжего там не прозвучало ни разу» [Борис Рыжий: исследования и материалы 2022: 66]. Читающей публикой 2020-х гг. Б. Б. Рыжий все меньше воспринимается как современник – чем дальше, тем больше он отодвигается от современности с ее вызовами, становится частью истории литературы, поэтическим феноменом рубежа веков, локализованным в Екатеринбурге, хотя, как мы заявляли в преамбуле, Екатеринбург не ограничивающимся. И тем не менее перепрочтение екатеринбургской биографии поэта, принятое Т. А. Арсеновой, в общих рецептивных и мемориальных процессах, идущих вокруг его фигуры, более чем показательно. Поскольку наметившаяся екатеринбургская локализация в рефлексиях о поэте не означает потерю им некоторого прежнего символического статуса, скорее, его перекодировку и более эмпирическое прочтение автобиографического мифа, с чем коллективная монография блестяще справилась.

ЛИТЕРАТУРА

Арсенова, Т. А. 20 лет после Бориса Рыжего / Т. А. Арсенова, Н. Л. Быстров // Русская словесность. – 2021. – № 3. – С. 42–46.

Борис Рыжий: исследования и материалы : коллективная монография / под ред. Н. Л. Быстрова и Т. А. Арсеновой. – М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2022. – 448 с.

Борис Рыжий: поэтика и художественный мир / под ред. Н. Л. Быстрова и Т. А. Арсеновой. – М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2015. – 228 с.

Изварина, Е. «Он стал легендой...» / Е. Изварина // Наука Урала. – 2008. – № 1–2 (963).

Казарин, Ю. В. Внутренний мир и миры Бориса Рыжего / Ю. В. Казарин. – М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2018. – 234 с.

Машевский, А. Последний советский поэт. О стихах Бориса Рыжего / А. Машевский. – Текст : электронный // Новый мир. – 2001. – № 12. – URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2001_12/Content/Publication6_3937/Default.aspx (дата обращения: 25.02.2023).

Тагильцев, А. В. «Советский мир» и два «пионерских» стихотворения Бориса Рыжего / А. В. Тагильцев // Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. Вып. 8. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2005. – С. 199–205.

REFERENCES

Arsenova, T. A., Bystrov, N. L. (2021). 20 let posle Borisa Ryzhego [20 Years after Boris Ryzhy]. In *Russkaya slovesnost'*. No. 3, pp. 42–46.

Bystrov, N. L., Arsenova, T. A. (Eds.). (2015). *Boris Ryzhii: poetika i khudozhestvennyi mir* [Boris Ryzhy: Poetics and Art World]. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi. 228 p.

Bystrov, N. L., Arsenova, T. A. (Eds.). (2022). *Boris Ryzhii: issledovaniya i materialy* [Boris Ryzhy: Research and Materials]. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi. 448 p.

Izvarina, E. (2008). «On stal legendoj...» [“He Became a Legend...”]. In *Nauka Urala*. No. 1–2 (963).

Kazarin, Yu. V. (2018). *Vnutrennii mir i miry Borisa Ryzhego* [Inner World and the Worlds of Boris Ryzhy]. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi. 234 p.

Mashevsky, A. (2001). *Poslednii sovetskii poet. O stikhakh Borisa Ryzhego* [The Last Soviet Poet. About the Poems of Boris Ryzhy]. In *Novyi mir*. No. 12. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2001_12/Content/Publication6_3937/Default.aspx (mode of access: 25.02.2023).

Tagiltsev, A. V. (2005). «Sovetskii mir» i dva «pionerskikh» stikhotvoreniya Borisa Ryzhego [“Soviet World” and Two “Pioneer” Poems by Boris Ryzhy]. In *Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya*. Issue 8. Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, pp. 199–205.

Данные об авторе

Подлубнова Юлия Сергеевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620108, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

E-mail: tristia@yandex.ru.

Author's information

Podlubnova Yulia Sergeevna – Candidate of Philology, Research Fellow, Institute for History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 26.02.2023; дата публикации: 30.06.2023

Date of receipt: 26.02.2023; date of publication: 30.06.2023

**СЕМИОТИКА ЗРИМОГО: РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Г. П. КОЗУБОВСКОЙ
«РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПОЭТИКА ЗРИМОГО» (БАРНАУЛ: АЛТГПУ, 2021)**

Сунцова Е. А.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2505-2053>

Аннотация. В рецензии на монографию характеризуется предмет исследования: поэтика зримого, структура и логика монографии. «Поэтика зримого», в отличие от «живописи словом», «изобразительности», предполагает точку зрения «смотрящего» (героя, автора, читателя). В монографии на материале произведений XIX в. рассмотрены такие компоненты вещного мира произведения, как экфрасис, портрет, костюм, еда/натюрморт. Достоинством монографии является обнаружение связи между «поэтикой зримого» и нарратологией. Рецензент делает вывод о продуктивности культурно-семиотического подхода к деталям внешнего облика и предметного мира героев.

Ключевые слова: изобразительность в литературе; экфрасис; художественная деталь; портрет; архетип; культурная семиотика

Для цитирования: Сунцова, Е. А. Семиотика зримого: рецензия на книгу Г. П. Козубовской «Русская литература и поэтика зримого» (Барнаул: АлтГПУ, 2021) / Е. А. Сунцова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 240–245.

“SEMiotics OF THE VISUAL”:

REVIEW OF THE BOOK “RUSSIAN LITERATURE AND THE POETICS OF THE VISUAL”

BY G. P. KOZUBOVSKAYA

(BARNAUL: ALTSPU, 2021)

Elena A. Suntsova

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2505-2053>

Abstract. The monograph review describes the object of the study: the poetics of the visual and the structure and the logic of the monograph. The “poetics of the visual”, in contrast to the “painting through words”, or “pictoriality”, entails the viewpoint of the “beholder” (the character, author, or reader). The monograph, based on the material of the 19th century works of fiction, analyzes such components of the material world of the work as ekphrasis, portrait, costume, and food/still life. The advantage of the monograph consists in the discovery of connection between the “poetics of the visual” and the narratology. The reviewer makes a conclusion about the productivity of the cultural-semiotic approach to the portrayal of the details of the appearance and the object world of the characters.

Keywords: pictoriality in literature; ekphrasis; artistic detail; portrait; archetype; cultural semiotics

For citation: Suntsova, E. A. (2023). "Semiotics of the Visual": Review of the Book "Russian Literature and the Poetics of the Visual" by G. P. Kozubovskaya (Barnaul: AltSPU, 2021). In *Philological Class*. Vol. 28. No. 2, pp. 240–245.

Специфика изобразительности в литературе («живопись словом») давно привлекала внимание исследователей. Традиционно исследователи указывают в качестве основных функций изобразительных компонентов (портрет, пейзаж, интерьер, предметная деталь) описательную и нарративную функции. Например, Л. Геллер включает в экфрасис не только словесное описание существующих произведений искусства, но и с отсутствующим реально объектом, где описание вымышленных картин «подчиняется либо нарративной, либо топической, но не живописной логике» [Геллер 2002: 9]. Нередко в центре внимания исследователей оказывается сходство между изобразительным и словесным искусством. Так, Б. Галанов подчеркивал, что «портрет в живописи и в литературном произведении не может быть лишь изображением внешности персонажа. Это, несомненно, гораздо больше, чем просто жест, лицо, фигура – за внешним обликом сквозит суть характера портретируемого и отношение к нему художника» [Галанов 2002: 70].

Исследование В. И. Божовича показало, насколько схожими были процессы обновления поэтики «зримого и незримого» в литературе, живописи и киноискусстве Франции в конце XIX – начале XX века [Божович 1987]. О творческих связях и перекличках поэтов и художников писал В. Альфонсов, находя созвучия творений Блока и Врубеля, Маяковского и Пикассо, Заболоцкого и Шагала [Альфонсов 1966]. Эту линию продолжают и современные исследователи. Так, например, импрессионизм в русской прозе Серебряного века (творчество Бунина, Шмелева, Зайцева, Горького, Сергеева-Ценского, Розанова) исследует В. Т. Захарова [Захарова 2012]. О дружбе Бунина с художниками, особом даре изобразительности писателя пишет Т. М. Бонами в книге «И. А. Бунин и изобразительное искусство» [Бонами 2014]. Сопоставляет творчество Чехова и Левитана, Чехова и Коровина В. Силантьева в книге «Литература

и живопись в контексте компаративистики: Писатели и художники периодов эстетической переориентации» [Силантьева 2015].

Вместе с тем многие современные теории исходят из специфики, принципиальной непохожести образов пластических искусств и словесных визуальных образов. У истоков этой линии стоял немецкий философ Лессинг [Лессинг 2022]. Н. Д. Тмарченко, продолжая идеи М. М. Бахтина, подчеркивает, что непосредственно в литературе изображается речь, слово, речевая деятельность людей. Читая, мы видим текст, а все остальное только воображаем. Следовательно, в словесном искусстве нет конкретно-чувственной наглядности образов. Однако словесный образ, не будучи наглядным, является тем не менее конкретным, и эта конкретизация воображаемого изображения достигается с помощью сравнений, метафор, метонимий, то есть с помощью собственно словесных приемов выразительности.

Художественный мир, формирующийся в сознании читателя на основе словесного текста, является вторичной знаковой системой. В отечественном литературоведении данный аспект разработан учеными московско-тартуской семиотической школы (Ю. М. Лотман, Б. М. Гаспаров, В. А. Успенский, А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов и другие).

Семиотический подход к исследованию различных видов литературных описаний (пейзаж, портрет, интерьер) отчетливо продемонстрирован в работах польского исследователя Ежи Фарыно и подытожен в его «Введении в литературоведение». Солидаризируясь с идеей И. Р. Деринг-Смирновой, И. П. Смирнова [Деринг-Смирнова 1982], Фарыно доказывает тезис о том, что «первичные» художественные системы воспринимают язык как мир, как адекватную картину мира, «сливают воедино изображение с изображаемым». Например, читая повесть или роман писателя-реалиста, читатель «не видит» линг-

вистический уровень текста, а видит людей, картины природы, события. В противоположность этому «вторичные» художественные системы приписывают реальности черты текста, т. е. мир воспринимается как язык [Фарыно 2004: 83, 86]. Таковы, например, мотивы звезды, рассвета, тумана, лилии, змеи, метели в творчестве русских символистов.

Монография Г. П. Козубовской «Русская литература и поэтика зримого», написанная с позиций культурной семиотики, примиряет, как кажется, оба подхода: с одной стороны, признается способность словесного искусства дать убедительно-зримый облик предметов и явлений, с другой стороны, предметно-изобразительные детали рассматриваются как знаки определенной культуры, раскрытой и в ее идейно-интеллектуальных исканиях, и в ее бытовой повседневности. Художественные образы рассмотрены в пространстве коммуникации, где роль знака является доминирующей. Автор понимает образы как знаки-изображения и относит их к миру «изобразительных семиотик». Материалом для анализа послужила классическая проза и поэзия XIX века. Обосновывая свой подход, Г. П. Козубовская исходит из того, что понятия «зримое», «изобразительное», «живописное», «визуальное» не синонимичны [Козубовская 2015]. В монографии используется понятие «зримое», неизбежно включающее в себя и точку зрения, оптику «видящего». В центре внимания – словесная живопись, принципы которой нашли отражение, с одной стороны, в авторской поэтике, включающей субъективность как специфическое видение, с другой – в мифопоэтике, в обращении к архетипам. «Зримое» раскрывается в мотивах (пейзаж, одежда/костюм, еда/пища), сопряжение которых создает многомерное целое.

Структура книги представлена в виде четырех глав. В первой главе рассмотрены теоретико-методологические вопросы на материале лирики XIX века. В главе внимание уделяется экфрасису – одному из важнейших литературных проявлений зримого, где «изображение и слово предстают в непрекращающемся диалоге и перетекании смыслов». Первая глава включает разделы: «Поэзия Я. Полонского: сон как театр», «А. Майков: игра со зрителем как принцип поэтики», «Экфрасисы А. Фета».

В разделе, посвященном творчеству Я. Полонского, экфрасис рассмотрен в тесной взаимосвязи с пейзажной лирикой поэта, здесь акцент сделан на способности литературного образа использовать приемы живописи. Читателю эта глава даст представление о том, как экфрасис встраивается в антологическую поэзию и пейзажную лирику поэта. Поэзия Я. Полонского претерпевает метаморфозы, связанные с законами живописи, его мир трансформируется и приобретает новые черты. В ранней поэзии экфрасис Полонского опирается на картины известных художников. Например, стихотворение «Жнецы» (1841) является экфрасисом, отсылающим читателя к картине Венецианова «Жница». Эти произведения объединяет общая деталь – серп. Г. П. Козубовская отмечает: «Женский образ включен в идиллический контекст, на что указывают вещная символика (венки, серп, корзина) и колорит (золотой цвет плодов). Общее, что сближает картину и поэтический текст, – праздничность, солнечность. Освещение женской фигуры – венециановский прием» поскольку «в его понимании высветлить какую-то часть картины, “пронизать солнцем”, значило “оживотворить”» [Козубовская 2021: 40]. Таким образом, приемы изобразительности, характерные для живописи, дополняют стихотворение, расширяют границы мира литературного и живописного произведения.

Вместе с тем, рассматривая экфрасисы Фета, Г. П. Козубовская показывает отличия словесной изобразительности от живописной. Материалом для анализа послужили поэтические иллюстрации А. Фета к картинам К. Брюллова и П. Ставассера. Один из первых экфрасисов А. А. Фета – стихотворение «Диана, Эндимион и Сатир» (1847) (подзаголовок – «картина К. Брюллова»). Г. П. Козубовская рассматривает механизм перевода живописного произведения на язык литературы. Сюжетообразующим началом в стихотворении служит скользящий взгляд автора. «У Фета, с одной стороны, визуализация персонажей, с другой – преодоление статусности, заданной живописью. В картине Брюллова пространство однородно, у Фета иерархично: в его антологии появляется двуплановость, или структурная бинарность. Переключая внимание зрителя/читателя на Эрота,

автор снимает катастрофичность ситуации ее обращением в шутку играющего мальчика: «А баловень Эрот, доволен шуткой новой, / Готов на кулаке прохлопнуть лист кленовый» (т. 1, 2002, с. 271). Трагичность и комичность оказываются понятиями разных уровней, хотя и обнаруживают свое оборотничество, диффузность, переходя одно в другое. Мир един, добро и зло в нем неразрывны, силы разрушения оказываются силами созидания. Фет сосредоточен на выяснении через «мифологические» сюжеты законов, управляющих миром, и для него это подтверждение тезиса о принципиальной невозможности счастья в мире» [Козубовская 2021: 105].

Глава вторая посвящена «костюмной поэтике» И. С. Тургенева и позволяет взглянуть на хорошо известные произведения («Рудин», «Дворянское гнездо», «Дым») в новом ракурсе. Особое внимание уделено «фоновым» персонажам, выявлены сюжетные функции деталей одежды, например исследован костюм как «минус-прием» в сюжете испытания любовью, не менее увлекательно прослежена амбивалентность черного и белого в романе «Дворянское гнездо». В особый раздел выделен мотив обуви: показано, какую роль играют в романах Тургенева сапоги и башмаки как часть костюма героя. Подчеркнута характерологическая функция деталей одежды: даже едва заметные, на первый взгляд читателя, детали костюма, такие как шляпа, платок, белый воротничок, поношенный и не подходящий по размеру сюртук, помогают читателю увидеть скрытые грани характера героя, глубже понять его место в структуре художественного произведения. Например, «Белый воротничок» контрастен нравственной «нечистоте» и становится знаком Пандалевского, выслуживающегося перед хозяйкой. Подчеркивание воротничка в описаниях Пандалевского – авторский намек на его роль в доме Ласунской – приживальщик, прилипала, доносчик» [Козубовская 2021: 126].

В третьей главе представлен такой весьма важный для русской литературы компонент «зримого», как еда и пища: «натюрморты и трапеза». В разделах этой главы – с той же тонкостью и глубиной – речь идет о том, как еда может выполнять характерологическую функцию, содержать в себе свернутый сюжет

и тем самым способствовать выявлению авторской позиции. Более того, указывается, что названия блюд и продукты, сохраняя свою «вещность», приобретают семиотическое значение, порождая историко-культурные ассоциации. Процесс принятия пищи, восходя к архетипу пиров, по-разному разворачивается в усадебном и городском локусах. Автор анализирует этот прием на материале романов Тургенева, Гончарова и рассказов Чехова. При этом упоминание или изображение кушанья сопрягается, как правило, и с запахами, и с вкусом, а как раз эти качества в живописи могут передаваться только косвенно, через ассоциации, вызванные видом натюрморта. Приведем пример из монографии: «В эпизоде соблазнения Обломовым Пшеницыной присутствует еще не приготовленное пирожное. “Пирожное” содержит пересекающиеся полярные смыслы: это символ “сладкой женщины” (“лакомого кусочка”) и “лошадиного хомута”, предвещающего супружество (“...сказала она, не удивляясь, не смущаясь, не робея, а стоя прямо и неподвижно, как лошадь, на которую надевают хомут. Он слегка поцеловал ее в шею” (с. 390). “Пирожное” вновь отсылает к Обломовке, о которой хорошо помнит Захар: “У нас в Обломовке этак каждый праздник готовили... Бывало пять пирожных подадут, а соусов что, так и не пересчитаешь! И целый день господа-то кушают, и на другой день. А мы дней пять доедаем остатки. Только доели, смотришь, гости приехали – опять пошло, а здесь раз в год!”» [Козубовская 2021: 203].

Рассмотрен «гастрономический мотив» в романах Тургенева, характеризующий «сладость и горечь бытия». Романная трилогия Гончарова исследована сквозь призму «возможных» пушкинских сюжетов. В рассказах Чехова семантика еды увязывается с законами текстопорождения. Например, в рассказе «Учитель словесности», как отмечает исследовательница, «нет развернутого описания застолий: как правило, есть лишь намек на трапезу – номинативно обозначенный общий план – или мозаичное упоминание некоторых продуктов с укрупнением детали, связанной с особым эстетическим заданием. Новелла “Учитель словесности” соприкасается с жанром идиллии, что во многом связано с нарративом, организованным точкой зрения

центрального персонажа – Никитина: во время жениховства жизнь в его представлении – это загородные романтические прогулки, сад, ферма; после женитьбы – счастливая Аркадия. Неосознанная в начале новеллы самим Никитиным полнота бытия задана автором в сопряжении “акустического”, “одорического”, “тактильного”: “Был седьмой час вечера – время, когда белая акация и сирень пахнут так сильно, что, кажется, воздух и сами деревья стыннут от своего запаха. В городском саду уже играла музыка... Выехали за город и побежали рысью по большой дороге. Здесь уже не пахло акацией и сиренью, не слышно было музыки, но зато пахло полем, зеленели молодые рожь и пшеница, пищали суслики, каркали грачи. Куда ни взглянешь, везде зелено, только кое-где чернеют бахчи да далеко влево на кладбище белеет полоса отцветающих яблонь” (1977, т. VIII, с. 311). В запахах, сопровождающих Никитина, – отражение его души, созвучной весенней природе» [Козубовская 2012: 230].

В четвертой главе, названной «Поэтика зримого и нарратология», Г. П. Козубовская исследует нарратив и «зримое» в их взаимосвязи: принципы трансформации сюжетных схем, обыгрывание архетипических мотивов, композиционные принципы организации целого, пародийный слой. Показано логичное «перетекание смыслов» из живописи в поэзию. Наиболее подробно об особенностях использования архетипов Г. П. Козубовская пишет в параграфе 4.2.1 «Аура волшебства и принцип зеркальности», посвященном повести О. М. Сомова «Русалка». Сюжет этой фантастической повести в целом опирается на архетипы. Наиболее яркие из них – архетипы охоты и похищения. Но архетипы подвергаются трансформации, например «мифологический архетип похищения здесь обыгран и перевернут. Похищение в самом начале было предсказано матерью, испугавшейся любви Горпинки к лягу-искусителю, но сам искуситель непричастен к факту физического исчезновения» [Козубовская 2021: 251]. Исследова-

тель отмечает, что архетип охоты в этой повести О. М. Сомова словно перевернут: охотник сам становится жертвой.

Пародийность в сюжетной организации проявляется в том числе в эффекте обманутого ожидания читателя: вместо трагического финала в повести Тургенева «Андрей Колосов» все заканчивается заурядно, обыденно. Автор обращает внимание на то, что Тургенев использует архетип, смысл которого утрачен. Именно это становится предварением печального финала: «брачная символика чаепитий в повести утрачена; единственный раз Варя, разливающая чай, угощая Колосова, испытывает счастье: “Варя сидела молча, разливая чай, изредка поглядывала на него и с робкой, стыдливой услужливостью подавала ему то чашку, то сливки, то сахарницу”» [Козубовская 2021: 264]. Исследовательница отмечает особенности использования сюжетных схем и пародийности, позволяющих создать более объемное и многослойное произведение.

Несомненным достоинством монографии Г. П. Козубовской, на наш взгляд, является тесная связь теоретических положений с конкретным анализом литературных произведений. Важен историко-литературный подход, осуществленный в монографии: в аспекте исторической поэтики показано изменение приемов и функций «зримого» в литературе XIX века, по сравнению с литературой века XVIII. Неожиданные исследовательские ходы делают чтение монографии увлекательным, а богатый аналитический материал позволяет использовать эту книгу для подготовки к урокам литературы в профильных филологических классах и для подготовки учащихся к олимпиадам по литературе. Книга будет полезна не только студентам и аспирантам филологических факультетов, специализирующихся на русской литературе. Учитель-практик найдет для себя образцы глубокого анализа литературного произведения, включающие анализ художественной детали, костюма, архетипов, сюжетных схем, основательно подкрепленный теоретическим материалом.

ЛИТЕРАТУРА

- Альфонсов, В. Н. Слова и краски / В. Н. Альфонсов. – М. : Советский писатель, 1966. – 244 с.
- Божович, В. И. Традиции и взаимодействие искусств: Франция: конец XIX – начало XX века / В. И. Божович. – М. : Наука, 1987. – 320 с.
- Бонами, Т. М. И. А. Бунин и изобразительное искусство / Т. М. Бонами. – Москва : Русский импульс, 2014. – 96 с.
- Галанов, Б. Е. Живопись словом: Человек, пейзаж, вещь / Б. Е. Галанов. – М. : Сов. писатель, 1974. – 184 с.
- Геллер, Л. М. Воскрешение понятия, или слово об экфрасисе / Л. М. Геллер // Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума. – М., 2020. – С. 5–22.
- Деринг-Смирнова, И. Р. Очерки по исторической типологии русской культуры / И. Р. Деринг-Смирнова, И. П. Смирнов. – Salzburg, 1982.
- Захарова, В. Т. Импрессионизм в русской прозе Серебряного века : монография / В. Т. Захарова. – Новгород : НГПУ, 2012. – 272 с.
- Козубовская, Г. П. Русская литература и поэтика зримого : монография / Г. П. Козубовская. – Барнаул : АлтГПУ, 2021. – 448 с.
- Лессинг, Г. Э. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии / Г. Э. Лессинг ; переводчик Е. Н. Эдельсон. – Москва : Издательство «Юрайт», 2022. – 148 с.
- Силантьева, В. И. Литература и живопись в контексте компаративистики: писатели и художники периодов эстетической переориентации : монография / В. И. Силантьева. – Одесса : Астропринт, 2015. – 336 с.
- Теория литературы : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021700 – Филология : в 2 т. Т. 1. Теория художественного дискурса; Теоретическая поэтика / Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман ; под ред. Н. Д. Тамарченко. – Москва : Academia, 2004. – 510 с.
- Фарыно, Е. Введение в литературоведение : учеб. пособие для студентов вузов / Е. Фарыно ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004 (ООО Береста). – 639 с.

REFERENCES

- Alfonsov, V. N. (1966). *Slova i kraski* [Words and Colors]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 244 p.
- Bonami, T. M. (2014). *I. A. Bunin i izobrazitel'noe iskusstvo* [Bunin and Fine Art]. Moscow, Russkii impul's. 96 p.
- Bozhovich, V. I. (1987). *Traditsii i vzaimodeistvie iskusstv: Frantsiya: konets XIX – nachalo XX veka* [Traditions and Interaction of Arts: France: Late 19th – Early 20th Century]. Moscow, Nauka. 320 p.
- Dering-Smirnova, I. R., Smirnov, I. P. (1982). *Ocherki po istoricheskoi tipologii russkoi kul'tury* [Essays on the Historical Typology of Russian Culture]. Salzburg.
- Faryno, E. (2004). *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to Literary Studies]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena. 639 p.
- Galanov, B. E. (1974). *Zhivopis' slovom: Chelovek, peizazh, veshch'* [Painting in a Word: A Person, a Landscape, a Thing]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 184 p.
- Geller, L. M. (2020). *Voskreshenie ponyatiya, ili slovo ob ekfrasisе* [Resurrection of the Concept, or the Word about Ecphrasis]. In *Ekfrasis v russkoi literature: trudy Lozannskogo simpoziuma*. Moscow, pp. 5–22.
- Kozubovskaya, G. P. (2021). *Russkaya literatura i poetika zrimogo* [Russian Literature and Poetics of the Visible]. Barnaul, AltGPU. 448 p.
- Lessing, G. E. (2022). *Laokoon, ili o granitsakh zhivopisi i poezii* [Laocoon, or on the Boundaries of Painting and Poetry]. Moscow, Izdatel'stvo «Yurait». 148 p.
- Silantyeva, V. I. (2015). *Literatura i zhivopis' v kontekste komparativistiki: pisateli i khudozhniki periodov esteticheskoi pereorientatsii* [Literature and Painting in the Context of Comparative Studies: Writers and Artists of Periods of Aesthetic Reorientation]. Odessa, Astroprint. 336 p.
- Tamarchenko, N. D., Tyupa, V. I., Broitman, S. N. (2004). *Teoriya literatury: v 2 t.* [Theory of Literature, in 2 vols.]. Vol. 1. *Teoriya khudozhestvennogo diskursa; Teoreticheskaya poetika*. Moscow, Academia. 510 p.
- Zaharova, V. T. (2012). *Impressionizm v russkoi proze Serebryanogo veka* [Impressionism in Russian Prose of the Silver Age]. Nizhny Novgorod, NGPU. 272 p.

Данные об авторе

Сунцова Елена Анатольевна – аспирант кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: SuntsovaEA@ya.ru.

Author's information

Suntsova Elena Anatolyevna – Postgraduate Student of Department of Literature and Methods of Its Teaching, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 22.01.2023; дата публикации: 30.06.2023

Date of receipt: 22.01.2023; date of publication: 30.06.2023

Научный журнал
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС
Том 28. 2023. № 2

Цена свободная

16+

Редактор *О. А. Адясова*
Верстка *А. А. Долгов*

Дата подписания в печать 26.05.2023. Дата выхода в свет 30.06.2023. Формат 70×100/16. Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе. Гарнитура Alegreya. Усл. печ. л. 13,4. Уч.-изд. л. 29. Тираж 500 экз. Заказ 5431

Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе Уральского государственного педагогического университета. 620091, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26